

ЖУРНАЛ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

СИБИРЬ

№ 353/1 1 • 2014

Литературно-художественный и культурно-просветительский
журнал писателей Восточной Сибири
Учредитель — Иркутское региональное отделение
Общероссийской общественной организации
«Союз писателей России»

Журнал выходит при финансовой помощи
Министерства культуры и архивов Иркутской области
и Администрации города Иркутска
Основан в 1930 году. Выходит 6 раз в год

Содержание

Проза

- Александр Никифоров. Осень Никодима. *Повесть* 3
Камиль Зиганшин. Свора. *Рассказы* 52
Нина Воронина. Тётя Валя и дядя Осик. *Рассказ* 86
Владимир Карнаухов. Сто седьмой сонет Шекспира. *Рассказ* 103
Галина Ахметгалеева. Десять рублей. *Миниатюры* 129

Поэзия

- Любовь Сухаревская. Живите все, пока живу. Когда умру, живите тоже... 45
Игорь Тюленев. Гремит уральская броня 81
Надежда Кудашкина. Когда б цветы умели говорить 96
Юлия Ольховская. Между Богом и злом 124
Марина Шамсутдинова. Мне луна ярче солнца светила... 133

2014. Год Михаила Юрьевича Лермонтова

- «Он не творил — он с Богом говорил». Евгений Баратынский, Николай Огарёв, Степан Шевырёв,
Аполлон Майков, Валерий Брюсов, Павел Антокольский, Ярослав Смеляков, Геннадий Алексеев,
Александр Городницкий, Дмитрий Голубков, Александр Юдахин, Лариса Невельская,
Николай Зиновьев, Андрей Ребров, Николай Рачков, Владимир Скиф, Игорь Тюленев 138
Владимир Скиф. В гостях у Лермонтова 147

К 95-летию Михаила Алексева

- Эдуард Анашкин. Народный писатель России 150

Забывшие имена

- Иван Харабаров. Я рождён в деревянном задумчивом доме... 161

К 100-летию Леонида Огневского

- Александр Донских. «Здравствуй, новый день жизни!» 165
«Пять жизней в одной» 166

К 90-летию переезда Александра Балина в Иркутск

- Адриан Топоров. «Дон Кихот Барнаульский» 168

К 80-летию Иркутского авиазавода

- Иван Козлов. «Всё выше, и выше, и выше...» 172

Жизнь литературы и жизнь в литературе

- Владимир Скиф. Байкальское Переделкино. *Главы из книги* 179

Мастерская художественного очерка «Судьбы российские»

Ольга Калайнова. «Я помню вальса звук прелестный...» 196

Валмиловский фестиваль

Валентина Семёнова. Театр: миссия — это судьба (О IX Международном театральном фестивале современной драматургии им. Александра Вампилова в Иркутске) 202

Театральная история Сибири

Виталий Сидорченко. О «Сибкорше», ТРАМе и Краснозаводском театре 214

Литературная учёба

Владимир Скиф. «Пойду я,напевая песни дней...» 232

Литературный дебют

Михаил Зарубин. Когда луна бросает свет на город... 236

В дороге

Виктор Воронов. По дорогам и весям Белоруссии 238

Прочтение

Александр Донских. «Пусть другие войдут в наш запущенный сад...» 244

Андрей Мирошников. Параллельные миры творчества 249

Имена России

Станислав Вторушин. В его стихах звучала музыка 251

Николай Рубцов. Старая дорога 257

Литературная хроника

«Жюль Верн. 2000 лье до Иркутска» 260

Игорь Топоров. «Мозаика» Адриана Топорова 262

Адриан Топоров. Драгоценный подарок 263

Президент В.В. Путин поручил создать Фонд поддержки литературы 264

Геннадий Гапоненко. Надсада души 265

«Чудо-женщина в доме тепло сберегла...» 268

Храмы дореволюционного Иркутска 270

«Отказываясь от творчества, можно лишиться себя продвижения» 272

Главный редактор **АЛЕКСАНДР ЛАПТЕВ**

Заведующий отделом поэзии **ВЛАДИМИР СКИФ**

Заведующий отделом прозы **АЛЬБЕРТ ГУРУЛЁВ**

Заведующий отделом критики и публицистики **АЛЕКСАНДР ДОНСКИХ**

Ответственный секретарь редакции **СВЕТЛАНА ЗУБАКОВА**

СОВЕТ ЖУРНАЛА

А.Г. Байбородин, Ю.И. Баранов, В.В. Барышников, В.К. Забелло, В.П. Комлев, И.И. Козлов,
Р.Г. Михеева, Н.А. Озерникова, В.Г. Распутин, Т.Н. Суровцева, В.Н. Хайрюзов, М.И. Яковенко

Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются, кроме особо оговоренных случаев. Произведения более пяти авторских листов к рассмотрению не принимаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.

Оформление обложки С. Бурчевская. Комп. верстка А. Гордиевских. Корректор Л. Заступова

**Журнал зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций по Иркутской области.**

Свидетельство о регистрации СМИ от 13.12.2012 г. ПИ № ТУ38-00600.

Адрес редакции: 664025. г. Иркутск, ул. Степана Разина, 40. Тел.: 20-37-86, 34-20-77.

E-mail: sve-t-lana@mail.ru (ответ. секретарь), laptev99@mail.ru (главный редактор).

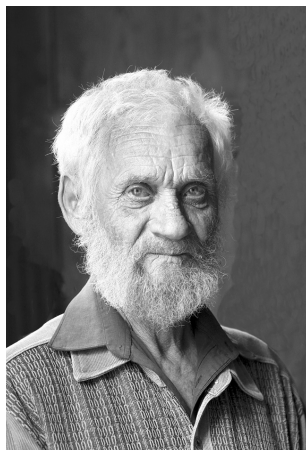
(Рукописи по e-mail не принимаются, за исключением особо оговоренных случаев). Подписано в печать 28.03.2014.

Формат 70х108/16. Усл.-печ. л. 22. Тираж 1500. Цена свободная.

Изготовлено в ООО «Репроцентр А1». 664047, г. Иркутск, ул. А. Невского, 99/2, тел. 540-940.

АЛЕКСАНДР НИКИФОРОВ

Осень Никодима

ПОВЕСТЬ

Разведённый техник-механик Никодим Белов и мать-одиночка продавщица Маша Иванова долго присматривались друг к другу, но сошлись быстро. Единственным свидетелем при регистрации их бракосочетания была дочка Маши Катя. Первая жена Никодима, неожиданно появившаяся на их свадьбе, произнесла тост за здоровье молодых, добавила:

— Будет лучше и вам и мне, если вы как можно скорее уедете отсюда. — Затем медленно выпила шампанское и со всего маху вдребезги разбила хрустальный фужер об пол.

Вскоре молодые супруги с новорождённым сыном Иваном бежали из северного промышленного города, бросив работу и Машину благоустроенную квартиру, где пролетел их первый медовый год. После многолетних скитаний по стране в застойные восьмидесятые прошлого века, выдав Катю замуж, они поселились в мёртвой деревушке некогда острожной Сибири.

Обосновались в старинной избе из кондовых лиственниц с выжженной на фронтоне датой «1889 г.», на самом берегу большой реки. До живой воды — рукой подать. Десятилетиями выстроенный крестьянский двор был окружён прочным забором из карбасных* плах. Три больших окна с восточной стороны избы круглый год встречали рассветы над рекой. Три, с южной стороны, в погожие дни радовали солнышком.

*Карбас — речная плоскодонная лодка большой грузоподъёмности.

Во дворе росли невысокий кудрявый кедр и молодая лиственница. В палисаднике под окнами густели кусты красной смородины попережку с дикой малиной. Двухуровневая поветь для скота и зимнего хранения сена загораживала двор от низовых северных ветров.

На новом месте, в заботах, весна и лето у Беловых пролетели как один миг. Заканчивался август. Утрами вся речная долина тонула в холодном тумане.

Проснулся Никодим, как намечал, в шесть часов утра. Громко забормотал во сне шестилетний сын. Отвернувшись к стене, уютно посапывала жена, невольно дразня мужа полуобнажённым телом. Никодим окладистой рыжей бородой с густой проседью пощекотал шею любимой и зашептал ласково, нараспев: «Любима-я-я! Солнышко-о-о! Встава-а-ай!»

Маша повернулась к нему, обняла, сладко потягиваясь, и стала нежно поглаживать белые кольца шевелюры Никодима. Взаимные чувства земной любви нахлынули на супругов разом и вознесли их туда, где совершаются браки.

Завтракая в кухонном закутке, они негромко переговаривались:

— Картошку одна не копай, возможно, через недельку приду помыться в бане и помогу.

— Ага.

— Корову на волю не отпускай, сена на повети достаточно. А то в поисках её день потеряешь, если не больше. А хохлатку в бочку с холодной водой окуни, не вовремя завохтала.

— Ага.

— За Иваном гляди в оба.

— Ага.

— Что «ага»?

— Да ты уже третье утро наставляешь. Сам не спишь и мне не даёшь.

— Выспишься, какие твои годы!

Мария, уроженка Самары, была намного младше мужа. Сероглазая, маленького роста, с мягкими чертами лица и статной фигурой. Редко кто из женщин в сорокалетнем возрасте мог так сохранить девичью красоту. Но что самое удивительное, веяло уверенной силой от этой миниатюрной горожанки, оказавшейся в экстремальных, по цивилизованным понятиям, условиях — глухая сибирская тайга и натуральное хозяйство в еле дышащей стране.

Сделав необходимые записи в амбарной книге, Никодим вышел босиком в сени и через минуту вошёл с рюкзаком, давно приготовленным в дорогу. Поставив его на пол, стал обуваться.

— Никак трактор? — прислушиваясь, сказала Мария.

— Это кого же спозаранку принесло? — озабоченно бросил Никодим и, натянув сапоги, глянул в окно. На дороге сквозь туман едва просматривался силуэт колёсного трактора МТЗ.

Проснулся сынишка:

— Пап, ты куда?

— На кудыкину гору...

— ...воровать помидоры, — добавил сын и, уронив голову на подушку, снова засопел.

Из сеней раздался стук.

— Можно! — откликнулся Никодим.

Дверь приоткрылась.

— В Дурнину по орехи с нами поедешь? — не заходя, спросил совхозный тракторист.

— Поеду. Да заходи, почаюем, что ты как не родной?

— Некогда, пилу захвати, — бросил Василий Петрович и закрыл дверь.

Никодим тихо подошёл к спящему сыну, чмокнул его в лоб и, обняв жену, шепнул:

— Пока!

— Верхонки-то взял?

— Ага! — передразнил её Никодим и вышел в сени. Перед тем как садиться в трактор, глянул на дом. В окошко махала рукой его берегиня.

Светало. Туман словно нехотя стал медленно подниматься над рекой.

«Коли туман вверх пошёл, будет дождь», — подумал Никодим, но это было уже неважно: на тракторе — не пешком.

До соседней деревни было пять километров. Колёсный трактор одолел их за полчаса. Там уже поджидали. Увидав водку на столе, Никодим понял, что сегодня не видать ему орешника как своих ушей. Через час, когда мужики поднабрались и уже стали соображать, как бы добавить ещё, Никодим озабоченно спросил бригадира сенокосчиков Владимира Петровича:

— Надолго ль загуляли?

— Куда спешишь, дед? У Бога дней много!

— У Бога-то много, да у нас в обрез, — огорчённо заметил Никодим.

— Завтра, дед, с утречка. Оставайся, побурханием на дорожку и в путь.

— Настроение не то.

— Да ты кого выколупываешься, дед? — встрял пьяненький сенокосчик шестнадцатилетний Николай.

— Молоко с губ утри! — отрезал Никодим.

— Чо?! Да нам тута пуп резали, — взъерепенился парень и подступил к обидчику, намереваясь подраться.

— Цыц, щенок! — вмешался бригадир и оттолкнул племянника. — Не обижайся, Никодим Прокопьевич, на оболтуса. Колька сегодня с утра надрался... Завтра подбегай часикам к десяти и попрём.

— Ладно, — хмуро отозвался Никодим и, оставив рюкзак в бригаде, пошагал домой.

На следующее утро бригада была ещё пьянее. Послезавтра кончилось дизтопливо — спалили в поисках водки. Нашли дизтопливо — поломался трактор.

Никодим, уже не полагаясь на бригаду сенокосчиков, собрал оставшиеся помидоры в теплице, огородил зарод сена. И картошку бы выкопал, да рановато.

— Хочешь не хочешь, а в орешник придётся топтать пешком, — вечером пожаловался он жене.

— А ты и не знаешь, почему не можешь уйти из дома, — посмеиваясь, пошутила Мария. — Холодно спать-то одной! Вот я и колдую.

— Ну, я же только на недельку! Там видно будет, — взмолился Никодим.

— Ладно, отпускаю! — рассмеялась она.

Встрял малец:

— Пап, без тебя скучно, но я тоже отпускаю!

— Спасибочки! Уважили! Что же это вы раньше-то не сказали, — и понарошечно добавил: — Вернусь — разберусь!

Наутро, бросив в запасной рюкзачок булку хлеба, пачку чая, немного в брезентовом мешочке сахара, попрощавшись, Никодим пошёл в кедрач. Моросил сеногной. На развилке дорог: одна вела в бригаду, другая — прямо на Дурнину, он закурил и прикинул — туда или туда? Покулив, решил не сворачивать в бригаду, чтобы не терять время. За большой рюкзак он не беспокоился, привезут.

Рассвело, когда он подошёл к подошве хребта. Подъём на отрог хребта невелик,

километра два, но крутой. Никодим давно разменял пятый десяток и потому радости особой от напряжённого темпа не ощущал. Ну да ничего! «Дорогу осилит идущий», — прошептал он, и медленно стал подниматься по тропе.

Вскоре, норовя выскочить из грудной клетки, забился его красный соболь, заметался, подпрыгивая к горлу. Но Никодим останавливаться не стал, только сбавил шаг, знал, сядешь — не встанешь, а если встанешь — ещё труднее будет. И потому только пуговицы расстегнул на рубаше. Телогрейку он снял и привязал к рюкзаку ещё на развилке.

Дождь потихоньку прекратился. В голубую отдушину меж серых туч внезапно сверкнуло солнце и спряталось тут же. Шаг Никодим сделал ещё короче и понемногу вошёл в спокойный ритм. Стало легче дышать. Медленно он вывершивал оставшиеся двадцать самых крутых метров. Вскоре дорога стала выполаживаться и уже, выходя на старую пашню, была почти горизонтальной. И тут случилось то, чего он боялся: во рту стало сухо, ноги подкосились. Никодим едва успел ухватиться за сосенку. Прильнув лицом к золотой коре, он глубоко вдохнул врачующий запах живицы. Силы стали медленно возвращаться. Никодим соорудил костерок, набрал дождевой воды из лужи, сварил чай и, выпив целую кружку сладкого чая, закурил. Подташнивало. Он надел рюкзак и пошёл через пашню к перелеску, в котором начиналась основная дорога в орешник.

Никодим шёл не торопясь, обдумывая на ходу, как лучше подготовить стойбо* к приезду бригады Юрия Сергеевича Панова, с которым познакомился три года назад, нанявшись к нему на промысел. В тот сезон Панов щедро заплатил ему за работу и деньгами и орехами.

Домашний телефон главного инженера судоверфи заулюлюкал в обеденный перерыв. Юрий Сергеевич Панов приподнял трубку и положил.

— Юрасик, кому мы понадобились? — поправляя перед зеркалом вузовский знак на милицейском мундире, поинтересовалась жена.

— Не знаю.

— Напрасно, вдруг это меня на службу вызывают.

— Ты и слушай, а я желаю спокойно пообедать, — мягко возразил Юрий Сергеевич. Через несколько минут телефон зазвонил вновь. Трубку взяла жена:

— Вам кого? — строго спросила она и тут же сменила тон. — Ах, это вы! Здравствуйте, Пётр Владимирович! Сейчас, сейчас позову. Юрасик, тебя шеф требует, — прикрыв пухлой ладонью микрофон, разочарованно протянула круглолицая Людмила Александровна.

— Достал! — сморщился Юрий Сергеевич и, отодвинув тарелку с супом, вышел из-за стола. — Я вас внимательно слушаю.

— Транспорт организовали? — голос директора звучал ровно и весомо, подавляя желание подчинённого возражать.

— Вопрос в стадии решения, — ответил главный инженер.

— Дизельным топливом запаслись?

— Есть кое-какие намётки.

— Конкретно! — попросил директор.

— Да тут обещал один товарищ.

— У товарищей ничего не осталось, всё у партнёров.

— Не беспокойтесь, Пётр Владимирович! Всё будет хорошо.

— Надеюсь...

Услышав короткие гудки, Юрий Сергеевич положил трубку и облегчённо вздохнул: слава Богу! Значит, едем.

*Стойбо — кедрач с зимовьём и необходимыми постройками для промысла орехов.

Доедая остывший суп, с грустью подумал: «А ведь когда проходил преддипломную практику, был моим подчинённым! Выпестовал, называется...»

Поправив галстук и надев шляпу, Юрий Сергеевич вышел из дома. У крыльца поджидала служебная «Волга».

— Володя, — обратился Юрий Сергеевич к водителю, — сколько понадобится топлива для КамАЗа на сорок км по таёжному бездорожью?

— В тайге заправок нет, следовательно, «под пробку».

— Просветил! — усмехнулся Юрий Сергеевич и скомандовал: — В Гусевку!

Окончательно протрезвев, бригада сенокосчиков засобиралась в орешник. Всё равно дождь вымочил кошенину. Прессовать сено в катушки нельзя. Можно отлучиться на неделю с полевого стана. Посоветовавшись, одного на тракторе отправили в село за продуктами и дизельным топливом. Остальные стали готовиться на промысел.

Николай из крутого парня превратился в пчёлку, хоть улей ставь, мёду наносил бы уйму. Он везде поспевал, всем помогал. Подошёл Василий Петрович и стал подтрунивать над ним:

— Нарвёшься, паря, когда-нибудь. Ты хоть помнишь, чо молол?

— Каво там...

— Дядю Никодима хотел отлупить. Смотри, паря! Напишет он тебя на потрете голым, а потом на выставку в город пошлёт. Вот позору-то!

— Да ну ты, дядя Вася! Он чо, рисует?

— Художники не рисуют, а пишут маслом.

— Каким ещё маслом? — окончательно запутался Николай.

— Сливочным! — довольный тем, что напугал парня, расхохотался Василий. Он однажды поглядел, как приехавший к Никодиму друг что-то мазал на картоне, а чем — не упомнит. Зато видел тюбики, как из-под зубной пасты, и пучок кисточек. А насчёт Никодима, что он художник, так, шутя загнул. Но потом добавил серьёзно: — Ты того, осторожней с малознакомыми. Никодим мужик крепкий. К тому же он хоть и пришлый, зато с северных краёв. Руки у него намозолены и головёнка на месте пришта. Не обижай, усёк?

— Да я чо, не со злости ведь, — промямлил, опустив глаза, Колька.

— Братан, — прервал их разговор бригадир, — где дед?

— Ха! Будет он ждать! В орешнике скорей всего. Ему тайга — дом родной, небось, сидит себе в зимовье и чай дует, поджидая рюкзак. Который день ведь едем.

— Ну, Бог с ним. Трактор из села пришёл. Пора в дорогу!

Крутой подъём по Косоголу позади. «Теперь будет легче», — подумал Никодим, входя в перелесок меж двух пашен. Здесь, на отроге хребта, зелень была ещё полетнему густой, и лишь кое-где вспыхнули листья осины, а на берёзах появилась первая желтизна. Оранжевые шляпки подосиновиков красовались прямо на тропе, будто знали, что их собирать никто не будет. В таёжной траве крохотными алыми лампочками светились гроздья костяники. Солнце, как будто ему надоело играть в прятки, сначала выглянуло, а затем и полностью вышло из последнего огромного облака.

«Вот и первое сентября минуло. Скоро и мой поскрёбыш пойдёт учиться», — улыбнувшись, подумал Никодим. Из всех времён он был влюблён в осень. Да и как её не любить! Красота красотой, да плюс с пропитанием в деревне несравненно легче. Кроме овощей много чего можно заготовить на зиму. А нынче год на редкость уро-

жайный. Огородной мелочиросло вволю. Чёрной и красной смородины несколько ведер набрали, пёстрой ягоды засушили, грибов насолили разных, даже грузди в этом году были. Вот ещё бы брусники набрать. Сынишка ли простынет, любимой ли захочется побаловаться с чайком. Да и самому после бани, и особенно с похмелья, само то!

Впереди показался просвет, и дорога, выскочив из перелеска, исчезла на последней заброшенной пашне. Никодим знал, что в конце её дорога снова появится и больше уже нигде не выйдет на простор, а будет идти по узенькой вершине хребтика, вилимая между крупными деревьями и поднимаясь на основной большой хребет, где веками стоит промысловый кедровый орешник с непонятным названием Дурнина.

После пашни дорога повела по густому сосновому бору. «Дойду до старого зимовья, что в седловине, там и пообедаю», — решил Никодим.

«Волга» в середине деревни свернула с тракта в проулок и, выехав на берег реки, остановилась.

— Посигналь, Володя, — попросил Юрий Сергеевич.

Звук автомобильного сигнала поплыл над водой, распутивая речную тишину. Во дворе единственного жилого дома на противоположном берегу хлопнула дверь, из ворот выскочил мальчишка и звонко закричал:

— Вам кого?

— Где отец? — отозвался Юрий Сергеевич.

— Дядя Юра, — определив по голосу гостя, кричал Ваня, — папка сегодня утром ушёл на разведку в орешник!

— А когда вернётся?

— Он не любит, когда спрашивают. Говорит, дорогу закудыкаешь и закогдакаешь. Мама сказала, в субботу точно придёт.

— А где она?

— Ягоду перебирает, некогда ей, меня послала.

Юрий Сергеевич, набрав пригоршню воды, напился и, промокнув рот платочком, крикнул:

— Ванюшка! Сможешь переплыть сюда на лодке? Я тебе гостинцев привёз.

Мальчишка кубарем скатился с берега к лодке, кое-как столкнул её в воду и вот уже изо всех силёнок грёб к машине.

Юрий Сергеевич, открыв дверцу «Волги», достал портфель, расстегнул и вынул из него целлофановый пакет с конфетами и пряниками, приготовленный сынишке друга.

Мальчуган принял пакет и спасибо сказать не забыл.

— Ваня, а папа ничего не говорил: будет нынче орех или нет?

— Дядя Юра, орехов — уйма! Недавно мужики из тайги вышли, у нас чай пили, так говорили, что такого урожая они и не помнят.

— Ну ладно, Ваня, нам пора. Маме поклон, а папе скажи, когда он в баню придёт, что шестого числа заедем в орешник, пусть встречает.

Юрий Сергеевич пожал мальчишке руку, как взрослому, и пошёл к машине. Через несколько минут Ваня подплывал к своему берегу, а «Волга» катилась по тракту обратно в город.

Сосняк давно остался позади. Дорога с подъёма на подъём двигалась сквозь деревья и кустарник. Солнце, поднявшись над тайгой, щедро плескало остатним теплом.

Здесь осенью и не пахло. Зелёный цвет ещё буйствовал в подлеске. На больших полянах иван-чай распускал последние бутоны. Иногда на самой дороге красовались яркие кустики чёрной смородины.

Кто хаживал по старым таёжным дорогам, где годами не было ни колеса, ни полоза, тот чувствовал, быть может, еле уловимую прелесть, скорее всего, даже зов древних путей наших предков, которые без всесокрушающих стальных гусениц и огромных колёс могли добираться до самых потаённых урочищ громадной тайги. Умно прокладывались такие пути. Где звериной тропой, где мелколесьем, делая большие остановки там, где есть вода и заветрие. По необходимости ставили промысловое зимовьё, чтобы можно было переждать непогоду, обработать добычу и отдохнуть.

К остаткам такого зимовья и вышел Никодим почти в полдень. Несколько венцов догнивающего, давно без крыши, таёжного приюта были еле видны в зарослях молодых берёзок. Никодим подошёл к старому кострищу. Оглядел внимательным взглядом. Нет, без него тут никто не останавливался. Снял со спины рюкзак, достал котелок и сходил к ключу за водой, а заодно наполнил в запас пустую поллитровку, припрятанную им возле кострища. Не торопясь развёл костерок, присел на скамеечку, сооружённую им в последний приход сюда, и стал сворачивать самокрутку. Упаковав в бумажку табак, прижёт от головёшки и, затянувшись, поплыл, побежал, полетел думами в холодные, но милые его сердцу края.

Появившись семь лет назад в этих местах, Никодим, тоскуя по родной якутской тайге, впервые разведывал прилегающую к деревушке местность и сразу же наткнулся на старое зимовьё. С тех пор и зимой и летом нет-нет да и приходил сюда, чтобы унять тоску по Крайнему Северу, где прошла вся предыдущая жизнь. Где пролетели детские, юношеские и молодые годы, буйная молодость и пора зрелости. Там он прокладывал свою дорогу судьбы: то за шофёрской баранкой в дальних рейсах, то за рычагами гусеничного вездехода в поисковых геологических отрядах. Там, в далёком северном городе, остались первая жена и трое детей... И только здесь, в уютном для него одиночестве, оплакивал он своё прошлое. Ведь она, память, на то и дана человеку, чтоб ничего не забыть, не повторять ошибок, не забывать добро. Помнить, кто ты, чей и откуда. Без неё, без памяти, что без солнца в тайге, — и заблудиться на жизненном пути немудрено...

После обильных дождей таёжная дорога окончательно раскиселась. Но трактора, хоть и елозили колёсами в колеях, а всё-таки заскреблись наполовину подъёма Ушканьей горы. МТЗ-82 с двухосной телегой на прицепе вёл Василий Петрович. За ним, еле поспевая, брат Пётр Петрович на Т-40. «Сороковка», как её окрестили механизаторы, была настолько стара, что о рабочем ведущем переднем мосте не могло быть и речи. Вдобавок ко всему барахлила топливная аппаратура. Двигатель трактора то и дело глох. Большой трактор останавливали, отцепляли телегу, возвращались к замершему бедолаге и заводили с буксира. Бригадир в работу братьев не вмешивался — не тот случай. Под горячую руку могли и послать подальше, хоть и родня.

Не спрашивайте, почему бы старый трактор не остановить на полевом стане. Причуды мужиков, да ещё и с похмелья, — не объяснить. Скорее всего, надеялись подняться на гору хотя бы двойной тягой. Когда подобрались к последнему взлобку, стало ясно, что ни двойной, ни тройной тягой телегу на вершину горы не затащить. Но мужики недолго чесали затылки: будет удачным промысел — найдём, как привезти орехи.

Отцепив телегу, все дружно взялись делать площадку к МТЗ-82, чтобы перегрузить скарб, тем самым утяжелить нагрузку на заднюю ось. Распилив плахи на нужную

длину, воткнули их под навесное устройство позади трактора и застелили подручными досками: шут с ним, с зимовьём, как-нибудь вдругорядь починим. Переместив груз на нехитрое приспособление, двинулись дальше.

Передний мост МТЗ-82 почти плыл на весу над дорогой. Когда пробуксовывали задние колеса, трактор сползал немного вниз, но зацепившись за камень или корень, снова упрямо лез на подъём. Водитель сороковки, Пётр Петрович, был опытней брата, и для него бездорожья не существовало. Лишь бы мотор не подвёл. Где меж колеи, где мелколесьем, где на упрямстве водителя, но, о чудо! выскребся трактор на самый пупок Ушканьей горы. И теперь Пётр Петрович разматывал измочаленный буксирный трос, чтобы помочь брату. Но трос оказался коротковат, а сдавать назад было опасно. Пассажиры, покинув транспорт, рубили кустарник, мелкие деревца и запихивали под буксующие колеса МТЗ. К вечеру, когда уже смеркалось, штурм горы был завершён. Оба трактора стояли на вершине. Сороковку из-за ненадёжности решили оставить, чтобы не было лишней мороки. Всё же дизтоплива было в обрез. Запыхал костёр. Братья Петровичи, все трое, ужинать не стали, похмелье давало о себе знать.

Николай достал из общей кучи рюкзаков свой, весь расписанный английскими буквами. Купил он его у проезжих коммерсантов не потому, что любил иностранный язык, он на «инглиш» ещё в пятом классе обиделся, кстати, и на все остальные предметы. Но рюкзак понравился ему необычайной пёстротой. Парень хотел побаловаться конфетками. Он знал, мать всегда положит ему в дорогу. Вытащив хлеб, масло, сметану, самодельную тушёнку, лук и прочие овощи, он вдруг нашупал пол-литровую бутылку и вытащил её из рюкзака. Это была «Столичная». Спрятав её за пазуху, Николай подошёл к младшему дядьке, Василию, и хитровато начал:

— Счас бы пузырёк...

Василий Петрович не клюнул на слова племянника, лишь хмуро бросил:

— За такие шуточки можно и по балде настучать. Умник!

— Правда, неплохо бы, а? — снова спросил Николай и, не вытерпев, протянул дядьке бутылку. На блеск поллитровки вышел из темноты второй дядька, а за ним и третий, бригадир.

— Ну, Колян! Ну, молодец! Это кто же тебя надоумил приберечь лекарство? — дрожащим голосом прошептал Пётр Петрович.

— Садист ты, Коля! До сих пор начал, — добродушно рокотал Василий, распечатывая неожиданный подарок судьбы.

Бригадир разлил драгоценную влагу по кружкам. Василий выпил свою долю, крикнул, занюхал домашней шаньгой и, расправив тыльной стороной ладони свои чёрные, но уже седеющие усы, полушутливо сказал:

— Ну, это вроде бы как герой.

— Ага, мели, дядя Вася! — чувствуя подвох, насторожился парень.

— Да нет. Ты и вправду молодец! — успокоил его Пётр Петрович.

— Главное — кстати, — добавил бригадир.

Братья ужинали молча. После нарубили пихтового лапника, соорудили большую лежанку и упали спать.

Уложив в большой брезентовый баул всё, что было в списке, Ольга Степановна, высокая, стройная, как фотомодель, блондинка, полюбопытствовала у мужа:

— Кто с тобой, Петя, нынче в орешник едет, скажи? Конечно же, если это не секрет...

— Какой секрет, — усмехнулся Пётр Владимирович Королёв, новый директор предприятия, стремительно исчезающего в пучине постперестроечных времён. Вы-

ключив телевизор, он подошёл к жене и, обняв её ласково, стал перечислять компаньонов: — Юрий Сергеевич — раз...

— Главный инженер Панов что ли?

— Да.

— Так вы с ним вроде того... в конфликте.

— Да, понимаешь, недавно хороший орешник за ним лесхоз закрепил. Там нынче урожай должен быть. И потом, работа работой, а это же — выезд на природу, — подчеркнул Пётр Владимирович. И продолжил: — Следующий — его друг, Летунов, полковник в отставке. Зовут его, кажется, Николаем Ивановичем.

— Тот, что в Молдавии служил, а теперь к матери приехал пенсионерить? — уточнила Ольга Степановна.

— Он самый, помнишь, на Восьмое он был в гостях у нашего снабженца Игнатьева?

— Да, вспомнила, такой рослый, стройный, представительный, как гусар девятнадцатого века.

— Ну, конечно же, у тебя все, кроме меня, гусары! — бес ревности кольнул Петра Владимировича в самое сердце.

— Ну, ладно, ладно. Ты же умница! И кроме тебя у меня никого нет! — заюлила Ольга Степановна. И чтобы сменить настроение мужа, утвердительно спросила: — Хорошо там, в орешнике? Кедры могучие! Хвойный воздух! А кто ещё с вами едет?

— Александр — три.

— Твой водитель?

— Да, и главного тоже.

— И это они-то будут бить шишку?

— Для себя — будут. Всё уложила? — глянув в баул, спросил он.

— Чего не хватит — докупите. Всё равно в магазин будете заезжать за водкой.

— Игнатьев заверил, спиртного будет в достатке.

— А почему вас только пятеро? Ты же говорил, по двое колотят: один с молотом.

— С колотом*, — поправил Пётр Владимирович.

— Ладно, с колотом, а другой со сбиркой** — правильно?

— Шестым мужика из Гусевки Юрий Сергеевич берёт. И давай баиньки, завтра рано вставать.

— Петенька, сегодня мне нездоровится. Ты меня не жди, ложись.

— Нда-а-а... — разочарованно протянул Пётр Владимирович и, дежурно чмокнув жену, прошлёпал в спальню. Долго ворочался и вздыхал, бурча «то занята, то нездоровится». Он включил свет, взял журнал «Охота и охотничье хозяйство», но прочитав с полстраницы, уснул.

После обеда Никодим пошёл быстрее. Подъёма почти не ощущалось, да и силы восстановились. То справа, то слева изредка стали попадаться кедры. Молодые, пушистые, стройные и не такие могучие, как в промысловом орешнике. Иногда встречались невысокие кусты рябины. Крупные красные гроздья ягод оттягивали ветки. Никодим сорвал одну ягодку, пожевал и выплюнул — не созрела... Вот после морозца горечи будет меньше.

Внезапно впереди, метрах в ста, выскочил изюбр и скрылся в густой зелени.

Зверя Никодим добывать не умел, да и не пытался научиться. Для пропитания довольствовался тем, чем одарят местные охотники. Сколько ни посмеивались над

*Колот — чурка на шесте для ударов по стволу кедра.

**Сбирка — небольшой мешок для сбора упавших шишек.

ним мужики: «Живёшь — рядом тайга, как же без промысла?» — «Не умею, да и не хочу!» — отвечал Никодим насупившись — и больше ни слова. Нередко встречал он на таёжных тропах разных зверей. Доводилось и на медведя однажды напороться. Ничего, обошлось. А коз, зайцев и прочей таёжной живности повидал не меньше, чем фатовый* промысловик. Бывает, начнёт рассказывать у костра, охотник удивляется:

— Да ну! Которое утро сижу на солонце, никого! А он за водой ходил — изюбря встретил, да ещё и кабарга на него вылетела. Ну, баяшник!

А Никодим только посмеивался, и то ли шутя, то ли серьёзно отвечал:

— Ты ж с ружьём ходишь?

— А как же в тайге без ружья?

— Вот от него-то и пахнет смертью. А кому охота умирать? Потому и прячутся звери.

На подходе к подъёму Весёлые Взлобки сосняк исчез, лиственницы стали попадать всё реже, да и берёзок немного встречалось. Зато появилась пихта вперемежку с небольшими массивами кедровых деревьев. Почти каждый кедр был усеян шишками. До орешника Залавок оставалось час ходу, не более. А там и до основного рукой подать.

Дорога чем выше поднималась на хребет, тем больше была завалена упавшими поперёк неё деревьями. Года три назад сильный снегопад буянил неделю в октябре, а после разгулялся штормовой ветер. В ту осень много деревьев погибло от ветровала. А больше всего досталось промысловым орешникам по вершинам хребтов. Там, где по весне заезжали собирать паданку, расчистили путь, а много дорог пришлось бросить. Только пешком и можно было ходить по ним, да и то где по упавшему дереву, где под нависшим деревом, а то и только в обход. Но любил Никодим ходить только по этой брошенной дороге. Для себя кое-где и прорубил пролазы, иначе эти пути назвать сложно.

Когда солнце клонилось на заход, он вышел на развилку. На основной дороге завалы были расчищены, идти стало легко. Начался последний, но тоже крутой подъём. Никаких следов транспорта не было. «Любопытно, где же совхозная бригада? Неужели всё гуляют?» — подумал Никодим и заулыбался, вспомнив притчу. Рассказал ему старик лет восьмидесяти от роду, пока они на понтонном мосту ждали автобус из райцентра. Тогда мимо них проехала машина с промысловиками. По железным бочкам для топлива, по комбайну для обработки шишек и по брезенту, укрывавшему скорее всего продукты, стало ясно — на промысел в кедрачи. А по нестройной песне и весёлым лицам чувствовалось: надрались промысловики изрядно.

— Однако наколотят они, паря, уйму ореха, — усмехнулся старик и, обратившись к Никодиму, спросил: — Хошь, я тебе байку расскажу?

Никодим кивнул:

— Рад послушать.

Попутчик немного помолчал и неторопливо начал:

— Однажды взлелеяла мать-тайга уймищу кедровых семян. Засобирались мужики по шишку: накупили водки, табака, ну и еды на остаток. Инструмент прихватили, кой-какой пиломатериал, чтобы зимовьё поставить да стойбо, то бишь стоянку, оборудовать.

Высоки хребты. Далека дорога. На чём-то добираться надо, не пешком же идти. Обсудили этот вопрос, прикинули — сбросились: на топливо да и водителю оплатить заезд.

Ждут кедровые не дождутся. Спелыми коричневыми кулаками шишек грозят, мол, где вы там, промысловики? Ау! Тяжело урожай держать, сбивайте, мы готовы.

Кое-как собрались, выехали мужики. Как водится, на дорогу «брызнули»**. А потом ехали с перекурами, заодно и «брызгали». Суток трое, а то и больше добирались до места. Хоть и путь-то на один пеший переход.

*Фатовый — удачливый.

**Брызгать, бурханить — делиться с местными духами самым ценным, что есть с собой.

В орешник прибыли, решили — хорошее дело начинается с перекура, опять же на фарт надо «брызнуть». Там и похмеляться время подошло. А кедровки уже летают, орут, шишки сбивают споро, только клювы от смолы успевают чистить и отмачивать их в луже. Проспались гулеваны, а зимовьё-то ставить уже некогда. Покурили, подумали, пришли к единому мнению: ерунда, не зима, и под звёздами выспимся. Пока колота, да ссыпки* ладили — дождь зарядил. Собрались промысловики под заспинник, то бишь небольшой навес возле костра. Греются и погоду почём зря матерят.

А кедровкам что? Летают, орут, шишку сбивают, орешками зоб набивают. А ежели и уронят на мох, тоже дело хорошее. Новые деревья вырастут. В общем, сеятельницы.

Надоело мужикам погоду пережидать, давай помаленьку пробовать колотить. Воды — море, шишки — мало. Тут и снег повалил. Глянули вверх — а шишки нет. Принялись паданку собирать, одни «куклы»** валяются под кедрами. А какая шишка попадёт, то наполовину вышелушена. Мышки ведь тоже не спят... Засмурили мужики, но делать нечего — пора домой. Собрали всё, что добыли, и мешка чистого ореха на каждого промысловика не набралось.

Вернулись домой налегке. Перед домочадцами глаза прячут, оправдываются хмуро: «Не фарт ноне, не фарт!»

Ещё светало, а совхозники, наскоро позавтракав, уже тронулись в путь.

Поспешать надо было. Для них эта поездка украдкой могла и боком выйти. Хотя начальство в последнее время смотрело на их вольности сквозь пальцы. Ну а как без орехов-то, да ещё и в урожайный год! Они не горожане, поехавшие развеяться на природе. Денежка нужна. Детей к школе собрать. Жёнам за их каторжный крестьянский труд в сочетании с заботой о семье надо бы какую-никакую обновку подарить. Хотя бы в праздник. Ведь в совхозной кассе денег давным-давно шаром покати! Зарплату и ту натурой выдают. Зерном да мясом, и то поздней осенью. А рынок сбыта излишков продукта где в деревне найдёшь? Ежели в город везти — себе дороже, обжуют. Вот и выкручиваются мужики как могут. Правдами и неправдами.

Светало. Бригадир с Николаем ушли вперёд чистить дорогу от упавших деревьев. Следом ехали два брата не спеша, кое-где останавливались и колотили шишку. Собрав в мешки, ставили у дороги. С расчётом, что как только затаборятся в зимовье, сразу же, пока мышки не растаскали, и перевезут туда всё добытое по пути на стойбо. Там и шишку обмолят, и орех отвеют. К обеду набили шишками двадцать крапивных мешков и остановились перекусить. К развилке дорог подъезжали под вечер.

Никодим, услыхав шум тракторов, поднимающихся на хребет, останавливаться не стал, до стойба Залавок, куда направлялась бригада, было напрямую рукой подать. Он свернул с дороги на Дурнину и пошёл напрямую к зимовью, находящемуся в центре Залавка.

В прошедшие годы, когда Никодим промышлял в полюбившемся ему орешнике, нередко приходилось бывать и на Залавке. Как правило, там кто-нибудь бил шишку. А постоянного хозяина не было, потому что кедрач там был невелик и промыслового значения не имел. Крыша у зимовья от времени и без догляда обрушилась. Нары сгнили, а печка — железка ещё — сохранилась и была вполне пригодна, нужно было только поправить покосившуюся трубу. Никодим не стал возиться с печкой, развёл на

*Ссыпка — сруб для временного хранения шишек.

**Кукла — стебель вышелушенной шишки.

старом кострище огонь, покурил и пошёл за водой к большой луже на старую дорогу, огибавшую орешник с другой стороны. По ней давно не ездили, и она была настолько завалена, что еле угадывалась.

Пока Никодим ходил за водой, подошли трактора. Когда заглохли дизели, стало слышно голоса сенокосчиков:

— Я же говорил, дед уже здесь.

— А, может, это не он?

— Я тут, — шутя отозвался Никодим, подходя к бригаде.

Новенький КамАЗ-вездеход цвета хаки с установленной в кузове будкой для перевозки людей был заправлен топливом и теперь, чуть подрагивая, мягко рокотал возле директорского особняка.

Из ворот сначала показался баул, потом Александр, несший его впереди себя. Через минуту появился Пётр Владимирович с чёрным ружейным футляром на ремне через плечо. Следом за ним вышла Ольга Степановна, неся в руках большую кожаную сумку. В походной экипировке Пётр Владимирович и отдалённо не напоминал директора крупного предприятия, вот если только добротный вид одежды и обуви, да футляр дорогого ружья наводили на мысль, что этот мужчина не хухыр—мухыр, а что-то властное.

— Когда ждать? — с трудом скрывая радость, прошептала Ольга Степановна, целуя идеально выбритую щёчку мужа.

— Шестнадцатого, к вечеру, — словно стесняясь, отстранился директор от жены, подал футляр в кабину Юрию Сергеевичу и, поздоровавшись, спросил: — Все в сборе?

— Нет, Летунова надо забрать, он последний, — ответил главный инженер.

— Последняя у попа жена, — заметил Пётр Владимирович, но сразу же поправился, — а, ладно, не обращайтесь внимания. — И, когда Ольга Степановна скрылась в воротах, облегчённо вздохнул: — Трогай!

После того как забрали Николая Ивановича Летунова, КамАЗ, как застоявшийся конь, сорвался с места и покатил по асфальту, стремительно набирая скорость.

— За городом тормознём «брызнуть» на фарт? — подобрев, спросил Пётр Владимирович.

— Не вижу повода отказаться, — дипломатично подтвердил Юрий Сергеевич.

Летунов добавил в знак согласия:

— Командиру возражать не положено!

И как только растаяли последние огоньки сонного городка, КамАЗ сбросил скорость и, съехав на обочину, остановился.

Конечно же, можно было описать походное застолье сбросивших с себя служебный хомут людей, но пока воздержимся. Лучше вспомните, когда в последний раз вы были на природе без алкоголя, без ружья, без спиннинга или сетей? Ведь горожане — давно заблудшие дети природы, а если и обращаются, то, как правило, для забавы. Особенно власть имущие чиновники. Ведь в их распоряжении и вездеход, и вертолёт служебные. Потому и любовь к природе у них получается какая-то даже не гастрономическая, с питанием у них всё в порядке, скорее, варварская.

Никодим подошёл с водой к кострищу, когда бригада снимала с трактора спальные принадлежности и продукты.

— Мы думали, ты на Дурнине, дед, — заметив Никодима, крикнул Василий.

— Почаюю с вами и туда, — отозвался Никодим.

Чай пили молчком. Мужики, пока добирались до места, порядком устали. У Никодима тоже не было желания разговаривать. Бригада принялась чинить зимовьё, а Никодим вытащил из общей кучи вещей родной рюкзак, приспособил на него маленький рюкзачок, надел и, попрощавшись, исчез в кедраче.

По звериной тропинке, глубоко выбитой, он шёл напрямик к Дурнине. Пересекая старую дорогу, заметил свежие медвежьи следы: один большой и два маленьких. «Опасная соседка! — мелькнуло в голове. Но, поразмыслив, он тут же успокоился: — Как только начнём колотами бухать, сама уйдёт с малышами подальше». По таёжному опыту знал: дым костра и шум людской отпугивают зверя. Но следы на повороте к зимовью тоже повернули попутно. Никодиму стало неприятно. Достав топорик, он стал постукивать на ходу по сушнякам. Звук то звонко, то глухо разлетался по тайге и таял бесследно. На следующей развилке медвежьи следы исчезли. Никодим облегчённо вздохнул: слава Богу!

Дорога, вилия между стволами громадных кедров, пошла на спуск. Изредка попадались большие ели. Кое-где росли кусты рябины. Обомшелые останки исполинских кедров, давным-давно упавших на землю, были покрыты жёлтым ковром мха, на котором под тёмно-зелёными, словно лакированными листочками брусники прятались гроздьи почти созревших ягод. Собирать бруснику уже можно было. Два-три дня — и она доспеет даже собранная. А на полянках всюду голубели облака спелой черники. Таинственный аромат глухого таёжного места приятно кружил голову. Никодим чувствовал себя легко и свободно. Да и немудрено, всё же с детства его родная стихия.

Внезапно показалось зимовьё. Оно было похоже на спичечный коробок, потерянный на мху рядом с могучими кедрами. Справа от зимовья виднелась небольшая площадка, а на ней рубленая из кругляка ссыпка для хранения добытых шишек. Впридачу — огромная деревянная постель из настланных плах в полдерева. На ней изготовленная по образцу потомственных промысловиков деревянная молотилка. Лоток, а поперёк него, на оси, ребристый барабан. Рядом на подвесе сито для отделения орехов из размолотой шишки. Куклы и чешуя при просеивании остаются на сите, орехи падают в ларь, что под ситом. На краю площадки торчал каркас экрана для откидывания ореха вручную, чтобы спелое семя отделить от мелкого мусора и пустых оболочек без ядра. Неподдалёку под навесом сушилка с обрывками брезента на каркасе навеса и вышка с небольшой лестницей. Слева от зимовья, под навесом, лабаз из жердей, на которые укладывают мешки с орехом, готовым к вывозке. И всё это вместе с зимовьём и орешником называлось коротко — стойбо.

Недавно, видно, порыв ветра был крепкий, много валялось шишек: на столике, в кострище, на постели и в сушилке, не считая того, что на поляне. «С полсотни наберётся!» — удивленно отметил Никодим. Перед зимовьём в лиловом озерке иван-чая утонуло постоянное кострище. Рядом стол и несколько сохранившихся чурок. Дверь в зимовьё была закрыта каким-то неопытным посетителем и подперта огрызком доски. Убрав доску, Никодим открыл дверь. Пахнуло сыростью и гнилью. На столе лежал огарок свечи, коробка спичек в целлофановом пакете и крупный кусок серой кормовой соли. Сквозь единственное маленькое оконце с трудом пробивался дневной свет. Сняв рюкзак, Никодим положил его на нары и первым делом решил протопить как следует печку, чтобы просушить временное жильё. Возле печки лежали дрова, покрытые плесенью и потому уже непригодны для растопки. Пришлось собрать на площадке сухие сучья и нарубить под размер печки. Управившись с растопкой, Никодим взялся распаковывать большой рюкзак. Самодельный спальный мешок, любовно сшитый Машей по его заказу, он разостлал на нарах, телогрейку и брезентовую куртку повесил на гвоздь в стене возле печки. Булку хлеба и полотняный мешочек с сухарями положил на полку, туда же сахар, соль, чай, вермишель, гречку. Десяток картофелин и

несколько луковиц сложил под нары в угол зимовья. Банку с табаком и спички оставил в рюкзаке. Керосиновую лампу приспособил на специально сделанную полку над столом. Подышав на стекло, протёр его и надел на горелку.

Вскоре задымил костёр, а через полчаса и обед созрел нехитрый: варёная картофелина и чай. Перекусив возле костра, Никодим вернулся в зимовьё и прилёг на нары, размышляя: «Завтра надо б сходить на разведку. Пройдусь по орешнику и загляну на тригопункт»*. Не бывало случая, чтоб Никодим, находясь в Дурнине, не оглядел с большой высоты тайгу. Там его взору открывался океан зелени в голубой дымке, темнеющей к горизонту. И Никодим мог подолгу любоваться величественной панорамой.

Истинные минуты блаженства наступают, когда ты по своей воле находишься в окружении природы. Но самое главное, чувствуешь себя не хозяином природы, а сыном её. Тогда ты как у Христа за пазухой! К сожалению, урбанизация лишила большую часть человечества главного — кровной связи его с первичным источником жизни. Быть может, по этой причине и беды на нашей планете всё чаще.

Никодим вышел из зимовья, соорудил привычно нодью** и, присев на чурку, устоялся в огонь. Пламя, обхватив раздвоенным жёлто-красным языком верхнее бревёшко, облизало с корья жемчужные капли слёз кедра и спряталось внутрь. В стоячем воздухе кедрача дым поднимался к вершинам серой извивающейся колонной, увеличиваясь кверху. Иногда вылетали искры из нутра нодьи. Взываясь вверх, они падали на зелёную траву, мох и медленно угасали. Потрескивая и чадя, костёр жил своей горячей жизнью.

В глухой тайге, где редко бывает человек, тишины нет. Когда вы там бываете одни, прислушайтесь внимательно, и вы услышите звуки таёжной жизни. Вот порыв заблудившегося ветерка зацепился за верхушку дерева, прошумел, раскачивая ветви, и смолк, как будто уснул. Вот цыкнула белка. Где-то неподалёку от стойба, метрах в ста, затрещал валежник. «Так ходит лось», — не поворачиваясь на треск, подумал Никодим. Он знал, в тайге надо бояться незнакомых людей, а не зверей. Зверь не нападает, как правило, защищается. Чуть погода кто-то фыркнул в темноте.

Из распадка потянуло ночным холодом. Никодим поправил нодью и решил идти спать. В зимовье он зажёг керосинку, расстегнул молнию спального мешка, разделся до трусов и, развесив портянки над печкой, задул огонь в лампе. На ощупь добрался до нар и, забравшись в спальник, застегнулся, оставив небольшое отверстие для свободного дыхания. На столе послышался шорох, а затем хруст. Похоже, мыши начали пир, подумал он, и как-то незаметно разом провалился в тёплый омут.

КамАЗ то урча, то завывая, одолел подъём Ушканьей горы. Продвигаясь с треском по таёжной дороге, он шарил лучами фар то по деревьям, то по глубокой колее. В будке трясло, качало и вибрировало. Пассажиры, расположившись кто как мог, спали. А в кабине было уютно. Все, кроме водителя, были хмельны. Неожиданно перед автомобилем появилась развилка дороги. Владимир, доселе не бывавший здесь, растерялся: а теперь куда?.. Говорили — дуй прямо! Остановив машину, он стал трясти Юрия Сергеевича за плечо:

— Куда ехать-то, шеф?

Юрий Сергеевич посмотрел на него ничего не понимающим взглядом, тряхнул головой и уже через полминуты, придя в себя, спросил:

— Что случилось? Почему стоим?

*Тригопункт (геодизический знак) — деревянная вышка на вершине таёжного хребта.

**Нодья — долговременный ночной костёр.

— Куда ехать? Направо или налево?

— Так, так, так... — светлея разумом, протянул Юрий Сергеевич и, немного помолчав, скомандовал: — Направо езжай, а я пойду напрямик. Освежусь чуток. — И, открыв дверку КамАЗа, прыгнул на мох.

— А карабин? — Владимир из кабины протянул главному инженеру СКС.

Когда КамАЗ ушёл по объездной дороге, Юрий Сергеевич немного постоял и двинулся напрямик, по тропе. Затёсы на стволах деревьев, подновленные Никодимом, светились во тьме белыми пятнами. Вдруг шум машины разом смолк. Поломка, решил Юрий Сергеевич, но к машине не пошёл и продолжил путь к зимовью напрямик.

Тем временем на Залавке мужики спали, что называется, без задних ног... Даже наскоро залатанное зимовьё в осенней тайге лучше, чем хороший заспинник. И только Петрович-старший никак не мог заснуть. Похмелье, хоть и сглаженное Колькиной находкой, всё же давало о себе знать. Нашарив спички и пачку сигарет, он закурил, но от первой же затяжки его стало тошнить. Кое-как выбравшись из зимовья, Петрович завернул за угол. Вдруг до него донёсся завывающий звук тяжёлого автомобиля и треск деревьев. Кто-то проламывается к Дурнине, догадался он. Звук, проплыв по невидимой дороге, растаял на западе. Петрович-старший, вернувшись на нары, стал зарываться в спальник. Брат Василий спросонок спросил:

— Чудится что ль? Вроде бы как техника прошла по дороге, не слышал?

— К Никодиму прут. Когда чаевали, он говорил, мол, хозяина стойба поджидать надоть. Буду печку топить, — сказал Петрович-старший, — всё равно бессонница.

— Валяй! Пусть зимовьё просохнет ладом. А жар костей не ломит, — снова засыпая, пробормотал Василий.

А Петрович-старший подложил в печку дров, присел за столом, но потом всё же лёг на нары. Нужно выспаться, промысел — дело тяжёлое. Долго ворочался и наконец-то уснул.

Никодим даже во сне был настороже. Сказывалась таёжная привычка. И потому, как только проник из темноты звук идущей по тайге техники, он поднялся с нар, зажёл керосинку и, свернув сигарку, закурил. «Надо б чайку побольше заварить. Кажется, Сергеич с братвой нарисуеться с минуты на минуту», — решил он и, одевшись, вышел из зимовья к горячей ноде. «Поленился сходить за водой! — ругал себя Никодим, но потом, успокоившись, решил: — Должны бы прихватить с реки, не на себе ж тащить...» Повесил чайник с остатками воды над огнём и подложил несколько толстых сучков сбоку ноды на пламя. Вдруг приближавшиеся шум и треск смолкли. Стали слышны голоса разговаривавших в темноте людей. Вскипела вода в чайнике. Идти к машине Никодим не захотел, а решил ещё немного полежать в зимовье. Мимо дома не пройдут, полагал, решив, что Сергеевич у машины, и, подбросив в печку на угли пару сырых поленьев, прилёг на нары поверх спальника.

Юрий Сергеевич, запнувшись о валежину, упал на мох и больно ударился коленкой. Мох был мягок и приятно прохладен. Вставать не хотелось. «Вот так бы и лежать, хоть вечность...» — подумал он. При падении ремень карабина соскользнул с плеча, и теперь СКС был где-то рядом, но сплошная темень мешала увидеть потерю. Встав на колени, Юрий Сергеевич пошарил руками вокруг себя и, наткнувшись на холодный металл ствола, облегчённо вздохнул и встал на ноги. Долго вглядывался во тьму,

пытаясь отыскать затёсы. Но тщетно. И хотя он в этой местности бывал не раз, ночь спрятала необходимые приметы. «Так, так...» — разочарованно протянул он, пытаясь сообразить, куда же теперь. Где-то сверху кедрача хрустнул, обломившись, сучок. Что-то прошебуршало в подлеске и стихло. «Не хватает заблудиться! — громко сказал Юрий Сергеевич и двинулся потихоньку туда, где, по его мнению, должно быть зимовьё. — Одним словом — Дурнина! — бурчал он, продвигаясь наугад, в сплошной темноте. — Представляю, как будет шеф подтрунивать над моей оплошкой». С недавних пор он и Королёв были непримиримыми конкурентами в борьбе за власть на предприятии. А это блуждание в тайге он ему ещё не раз напомнит в своём кабинете.

Подыскав небольшую полянку, Панов развёл костёр и, согреваясь, стал размышлять, куда теперь направиться. Вдруг в совершенно противоположной стороне, чем он предполагал, послышались голоса. По диалогу разговаривавших он узнал, что это были Летунов и шеф. Голоса удалялись, но окликать он их не стал, затушил костерок, вскинул карабин на плечо и пошёл в их сторону. «И чего это я решил напрямую добратся до зимовья? Правду говорят, сорока прямо летала, да дома не бывала», — ругал себя Юрий Сергеевич. Неподальёку заработал дизель КамАЗа. Между деревьями вспыхнул свет, огоньки фар стали медленно приближаться.

— Что за стоянка? — спросил он, когда автомобиль поравнялся.

— Завал расчищали, а потом малость «брызнули», — ответил свободный от службы Александр и поинтересовался: — До зимовья-то далеко ещё?

— Рядом, — буркнул Юрий Сергеевич, забираясь в кабину.

Через минуту они нагнали Николая Ивановича и Петра Владимировича. Они сидели на поваленном дереве и о чём-то беседовали. Поравнявшись с ними, машина остановилась.

— Ну, Иван Сусанин, когда привал? — сердито спросил Королёв, подойдя к кабине.

— А может, по рюмашке и спать? — предложил Летунов, встав с валежины.

— Вон костёр маячит между деревьями, видите? — оправдываясь, ответил Юрий Сергеевич из машины. — Володя, оставляй машину здесь, потому что там не развернуться, необходимое с собой, остальное перетаскаем утром.

Выпрыгнув по-молодецки из кабины, Юрий Сергеевич пошёл на огонёк. Немного погода вслед ему двинулись Королёв и Летунов. Водители полезли в будку за вещами. Двигатель КамАЗа продолжал работать на малых оборотах. Фары освещали дорогу почти до самого костра.

Юрий Сергеевич, подходя к стойбу, увидел приземистую фигурку Никодима и обрадовался. Тот пошевеливал поленья в костре. Искры веером взлетали вверх. «Молодец, Прокопьевич, зимовьё наверняка подготовлено!» — мысленно похвалил он своего старшего друга.

— Здравствуй! — Панов протянул руку.

— Прощу! А где остальные? — спросил Никодим.

— На подходе. Чай готов?

— Спрашиваешь! — и шутя: — Никак без спиртного ехали? Трезвый, аж противно смотреть.

— Да я уже прогулялся и заблудиться успел между делом.

— Это где же тебя угораздило, ведь не впервой здесь?

— Хотел тебя обрадовать пораньше, да не вышло. Затёсы потерял, а фонарик позабыл прихватить. Зато во мху полежал, силы набрался у тайги.

Юрий Сергеевич взял кружку с чаем из рук Никодима и маленькими глоточками стал пить, крякая от удовольствия.

К костру подходили Королёв, за ним Летунов. Вскоре заглох дизель КамАЗа и потухли фары. В темноте, негромко переговариваясь, шли шофера Владимир и Александр.

— Он что, свинца наложил в баул, что ли? — бурчал Владимир.

— Мой шеф тоже постарался, хорошо хоть побулькивает...

— Ага, для нас припасла Ольга Степановна.

— Тише ты.

— Сам трещишь, как кедровка.

Послышалось падение и тихий мат.

Тем временем у костра шло знакомство.

— Пётр Владимирович Королёв! — протянул пухлую руку Никодиму директор.

— Никодим Прокопьевич, — пожав руку, ответил Белов.

— Летунов! Полковник ВВС в отставке! — дурашливо вскинув руку к козырьку голубой цигейковой шапки, представился Николай Иванович. И, пожав своей могучей пятернёй руку Никодима, шутливо спросил: — Ну как, батя, шишка будет?

— Будешь глазеть, как падает, так прилетит, и не одна, — в тон ответил Никодим и пригласил: — Чего тут топчемся, прошу в зимовьё. Заходите, гостями будете. А кто пузырь поставит — хозяин будет!

— Мелкой тарой не пользуемся! — гордо ответил Юрий Сергеевич.

Появились с баулом и рюкзаком шофера. Бросили на мох вещи и тоже направились к Никодиму.

— Здравствуйте, дедушка! — чуть заикаясь, представился Александр.

— Привет, внучек! — шутливо ответил Никодим. — Чай, тяжело в темноте гребсти, да против веток? Ай, надрался на свободе без баранки?

— Малехо есть! — сознался тот и попросил чайку глоточек.

Никодим налил остатки чая в освободившуюся кружку и подал.

Владимир был знаком с другом Юрия Сергеевича, бывал у Белова в Гусевке и потому просто поздоровался.

Послышался командный голос:

— Алкоголь где, лётчик?

— Военная тайна! — отшутился Летунов.

Когда разложили закуску, на столе стало тесно. Вместо классической поллитровки на скамейку у стены была водружена десятилитровая алюминиевая канистра. Мигом вспороли банки с консервами и нарезали крупными ломтями хлеб.

— Надо б нары приготовить к ночлегу... — заикнулся Никодим.

— Сначала «брызнем», — возразил Королёв.

— Успеем, — поддакнул Панов.

— После! — полковник тоже отмахнулся от предложения Никодима как от назойливой мухи.

Шофера промолчали.

— Ну, потом так потом. Правда, как говаривал мой друг, художник Володя Беляков, потом, значит, никогда... А что пьём? — подозрительно глянув на канистру, поинтересовался Никодим.

— Мы решили не мараться, — открывая по-хозяйски канистру, рокотнул Летунов.

— Стало быть, чистый! — нахмурился Никодим, не понаслышке знакомый со спиртом.

— Где вода, дед? — строго спросил Королёв.

— А мы что, уже на «ты» перешли? — осадил директора Никодим.

— Извините, пожалуйста, Никодим Прокопьевич! — смущённо поправился Королёв.

— А вода была, да вся вышла, — словно не заметив растерянности директора, ответил Никодим.

— Володя, придётся сходить за водой к машине, — попросил Панов своего водителя.

— Да не надо куда ходить, у меня в рюкзаке напиток «Юпи» в пластиковой бутылке, — возразил Королёв.

— Нет уж, чем презервативы мажут, я не пью, — заупрямился Летунов.

— Уж лучше из лужи, — согласился Никодим и добавил: — Сейчас...

Вскоре он вернулся с красноватой от глины водой в трёхлитровой банке.

— Хоть из копытца, зато натуральная вода, — заверил он.

— Ну, Прокопьевич, вам и разводить, — предложил Летунов. — Недавно Сергеич рекомендовал вас как кондового таёжника, говорит, не один спальник у костра прожгли!

— Ага, — разводя спирт, дурашливо согласился Никодим.

— За знакомство и на фарт! — высоко подняв эмалированную кружку, предложил Королёв.

Выпив содержимое, кто как умел, принялись закусывать.

— Круто! — отдышавшись, выдал директор.

— Не вода! — уважительно подтвердил главный инженер.

— Божественно! — возразил полковник.

— Голимый огонь! — резюмировал Никодим.

Шофера промолчали.

Разлили по второй. Приняли. У Никодима с отвычки, давненько не потреблял он дерзкого питья, закружилась голова. В зимовье плавал густой табачный дым. Захотелось на свежий воздух. И он молчком вышел из зимовья.

Высоко-высоко пошумливал ночной ветер. Между кронами деревьев любопытничала луна, а на открытых участках неба поблёскивала холодная соль звёзд. Хлопнула дверь, вышел Юрий Сергеевич и, подойдя к Никодиму, поинтересовался:

— Ну, как бригада? Орлы!

— Поглядим в работе, — усмехнулся Никодим и добавил: — Шишка вчера пошла. Не проворонить бы...

— Назначаю тебя бригадиром.

— Это с каких таких щей? Ты хозяин стойба, тебе и кашеварить!

— Мне как-то неудобно своим начальником руководить, а ты у нас товарищ независимый.

— Нет уж, нет уж! Спасибо за доверие! Но я зарок дал — не командовать людьми.

— Может, подумаешь?

— Будешь наседать, махну в деревню, — отрезал Никодим.

— Жаль, — огорчённо протянул Панов, — ну, пошли к мужикам, чего мы тут обидятся.

В зимовье Панов обратился к компании: «Есть предложение!» Но никто никакого внимания не обратил на его слова. Спирт действовал серьёзно. Никодим пошутил: «Это надолго...» Из-за стола во весь свой богатырский рост поднялся Летунов и, качивая кружкой со спиртом, запел: «По диким степям Забайкалья...» Все подхватили: «Где золото роют в горах...» Никодим, толком не зная слов песни, неудачно въехал: «Навстречу родимая мать...» Летунов, обняв Никодима за шею свободной рукой, наклонился к его уху и громко прошептал: «Сначала бродяга подошёл к Байкалу, а уж потом нарисовалась и его мать. Знать надо песню, Прокопьевич. Ну да не в том дело. Давай, полетели, где твоя посуда?» «Взлететь — пустяк, да падать больно...» — отказался Никодим.

Летунов подсел к Королёву и предложил: «Давай, Владимирович, с тобой по маленькой! Ну его!» — мотнул головой в сторону Никодима.

Шофера, сославшись, что надо поглядеть машину и принести кое-какие вещи, попросили отлить им в бутылку спирта и вскоре ушли, сказав, что заночуют в машине.

К утру спирт уложил всех. Летунов с Королёвым спали в обнимку на одних нарах. Юрий Сергеевич приткнулся за столом. А Никодим, кое-как вытащив спальник из зимовья, бросил его на постель для переработки шишек и, упав на него, отключился. Расчёт его был прост: скорее протрезвеешь на холоде. Так оно и случилось. Чуть забрезжило, когда он проснулся с больной головой. Во рту пересохло. Он пошёл в зимовьё, отыскал воду, попил, охмелел снова. Собрав головёшки и остаток углей в кучу, подбросил три больших полена. Проснулся Юрий Сергеевич:

— Не надо б топить. Жара снова будет, а так, в прохладце, лучше. Ну, раз подбросил, чего уже, пусть горят. Похмелиться не желаешь? — спросил он, присев к столу. И побулькав канистрой, выбрал две кружки, разлил понемногу.

Никодим сел на чурку у стола, взял кусок варёного мяса, зачем-то понюхал и сказал Панову:

— Однако пора завязывать с этим делом...

— Похмелимся — и всё, — согласился Юрий Сергеевич.

Заворочался Королёв и спросонок возмущённо пробормотал:

— Это почему же нас с Николаем Ивановичем обошли?

— А-а-а, проснулись, соколы! Ну, летите сюда, — пригласил Панов.

Королёв поднялся с нар и, покачиваясь, вышел из зимовья на свежий воздух. После побрякал рукомыльником и, вернувшись, достал из рюкзака полотенце, тщательно вытер лицо и руки. В изголовьях спальника отыскал свои очки, водрузил их на место и принялся будить Летунова:

— Николай Иванович, вставай, а то пролетишь, как фанера над Дурниной.

Летунов приподнял голову:

— Что, уже подъём? — и сел на нары. — А вы что и спать не ложились? — удивился он, видя, как Панов с Никодимом приняли из кружек, судя по гримасам, — не воду.

— Так, мужики! — дожёвывая домашний пирожок, обратился Панов ко всем: — Похмеляемся — и за работу, а то кедровка накажет.

И как бы в подтверждение застрекотала неподалёку от зимовья она, сеятельница кедровых семян.

Закипел чайник, Никодим бросил щепоть заварки и переставил на земляной пол.

Рассвело окончательно, когда мужики вышли из зимовья.

— Красота-то какая! — потянулся Летунов и спросил: — А почему этот красивый орешник Дурниной называется?

— Скоро узнаешь! — рассмеялся Панов. — Давайте привезённое оборудование установим.

Никодим принялся готовить завтрак, остальные пошли переносить всё, что необходимо для современной добычи и переработки кедровых орехов: комбайн, вентилятор, мотопилы, бензин, брезент.

Володя и Александр, каждый, принесли по трёхведёрной фляге с водой. Пока перетаскивали оборудование и оставшиеся вещи, Никодим колдовал у огня. Быстро сварив немудрёные щи, взялся помогать Панову. Тот безуспешно пытался прибить оторванную кем-то жердину с экрана для откидывания ореха.

— Давай подсоблю, — взяв за свободный конец жердину, предложил Никодим.

Когда пришили её, стали чинить лестницу у вышки. Тем временем Летунов и Королёв взялись делать, каждый для себя, колот. А Володя и Александр поправляли сруб ссыпки.

К обеду был наведён порядок на стойбе. Два огромных деревянных молотка — колота, лежали рядышком. Панов глянул на готовый инструмент и рассмеялся:

— У Прокопьевича есть свой. У меня тоже. А этими как бы дубняк не переломать! Летунов, смущаясь, справился:

— Что? Великоваты?

— Тебе колотить, а второй-то кто будет таскать? — не унимался Панов.

— Я пробовал поднять, — вмешался в разговор Королёв, — тяжелоат, конечно, но, по-моему, пойдёт. Тут деревья-то, действительно, дубняк. Другими-то вряд ли обобьёшь.

— Глупости! — возразил Панов. — Если шишка идёт, бить можно и небольшим колотом. С этими через час упадёшь в мох и вставать не захочешь.

— Делайте тогда сами! — обиделся Королёв.

— Нет! Я буду своим работать, — заупрямился Летунов.

— Я думаю, надо бы «брызнуть», пообедать, а там и решим без шума, что да как, — встрял Никодим.

Все согласились. Ещё бы! Спирт — не водка: долгого уважения требует. Расположились на досках, приспособленных меж двух рядом стоящих кедров. Нехитрое сооружение Никодим окрестил «шведским столом», потому что насыщаться с него можно было только стоя.

Повеселев после обеда, приготовили каждый по себе сбирку и распределились по парам: Александр с Королёвым, а Владимир с Пановым. Летунов, поняв, что ему придётся работать с дедом, глянул на него снисходительно и сказал:

— Ничего, Никодим Прокопьевич, колотом буду управлять я, а вы, знай, поспевайте.

— Попробую! — улыбнувшись, откликнулся Никодим.

Панов ушёл в кедрач, бросив напарнику: «Я сейчас!», и вскоре появился с небольшим стареньким колотом. Подошёл к огромному кедру, возвышающемуся в самом центре небольшой поляны, приставил его к стволу и, ловко оттянув на себя, приналёг и стукнул в самое зеркало*. Кедр вздрогнул от удара, словно нехотя, и вдруг послышался характерный шуршащий звук. Потрескивая по сучкам, слетело три-четыре десятка шишек. Ещё раз ударил, посильнее. Опять раздался шум падающих коричнево-синих ёжиков.

— Ого! Кажется, орех будет, — удовлетворённо заявил Панов. — Сегодня много не набьём, не в форме. А вот завтра-послезавтра будет само то.

Владимир быстро подобрал шишки и тоже довольно хмыкнул:

— Пошла! Откуда будем начинать?

Панов, приставив колот к кедру, подошёл к кострищу и объяснил:

— Путики** набиты вниз по склону орешника. Пройдём до распадка каждый, только мшите***, не забывайте, чтоб попусту не обстукивать. А колотить, наверное, лучше отдохнувши как следует, с утра пораньше. У кого какие будут предложения?

Летунов возразил:

— А почему не сегодня? Я готов работать.

— Панов, пожалуй, прав, — нехотя, из ревности к власти, согласился Королёв, понимая, здесь он главным не будет...

Никодим, помолчав и подождав, добавил:

— Старшому видней.

Чтобы зря не терять времени, решили наготовить дров для костра и печки, да и для сушки понадобится немало. После ветровала упавших кедров вокруг стойба было не мало. Но Панов распорядился по-своему:

*Зеркало — рана на стволе кедра после многолетних ударов колота.

**Путики — многолетние тропы для рациональной обработки орешника.

***Мшить — вешать кусок мха на сучок обработанного кедра, чтобы не повторяться.

— В первую очередь надо обязательно распилить все те деревья, которые упали на поляну и на путики, отходящие от зимовья.

С того и начали. Владимир работал мотопилой «Урал». Летунов колол чурки на поленья. А остальные таскали и складывали дрова возле зимовья под навес. Вскоре поляна возле зимовья и основные путики были расчищены. Панов с Владимиром ушли вниз расчищать тропинку к ключу в распадок. Кто знает, сколько придётся тут жить. Правда, собирались, как обычно, на десять дней. Управившись с дровами и расчистив тропу к воде, сделали большой перекур.

Продуктов, как всегда в начале заездки, было полно. И сметана, и помидоры, и морковка, и капуста, и варенье, и ветчина, и самодельная тушёнка. Чего только не положили заботливые жёны мужьям для работы в тайге! Другое дело, когда настоящие промысловики готовятся в орешник. Женщин к сбору продуктов не подпускают и на пушечный выстрел. Всё, что нужно взять, продумывают заранее, с учётом записей.

Летунов сходил в зимовьё, вынес на свет канистру со спиртом и спросил всех:

— Кто желает?

Панов глянул на него осуждающе и процедил сердито:

— Договорились же, хватит!

— Так я спрашиваю, авось, кому ещё не мешает принять?

— Если чуть-чуть, — неуверенно протянул Королёв.

— Пожалуй, по маленькой не грех, — согласился Никодим.

— А я считаю, даже необходимо, чтоб равномерно выйти из пике! — обрадованно, что не он один жаждет, улыбнулся Летунов.

— Ну, если все, что ж, ладно, разлей по сотке, — видя безысходность ситуации, согласился Панов. Но добавил: — И на этом — всё!

Шофера в дебаты не вступали, но с любопытством ожидали. И заулыбались, как только почувствовали перелом в ситуации.

К вечеру все рамки потребления были снова нарушены. Немного не дошли до хорошего исполнения популярных песен. Когда стало смеркаться, перебрались в зимовьё. На этот раз по очереди, чтобы не мешать друг другу, каждый основательно приготовил себе постель. Поскольку у Никодима с лежанкой вопроса не было, он вышел к костру, сгрёб головёшки в кучу и положил наверх несколько крупных поленьев. Костёр задымил, и через несколько минут из дров весело выскочили небольшие языки пламени. Костёр разгорался всё сильнее и сильнее. Темнота отступила в стороны. Огромные кедровые, казалось, придвинулись к огню поближе, как будто тоже хотели погреться.

Никодим присел возле костра на корточки, закурил дарёную болгарскую сигарету «Опал», затянулся пару раз и, притушив, спрятал обратно в пачку. «Не моё топливо», — прокашлявшись, грустно подумал он и, достав жестяную табакерку, полез в нагрудный карман за бумагой, решив утолить никотиновый голод родным само-садом. Привычно закатав грубо рубленое зелье в газетную бумагу, прижёт от уголька из костра и затянулся со вкусом. «Совсем другой табак! Правду говорят поговорки», — удовлетворённо заключил он и окунулся мыслями в свою деревню: как-то там его домочадцы поживают?

Скрипнула дверь зимовья, и к огню подошёл Летунов:

— Можно рядышком?

— Ради Бога! — согласился Никодим.

— Да я не один, — протягивая кружку и кусок хлеба с приличным пластиком ветчины, предложил Летунов.

— Нд-а-а! Похоже, завтра будет как сегодня, — заметил Никодим.

— Да ну, что мы, детишки что ли?

— Вот и грустно становится мне, что, к сожалению, уже не дети...

— Да вы философ, — заметил Летунов.

— Ага! Глубокие мысли на мелком месте, — протянул Никодим, но кружку и бутерброд взял. Помолчал немного и задумчиво изрёк: — И когда же мы, россияне, её, родимую, всю выпьем?

Летунов, не поняв о чём речь, успокоил:

— Да нет! Всё на этом. Панов уже наложил арест на остатки спирта, — и немного подумав, добавил: — А может быть, он и прав.

Глянув в свою кружку, Никодим ахнул:

— Да это же лошадиная доза!

— А мы помаленьку, на дольше хватит, — заверил Летунов.

— Лады! — не желая обидеть дружеский жест полковника, согласился Никодим и легонько, для порядка, коснувшись кружки Летунова, предложил тост: — Чтоб дети грома не боялись и он до старости стоял!

— Стопроцентно «за»! — поддержал Летунов.

Никодим глотнул и откусил бутерброд. Тщательно пережёвывая закуску, он задумчиво смотрел на огонь, будто забыл про собеседника.

Вдруг в глубине кедрача раздались треск и шум.

— Что это? — спросил Летунов.

Не отрывая взгляд от огня, Никодим усмехнулся:

— Ведмедь.

— Да ну! — возразил Летунов.

— Тогда сохатый...

— А это кто такой?

— Лосей у нас так зовут.

— А-а-а, понятно. Юрий Сергеич рассказывал, что вы много лет в геологии работали.

— Да.

— А что бросили? Разонравилось?

— А вы что отлетались? Интерес пропал? — в тон спросил Никодим.

— Нет, списали...

— Вот и меня списали.

— А кто вас-то списал?

— Первая жена.

— Это как так?

— Долго рассказывать, — ответил Никодим, не желая делиться большими воспоминаниями.

— Все они, бабы, такие. Чуть муж из дома, заместитель на пороге! — посочувствовал Летунов.

— Вот и не надо б из дома... Жаль, поздно доходит, — тяжело вздохнул Никодим, уже пожалев, что пошёл в орешник.

Скрипнула дверь зимовья.

— Сумерничаем? Надеюсь, не помешал беседе аксакалов? — пошутил Юрий Сергеевич.

— Присаживайтесь! — предложил Никодим, и Летунов поддакнул:

— Трое — это ж классика!

— Николай Иванович, а вы чем рулили? — спросил Никодим Летунова.

— Да я вообще-то в наземной службе, как говорят в народе, «хвосты самолётам затаскивал».

— Инженер?

— Да, приборист. Но и в пятом океане довелось не раз побывать.

— Ну и как там? — неподдельно заинтересовался Никодим. В молодости он тоже подумывал о небе, жаль, не случилось. Завалил первый же экзамен при поступлении в авиационное училище, а мечта осталась.

Но тут вмешался Панов:

— Я всё хотел тебя спросить, Прокопьевич, а почему ты бросил производство и поселился вдали от общества? Если не секрет. По возрасту — вполне можешь работать. К тому же диплом механика у тебя.

— Честно говоря, надоело бездельников кормить.

— Как это так? — поинтересовался Юрий Сергеевич.

— Порочный, на мой взгляд, бригадный способ производства стал превалировать: один рубит — семеро в хрен трубят. А в перестройку, благодаря политике «из-за бугра» особенно не любили тех, кто работает до самозабвения на благо Родины.

— А по-моему, система правильная: один отвечает за всех, а все за одного. Как в армии, — возразил Летунов.

— А все получают по шее за одного, — вставил Никодим.

— Нужно сообщать, кто недобросовестно относится к работе, — заявил Панов.

— Бездельники — народ умный, а стучать начальству на товарищей — дело неприличное, — заметил Никодим.

— Сейчас рынок! С социализмом покончено! Хотя напрасно. Да и какая демократия — дерьмократия, да и только! — зло заметил Юрий Сергеевич.

— Ну и Москва не сразу строилась, — возразил Никодим. И поинтересовался: — А ты, наверное, коммунист бывший?

— Почему — бывший? — обиделся Юрий Сергеевич.

— Я тоже коммунист, — поддержал его Летунов.

— Да ну вас, мужики, не стоит ворошить муравейник, — попытался уйти от неприятно развивающегося для него разговора Никодим. Но тут опять скрипнула дверь, и Королёв радостно изрёк:

— А мне можно на мужские посиделки?

— Подходите к огоньку, очень даже кстати, тут у нас полемика, — объяснил Летунов.

— О чём?

— Обмен взглядами, — нехотя отозвался Никодим. — Гребите к огоньку, правда, вас теперь будет трое на одного, ну да не смертельно.

— Ну, так о чём же всё-таки речь? — подойдя к огню и присаживаясь на бревешко рядом с Никодимом, полюбопытствовал Королёв.

Отражённое пламя костра полыхало в стёклах очков.

— Давайте для разрядки международной обстановки, как это принято в цивилизованном обществе, поднимем дружественный кубок, и все острые углы наших разногласий сгладятся, — предложил Летунов.

— Тогда я схожу за НЗ, — предложил Панов.

— Зачем? Крикни Володю, принесёт, — заявил Королёв.

— Вы б дали мужикам отдохнуть, они, чай, на службе устали подавать, — вмешался Никодим.

— Пожалуй, вы правы, Никодим Прокопьевич, — пристыженно согласился Королёв. — Привыкаешь, чёрт возьми, барствовать.

А Панов пошутил:

— Ну, заступник, тебя бы в шкуру руководителя.

— Довелось, довелось, не расстраивайтесь, до сих пор стыдно. Вовремя кинул вожжи...

— А может, в зимовьё переберёмся, что ходить: то питьё, то закуска, — предложил Летунов, — да и теплее там.

— Не... У огонька благостно толковать, да и хвойный воздух не мешает. Но вообще-то, если все хотят в тепло, то я подчинюсь, как там у вас: «меньшинство подчиняется большинству».

— Пожалуй, у огонька лучше, — возвращая разговор в прежнее русло, согласился Королёв.

Панову ничего не оставалось делать, как сходить за спиртом. Через пару минут он появился с пол-литровой банкой, наполненной всклень. Летунов с Никодимом, растелив брезент у огня, взяли со «шведского стола» закуску и посуду, всё расставили на брезенте и приготовили четыре кружки. Панов присел над брезентовой самобранкой, аккуратно налил в каждую кружку помаленьку и, достав из кармана полиэтиленовую крышку, закрыл банку и поставил её на брезент посередине. Каждый старательно выбрал себе закуску. Никодим взял кусочек хлеба. Панов — кусок колбасы. Летунов вскрыл банку шпрот. А Королёв, немного подумав, сказал:

— Мне, пожалуй, помидора хватит. Я уже сыт.

— Сыт — это хорошо! Хотите, я вам анекдот расскажу? — предложил Летунов.

— Просим, поведай, — отозвался, улыбаясь Королёв.

— Можно, похочоchem, — согласился Панов, а Никодим брякнул:

— Кажь масть!

— В общем, так, — начал Летунов, — мать приготовила обед, это дело было в деревне. И говорит дочери: «Позови отца, он на повети сено складывает». Дочка пошла и вскоре вернулась: «Тятка сказал, что он сыт». Мать не расслышала и говорит: «Ну, ничо, поссыт и придёт».

В наступившей тишине Никодим спросил:

— А где смеяться?

— Сами рассказывайте тогда, — обиделся Летунов.

— Сначала примем, а там видно будет, о чём говорить, — предложил Королёв.

Брякнули кружки, мужики закусывали молча. Потом все закурили, кроме Королёва. Летунов, глядя, как Никодим сворачивает самокрутку, спросил:

— Я ведь вас вчера угостил пачкой импортных сигарет, что, не нравятся?

— Да нет, что вы, спасибо большое! Но, знаете ли, пехлец вкуснее!

— А это ещё что за рыба? — удивился Летунов.

— Сорт махорки, — ответил Никодим.

— Так её давным-давно нет в продаже. Или я не искал, потому что не курящий? — удивился Королёв.

— Прокопьевич сам выращивает, я видел его плантацию, — подтвердил Панов.

— Ну и как? Получается? — справился Летунов.

— Как говаривала моя мама, нужда заставит сопливого любить, вытрешь да поцелуешь, — вздохнул Никодим.

— А может быть, вернёмся к нашим баранам? — попытался восстановить спор Панов.

— Да ну её, политику! И охота языком молоть, — пробовал увильнуть от дебатов Никодим, опасаясь, что не устоит против трёх говорунов. Но потом дерзнул. — Ну, коль не лень, можно и поспорить, чур, не все разом. На чём мы остановились, что-то о демократах, так, по-моему?

— Ну а чем они, собственно, хороши? — спросил Панов. — Власть отобрали, империю развалили.

— Империю зла! — вставил Никодим.

— А что взамен? — возмутился Панов. — Предприятия еле дышат, заказов нет, — раз. Прожиточный минимум подскочил так, что и не снилось, — два. Экономика в загоне, сколько долгов по зарплате не выплачено!

— Пенсии старикам и то нечем платить, не говоря уже о пособиях, — зло добавил Летунов и, помолчав: — Распустили народишко! Раньше попробуй опоздай или своруй, враз угодишь на нары.

— В последние годы, по-моему, что-то не слишком страдал народ за воровство. Или я ошибаюсь? — парировал Никодим.

Королёв молча слушал, не вмешиваясь в полемику. Но, не выдержав, задал вопрос Никодиму:

— А чем, на ваш взгляд, идея коммунистического общества плоха?

— Идея — ничем. И лозунги прекрасные. Но вот до осуществления их ещё бы добрались, не так как было, а так, как виделось мыслителям-утопистам. Ведь не зря же их историки называли утопистами! В общем, гладко было только на бумаге... В итоге борьбы за Советскую власть, фактически, никаких советов не было. Была диктатура коммунистов под щитом пролетариата. Был всем известный «одобрямс»! Для инакомыслящих личностей, теперь уже всем известный ГУЛАГ. А борьба с инакомыслием, как видите, привела к печальным результатам. Ведь на практике-то что получилось: рабы остались рабами, только обманутыми коммунистической пропагандой. В подавляющей массе большевиков были и честно преданные мифу равенства и братства. Кстати, они-то и строили новое государство. И в Великой Отечественной войне выиграли именно они, и страну из руин после каждой войны поднимали именно они. А тем временем псевдокоммунисты, раскусив преимущество принадлежности к правящей партии, воспользовались властью в корыстных целях. Вагонами уходили за границу государственные ценности. И всё это начиналось давно и сверху. Рыба, как известно, гниёт с головы... Заканчивая свои глупые рассуждения, добавлю, — усмехнулся Никодим, — большевики решили сразу прыгнуть в коммунизм, минуя все стадии развития общества, и облажались. А вывод прост: нехрен нарушать законы истории! Возможно, я неграмотно рассуждаю, но современное положение нашего российского государства — неоспоримый факт провалившейся затеи большевиков. Не правда ли? Кстати, вам-то чего бояться? Ведь все политические пристрастия у многих чиновников слишком близко связаны с правящей партией или с личным животом.

И Панову, и Королёву, похоже, крыть было нечем: шапочка-то на них горела!..

Летунов, расположившись удобнее на брезенте, уже спал. Королёв сосредоточенно молчал. А Панов, зевнув, подытожил:

— Мы с тобой, Прокопьевич, антагонисты. И никогда не договоримся.

— Не исключено. Ведь ты пока ещё коммунист. А мне в любой партии делать нечего. Ещё в семьдесят первом партбилет свой выложил в кабинете инструктора горкома КПСС. Правда, и стаж у меня был мизерный, даже год не набирался. Но глянул я, что внутри партии тогда творилось, когда был секретарём ВЛКСМ на предприятии, и решил для себя: мне с политикой не по пути! Родители не этому меня учили. Говорить людям одно, а творить другое.

— Опасный вы человек! — задумчиво протянул Королёв.

— Да нет, стар уже. А когда надо было в своё время, по молодости, не знал, куда идти, у кого совет просить. Несогласных с государственной политикой прятали, а согласные лапшу со своих ушей на другие уши перевешивали. А, впрочем, можете и не слушать меня. Ведь моя речь не истина в последней инстанции. Так, говорю, что думаю и как понимаю, вы уж не сердитесь. Куда мне в ораторы, так, потрепаться с вами дилетантски и ладно.

— Получается, все мы дилетанты, — задумчиво проронил Панов и предложил: — А может, пора спать, а?

— Пожалуй, вы правы, Юрий Сергеевич, — согласился Королёв. — Как-нибудь поговорим по-трезовому, без лишних эмоций. Согласны? — предложил Королёв Никодиму.

— Почему бы и нет, если один на один! — ответил он.

Летунова будить не стали, увидав, как он сладко похрапывает на брезенте. Панов и Королёв направились в зимовьё, но Никодим их окликнул:

— А со стола убирать? Володю с Сашей будить, что ли?

Панов с Королёвым остановились и, повернувшись к Никодиму, переглянулись между собой. Убирая продукты, Королёв усмехнулся:

— Ох, и заноза ты, дед! Простите, Никодим Прокопьевич! Опять невольно вырвалось.

— Да уж чего там, какой есть, — ответил Никодим, прихватил пару кружек и тоже пошёл в зимовьё.

Спали все, кроме Никодима. Отстаивая своё видение происходящих перемен, он явно переволновался. К тому же снова стало мучить похмелье. Поворочавшись на нарах и поняв, что заснуть ему будет нелегко, он встал, зажёл керосинку, налил в кружку грамм сто разведённого спирта и, выпив, отёр рукавом рот. После немного посидел за столом и почувствовал, что сон его возьмёт на этот раз... потушив керосинку, он прилёг на нары и разом заснул. Под утро Никодим слышал сквозь сон, что поднялся Панов и что-то бурчал, потом окликнул его, но он вставать не стал, решил ещё немного, пока не рассветёт, поспать. Проснулся, когда вся бригада была уже на ногах. С трудом поднявшись, кое-как выбрался на улицу и долго мыл лицо холодной водой из-под рукомойника. Подошёл Панов:

— Что, Прокопьевич, тяжело?

— Кажись, вчера переборщил, да ещё этот трёп. Пропади оно пропадом, это суесловие, сколько раз зарекался не молоть языком.

— Ну, ничего, сейчас опохмелишься, поешь, глядишь, и на ноги встанешь.

— Если бы... — вздохнул Никодим.

Когда он подсел к столу, Королёв тоже сочувственно предложил:

— Может быть, действительно, примите немного, как лекарство? Мы-то ничего вроде бы. Всё же моложе.

— Да нельзя мне пить, — взяв кружку со спиртом, прошептал Никодим и, сморщившись, опорожнил её. Через несколько секунд принялся с жадностью хлебать приготовленный кем-то горячий суп с клёцками. Хотя в другое время он их не терпел, клёцки эти. «Ещё бы, ещё хоть чуток выпить», — подумал он, понимая, что больше нельзя. Теперь только время вылечит. К тому же надо работать — куда денешься. Никодим клял себя, как только мог, хотя прекрасно понимал, что при случае не сдержится и опять напьётся...

Целый день, кряхтя, он собирал сбитые шишки, еле управляясь за Летуновым, хотя и тот работал спустя рукава. Порой Никодиму становилось невыносимо плохо, но он терпел, будь что будет, и кое-как дожил до вечера. Не ужиная, упал и заснул.

Утро началось с неприятности. Владимир, запнувшись об корень, вывихнул ногу и теперь сидел на нарах, постанывая. Нога в щиколотке распухла. Пробовали выправить, но что нужно делать в таком случае, не знали. Встал вопрос: что предпринять? Королёв, недолго думая, приказал:

— Александр, вези Владимира в больницу! Жаль, что машина уйдёт из орешника, но что делать? Вдруг трещина в кости...

Когда Володю посадили в кабину, Королёв сказал Александру:

— Володю отвезёшь в город, если ничего не случится — вернёшься на вывозку нас из орешника. Чего ты тут будешь делать без напарника?

— Когда прибыть-то? — спросил Александр.

— Какое сегодня число? — обратился Королёв к Панову.

— Седьмое сентября, если я не ошибаюсь.

— Значит, семнадцатого. Все согласны? — спросил он бригаду.

Никто возражать не стал. Вскоре КамАЗ взвыл и, треща валежинами, скрылся в тайге. Мужики пошли в зимовьё, переговариваясь на ходу:

— Не смертельно, конечно, но всё же ни к чему бы эта травма, — озабоченно проговорил Королёв.

Летунов как всегда шутил:

— До свадьбы заживёт!

Никодим больного не пошёл провожать, рассудив, что и без него обойдутся. Он готовил на костре пищу на весь день, чтобы не отвлекаться от работы.

Ели молча. А когда все насытились, Панов сообщил:

— Так, мужики, наверное, надо и для ребят наколотить. Как вы думаете?

— Конечно, что добудем — поделим поровну, — согласился Летунов.

— Я по-другому и не думал, — отозвался Королёв.

Никодим завершил:

— Какой разговор, иначе и быть не должно.

Внезапно погода начала портиться. Над вершинами кедров поднялся ветер, раскачивая макушки деревьев. По небу понеслись совсем близко лохматые облака. Задевая вершины самых высоких кедров, они расчёсывались об них. То здесь то там падали ветки и шишки. Когда начали снова оббивать кедровые ветви, заморосило. Но к обеду небо очистилось. За день набили двадцать кулей. В ссыпке уже лежали шишки из сотни мешков. Получалось сто двадцать. Шишка шла неровно. Где хорошо осыпалась, но на некоторых кедровых ветвях держалась крепко, приходилось доить. За два-три удара осыпалась основная масса, а потом так себе: по пять-шесть шишек, не больше.

На третий день пришли соседи, совхозная бригада, попросить дизтоплива добрататься до дома, в обмен на орехи, но, узнав про несчастье, посетовали и, покурив, собрались уходить.

— Как шишка? — поинтересовался Королёв.

— По семь крапивных кулей чистого ореха, под зашивку, набили, — ответил Василий.

— Да и шишкой, под пихту, мешков по десять будет, — добавил Николай, потягивая чай из кружки. Управившись с чаем, он снял со спины старенький охотничий карабин, с которым пришёл, и передёрнул затвор. Василий заорал на него:

— Ты чо! Совсем рехнулся! Идиот! — и выдернул у него из рук карабин. — Люди вокруг! А ты затвором клацаешь.

Николай виновато пожал плечами:

— А чо такого?

— Раз в год и палка стреляет! — уже остывая, назидательно бурчал Василий.

— Ничего, в армии научат! — улыбнулся саркастически Летунов.

— А я в вашу армию и не собираюсь! Тама одна дедовщина, — огрызнулся Николай.

— Пошли! — скомандовал Николаю Василий. — В наказание пойдёшь за солярой в деревню.

Переругиваясь, они ушли.

— Новые демократические птенцы, — хохотнул Летунов. — Такие защитят! Это ж надо додуматься!

— Мал ещё, — вступился Никодим, — шестнадцать лет, какие годы...

— В шестнадцать люди полком командовали, — заметил Королёв.

— Да хватит вам оживлять советские мифы, — обозлился Никодим. — Гайдар за советскую власть, возможно, и полком командовал, зато его внук теперь страну помогает разворовывать. Советской властью выпестованный Мальчиш-Плохиш. Что? Не так?..

— Брек! — объявил Панов. И добавил: — Вечером поспорим. Колоты взяли в руки — и вперёд! К окончательной и безоговорочной победе. Что там сейчас на дворе? Капитализм, значит, для личного обогащения.

— И правда, чего это мы раскипятились? — согласился Никодим.

— Никодим Прокопьевич, а давайте на пару поработаем, заодно продолжим пикировку, — предложил Королёв.

— Да ради Бога! — согласился Никодим.

— Вы там друг друга, как классовые антагонисты, не кончите? — пошутил Панов.

— У нас, по-моему, в принципе разногласий нет, есть разные взгляды, а это не одно и то же. Не правда ли? — справился Королёв у Никодима.

— В процессе тесного общения на трудовом фронте, как было модно говаривать в недалёком прошлом, мы попытаемся дискутировать без нанесения физического и морального ущерба собеседнику даже в моменты наивысшего накала страстей! — витиевато согласился Никодим и обратился к Королёву, взяв сбирку: — Ну что ж, вперёд и с песней!

Панов подождал, пока Летунов покурит, и они тоже ушли.

Застучал сначала один, а потом и другой колот. И сразу же раздались резкие, неприятно громкие крики невесть откуда появившейся стаи кедровок. Костерок на поляне чуть дымил. Пробежал бурундук по земле и, взобравшись шустро на настил, принялся шелушить огромную шишку, отложенную кем-то, вероятно, для гостинца. Из пихтача на поляну выскочил заяц. Постоял столбиком на задних лапах и юркнул обратно в зелень подлеска. Внезапно в кедраче раздался звериный рёв, и удары одного колота прекратились. А через минуту на поляну возле зимовья выскочили сначала Летунов, почти проламывая просеку в подлеске, а за ним и Панов, наступая на пятки полковнику. Оба залетели с разбегу в зимовьё. После короткой паузы раздался хохот. Дверь распахнулась, почёсывая затылок и озираясь по сторонам, вышел Летунов, а за ним Панов с карабином в руках.

— Мне мерещится: аксакал ускакал! — закуривая сигарету, скалambuрил Летунов.

— Офицера бегает быстрее! — поддел Панов, нажимая на последнюю букву «а». Вообще-то, и шкура медвежья нам бы ни к чему, своя дороже, — задрав ствол вверх, добавил он и нажал на спусковой крючок.

Грохнул выстрел.

— Эй! Лю-у-уди! — во всю силу лёгких пробасил полковник.

— Пере-е-е-еку-у-ур! — октавой выше прокричал Панов.

Второй колот после непродолжительного затишья вновь застучал, постепенно удаляясь в распадок.

— Ну что, медвежатник, чайку попьём что ли? — предложил Панов.

— Ты не очень отставал! — посмеиваясь, отозвался Летунов. — В штанах-то как? Сухо?

— Свой мундир проверь! — парировал напарник.

Между тем Королёв и Никодим продолжали работать. Шишка пошла хорошо, видать, подсохла, зато носить наполненные под завязку мешки стало далеко, да ещё и наверх. Решили сделать временную сыпку поблизости. Соорудив некое подобие сруба из валёжин, высыпали шишки в него, после Никодим сходил за полным мешком, оставленным неподалёку, и его ссыпал, собрал высыпанные прямо на мох шишки и их тоже перекидал в сыпку. Внезапно со стороны зимовья послышался выстрел.

— Юрий Сергеевич упражняется что ли? — заметил подошедший с полным мешком Королёв.

— Рёв не слышали? Мишку, то есть Машку, пугают, скорее всего, — догадался Никодим.

— А что, есть?

— Заходил — были медвежьи следы, мамка с малышами.
— Сколько медвежат?
— Судя по следам, двое.
— А она нас не поваляет? — забеспокоился Королёв.
— Вряд ли, если мужики наткнулись, да ещё и пуганули, она уведёт детенышей ещё дальше. Ни к чему ей встреча с людьми.

— Но нападают же звери на людей!

— В голодный период — да. Но чаще всего уходят, — успокоил Никодим.

Отдыхали на обомшелом стволе упавшего кедра. Королёв спросил напарника:

— Никодим Прокопьевич, можно нескромный вопрос?

— Слушаю.

— Что вас заставило уйти с руководящей работы и забраться в глушь? Это же пахивает бегством.

— Ещё в древности заметили: от себя не убежишь.

— Вот, вот. Так что же?

— Да как-то скопилось всё враз: выматывающие скандалы с первой женой, неудовлетворённость сумасшедшим городским бытом, захлёстывающий вал лживой информации со страниц газет и телеэкранов. Психически устал...

— Давно живёте в Гусевке?

— Семь лет, — ответил Никодим.

— Получается, цикл?

— Да.

— Ну и каков итог? — поинтересовался Королёв.

— Превзошёл все мои ожидания.

— А именно?

— Коротко не отвечу, просто я попал в совершенно доселе неведомый мир. И с удивлением обнаружил, что мне для счастливой жизни совершенно стало ненужным многое, — Никодим заволновался, пытаясь как можно лучше объяснить преимущество его теперешней жизни в единении с природой. Он завязал ещё одну самокрутку. Королёв высек из газовой зажигалки огонь и любезно протянул Никодиму:

— Прошу!

Никодим прикурил и, выдохнув синее облачко дыма, кивнул головой в знак благодарности. Покуривая, задумался: «Ну что я ему скажу? Руководителю предприятия, рвущемуся к ещё большей власти, загруженному в этот перестроечный период заботами не столько о государстве, сколько о личном обогащении, живущему совершенно в другом мире, чем я...»

Королёв тоже молчал, думая о чём-то своём. Его голубые глаза потускнели. На круглом лице стали заметны до этого едва угадывавшиеся складки, остро поплёскивала на розовых щеках молодая щетина.

— Ну что, Пётр Владимирович! Поехали дальше? — подняв сбирку со мха, предложил Никодим.

— Да-да, — оживился Королёв и взял колот.

— Моя очередь! — возразил Никодим, протянув сбирку Королёву, и принял у него свой нехитрый деревянный инструмент. В первый приход на Дурнину, соорудил он его по совету бывалого промысловика, что был с ними в тот раз, деда Прокопенко. Берёзовый чурбан был точно, с небольшим наклоном, посажен на высохший кедровый шест. Деревянный молот получился не очень тяжёлый, но вполне пригодный по весу для долгой работы без усталости. Повесив клочок мха на сук обработанного кедра, Никодим приставил колот к другому стволу, оттянув на себя, ударил и спрятался от падающих шишек под колот. Стукнув ещё пару раз, перешёл к другому кедру. «Рясно наросла!» — глянув, как Королёв быстро скидывает шишки в сбирку, радовался Никодим.

Вскоре решили пойти пообедать. Наполнив шишками прихваченные с собой пустые кули, они взвалили на плечо по одному и стали подниматься вверх по путику к зимовью. На полпути решили передохнуть. Заметив кучу свежего медвежьего помёта, Никодим кивнул на красно-коричневую пирамидку:

— Эх, навалила!

— Да я вроде и не устал. Чего отдыхать, пошли, — забеспокоился Королёв и поспешил к зимовью.

Никодим торопиться не стал, передохнув, поднял мешок на плечо и тоже пошёл.

Если бы можно было глянуть на орешник сверху, то он по форме походил на гигантскую конскую подкову, концы которой уходили вниз и исчезали в распадке, глубоко вдававшемся во внутреннюю часть подковы. Там из-под замшелого валуна бил родник. Существенное неудобство его заключалось в одном — далеко от зимовья, почти километр вверх по склону, между валежинами, по узенькому путику, через поваленные деревья. Обычно в начале промыслового сезона родник расчищали. Подновляли поблекшие затёсы на тропе и пользовались источником по мере необходимости. Хотя, как правило, старались привезти с реки достаточный запас воды, чтобы не тратить время и силы на трудную, но необходимую работу. По этой тропе они и поднимались к стойбу. Почти перед зимовьём Никодим догнал Королёва. Тот шёл, тяжело дыша. Полнота давала о себе знать. Услышав шаги Никодима, Королёв остановился и неуверенно спросил:

— Передохнём немного, а? — и, не дожидаясь ответа, скинул с плеча мешок с шишками и присел на него. — Да... Дурнина... — переведя дух, понимающе протянул он.

— Тут немного осталось! — подбодрил его Никодим и, не останавливаясь, прошёл мимо. Королёв тоже встал, вздохнул и, взвалив мешок на плечи, двинулся следом. Ох, как тяжело было ему, директору, давно отвыкшему от тяжёлой физической нагрузки! Но гордость не позволила расслабиться.

Между деревьями показался дым костра. Летунов с Пановым, стоя у стола, заканчивали обедать, когда Никодим, а следом Королёв показали между деревьями.

— Живые! — как обычно, хохотнул Летунов.

— Как видите, — отозвался Никодим и, подойдя к ссыпке, опорожнил мешок.

Королёв не стал высыпать шишку из мешка и бросил его на постель. Разогнувшись, сладко потянулся и нарочно грубо спросил:

— Пожрать бы, а?

Не забывая о субординации и во внеслужебное время, «Сей момент!» — откликнулся Юрий Сергеевич. Наполнил борщом большую эмалированную миску Королёва и, галантно взмахнув рукой, пригласил к столу: «Прошу!» Затем взял алюминиевую чашку Никодима и тоже, наполнив доверху, поставил на стол:

— Позволь поухаживать и за тобой, Прокопьевич!

— Вали кулём, потом разберём! — пошутил Никодим, а Королёв искренне поблагодарил Панова:

— Огромное спасибо!

Справившись с борщом, Королёв спросил у Летунова:

— Сколько добыли?

— Пять мешков! — похвастался Летунов.

— Хило! — заметил Никодим.

Юрий Сергеевич таинственно, как заговорщик, поинтересовался у Никодима:

— Ничего особенного не видели, не слышали?

— Кедровки орут. А медведица нагадила во-о-от такую кучу! — подняв руку выше головы, ответил Никодим.

— А нас пуганула! — с гордостью заявил Летунов.

— Ага, — добавил Панов, кивнув головой в сторону полковника. — Гусар чуть двери не сломал в зимовьё, спасаясь от погони.

— А от кого спасался-то — в зимовьё залетаю, а следом Юрий Сергеевич, пятки мне до крови оттоптал! Не верите, могу разуться, показать, — посмеиваясь, оправдался Летунов.

Никодим допил чай, перевернул кружку вверх дном и поставил на стол. Приготовил самокрутку, задымил. После заметил:

— Мишка — мишкой, а шишка — шишкой!

Все поглядели на него, словно пытаясь догадаться: что нового брякнет этот седоголовый. А он, покуривая, думал о семье. Как-то там его любимая управляет с хозяйством? Как малыш? Не обидел ли кто их?

После обеда солнце исчезло, снова зашумел ветер. Мужики развернули прорезиненный грузовой тент и закрыли им на всякий случай от дождя ссыпку. Продукты на столе прикрыли полиэтиленовой плёнкой, прижав её по краям банками сгущёнки.

— Карабин берём? — спросил Юрий Сергеевич Летунова.

— На кой ляд? Убежим, если что. Опыт есть: дуну, не отстанешь! — отшутился полковник.

— Может, мне прихватить «Барс»? — неуверенно спросил у Никодима Королёв.

— И что вы будете с ним делать? — осердился Никодим. — Орех промышлять или зверя караулить?

— Ну, хорошо, хорошо, — ответил Королёв, и они отправились по путику в сторону ключа, где закончили работать. На удивление себе он невольно подчинялся этому невзрачному на вид мужичку. И это было для него, любившего командовать людьми, странно и непривычно.

Вскоре помаленьку стал накрапывать дождь. Чуть не хором орали кедровки, перелетая с дерева на дерево. Низко над вершинами пролетела, хрипло каркая, небольшая стая ворон. Внезапно ветер прекратился, а дождь стал расходиться всё сильнее и сильнее. Работать стало невозможно. Вместо шишек падала вода. Королёв предложил Никодиму:

— Давайте хоть набитое перенесём.

— Пожалуй, верно, — согласился Никодим.

Когда пришли к зимовью, Панов с Летуновым тоже решили не мокнуть и теперь носили с путика мешки, доверху набитые шишками. Когда заканчивали носить мешки, дождь поливал всю. Стараниями Никодима разгорелась печка в зимовье. Промысловики сняли с себя мокрую одежду и развесили на проволоке. Переодевшись в сухое, сели за стол. Никодиму переодеться было не во что. Он стоял у разгорающейся печки в чём мать родила. Мужики, увидав Никодима в таком виде, изрядно удивились. Несмотря на небольшой рост, он был широкоплеч, мускулист и без малейшего живота. Что поделать, такова была конституция его тела, поддерживаемая тяжёлым физическим трудом на протяжении многих лет. Спутники этим явно не могли похвастать. У всех троих, особенно у Королёва, были приличные животы. А ягодицам могли позавидовать и некоторые женщины. Хотя все трое были моложе Никодима почти на двадцать лет.

— Наденьте мою запасную гимнастёрку, — предложил восхищённый Летунов.

— Боюсь, нырну в неё и не вынырну, — вежливо отказался Никодим.

— У меня комплект тёплого нижнего. Кстати, мне он маловат. Может быть, подойдёт тебе? — спросил Юрий Сергеевич.

— Что поделать, давай, — согласился Никодим, бурча на себя потихоньку: «Старый дурак! Предлагала же Маша, артачился: и так завозно».

Королёв достал из сумки свитер, но он тоже был велик Никодиму.

— И куда только люди растут! — вслух пошутил он, одевшись в сухую одежду.

— Ну да, а вас в кадушку сорок штук войдёт, — отозвался Летунов.

— Ну! Большая фигура... — начал было Никодим, но осёкся.

— Ну что уж там, договаривай, — подначил друга Панов.

Когда обсохли и перекусили, Королёв предложил:

— Может, в «тышу», а?

— Почему бы и нет, — поддержал Панов.

— Согласен! — отозвался полковник и обратился к Никодиму:

— А вы?

— Не люблю, — отказался тот. — Играть без меня, а я займусь приготовлением ужина. Рис будем жевать? — спросил он всех.

— Если с тушёнкой, с удовольствием! — первым откликнулся на предложение Королёв.

— Я могу и без тушёнки! — согласился с блюдом Летунов.

А Панов, пожав плечами, сказал:

— Рис так рис. Мне без разницы, лишь бы не готовить. С кулинарией у меня нелады. Не получается почему-то.

— Вот и славненько тогда. Щас попробуем изобразить, — удовлетворённо подвёл черту Никодим.

В зимовье было парно от сохнувшей одежды. Крепко пахло рабочим потом и табаком.

— Освободим повару плацдарм! — предложил Летунов и первый пошёл устраиваться на нарах.

Игроки последовали его примеру. Хотели забрать керосиновую лампу, но Никодим отрубил:

— Обойдётся! Поставим её на полочку, и всем будет видно.

Игроки принялись за карты, а Никодим, бубня под нос: «Раз, два, туфли наденька...», достал из общих запасов рис, морковь, лук. Занёс с полки на уличной стене зимовья самодельную тушёнку в стеклянной банке — плоды трудов жены Панова, Людмилы Александровны, всё расположил на столе, подбросил в печку дров и пошёл за котлом к костру. Десятилитровый чугунный котёл Юрием Сергеевичем Пановым специально был припасён для большой компании. «Лучше посуды для приготовления плова и желать нечего!» — мысленно отметил Никодим.

Помыл котёл, протёр его тщательно и отмерил литровой кружкой воду из фляги. Только хотел открыть дверь в зимовьё, внимание привлёк шум приближающегося трактора. Это кого же несёт? Сенокосчики, небось, уже дома. Скорее всего, другие соседи. Решив, что мимо не проедут, Никодим зашёл в зимовьё.

— К нам гости, слышите?

— Кто бы это мог быть? — прислушиваясь к нарастающему тархтению, поинтересовался, ни к кому не обращаясь, Королёв.

— Хвалю «сотню»! — показав даму червей, объявил Летунов и добавил: — Если гости без пулемёта — это хорошо!

— Карабины надо бы убрать, а? — забеспокоился Королёв.

— Не ворованные, чего их прятать? — забирая взятку, отмахнулся Панов. И лихо шлёпнув последнюю карту о фанерку, приспособленную вместо карточного столика, заявил: — И последнюю взятку сюда!

Послышался разговор за стенкой зимовья, и в дверях появился парень лет двадцати пяти, а за ним пожилой мужчина.

— Всем большой привет! — обрадованно заговорил пожилой и обратился к напарнику: — Я же тебе говорил, на Дурнину выскочили. Фома неверующий...

— Присаживайтесь за стол, чайку сейчас горяченького налью, — предложил Никодим.

Путники сняли шапки, повесив на гвозди в стене, сели к столу.

— Само то! — заметил парень, принимая кружку.

— Блуканули малёхо, — добавил пожилой, — ну, теперь всё ясно. Хлебнём чайку и погрём.

Признав, как только они вошли, хозяина соседнего стойба, что располагалось через распадок на соседнем хребте — Лиственничном, Юрий Сергеевич поинтересовался:

— А чего вам не сидится в такую погоду, тёзка?

— Решили за водой сгонять. Распогодится — некогда будет дёргаться, — объяснил молодой.

— Давно заехали в орешник? — справился Королёв и поинтересовался из любопытства: — Сколько набили?

— Заехали неделю назад, — отозвался пожилой и продолжил сердито: — толку-то, шишка только третьего дня пошла, а тут дождь. Будь он неладен!

— На Лиственничном орех бьёте? — уточнил Никодим, прикидывая: пока дождит, смотаться в баньку что ли? Ведь оттуда до дома — рукой подать.

— Ага, на Лиственничном, — подтвердил молодой.

Никодим громко спросил, отдельно ни к кому не обращаясь:

— Пока дождит, может, в деревню махнуть да побаниться?

— Поезжайте! Шишку молоть и орех сушить мы и без вас сможем. Всё равно ждать, пока погода установится, — похоже, общее мнение высказал Королёв.

И тут же Никодим засобиравшись в дорогу, спросив гостей:

— Подбросите? От вас до Гусевки недалеко, всего через хребтик.

— Какой базар! — ухмыльнулся парень.

Никодиму загорелось домой, хоть всё бросай и беги. Надо переодеться в свою, уже подсохшую одежду, да и ужин был готов. Наложив с горкой в чашки кашу, поставил на стол и по-простецки пригласил гостей:

— А ну, ребята, навались! А я, пока вы управляетесь с ужином, подпояшусь в дорогу.

— Гостинцев возьмите с собой, — надоумил Королёв, — что рюкзак пустой тащить.

— Спасибо за подсказку! У самого-то совсем вылетело из головы, — и обратился к гостям: — Садитесь и вы кушать.

Сам Никодим ужинать не стал. Набрал в рюкзак шишек, присел и, покуривая, ждал с нетерпением, когда гости отужинают. «Домой! Домой!» — думал он. Мысль эта, на первый взгляд явно неуместная, а в самом начале и неосознанная, постепенно переросла в убеждение: надо идти. Конечно, и в дождь можно было найти в орешнике кучу работы, хотя бы ту же бруснику собрать.

Никодим вышел из зимовья. Дождь так же ровно, как и начался, всё шёл и шёл, барабана по крыше. Никодим по опыту знал — это надолго. Остаться в орешнике, значит, придётся вольно или невольно быть втянутым в «глубокомысленные» разговоры о перестройке, об ошибках и просчётах государственных деятелей его родного Советского Союза, обо всём том, что было не по душе Никодиму. Ему ничего и никому не хотелось доказывать, тем более противостоять людям, живущим в других условиях, нежели он и, соответственно, мыслящих другими категориями. Никодим же в последние годы полагался только на Господа Бога, свято уверовав в Его волю.

Он уже окончательно решил побывать дома. Побывать там, где его ждут, где его понимают. Побывать хотя бы на время дождя в своей атмосфере, где никому и ничего не нужно доказывать или противостоять.

Через полчаса, подпрыгивая на колдобинах лесной дороги, обшарпанный и порядочно помятый МТЗ-82 катился, увозя Никодима из бригады.

— Пора и нам за стол! — проводив отъезжающих,скомандовал Королёв.

Разложив всем по чашкам кашу, — ещё и осталось в котле прилично, Панов заметил:

— Молодец дед, на всех хватило!

— Хоть в личные повара приглашай! — восторгался полковник.

— Ну да, этого привинтишь, как же, — задумчиво произнёс Королёв и поинтересовался у Панова: — Вы его, Юрий Сергеевич, давно знаете?

— Лет шесть назад, когда у него был арендный Т-40, сосватал я его мою бригаду завезти сюда и обратно.

— А он что, тракторист?

— Берите выше — механик-водитель! Самое удивительное, что нас тогда поразило: наотрез отказался выпивать, пока не вывез! Но в деревне показал, на что способен. Сейчас не тот... Сдал. А может, помудрел или здоровье не позволяет.

— Личность явно нестандартная, — с уважением заметил Летунов.

— Независимый в полемике, но — дипломат! Или мне показалось? — спросил Королёв.

— А вы знаете, Пётр Владимирович, я заметил, хорошая школа у тех, кто в экстремальных условиях жил и работал. Самостоятельность мышления для них — стержень.

— Да не может быть человек независимым в обществе, — начал горячиться Королёв.

— Давайте лучше всхрапнём! — предложил Летунов.

Панов его поддержал, не желая спорить с шефом. Это было не в его характере. Лучше промолчать.

Почти залитый дождём костёр чуть-чуть дымил. Всё так же нудно барабанил дождь по рубероиду. Иногда сорванные налетевшим ветром с крон кедров крупные капли воды ломали ритмичный шум дождя. Распластав необъятные чёрные крылья, над тайгой неспешно пролетала сентябрьская ночь.

Никодим пытался и не мог вспомнить, где видел этих мужиков.

— Дай-ка, Никодим, закурить! Больно браво тянет твоим самосадом!

— На, — Никодим в тесноте (кабина трактора на двух человек рассчитана) кое-как достал жестяную табакерку из кармана брюк и, протянув пожилому за спиной тракториста, спросил:

— Где же мы встречались?

— Во, даёшь, паря! — удивился пожилой. — Ты вспомни, как мы с Кенькой у тебя спирт, заначенный на твоё шестидесятилетие, выдоили! Забыл чо ли? Ты тогда с нами пить отказался, схлюздил, на сердце спёр.

— А-а-а... — вспомнил Никодим. — И ты же был, — обратился он к парню.

— Но... — коротко отозвался тракторист.

— Как вы тогда добрались до своей деревни? На реке в ту ночь больно туго верховик задувал.

— Помню, стартер «Вихря» дёргал, а потом — как баба раздевала спать, — перекрикивая рёв дизеля, рассказывал Юрий.

— Чо б ты помнил, — усмехнулся Кенька, — я рулил-то.

Однофарный трактор круто свернул с лесной дороги на широкую просеку, распарывающую тайгу пополам. В глубоких колеях, высвеченная светом фары, поблёскивала чёрная вода. Трактор качался из стороны в сторону. Никодим то и дело ударялся то затылком о заднее стекло, то скулой о трубу рамки кабины. Хорошо ещё кроличья шапка смягчала удары.

Когда трактор подкатился к огромной луже, то чуть замедлил ход, как бы размышляя, а затем отчаянно нырнул в неё. Колея была так глубока, что передние колёса скрылись в воде. На самой середине лужи вдруг забарахлил дизель, сбавил обороты и заглох.

— Приехали!.. — зло буркнул Кенька.

— Вообще-то тут шлёпать километр — не больше! — обратился Юрий к Никодиму. — Пойдём, Кенька сам махом направит, ещё и догонит.

— Нет, — ответил Никодим, — не дело бросать товарища в беде.

— А чо путаться под ногами?

Но Никодим его и не слушал, а посоветовал трактористу:

— Больно хитро сдох дизель. Глянь, трубку топливную не оборвали, топливо в лужу не убежало бы.

Выбравшись на крыло заднего колеса, Никодим дал возможность вылезти из кабины трактористу. Тот спрыгнул прямо в воду, включил фонарик и, посветив на дизель, сказал:

— Глянь, Никодим Прокопьевич, бак. Тут всё пучком.

А Никодим уже шарил рукой под топливным баком, свесившись с крыла:

— Точно, топливная трубка лопнула пополам. Я пока закрыл кран. Ищите шланг.

Юрий загремел в кабине ключами, шаря впотьмах и матерясь:

— Говорил, камулятор надо не сымать. Хоть еле бздит, а всё же свет. Вот чо-то надыбал, похоже, шланник, — вскоре обрадованно объявил он.

По пояс в луже к баку подошёл Кенька с фонариком. Соединил шлангом трубки и зажал проволоочной скруткой.

Никодим тоже спрыгнул в лужу. Вода быстро наполнила сапоги. Неприятный холод облепил ноги от бедра до подошвы. Чертыхнувшись, он побрёл за Кенькой к мотору.

— Ты б, Прокопич, не булькался тута, поди, управлюсь.

— Не командуй! Сам с усам!

Кенька промолчал из уважения к возрасту, да и слыхивал, что дед — технарь.

— Глянь, воды не сосанул насос? — посоветовал ему Никодим.

— Я чо, скрозь железяку вижу?

— Да ты пробку сливную на насосе вскрой и посвети.

Юрий, не вытерпев, тоже спустился в воду. «Неудобно получается — люди чинят, а я сажу, зад грею», — решил он.

— Вот только тебя и не хватало! — возмутился Кенька. — Ты-то кого насоветуешь?

— Нужны вы мне, — обиделся Юрий. — Я в зимовьё побреду, одежду стогошу сухую да пожрать согрею. Дед Кузьма и тот, наверняка, спит.

— Дуй, — уже дружелюбно отозвался Кенька.

Юрий вылез из лужи и пошагал в темноту, лишь хлюпанье воды некоторое время было слышно. Но зря он не подождал. Завыл истошно пускач, и после прокачки насоса зарокотал дизель. Сначала неровно, с перебоями, но постепенно ритм выровнялся, вспыхнула фара. Трактор дёрнулся и поплыл к берегу лужи. Выбравшись на сухое место, немного пробежал и нырнул в новую лужу, ещё больше прежней, но её одолел благополучно.

Пешехода вскоре догнали. Трактор остановился, Юрий забрался в кабину и покатали дальше, преодолевая водные преграды. Вскоре показалось стойбо. Оно располагалось на высоком бугре, между трёх огромных кедров. Неподалёку от зимовья, на рабочей площадке, луж не было. Подогнав трактор к ссыпке, Кенька заглушил дизель.

Зимовьё здесь было большое, рубленное из кедра, с печкой из толстого листового

металла. Мужики спали вповалку на нарах, Никодим насчитал восемь человек. Похоже, за день умаялись промысловики крепко. Приехавших встретил только старик, который чинил стоптанные чирки при двух свечках.

— Привет, деда! Чайку бы... Озябли, пока добрались, ти ё в корень! — негромко попросил Кенька старика.

Тот снял очки, положил, не торопясь, в карман собачьей душегрейки, кряхтя, встал с лавки и сказал:

— Као быть, лужи меряли? Мокрёхонькие наскрозь, никак? — и сняв парящий, чёрный как антрацит, трёхлитровый чайник, принёс к столу, добавив: — Разболокайтесь! — Сдёрнул с проволоки над печкой трое штанов на руку и три брезентовых куртки, бросил их на лавку. — Вот, пока мужики спят.

Юрий быстро переоделся и, выходя из зимовья, бросил:

— Щас!

Вскоре он зашёл, держа в руках четверть, полную мутноватой жидкости, и, поставив её на стол, негромко предложил попутчикам:

— Согреемся!

На крайних нарах зашевелились ноги и раздался молодой голос:

— А мне?

— Нос в говне... Помой в лохани, чтоб не был поганым! — урезонил дед Кузьма. — Спи! Баиньки, родимый!

— Вечно так, как пахать, так — зайнька, как к столу, так — баиньки, — пробурчал недовольный голос и притих, спрятав голые пятки под овчину полушубка.

Пока мужики передевались, негромко переговариваясь, старик сам разлил самогон в три гранёных стакана почти доверху. Убрал под стол четверть и разломил шаньгу на три куса. Затем наложил в большие миски гречку с кусками мяса и тоже расставил на столе. Никодим обратился к старику:

— И вы б за компанию с нами, дедушка!

— Пейте, родимые, пока пьётся. Я свой пай давно испил. Будя... — отозвался дед, — А вот поклевать-то надо-ть. Да и вздремнуть пора.

Из чайника он налил кипяток в свою медную, с времён Отечественной войны, кружку. Из другого чайника, чуть поменьше, закрасил заваркой. И окунув сухарик в чай, сунул его в беззубый рот.

Чуть соприкоснувшись стаканами, мужики почти разом оприходовали самогон и застучали ложками. Поев, Никодим вытер тыльной стороной ладони усы, огладил бороду и сказал:

— Благодарствую, дедушка!

— На здоровычко, сынок! — ответил старик и обратился к пожилому: — Ты, Юрий, сам мужиков подымешь завтра? Али как? Я-то прилягу.

— Поспи, конечно. Только чо завтра мужикам делать? Дожжит ведь.

— Навес есть, молоть да сушить, чего прохлаждаться. Чай, заехали не продукты переводить, кедровка-то не спи-и-ит, — укладываясь на свободное место у печки, сказал старик и накрылся красным одеялом с выпирающими лохмотьями ваты.

— Ну, я пошёл, — сказал Никодим.

— Не терпится? — спросил Юрий. — Дорогу-то знашь?

— Бывал здесь, авось, не заплутаю. Одно плохо — темень.

Юрий вышел из зимовья. А Кенька нашарил под подушкой карманный фонарик и протянул Никодиму:

— Как-нить вернёшь.

Никодим переоделся в ещё чуть сыроватую, но зато тёплую свою одежду. Портянки, висевшие почти у самой трубы, были уже сухие. Быстро переобувшись, он достал табакерку и решил покурить в тепле на дорогу.

Никодим взял рюкзак и направился к двери, навстречу Юрий с полным ведром кедровых орехов, протянул его Никодиму:

— На! Сушёные. А то вы ещё и не мололи. Ты ведь только шишки взял домой. Скажешь сыну, мол, подарок от зайчика!

У Никодима в носу защипало.

— Спасибо! — растроганно сказал он и крепко пожал Юрию руку. Быстро высыпав в рюкзак орехи прямо на шишки, стянул верёвкой горловину рюкзака, ловко завязал и, взвалив его на спину, попрощался. — Ну, мужики, спасибо за всё!

— Не стоит, пустяки, — укладываясь, отозвался Кенька.

— На здоровье, — добавил Юрий.

— Пока! — бросил Никодим.

Выйдя из зимовья, постоял под навесом, чтобы сориентироваться, и пошёл сквозь мокрую тьму.

Дождь то усиливался, то стихал. Экономя батарейки, Никодим на короткое время включал фонарик и снова гасил. Постепенно привык к темноте и, только когда встречались большие лужи, обходил их, подсвечивая под ноги.

Сначала вымокли плечи, потом вода побежала по спине, добралась до пояса и юркнула по ногам в сапоги. Пройдя по профилю с полкилометра, он стал светить на стволы деревьев с левой стороны дороги, чтобы отыскать знакомый дуплистый пень кедра, поломанного ветровалом. Возле него выныривала из тайги тропа, ведущая домой. Удобная наезженная дорога выходила на профиль, но на добрых пять-шесть километров дальше. Когда Никодим встал на тропу, прекратился разом дождь. И хотя луж не стало, с кустов и ветвей слетали остатки воды. Спускаясь в распадок, подумал: «Вот уже три километра остаётся до дома. — Пересекая ручей, решил: — Попробую через Мостовую пашню, от неё — рукой подать до дома. — И стал подниматься на хребтик перед рекой, но через час пожалел: — Надо бы по ручью спуститься. Осёл самоуверенный! — ругнул он себя. — Ходить напрямик ночью без надёжной тропы может только идиот. Вот влип! Хоть костёр разводи и жди рассвета». Давали знать самогонка, недавняя гульба на Дурнине и плотная работа. Никодим включил фонарик и осветил им вокруг. «Так! Похоже, я в сосняке. Значит, почти на вершине Мостового ручья. Отсюда следует — пашня рядом. Костёр, чаёк и небольшой перекур, а там будет видно».

Он поискал удобное место для костра. Нашёл сухую старую сосну, почти упавшую на мох, и решил устроиться возле неё, сняв мокрый рюкзак. Никодим почувствовал облегчение, но спине стало холодно. Вверху всё сильнее стал пошумливать ветер. Часов у Никодима не было. «Молнию» давно сломал Ванька, а новые часы не на что было покупать. Разбирая завал валежника, в самом низу нащупал сухие ветви под колодиной и обрадовался: «Живём!» Разодрав мокрый мох до земли, вычистил пятачок для костра и стал складывать сучья, отламывая их внизу полуповаленной сосны. Пока таскал их для костра, немного согрелся. Сложив аккуратный шалашик из сухих веточек, достал из нагрудного кармана полиэтиленовый пакетик со спичками и кусочком сухой бересты, специально приготовленные, если придётся табориться в дождь. Осторожно, чтобы не замочить мокрыми руками тёрку на спичечном коробке, открыл его и достал одну спичку. Аккуратно зажгёт. Поднёс трепещущий огонёк к бересте. Огонёк нехотя перепрыгнул на растопку, чуть пригас, но потом медленно стал разгораться. Когда стали вспыхивать веточки, прикрыл ладонями столбик дыма, чтобы вода, летящая сверху, не загасила новорожденный огонь. Руки его настолько озябли, что сразу тепла и не почувствовалось. Изредка в белых клубах дыма стали появляться

жёлтые язычки пламени. Никодим осторожно стал накладывать толстые сучья. После нашупал рюкзак и поставил неподалёку от костра. Из большого кармана достал закопчённую банку, приспособленную под котелок. Вынул из неё маленькую пачку чая и кусок хлеба. Дело стало за водой. Всё нестерпимее хотелось пить. Снова пошёл сильный дождь. Из правого узкого кармана рюкзака Никодим вынул сложенную полиэтиленовую плёнку, расстелил прямо на мох, примял, чтобы было углубление, и стал терпеливо ждать, пока наберётся водичка на чай. Костёр разгорелся. Он стоял у огня и грел руки. Густой пар валил от брюк и суконной куртки. Отогревшись спереди, повернулся к огню задом и подогрел спину. «Отожму-ка я портянки», — решил он и, присев на рюкзак, стал разуваться. Сапоги стащить стоило немалого труда, но всё же он освободил сначала одну ногу, выжал портянку, носок, слил из сапога воду и обулся, затем стащил другой сапог. Когда переобулся, ногам стало теплее, тем более что портянки перед намоткой он подсушивал на костре. Посветил на плёнку — воды было достаточно. Напился досыта из искусственной лужицы, потом осторожно приподнял один, другой, третий и четвёртый концы плёнки, собирая в один кулак. Надёжно поставил котелок в мох и слил в него воду, проткнув сучком полиэтилен.

Когда вода стала закипать, распечатал пачку чая и сыпанул пригоршню в кипяток, тут же убрав котелок с огня. «Где-то в другом кармашке должно быть немножко сахара, — вспомнил он и решил достать. Повернув рюкзак к огню, увидел, что узкий карман оттопырен. — Разве я на Дурнине не вынул пустую бутылку для воды? — удивился он. И, открыв карман, вытянул полную поллитровку. — Что за чушь! — открыв пробку и с жадностью хлебнув, поперхнулся: — Тьфу! Да это ж первач! Ай да дедушка, умница! Жаль, ничего не сказал. Когда же он успел всунуть её? — отплёвываясь от неожиданного огня во рту, возликовал Никодим. — Да мне и чёрт теперь не брат!» Торопливо вытащив из кармана хлеб, откусил. Прожевав, запил чаем. Дождь, как по заказу, прекратился. Не торопясь, перекусил, завернул самокрутку и закурил. Алкоголь приятно грел тело. Подбросив в костёр валежник, Никодим сидел и глядел на огонь. Незаметно подкралась дрема. Но отдохнуть подольше не пришлось. Когда костёр прогорел, Никодим озяб и очнулся. С востока медленно наплывал рассвет. Пока он собирался, окончательно рассвело и стало видно, что заночевал он в сосновом мыске. В просвете деревьев видна была пашня. По синему небу летели лохмотья облаков. А в восточной стороне яркий ореол света пылал над Заречным хребтом по ту сторону реки.

Когда Никодим вышел на пашню, далеко внизу у самой реки увидел свой двор, теперь единственно жилой в когда-то большой деревне. Дом казался крохотным. А его крыша как будто плыла по воде. На зелени отавы утугов зароды сена походили на стадо быков, бредущих вдоль берега. За неделю, пока он был в орешнике, вид поймы резко изменился. Видимо, здесь уже вовсю хозяйничали заморозки. Ярko желтела некое на межах. Огромные алые пятна осинника по склонам Заречного хребта перемежались с вечнозелёной хвоей сосняка. Изредка вкрапленный жёлтый цвет в зелени выдавал березняк.

Не спеша спустившись по пашне, он пересёк утug и подошёл к своей изгороди. Сняв с плеч рюкзак, перекинул его через жерди, а сам пролез между ними. Скрипнув калиткой, вошёл во двор. Собак Никодим не держал — не охотник, а охранять, как он считал, нечего. «Спят ещё», — подумал Никодим и потихоньку поднялся на невысокое крылечко. Дверь была заперта изнутри. Положив на крылечную лавку рюкзак, присел рядом, стянул с ног мокрые сапоги, размотал портянки и повесил на верёвку во дворе. Босиком подошёл к окошку и тихонько постучал. В окошке появилось заспанное лицо любимой. «Сейчас!» — сказали её припухшие ото сна губы, и она исчезла. Брякнул засов, и, распахнув двери, она бросилась в одной ночной рубашке обнимать Никодима. «Холодный-то!» — прошептала она, а Никодим, подняв руки вверх, чтобы не за-

студить её озябшими мокрыми руками, шутливо сказал: «Сдаюсь! Застынешь! Давай в дом. Ваня спит?» «Спит!» — проскользнув в дом, отозвалась Маша.

Проснувшись от разговора, Ваня сел на кровати и, протирая кулаками глаза, счастливо затараторил:

— Мы тебя ждали, ждали. А где шишки? А орехи набили? Ты насовсем домой или убежишь?

— Не знаю, вот побанюсь, отдохну с вами, а там видно будет, что загадывать. Будет день...

— ...будет песня! — закончил мальчишка и, спрыгнув с постели, направился к дверям.

— Оденсья, куда голышом! — попробовала остановить мать.

Куда там! Ваня уже шмыгнул за дверь на крыльцо, к рюкзаку, и принялся его развязывать, но не тут-то было. Мокрая верёвка никак не поддавалась. Пробуя так и этак, он всё же не сумел развязать и, озябнув, а больше от обиды, заревел: «А что она...», но вспомнив, что отец не любит, когда он плачет, замолчал, вытер слёзы и зашёл домой просить помощи. Никодим, уже переодевшись в сухую одежду и запасные сапоги, снятые с русской печки, увидев заплаканного сына, успокоил:

— Не спеши, сейчас занесу рюкзак и развяжем. Чего полетел, глупыш? Озяб ведь? Одевайся быстренько, умывайся и завтракать.

— Нет, я орешков хочу! — настаивал Ваня.

— Да будут тебе орехи, — попыталась успокоить мать.

— Сейчас хочу! — скулил Ваня.

— Что, невтерпеж? Ну, погоди, — Никодим встал и сходил за рюкзаком.

Поставив на пол, развязал верёвку, и тут же Ваня сунул ручонки в рюкзак, радостно приговаривая: «Ура! Наша взяла!»

— Садитесь за стол, мужики, всё готово! — наливая в кружки чай с молоком, ласково позвала Маша.

Хотелось спать, но Никодим крепился и после завтрака предложил, поглядев на жену:

— Может, картошку докопаем, а?

— Какая картошка! С ног валишься, — возразила Маша. — Поспи пару часиков, а там видно будет.

— Засну, так до вечера и не встану.

— Спи, к вечеру баню истоплю, попаришься. Ночью, похоже, опять дождь будет.

— Хватит мокроты, хоть бы с недельку ведро постояло.

— Ну, погрози хлябям небесным, вдруг да услышат, — присоветовала она, посмеиваясь.

— Да ну тебя! Я серьёзно.

— Сначала — баиньки. И я с тобой вздремну, — заговорщицки шепнула Маша.

Никодим улыбнулся:

— Сразу бы и сказала.

— Прямо уж сразу, — вспыхнула Маша.

Но только прикоснулся Никодим к чистенькой белой подушке, густо пахнувшей домашним уютом, так сразу же уснул.

Маша выскользнула из-под одеяла и оделась. Не мешкая, помогла сынишке надеть телогрейку, специально сшитую для него, и они тихонько, чтоб не разбудить отца, вышли во двор.

— Мам! Можно я опять буду тебе помогать. Папка же умаялся.

— Можно, помощник ты мой ненаглядный, — Маша чмокнула сына в щёку и, взяв лопату, ведро и совочек, маленький и узенький, специально сделанный Никодимом для неё, чтоб ногти не обламывала об картошку, пошла в огород. Заметив открытую дверцу теплицы, довольно хмыкнула: «Открыл, всё успеет...»

Солнце как будто решило выплеснуть разом остатки осеннего тепла, раскалялось по-летнему быстро. К обеду земля подсохла. Выкопав пять рядочков картошки, Маша решила сходить поесть, а заодно глянуть, как там «дедуля». Так в лучшие минуты душевного настроения величала она Никодима. Тем временем Ваня давно уже был на речке. В огороде он не выдержал и пятнадцати минут. Немного поковырявшись в лунке, нарыл с пяток картофелин и заявил, что он себе на зиму ещё в прошлый раз накопал.

Высыпав из ведра картошку посередине поля для просушки, Маша пошла в малый огород с овощами, надёргала морковки пучок, немного салата, чуток укропа. Одну морковку принялась грызть, предварительно помыв её в кадке с водой, и направилась в избу. Осторожно, без скрипа отворила дверь и тихонько вошла, хотя хорошо знала, что мужа разбудить, если он заснул переутомлённый каким-то стуком-скрипом, — пустой номер. И всё же она так же тихо прошла в кухонный закуток и принялась собирать на стол, благо, с вечера, словно чувствовала появление мужа, приготовила его любимые щи. Немного подумав, решила ещё пожарить ленка, добытого мужем перед уходом в орешник.

Ещё спал бы и спал Никодим, но вкусный запах жареной рыбы настырно щекотал обоняние, он и разбудил его. Брякнула нечаянно упавшая алюминиевая миска. Маша шёпотом упрекнула себя: «Растяпа!»

— Это кто там хулиганит? — подал голос Никодим.

— Кто тебя не боится, — ответила Маша и пришла в спальню.

Сев на край постели, нагнулась к мужу и поцеловала его тихо и нежно.

Через полчаса, одеваясь, посмеивались.

— Всё под старика кроишь, хитрюга! — счастливая, сияющая, пошутила Маша.

— Погоди, вот побанимся...

— Тады — ой! — поддержала Маша и спросила: — Кушать будешь?

Кивнув головой в знак согласия, Никодим спросил:

— А где пострел?

— На речку убежал, пойдёшь мыться, зови обедать.

Никодим вышел из избы, глянул на небо и ахнул: «Во, рассиялось! Поутру надо б в орешник». Спустившись по ступенькам к речке, увидел, как сын, настороженно глядя на поплавок удочки, забыл обо всём и что-то шепчет себе под нос.

— Привет, рыбак!

— Тише! Рыбу испугаешь! — замахав свободной от удочки рукой, зашептал сын и, резко дёрнув удилишко, выкинул на берег крупного гольяна. — Ура! Вот это рыба! Между прочим, — важно заметил он, снимая рыбку с крючка, — уже третий. Скоро на уху надёргаю.

Никодим зашёл на мостки, присел на корточки и плеснул в лицо пригоршню воды. Приятно обожгло речным холодком. Намылив лицо и бороду, Никодим тщательно умылся и стал обтираться махровым полотенцем. Река медленно и величаво струилась вдоль берегов. И если долго смотреть, кажется, не вода бежит, а ты с берегом уплываешь вверх по течению реки.

Полубоившись на заречье, Никодим позвал сына:

— Пошли обедать!

— Некогда, — солидно ответил Ваня, но потом бросил удочку на траву и заявил: — Я так есть хочу, что всех вас съем.

— И будешь маленьким сиротинушкой, да?

Сын сморщил смешно лоб и сказал, успокаивая отца:

- Да нет, это я пошутил. Ну, пойдём быстрее, пап, я, правда, очень проголодался.
- Улов-то забирай.
- Что тут братъ-то, всего три штучки.
- Ну, сколько Бог дал, столько и хватит. Не стоит жадничать.

После обеда Никодим снял с проволоки под завозней свежий берёзовый веник, спустился к реке и присел на лавочку. Баню он выстроил на самом берегу. Когда-то, давным-давно, работая в глухой тайге, он мечтал поселиться на большой реке, завести хозяйство и построить баню так, чтобы, напарившись, можно было нырять. Делал он её из чего придётся, а в основном из остатков брошенных построек. Была она махонькой, зато с каменкой. Баня даже в морозы натапливалась быстро, пара охапок дров — и готово, иди, парься.

Повесив веник в предбаннике, Никодим пошёл помогать жене. Только собрали и перенесли в подполье накопанную и просушенную картошку, небо опять зашторили тучи. В сумерках, когда Никодим затопил баню, снова стал накрапывать дождь. За ужином он слегка пожурил жену:

- Говорил ведь, одна не копай.
- Так я не торопясь, помаленьку, — оправдывалась Маша.
- Ничего себе, помаленьку, почти весь огород осилила!
- Баня готова, — перевела она разговор. — Пойдёшь? Или нам идти?
- Я с папой пойду! — заявил сын.
- Жарко будет, опять заревёшь, — предупредил Никодим.
- Ну ладно, — сдался сын, — тогда с мамой, — и вздохнул: — И когда я только вырасту? Надоело-то как!

— Глупенький, — сказала Маша утешительно.

— Успеешь, вырастешь, — добавил Никодим.

Дождь за окошком расходился всё сильнее и сильнее.

Когда жена с сыном ушли в баню, Никодим достал с полки хозяйственную тетрадь, раскрыл её и решил подсчитать хотя бы приблизительно, что можно сбыть из овощей и сколько нужно оставить себе до нового урожая. На приплод от коровы рассчитывать глупо, телёнок ещё слишком мал. В итоге получалось, что до новогодних праздников можно обеспечить семью полностью, а там придётся жить на одних овощах, поскольку корова будет в запуске. «Ну и что же, — решил он, — нормально! Если ещё и с орехом будет неплохо, глядишь, и на сбрую наскребу». Мечта о рабочей лошади не покидала его с тех пор, как начальство совхоза отобрало у него трактор. Но первые годы нечего было и думать, а сейчас, когда хозяйство его немного окрепло, возможность замаячила всё явственнее. Произведя несложные расчёты и записав всё необходимое, Никодим закрыл тетрадь.

В коридоре послышалась возня, и в избу вошёл сын. Красный, распаренный, с довольной мордашкой, в шерстяной красной шапочке набекрень.

— С лёгким паром! — поздравил его Никодим.

— Спасибо! — отозвался сын и, присев на кровать, подражая Никодиму, вздохнул удовлетворённо. — Ух, и напарился! Благодать да и только! А морс есть?

— Сделаешь — будет.

— Ну, я же с жару!

— Что за странности? — посуровел Никодим. — Не такой уж и маленький, варенья в холодную воду положить и размешать ложкой. — И немного помолчал: — Тяжело, что ли?

Сын перечить не стал, вздохнул и пошёл делать морс. Знал, что спорить с отцом

бесполезно, а то ещё и попадёт. Детского непослушания Никодим терпеть не мог. Вдоволь насмотрелся на зацелованных чад, да и четверых до него вырастил.

Ваня напился в кухне холодной воды и вернулся в комнату.

— Спать хочу! — заявил он и начал раздеваться.

— Спокойной ночи! — пожелал Никодим и пошёл в баню.

После бани они допили с женой оставшийся в бутылке самогон и заснули глубоко за полночь.

Всю ночь шёл дождь. На рассвете Маша подоила корову и снова нырнула под бок мужу. Проснулись оба к обеду, но вставать не хотелось. Дождь продолжался. Если бы не Иван, обрадовавшийся тому, что родители уже не спят, можно было бы ещё поваляться, но мальчишка заныл:

— Спите, спите... и сколько в вас влазит? Я есть хочу! Давай, мама, вставай!

— А ты пожарь себе картошки, ты же умеешь.

— Пожарил давно и съел, и ещё хочу есть, — канючил Ваня.

— Встаю, встаю... — высвобождаясь из объятий Никодима, сказала Маша и стала одеваться.

Пришлось вставать и Никодиму.

День у него, как обычно, прошёл в заботах. К вечеру снова распогодилось. Никодим, приготовив всё в дорогу, решил с утра уйти в орешник. На закате солнца он сидел у окошка, поглядывал на реку и курил. На душе было благостно и спокойно. Сено в зарode и полна поветь, овощи в подполье. Варенья и соленья в достатке. Рыбу успею наловить. А орехи, так если и не набыю нынче, велика ли беда. Побыл в орешнике, развеялся, и слава Богу!

ЛЮБОВЬ СУХАРЕВСКАЯ

Живите все, пока живу.
Когда умру, живите тоже...

Воспоминанья об Иркутске

Мне снится город по ночам,
Такой родной, такой далёкий,
Многообразный, многоокий,
Что так присуще городам,

И всё такой же молодой,
И всё не может догадаться,
Как трудно было мне расстаться
С его весёлой суетой.

Там кружит голову без слов
Движенье улиц по субботам,
И лист с осенней позолотой
Над позолотой куполов.

Там Ангара летит стрелой,
Мерцающая холодом залива,
И так под утро торопливо
Моё прощанье с Ангарой!

Там время сдерживает бег
В живучих дворах старинных:
Ещё пылится на каминах
Какой-то предыдущий век...

Но вот рассвет, и ожил дом,
И с ощущением Иркутска
Мне нужно, как вчера, проснуться
Сегодня в городе другом.

СУХАРЕВСКАЯ Любовь Иосифовна, поэтесса (1950–2013). Родилась в г. Анжеро-Судженске Кемеровской области). Автор книг: *Тёмный отзвук* (Иркутск, 1973: Бригада); *Послушай сердце* (Иркутск, 1979); *Прямая речь* (Иркутск, 2006); публикаций в периодике. Член Союза российских писателей.

* * *

Взглядом, сердцем, кожей, плотью
Не могу забыть
Мать, которая отходит,
Мне позволив жить.

Зажигая свет и свечи
В мире и в беде,
Не устану каждый вечер
Думать о тебе.

Не устану тёплой ночью
Колыбель качать
Осторожно, чтоб у дочки
Сны не расплескать.

Ну а если я устану
Помнить, знать, любить,
Значит, просто перестану
В этом мире быть...

* * *

В стороне моей кандалной
И в скандальной стороне
Сколько вижу лиц печальных,
Глаз печальнее — вдвойне.

Потемневшие до срока,
Как осенняя лоза,

Терпеливей глаз пророка
Материнские глаза.

Будто снова у окошка
Тихо тень её горит,
Где залётная гармошка
О разлуке говорит.

Сонет

Ещё нет-нет и оживёт пристрасно
Простая мысль в моём холодном лбу,
Что мир устроен чисто и прекрасно
И что не стоит нам хулить судьбу.

Во мне жива осенняя прохлада
И запах рук, мне подающих хлеб,
И утра луч, и влажный шёпот сада,
И вздох струны, и людных улиц бег.

И с ними я как будто бы богаче,
И не пустует мой холодный дом.
Во мне живут друзья. Я с ними плачу,
Их песни в горле плещутся моём.

Во мне живёт погибший на войне,
А вы, живой, — вы умерли во мне.

Сосульки

По сосульке скатилась звезда
звонкой каплей в пространство ладоней.
Затаись — и услышишь тогда
зарожденье весенних симфоний.

Это — фа, это — звонкое ре.
Соловей. Ледяные растенья,
что растут у меня на дворе
и питаются светом и тенью.

Этот миг, как короткое ми,
этот всплеск, как у арфы Орфея.
Эту полную чашу прими,
выпей звонкие ночи апреля.

Колдовское, живое стекло.
Как по грани ночного сиянья,
сколько звёзд по сосулькам стекло
в голубые ладони молчанья!

* * *

На улицах царят дожди.
По стёклам ходит влажный шелест.
Возьми перо, свечу зажги,
писать дождём — такая прелесть!
Открой окно, подставь ладонь —

Собьются капли стайкой дружной,
и будет маленький огонь
над маленькой плескаться лужей.
Не выходи сегодня в сад —
на улицах дожди царят.

* * *

А листья всё стекают и стекают
со светлых тополиных куполов,
и бредит осень жёлтыми стихами,
бросая людям листопады слов.

Иду в тебя — стихи твои подслушать,
иду к тебе, чтоб позабыть себя
и бережно, не расплескав жемчужин,
надеть на шею ниточку дождя.

Утро

Возникла, как музыка света,
В аллеях,
 где август и дождь,
Нагая полоска рассвета,
Ночей сероглазая дочь.

И вот закрипели ворота,
И первые чьи-то шаги
Упали в дневные заботы,
В открытья, в детали, в зачёты —
На тропы, ступени, круги.

Потом зарумянился воздух,
И щебет проснулся в кустах,
И утра светлейшая поступь
Сменила полуночный страх.

...Я каждое утро не знаю,
Чем кончится день на земле.
Но вечер! Но вечность! Но с нами
И взлёт, и звезда на крыле!

* * *

Негромкий день. Полёт шмеля.
В ладонях паутинка тает,
И золотая чешуя
С деревьев тихо облетает.

Мне жаль её, но запах в дом
Плывёт дремотно и красиво.

Вчера во двореке глухом
Скосили старую крапиву.

Так равноденствия пора
Во всём находит равновесье:
Спокоен лес, и город весел,
И зреют звёзды до утра

* * *

Ах, этот дождь! Как серая стрела,
Он был пропущен через всю неделю.
Так тихо надо мной прошелестели
Гусиной стаи влажные крыла.

Как грустно, что надолго заперта
Калитка в сад, что тает лес багряный,
Что всё неповторимо, бrenно, странно,
Что всюду рядом — суть и суета.

У открытого окна

Пусть будет слышен шум дождя.
Его задумчивые речи
Прольются, тихо шелестя,
На листья, зонтики и плечи.

Коснётся слуха шепоток —
Но сердце вряд ли растревожит.
Рассыпал бойкий топоток
До нитки вымокший прохожий.

Дождя задумчивая лень
Как колыбельная для взрослых.
Колышет бесконечный день
Свой полосатый влажный воздух.

У веток пальцы тяжелы —
Там набухают гроздьи влаги.
Почти касаются земли
Сирени спущенные флаги.

И в упоительную хмарь
Так хорошо поверить снова,
Что не иссякнет календарь
И что послушным будет слово.

Что без конца твоя тропа
По этой жизни будет виться,
И друг спасёт, и дом приснится,
И не обманет нас судьба.

* * *

Мы так давно не говорили
О том, что день богат и мил,
Что две недели не топили
И две недели дождик лил,

Что душно роза увядает,
Что в луже тополь отражён

И что никто того не знает,
В какие сны он погружён.

Что сердце, чуткое когда-то,
Принадлежавшее двоим,
Склонилось в сторону заката...
Но мы о том не говорим.

Мироощущение

В извечной мирской простоте
Созвездия ходят над нами.
Пружинит земля под ногами,
И травы растут в темноте.

Такой непонятной порой
Ты слышишь — Вселенная дышит,
Минуты шуршат, словно мыши,
И ползает жук под корой.

И ты среди крошечных звёзд
И сосен, огромных и синих,
Бываешь растерян, не в силах
Почувствовать собственный рост.

Ты можешь, нагнувшись, искать
Звезду, что в распадок упала,
Но срезать пруток краснотала —
Тут нужно на цыпочки встать...

* * *

Мне на лоб упала капля —
Поцелуй небес.
Длинноногий, словно цапля,
Дождь вступает в лес.

Он подкрался незаметно,
Налетел, как рать,
С каждой веткой-малолеткой
В ладошки сыграть.

Он в линейчку косую
День затушеввал.
Вместе с дождиком рисую
Шорох, шелест, шквал...

Проку нет кивать на долю.
Вымокло пальто...
Можешь выплакаться вволю —
Не поймёт никто.

* * *

Когда печально за окном
Висит звезда на паутине,
Молчит и долго смотрит в дом,
Где неуютно, как на льдине,

Где нет ни дыма, ни огня,
А только холод отношений.

Звезда моя, согрей меня
В одно из пасмурных мгновений!

Ведь ты не так уж далека,
Мы вместе, может быть, погаснем.
В твоих фиалковых веках
Что может быть любви напрасней?

Поезда

Валентине Сидоренко

Поникли травы понемногу,
И август млеет от трудов.
Опять зовут меня в дорогу
Гудки знакомых поездов.

Я не откликнуться не смею
На голос бешеных колёс.
Скользит по рельсам серым змеем
Стальной грохочущий колосс.

О мир, кочующий по миру,
Моя отравы и любовь!
О поезда! Зачем вы мимо —
Ведь я на ваш явилась зов?

И, ритму вашему послушна,
Сажусь к окну под шорох штор.
Вагон, ко мне не равнодушный,
Со мной вступает в разговор.

Там проводница, мне подруга,
Стихи читая нараспев,
Везёт на коже солнце юга
И на губах шальной успех.

Её успех не от загара,
Не от вагонной доброты,
Она темна — таких загадок
Её исполнены черты.

Её ума черны чертоги,
Её душа — сплошной пожар.
Наверно, в ссоре были боги,
Когда в неё вдыхали дар.

Она берёт меня за плечи,
Садится рядом у окна,
И целый день, и целый вечер
Толкуем, чем судьба полна.

И, проезжая цепи станций,
Поём вдвоём и по одной
Белогвардейские романсы
Под пролетарскою луной.

И так — до самого Иркутска.
И не успеешь на пути
Остановиться, оглянуться
Или понять — что впереди...

* * *

Нине Кашиной

Осень. Светлая, земная,
Мимо них и нас
Ты идёшь не поднимая
Августовских глаз.

Ты идёшь, прощаясь с летом
Просто, без затей,

Наполняя горьким светом
Глубину аллей.

То ли снится, то ли мнится
Расставанья срок.

Осень — слёзы на ресницах,
В сердце — холодок...

* * *

Что было — август золотой,
Зимы ли белое убранство,
Когда мы встретились с тобой
Вне времени и вне пространства?

Все стало общим на земле —
Пространство, время и дорога.
...Звезда дрожала на стекле —
примета вечности и Бога.

* * *

Мы ещё чуток посвищем,
Почирикаем, дружок,
Над речушкой, над кладбищем,
Где лужок и бережок.

Над просторами печали,
Где светает от берёз,

Где осиновы дали
Полны ветра и стрекоз.

Лишь бы петь была охота
Да в согласии жила
С географией полёта
Геометрия крыла.

Портрет

Михаилу Шепелю

Твой долог день и не изведен путь,
Но разве ты поймёшь когда нибудь,
Что так попутно твоему портрету
Скользить со мной по камню и паркету.

Что так уютен на моём столе
Его ночлег среди бумаг и перьев...
Без суеты доверье за доверье
Вблизи с огнём, живущим в фитиле.

Но когда мучусь тайною виною,
Шаги считая от стены к стене,
Мне кажется, что следует за мною
Твой тёмный взгляд, прикованный ко мне.

Пока живу

Пока живу я на земле,
Стелитесь, травы, под ногою,
Танцуйте, бабочки, во мгле
Передвечернего покоя.

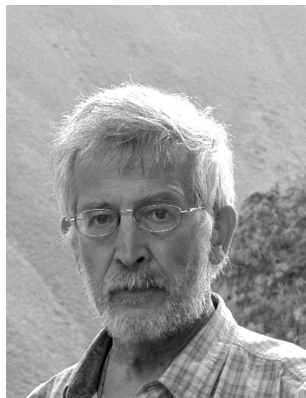
И золотая пыль в луче,
И лопухов большие уши,
И жук зелёный на плече —
Всё, что живёт, волнует душу.

И столько будет слов и слёз,
Дождей и ожидания снега,
Что вдруг покажется всерьёз,
Что вечно всё, как вечно небо.

Но звёзды падают в траву,
И утро на закат похоже.
Живите все, пока живу.
Когда умру, живите тоже...

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

Свора

РАССКАЗЫ

Лохматый

Молодцеватый, несмотря на свои пятьдесят семь лет, Фёдор Дементьевич, или, как его звали в деревне, Лапа, стоял, упёршись сильными ногами в широкие свежеструганные доски крыльца, и в который раз оглядывал красивые резные наличники на новеньком доме зятя.

С шумом распахнулась дверь, и из неё вывалились, похохатывая, плотная, во всем похожая на отца дочь Наталья и высокий жилистый зять.

— Пап, кончай смолить. Пошли в дом, замёрзнешь, — выпалила она.

— Да, пора мне, Натаха, — сказал Лапа, кивнув на расплюснутый между туч багровый глаз солнца. И, потоптавшись, неторопливо спустился по ступенькам в пока ещё неухоженный, необжитый двор.

— Лохматый! — уверенно и властно позвал он собаку и направился к переминавшемуся с ноги на ногу от мороза и нетерпения Гнедко. Ласково похлопал его литой круп. Расправил упряжь. Взял в санях сено. Укрылся тулупом и удобно устроился в розвальнях, облокотившись на тугой, прикрытый брезентом мешок муки.

ЗИГАНШИН Камиль Фарухшинович. Род. в 1950 г. в пос. Кандры Туймазинского района Башкирской АССР, в семье кадрового офицера. Детство и юность прошли на Дальнем Востоке. По образованию — радиоинженер. Закончил Горьковский политехнический институт. Член Союза писателей России. Лауреат ряда литературных премий, в том числе Государственной имени Салавата Юлаева. В 2012 г. за следование классическим традициям русской литературы, за духовность и гуманистическое содержание художественных произведений присвоено звание «Заслуженный работник культуры РФ». Живёт в Уфе.

— Бывайте здоровы! Ждём в гости! — крикнул он, обернувшись.

Крупный, с мощным загривком, лохматый кобель, крутившийся вокруг, рванул вслед заскрипевшим саням и в мгновение ока обогнал затрусившего ровной рысцей мерина. Миновав посёлок и густую сосновую посадку, въехали в берёзовый с осинной пополам лес. Солнце скрылось за ошетилившимся верхушками деревьев холмом. Темнело.

«А всё-таки правильно, что в августе на новоселье не поехал, — подумал Лапа. — Дотянул до срока и сразу двух зайцев убил: у молодых побывал и мясо продал. Однако, башка у меня с толком», — самодовольно улыбнулся он, поглаживая бороду.

Дорога нырнула под гору и завилыла по стиснутой увалами долине ручья. Сани на покатых ухабах мерно покачивали, точно баюкали. Лапа, не выпуская вожжей, вытянулся и с удовольствием прикидывал, как распорядится выручкой.

Он не любил людей, не умеющих зарабатывать. «Лентяй или простодыра», — говорил о таких. «Вот и зять тоже хорош! Буровой мастер, называется! Цемент не может подкинуть... Тоже мне, порядочный! Тьфу!» — сплюнул он.

Его размышления прервало испуганное фырканье Гнедко. Конь тревожно прядал ушами и, раздув ноздри, опять фыркнул. Бежавший впереди Лохматый прижался поближе к саням. Лапа обернулся и, шаря глазами по сторонам, заметил какое-то движение вдоль увала. Смутные тени скользили по гребню не таясь, открыто! Волки!!!

Противно заныли пальцы, засосало под ложечкой.

— Но! Но! Пошёл! — сдавленно просипел Лапа, наотмашь стегнув мерина, хотя тот и без того уже перешёл на галоп и, вскидывая в такт прыжкам хвост и гриву, нёсся по накатанной дороге так, что ветер свистел в ушах. Деревья, стремительно вылетая из темноты, тут же исчезали за спиной. За упряжкой потянулась вихрастым шлейфом снежная пыль.

Волки растворились во тьме. Лента дороги вместе с ручьём петлёй огибала высокий длинный увал. Хорошо знавший окрестности матёрый вожак неспешно перевалил его и вывел стаю на санный путь к тому месту, куда во весь дух нёсся Гнедко.

Лапа, нахлёстывая коня, лихорадочно соображал, что делать: стая не могла так легко оставить их в покое. Он чувал, что петля таит смертельную опасность, но повернуть обратно не решался — посёлок уже был слишком далеко.

«Авось, упрежу», — успокоил себя Лапа. И, придерживая вожжи одной рукой, другой нашарил в сене топор. Внезапно мерин дико всхрапнул и, взметая снег, шарахнулся в сторону — наперерез упряжке стрелой вылетела стая. Мощный главарь с ходу прыгнул на шею Гнедко. Ещё миг — и тот бы пал с разорванным горлом, но оглобля саданула зверя в грудь, и он рухнул на снег. Лапа опомнился, схватил и с силой метнул в стаю мешок муки.

Увесистый куль ещё не успел упасть, как волки живой волной накрыли его и растерзали в белое облако. За это время Лапа успел выправить сани на дорогу.

— Давай! Давай! — осатанело заорал он, нещадно лупцуя мерина кнутом.

Обезумев от жути и боли, Гнедко нёсся, стреляя ошмётками снега из-под копыт. Он обошёл умчавшегося было вперёд Лохматого. «Неужто оторвёмся?» — мелькнула надежда.

Сани неслись по ухабам, то возносясь, то падая. На поворотах Лапу бросало из стороны в сторону. А сзади неумолимо накатывалась голодная стая. Лапа ощущал это каждой клеткой тела. Вот вожак, парализующе клацая зубами, попытался достать не поспевавшего за упряжкой Лохматого, но пёс в смертельном ужасе прибавил ходу и, изнемогая, прыгнул в розвальни.

Вытянувшись вдоль узкой колеи, стая бежала свободно, легко, как бы скользя по снегу, молча и неотвратимо настигая выдыхавшегося коня.

Лапа явственно слышал их прерывистое дыхание. Ещё немного — и волки, пьянея от горячей крови, разорвут, растерзают долгожданную добычу на куски. Он выдернул

из-под себя овчинный тулуп и швырнул на дорогу. Звери на секунду задержались, но, обнаружив обман, возобновили погоню с ещё большей яростью.

Лапа снимал и кидал в сторону стаи то шапку-ушанку, то рукавицы, но, однажды одураченные, серые не обращали на них внимания. Разгоряченная преследованием стая, жаждала крови и мчалась, неумолимо сокращая расстояние. Бешеная, изматывающая гонка близилась к жуткому финалу.

Охваченный страхом Фёдор Дементьевич, не умолкая, иступленно вопил, брызгая слюной, то на коня: «Быстрее, Гнедко, быстрее!», то, обернувшись назад, устрашающе тряс топором на стаю: «Порублю! Всех порублю!»

Казалось, ещё несколько секунд — и матёрый повиснет на руке, а остальные трое станут рвать его, ещё живого на куски...

Мужик лихорадочно огляделся. В ногах жался Лохматый. Глаза Лапы вспыхнули сатанинским огнём — собака? Живая тварь, кровь — вот, что нужно стае! Он ногой пихнул пса навстречу смерти, но бедняга, широко раскинув лапы, удержался. Всё его существо выражало недоумение и обиду.

— Пошёл, паскуда! — срываясь на петушиный фальцет, завизжал разъярившийся Лапа и нанёс сапогом увесистый удар.

Лохматый скособочился и, сомкнув челюсти, мёртвой хваткой вцепился в борт саней.

А волки были совсем близко. Лапа упёрся спиной в передок, поджал ноги и с такой силой ударил по лобастой голове, что пёс, оставив на гладко отполированном дереве светлые борозды от клыков, косо слетел с саней и, перевернувшись в воздухе, рухнул на дорогу. Слух полоснул истощенный визг, глухой рык.

«Всё, конец...» — подумал Лапа, передергиваясь. В беспощадной памяти остался немигающий, укорительный взгляд собаки.

Упряжка промчалась сквозь ольшаник и вывернула из ложбины на заснеженный холм, откуда уже видны редкие огоньки деревни. Загнанный Гнедко замедлил бег.

Только тут полураздетый Лапа почувствовал, как трясётся от страха и холода всё его тело. Закопавшись в сено, он натянул поверх кусок брезента и настороженно вглядывался в удаляющийся непроницаемо-чёрный лес. Испуг постепенно отпускал, уходил как бы внутрь. Но раз за разом прокручивая в памяти происшедшее, Лапа то и дело невольно ёжился.

Въехав на окраину деревни, он попридержал запалённого коня: «Добрый, однако ж, у меня мерин. Другой не сдюжил бы такой гонки».

Подъезжая по унылой, пустынной улице к своей красавице-избе за сплошным крашеным забором, расчувствовался: «Мог ведь и не увидеть боле».

Ставни были плотно закрыты. Свет не горел.

«Спит, чертовка! Ей-то что...» — злился Лапа, вылезая из саней. Открыл ворота, загремел сапогом по двери.

В доме глухо завозились. Торопливо засеменили. Лязгнул засов. Дверь приоткрылась, и Лапа, не взглянув, прошёл мимо тощей фигуры в сени. Щёлкнул выключателем — темно.

— Лампочка перегорела, Федя, — тихо пояснила жена. Лапа чертыхнулся и скрылся за ситцевым занавесом в жарко натопленной горнице.

— Не думала, что так скоро. Назавтра ждала, — оправдывалась хозяйка.

— Мечи на стол, замёрз, — скомандовал муж, опускаясь на табуретку. — Эх, черт, Гнедко-то на улице! — И, нахлобучив старую ушанку, поспешно выскочил.

Распряг и завёл мерина в тёплое стойло. Накрыл подрагивающие, взмыленные бока попоной. Подложил в кормушку охапку сухого душистого сена.

— Ешь. Это тебе за справную службу, — Лапа протянул руку погладить ухоженную гриву, но мерин почему-то отвернул морду.

— Ты чего?.. Чего ты? Эт ты зря! Да если б не Лохматый — мы б все погибли. Понимаешь, все! А я спас тебя... Спас! — горячо зашептал, оправдываясь, Лапа.

Гнедко, тяжело дыша, упорно смотрел в сторону.

«А может, и не погибли б? — неожиданно уличил Лапу кто-то изнутри. — Топором сданул одного, глядишь, другим острастка, а то и на порубленного собрата позарились бы».

От этой простой мысли Фёдор Дементьевич сник. «Совсем я расклеился. Чего голову себе морочу... Что сделано, то сделано... и сделано правильно».

Проходя мимо конуры, зацепил цепь. Она сиротливо звякнула и обожгла сердце тупой болью. Пересиливая внезапно навалившуюся слабость, он воротился в избу.

Жена ждала у накрытого стола. Умывшись в прихожей, сел, прижался спиной к тёплой печке и замер.

— Как съездил Федя? Видал молодых-то?

— Видал... Живы-здоровы. Хоромы здоровущие, со всеми удобствами. Топят газом. Обещают на недельку приехать... Помочь по хозяйству.

— Да у них, поди, у себя в дому работы хватает, — робко возразила жена.

— Ничего, у себя всегда успеется.

— Мясо-то продал?

— А то! Мясо — не редька, только свистни, — Лапа нащупал заворачивающе толстую пачку купюр и, вспомнив про подарок, вынул из другого кармана сверток.

— Держи, — развернул он цветастый платок.

— Ой, спасибо, Федя! Ой, спасибо!.. А красавит-то как!

— Будя трепаться, — грубовато оборвал Лапа, шумно хлебая щи.

Примерив обнову у зеркала, жена ещё более оживилась. На губах заиграла несмелая улыбка. Прибирая со стола, обронила:

— Пойду Лохматому костей снесу.

Лапа чуть не поперхнулся.

— Ложись-ка лучше, сам покормлю. Посмолую заодно перед сном, — торопливо возразил он, — да и Гнедко пора поить.

Взяв миску, он вышел на свежий воздух. Покурил. Напоил коня. Опять покурил. Сколько ни старался Лапа заставить себя думать о происшедшем как неизбежном и оправданном, гибель Лохматого занозой сидела в мозгу, палила огнём.

В постели Лапа без конца ворочался с боку на бок. Перед воспалённым взором вновь и вновь возникала одна и та же картина: сквозь вихри снежной пыли взлетает тёмный силуэт, плавно переворачивается в воздухе и скрывается в гуще голодной, разъярённой стаи. Взлетает, переворачивается и...

За окном время от времени раздавались странные, непонятные вздохи. Он, напряженно вслушиваясь в них, незаметно забылся. И опять стая догоняла, окружала его, неумолимо затягивая живую петлю всё туже и туже. В голове возник нарастающий гул смерти. «А... а... а...!» — заметался Лапа.

— Федя, ты чего? Что с тобой? Заболел? — трясла за плечо жена.

Лапа затравленно уставился на неё — не мог взять в толк, где находится, всё ещё жил привидевшимся. Оглядевшись, наконец, узнал дом и жену.

— Фу ты, — облегчённо выдохнул он.

— Чего кричал так, Федя? — допытывалась встревоженная супруга.

— Мяса, видать, переел. Мутит. Не доварила верно... Спи...

Жена принялась участливо гладить сивые, непокорные кудри мужа. Так и заснула, оставив маленькую жёсткую ладонь на голове. Лапа осторожно убрал её на подушку. Сон не шёл. Чем старательнее пытался он отвлечься, думать о чём-нибудь приятном, тем назойливей лезли в голову мысли о Лохматом.

С щемящей тоской вспомнилось, как принёс его, ещё безымянного щенка, домой. Как радовался тому, что растёт сильный, не признающий чужих страж усадьбы. Как преданно сияли его глаза, как ликовал, суматошно прыгал, захлёбывался счастливым лаем, встречая с работы, с какой готовностью он исполнял все желания хозяина.

Промаявшись почти до утра, Лапа осторожно встал, оделся и вышел в сени. Отпер дверь.

У крыльца из предрассветной мглы проступило косматое чудище: морда в рваных лоскутах кожи, ухо болтающееся на полоске хряща, слипшаяся в клокья шерсть, злобно ощерившаяся пасть

— Лохматый?! Ты?! Не может быть...

Растерявшийся Лапа, невольно попятился, запнулся за порог и упал...

В голове вновь возник и стал нарастать гул смерти...

Свора

В один из долгих июльских вечеров волчья стая томилась на лесистом утёсе в ожидании сигнала разведчика. Над ней клубилась туча безжалостной, надоедливо-звонящей мошкары. Чтобы согнать наседавших кровососов, серые трясли головами и совали морды кто в траву, кто в еловый лапник,

Наконец, от подножья Южного хребта донёсся вой, густой и немного расхлябанный. Он не срывался на последней ноте, а завершался плавно гаснущим звуком, возвещавшим «чую добычу». Спустя некоторое время призывный вой вновь поплыл над тайгой, наводя на всё живое безотчётную тоску.

Отвечая взрброд, потянулись ввысь голоса встрепенувшихся хищников: «Слышим, жди!»

«Видящие» носом не хуже, чем глазами, волки затрусили цепочкой, то опуская, то вскидывая морды, стремясь не пропустить ни единого запаха. Мягко перепрыгивая через поваленные стволы и рытвины, бесшумно скользя сквозь непролазные заросли, звери готовы были в любой миг замереть или молнией ринуться на жертву.

Вёл стаю матёрый волчище — Дед. Он даже издали заметно выделялся среди прочих более мощным загривком, широкой грудью с проседью по бокам.

Звери, поначалу семенившие не спеша, учуяв вожденный запах добычи, перешли в намёт. Густой лес не замедлял их бег: подсобляя хвостом-правилом, они ловко маневрировали среди стволов и переплетений веток...

Горбоносый лось, дремавший в нише скалистого обрыва, заслышав вой, вскочил, беспокойно затоптался на месте. Увидев множество приближающихся из темноты огоньков, он понял, что схватки не избежать. Прижавшись задом к отвесной стене и опустив голову, вооружённую мощными рогами, бык приготовился к бою.

Опытные волки взяли сохатого в полукольцо. Дальше всё должно было развиваться по хорошо отработанному сценарию: вожак, отвлекая жертву, всем своим видом демонстрирует готовность вцепиться ему в глотку, а остальные в это время нападают с боков и режут сухожилия задних ног. Но, разгорячённый бегом и предвкушением горячей крови, Дед совершил ошибку: прыгнул на быка прямо с ходу, угодив под сокрушительный встречный удар, — острое копыто проломило грудь. Зато подскочившие с боков волки сработали чётко и молниеносно — лось беспомощно осел на землю. Воспользовавшись промашкой вожака, его давний соперник Смелчак первым сомкнул мощные челюсти на горле поверженного быка и, дождавшись, когда тот, захлёбываясь хлынувшей кровью, перестанет бить ногами, взобрался на поверженного гиганта. Мельком глянув на раненого Деда, Смелчак понял, что тот не жилец, и победно вскинул голову — наконец пробил и его час! «Отныне я вожак!» — говорила его поза и грозный оскал.

Смелчак, выделяясь отвагой и силой, несомненно, являлся достойным приемником. Он был настолько ловок, что умудрялся прямо на ходу вырывать куски мяса от

бегущей жертвы. А главное, обладал сверхъестественной способностью подчинять собратьев своей воле.

Воцарив, новый вожак стал действовать по правилу — «как хочу, так и ворочу», поправ справедливые порядки, устоявшиеся в стае за годы предводительства Деда. И волки безоговорочно подчинились Смелчаку. Это стало доставлять ему особое, ранее не веданное наслаждение — наслаждение властью.

Уступчивость стаи подпитывалась тем, что в первые годы правления Смелчака сложились очень благоприятные условия для сытной жизни. Оленей во Впадине расплодилось так много, что хищники безо всяких усилий резали их каждый день. Обильная добыча помогла упрочить владычество Смелчака и нескольких приближённых угодников — вокруг вожака образовалась как бы стая в стае.

Власть и превосходство над всеми довольно скоро растлили деспота. Предпочитая, чтобы, высунув языки, рыскали и охотились рядовые волки, Смелчак со свитой выходили из-за деревьев только тогда, когда жертва уже дымилась кровью. Поначалу они отнимали её силой, но мало-помалу сами добытчики свыклись с этим беспределом и, завершив набег, послушно отходили в сторону в ожидании своей очереди. Изредка, когда охота ожидалась необременительно-лёгкой, шайка Смелчака, чтобы размяться, тоже участвовала.

Питались звери так хорошо, что их шерсть приобрела особый блеск, отчего при свете луны казалась серебристо-белой. Ум и хитрость Смелчака позволяли успешно завершать все набеги, отличавшиеся, как правило, бессмысленной жестокостью. Возможность играючи, без усилий добывать поживу, привела к тому, что и остальные, доселе вроде нормальные волки, втянулись в этот дикий разбой.

Промышлявшие в этих местах охотники из староверческого села Варлаамовка стали то и дело наткаться в лесу на зарезанных, но не тронутых телят. Как-то даже обнаружили растерзанного волками медвежонка. Рядом, уткнув морду в живот, сидела оглушённая потерей медведица. Безвольно опустив передние лапы, она раскачивалась из стороны в сторону, как человек. Тяжко вздыхала, горестно поскуливала. Жаль было мамашу, и люди в сердцах проклинали серых, но в то же время полагали, что «на всё воля Божья».

Стая чувствовала себя хозяйкой всей Впадины и бесцеремонно промышляла даже возле селения: затравленные олени, ища защиту, всё ближе жались к нему.

Однажды олений табунок в надежде, что волки не посмеют подойти к строениям вплотную, расположился на ночь прямо у бревенчатого частокола, окружавшего поселение. Не успели они задремать, как встревоженно захоркал бык-вожак. Напуганные животные вскочили, притиснулись друг к другу. Один из них ни с того ни с сего начал вдруг с силой, словно от кого-то отбиваясь, лягать воздух. Но сколько олени ни всматривались в безмолвный мрак, так и не смогли разглядеть ничего подозрительного. Тем временем рогач, взвившись на дыбы, упал и начал кататься по траве. Воздух наполнился запахом смерти.

А серые тени, уже не таясь, выныривали из тьмы леса со всех сторон, и вскоре табунок превратился в метущийся хаос: обезумевшие животные вскидывались, падали, хрипели, захлёбываясь кровью. Вся эта резня продолжалось не дольше десяти минут. Когда разбуженные лаем собак мужики уяснили, что происходит, и пальнули для острастки в черноту, всё уже закончилось.

Утром при виде множества туш, лежащих на примятой, бурой от крови траве, потрясённые скитники окаменели. Казалось, что даже горы и те с немим укором взирали на столь бессмысленное побоище.

— Сие — проделки дьявола в волчьем обличи! Пора дать ему укорот! — воскликнул общинный староста.

Ещё до этой трагедии, время от времени изучая по следам жизнь стаи, первостатейный стрелок Колода — кряжистый бородач лет сорока, смекнул, что ею вер-

ховодит умный и кровожадный зверь. Он был уверен, что если удастся выследить и уничтожить вожака, то разбой прекратится. Распутывая паутину следов, опытный промысловик не единожды выходил на место отдыха волков, но вожак, умная bestия, всегда ускользал со стаей раньше, чем можно было сделать верный выстрел.

Сам же Смелычак скрытно наблюдал за охотником довольно часто. Колода чувствовал это, и несколько раз их взоры даже скрещивались, но за то мгновение, пока он скидывал ружьё, зверь успевал исчезнуть, словно растворялся в воздухе.

Кровожадность стаи так возмутила охотника, что он, не колеблясь, первым присоединился к праведному делу восстановления справедливости и покоя в окрестностях их селения, полагая, что всем миром удастся быстро избавиться от шайки серых разбойников.

Изучив район обитания стаи и определив наиболее часто посещаемые ею места, охотники устроили с вечера засады на всех возможных проходах.

Колоде с братом Матвеем достался караул возле ключа, отделявшего кедрч от осинника. Натеревшись хвоей, они сели в кустах, стараясь не смыкать глаз, держа ружья наготове. Вот привидением проплыл над головами филин. Вышли на прогалину олени. Сопя и пыхтя, карабкался на косогор упитанный барсук. И только волков не было видно, хотя стая всё это время бродила здесь же, искусно минуя засады.

Среди ночи у Колоды однажды возникало ощущение чьего-то пристального взгляда, но он так и не заметил Смелычака, вышедшего почти прямо на него. Волк некоторое время понаблюдая из-за куста за давним соперником и, развернувшись, увёл стаю в путаную сеть отрогов и распадков.

Последующие засады также не дали результата. Попробовали насторожить самострелы. Одного из волков стрела пробила насквозь. Живучий зверь с версту бежал, временами ложась на траву и пытаясь зубами вытащить стрелу, но рана была смертельной, и он вскоре околел. Охотники нашли его по голосу ворона-вещуна, каркающего в таких случаях по-особому. Шкуру снимать не стали — от волка исходила невыносимая вонь.

— Питаются хорошим мясом, а пахнут дурно, — удивился Матвей.

— А что ты хочешь? Они же слуги дьявола, — пояснил кто-то из стариков.

После потери собрата стая словно испарилась. Ставшие уже забывать о её существовании люди через несколько месяцев вновь были потрясены жестокой и бессмысленной резнёй: большинство зарезанных оленей лежали нетронутыми. Повторные облавы, пасти, луки на тропах и на привадах теперь вообще не давали результата. Предыдущие уроки явно не пропали даром. Поднаторевший Смелычак запросто разгадывал хитроумные замыслы охотников и всегда обходил ловушки.

Смекалка вожака проявлялась порой самым неожиданным образом. Он, например, догадался, как избавиться от постоянно мучивших волков блох.

Как-то раз, переплывая речку, Смелычак заметил, что сотни паразитов, спасаясь от воды, собрались у него на носу. Выйдя на берег, волк взял в зубы кусок коры и стал медленно погружаться с ним в воду. Дождавшись, когда все блохи переберутся на кору, Смелычак разжал зубы...

А однажды зимой серые, обжевав в поисках оленей все окрестные горы, обнаружили наконец-то небольшое стадо, но никак не могли подкрасться к нему для успешной атаки: приученные к бдительности животные не позволяли приближаться. Догнать же их по глубокому снегу узколапые хищники не могли. Вот если бы весной по насту!

Инстинкт подсказал Смелычаку, что стаю выдаёт резкий волчий запах. И тогда перед набегом звери, следуя примеру вожака, долго тёрлись о снег, политый мочой оленей и их свежий помёт. Эта немудрёная процедура позволила подойти к табуну настолько близко, что удалось зарезать разом важенку и престарелого рогача. Стая попировала и залегла на долгожданный отдых. Случайно наткнувшиеся на место тра-

пезы, охотники вспугнули зверей. Обьевшиися волки убегали поначалу не торопясь, грузно прыгая, но, когда меткий выстрел Колоды уложил одного из них, они изрыгнули съеденные куски мяса на снег и махом оторвались от преследователей. Одна из пущенных вдогонку пуль настигла отстававшего волка. Раненый зверь зашатался. Изнемогая, повернулся к бегущим на снегоступах стрелкам и, злобно оскалившись, пошёл навстречу смерти... Остальные члены стаи укрылись в окрестностях пещер, куда люди никогда не заходили: считали, что там обитает нечистая сила.

Колода, изучивший повадки стаи, уверовал, что их вожак и в самом деле порождение дьявола. Не мог же Господь наделить столь выдающимися способностями такую бездушную тварь!

Смелчак тоже хорошо знал своих гонителей. Особенно Колоду, чуя в нём сильного противника, тушуясь порой от его уверенного и пронизательного взора. Волк привык видеть в глубине зрачков любого встретившегося ему существа панический страх. В глазах же этого человека горел особый, неустрашимый огонь. Он бесил Смелчака, но вместе с тем и непостижимым образом притягивал, порождая желание вновь схлестнуться, помериться силой.

Осмотрительно избегая прямой стычки, волк, дабы доказать своё превосходство, замыслил прикончить его верного товарища — ручную рысь по кличке Лютый. Маленьким, умирающим котёнком Колода подобрал его в лесу. Живя рядом с Колодой, рысёнок превратился в его самого преданного друга, понимавшего человека с полуслова. Да и сама стая давно точила клыки на независимого и изворотливого кота. Но котятра в те дни, когда уходил из селения постранствовать, спал только на деревьях, а уж чуткости у него было несравненно больше, чем у волков. Однако удобный случай своре вскоре всё же представился.

По изменению в следах Лютого серые поняли, что кот повредил лапу. И действительно, когда они встретили рысь на склоне отрога, она заметно прихрамывала. Не воспользоваться этим было глупо, и вожак с ближайшими сподручниками пустились в погоню. Спасаясь от преследователей, рысь помчалась к внушительному скалистому останцу. Бежала она с трудом, а споткнувшись, даже неловко растянулась на камнях. Свора, окрылённая доступностью жертвы, прибавила ходу и уже предвкушала скорую расправу, но почти настигнутый кот успел заскочить на узкую горную тропу и скрыться за скалистым ребром, где в засаде терпеливо караулил Колода с дубиной. Он пропустил рысь, а затем по очереди молча посшибал в пропасть всех волков, выбегавших из-за поворота.

Благодаря понятливости и бесстрашию Лютого, хитроумный замысел охотника удался на славу. Кот, гордый убедительным исполнением роли увечного, подошёл к другу. На дне пропасти лежали разбившиеся о камни окровавленные разбойники. Но самым невероятным во всей этой истории было то, что Смелчак, повинувшись своему особому чутью, остался внизу. Увидев сияющего Колоду, спускавшегося с вполне здоровым Лютым, он понял, что предчувствие его и на этот раз не обмануло. Проводив недругов ненавидящим взглядом, волк осторожно поднялся по тропе и обнаружил, что все его сподручники погибли.

Утрата своры приближённых стала для Смелчака потрясением. Лишь на следующий день он вернулся в стаю, отдыхавшую в глухом распадке. Волки дремали, блаженно развалившись в самых немыслимых позах, в тени деревьев. Увидев Смелчака, они по привычке встали, но смотрели на него напряженно, иные даже враждебно. Воспользовавшись его отсутствием, главенство в стае захватил Широколобый. Видя, что вожак один, без свиты, он совсем осмелел и открыто демонстрировал своё непочтение.

— Ну что, померяемся силой? Давай! Я готов! — говорил он всем своим видом.

Смелчак понимал, что должен, во что бы то ни стало осадить самозванца, но праздный образ жизни последних лет не прошёл даром — он утратил былую силу

и ловкость. Однако, даже отдавая отчёт, что скорее всего уступит Широколобому, Смелычак не мог добровольно сдать власть — гордыня не позволяла.

Склонив голову набок, Широколобый настороженно следил за каждым движением вожака. Чуть приоткрытая пасть придавала его морде выражение уверенности в победе. Взбешенный Смелычак подскочил к самозванцу. Соперники, ощерившись, встали друг против друга, выражая решимость отстаивать право быть вожаком. Стая внимательно наблюдала.

Уже были показаны белые, как снег, клыки, поднята дыбом на загривке шерсть, гармошкой сморщен нос, неоднократно прозвучало устрашающее рычание, но звери с места не сходили. Наконец, Широколобый, отступая назад, принудил Смелыча сделать бросок. А противник только и ждал этого — отпрянув в сторону, он неуловимым боковым ударом лапы сбил вожака с ног и, нависнув над ним, принялся остервенело трепать ненавистный загривок.

Смелычак вырвался, но сильно ударился головой о ствол берёзы и, метнувшись в чащу, умчался прочь. Ещё никогда он не чувствовал себя таким опозоренным...

Давно заглохли последние верховые запахи стаи, а Смелычак всё бежал и бежал, кипя от бессильной злобы. Наконец, он добрался до местности, где зияли тёмные глазницы пещер. Эта окраина Впадины была богата зверьём, а следы пребывания людей отсутствовали.

Постепенно Смелычак свыкся с участью изгоя и стал жить бирюком. Иногда, правда, наваливалась невыносимая тоска, но, не желая выдавать себя, он воздерживался от исполнения заунывной песни о своей горькой доле. В такие минуты он лишь тихо и жалобно скулил, уткнув морду в мох.

Как-то стая Широколобого, перемещаясь по Впадине за стадом оленей, случайно столкнулась со Смелычаком. Волки с показным безразличием прошли мимо низвергнутого вожака. Даже бывшая подруга отвернула морду. От унижения Смелычак заскрежетал зубами, да так, что на одном из них скололась эмаль. Ему, всю жизнь одержимому стремлением к главенству, жадной превзойти других, видеть такое нарочитое пренебрежение было невыносимой мукой, но приходилось терпеть. Невольно вспомнилась волчица Деда: та не отходила от смертельно раненого супруга ни на шаг, а когда тот околел, ещё долго тихо лежала рядом, положив передние лапы на остывающее тело.

Утратив за время царствования охотничью сноровку, Смелычак вынужден был довольствоваться мелкой и, как правило, случайной поживой. Зато, хорошо разбираясь в оттенках голоса ворона-вещуна, он легко определял, что тот обнаружил падаль, и по его подсказке не гнушался сбегать подкрепиться на халяву.

Однажды, переев протухшего мяса, Смелычак чуть не околел. А после поправки уже не мог даже приближаться к падали — его тут же начинало рвать. Не способный быстро бегать, он приноровился размеренно и упорно, с присущей волкам неутомимостью и упорством преследовать добычу часами, а порой и сутками. Безостановочно шёл и шёл, не давая намеченной жертве возможности передохнуть, подкрепиться. Преследуемое животное поначалу уходило резво, металось с перепугу, напрасно тратило силы, но постепенно шаг его тяжелел, клонила к земле голова. Расстояние между хищником и добычей неуклонно сокращалось. Страх приближающейся смерти парализовывал жертву, лишал последних сил. А Смелыча же близость добычи, наоборот, будоражила, придавала силы. Наконец наступал момент, когда до предела измотанное, загнанное животное, чуя неминуемость гибели, смирялось с уготованной участью и покорно останавливалось, уже безучастное ко всему. И когда Смелычак подходил к нему, как правило, даже не пыталось сопротивляться — расставалось с жизнью безропотно...

Волк потихоньку восстанавливал былую форму и к следующей зиме нехватку в пище не испытывал — мало кому удавалось уйти от его клыков.

В один из знойных полудней дремавший на лесине Смелычак проснулся от хруста гальки и плеска воды: кто-то переходил речку. Похватав пролётные запахи, волк уловил чарующий аромат стельной лосихи*. Точно она! Брюхатая осторожно брела по перекату прямо на него. Волк сглотнул слюну. От предвкушения возможности поест свеженины в голову ударила кровь.

Когда лосиха остановилась под обрывом, чтобы дать стечь воде, Смелычак выверенным прыжком оседлал её и вонзил клыки в шею. Очумевшая от внезапности нападения корова, оберегая бесценное содержимое живота, опрокинулась на спину и с ожесточением принялась кататься по хищнику. Тот, разжав челюсти, чуть живой пополз к воде, а потрясённая мамаша удалилась в лесную чащу...

Выполняя просьбу отца-травозная, Колода, после Тихонова дня, когда солнышко дольше всего по небу катится и от долгого света Господня все травы животворным соком наливаются и вплоть до Иванова дня высшую меру целебности имеют, шёл по высокому берегу, собирая лапчатку серебристую, необходимую для приготовления лечебного сбора прихворнувшей матушки. Приседая на корточки, охотник с именем Христовым да именем Пресвятой Богородицы срывал ту траву аккуратно, чтобы не повредить корни.

Неожиданно Колода ощутил на себе до боли знакомый взгляд: по голове и спине аж холодок пробежал. Неужто Смелычак?! Он резко обернулся и внизу у воды увидел невзрачного, всклоченного волка, но глаза, вернее один полуоткрытый глаз, сразу выдал его — точно, Смелычак!

— Вот это встреча! Так ты, старый вурдалак, оказывается, жив?! — воскликнул человек.

Зверь вздрогнул, ещё сильнее прижал к загривку уши и втиснул голову в песок. В его взгляде засквозили испуг, тоска, чувство полной беспомощности — не было сил даже оскалить когда-то страшные клыки. Глаза заслезились, то ли от жалости к самому себе, то ли от того, что было трудно смириться с бесславной участью обречённой жертвы.

А охотник смотрел на старого поседевшего зверя сочувственно, можно сказать, с грустью. Смелычак отвёл глаз, тяжело вздохнул. Они поняли друг друга. В какой-то момент во взгляде Колоды вместе с жалостью невольно мелькнула мстительная удовлетворённость. Смелычак, словно почуяв перемену в настрое человека, едва слышно заскулил.

— Нечего плакаться, получил ты, браток, по заслугам.

Но просьба волка о пощаде и помощи была настолько откровенно выраженной, что охотник даже смутился. Он спрыгнул с обрыва на прибрежную косу и направился к Смелычаку. Тот в ужасе съёжился, дернул грязным, как дворовая метёлка, хвостом и как будто всхлипнул. Шумно вздохнул и замер.

— Не робей, лежачих не бью, — охотник склонился над зверем и... наткнулся на угасающий взгляд. Волк был мёртв...

Набрав травы, Колода вернулся в хижину и рассказал отцу о неожиданной встрече.

— Всё как у людей, — задумчиво растягивая слова, проговорил старик. — Кто затевает раскол, тот от него сам же и гибнет.

*Период рождения телят у лосей растянут. Отёл, порой, случается в июне и даже в июле.

Маха, или История жизни кунички

1

В глубоком, просторном дупле было сухо, сумрачно. На дне мягко пружинила подстилка из длинных прядей лишайника.

Четверо ещё слепых щенят куницы, покрытых коротким младенческим пухом, лежали плотным клубком и беспечно посапывали. Время от времени один из малышей сонно, с трудом удерживая большую голову, потягивался и, бесцеремонно расталкивая остальных, жадно тыкался мордочкой в набухший молоком сосок. Остальные, словно по команде, поднимали дружную возню и следовали его примеру.

Накормив несмышленишей, куница осторожно вставала и выскальзывала наружу. Подкрепившись первой попавшейся дичью и полакав студёной ключевой воды, она без задержки возвращалась в дупло. Ненасытное потомство взволнованно сопело, попискивая, тянулось к матери и успокаивалось, блаженно почмокивая.

Кунята росли быстро. Нежные шубки день за днём густели. На головках потешно затопорщились треугольные ушки. Вскоре прорезались чёрные глазёнки, и несмышлёныши всё чаще с любопытством поглядывали на смутно белеющий сверху лаз. Через него врывались незнакомые будоражащие запахи, доносился невнятный шум тайги.

Самая маленькая, но в то же время и самая подвижная кроха Маха уже не единожды пыталась дотянуться до кромки лаза, чтобы хоть глянуть в таинственно шумящее окошко, однако всякий раз бдительная мать сердито уркала на любопытную дочь и стягивала её вниз.

В дупле становилось тесно. Наконец, настал день, когда куница сама вывела малышей в огромный, многоцветный, многоголосый мир, поощряя голосом смелых и подталкивая лапой робевших. Судорожно цепляясь слабыми коготками за выступы ребристой коры, жмурясь от слепящего света, щенята потихоньку спустились на землю. С интересом огляделись и обступили мать, трепавшую хохлатого рябчика, пойманного ею заранее.

Куница отгрызла петушку голову и легонько подтолкнула её к малышам. Те, давя друг друга, в ужасе отпрянули, но когда невольный испуг прошёл, первой, боязливо переступая и вытягивая шею, приблизилась к аппетитно пахнущему комочку Маха. Обойдя его кругом, малышка сначала осторожно потрогала, а затем поддела петушину голову лапкой. Она покатила с бугорка в траву, и кунята дружно кинулись за «убегавшей» добычей.

Один за другим мелькали дни беззаботных игр и безмятежного сна под надзором матери. Спускаясь на землю, покрытую толстым слоем хвои, шалуны часами изображали охотников.

Гоняясь друг за другом, они проворно карабкались на деревья, скаля острые зубки, устрашающе уркали на «врага» и, шлепнувшись вниз, затаивались в траве. Затем, пластая по земле, выслеживали «дичь», мгновенно вскидывались и опрокидывали её на спину ударом передних лап. Яростно кусались, не причиняя, однако, друг другу боли.

Маха уже не ощущала слабости в лапах. Приобрела быстроту и точность движений. Несмотря на изящное и, казалось, хрупкое телосложение, она была заводилой всех потешных потасовок и достойно отбивалась от более рослых братьев.

Убегая в пылу игры всё дальше и дальше, кунята изучали окрестности. Скоро они уяснили, что мелкие, но голосистые птицы, шустрые бурндуки, доверчивые рябчики, проныры-мыши не опасны. Мать часто ловила эту живность и приносила подросшим малышам для охотничьих забав.

Непоседе Махе, первой побывавшей на окраине просторного, светлого бора, не

терпелось узнать, что скрывается в непролазных зарослях черёмухи, но она не решалась покидать обжитые пределы.

Однажды, на исходе тёплого, тихого дня, когда мать ушла на охоту, Маха всё же набралась смелости и шагнула в таинственную чащу.

Там, в глубине тенистого царства, куничка услышала глухой шум. Сквозь ветви блеснул упругий поток, падавший с двухметрового уступа. Кипевшая в каменном котле вода гоняла крутые буруны, закручивала глубокие подвижные воронки. Солнце дробилось в этой кипени тысячами лучистых зайчиков.

Ниже по течению ручей стихал, раздавался вширь и спокойно струился мимо живописных заводей. На зеркальной глади мигали круги от жирующей рыбы, царственно колыхались листья стрелолиста, плавали утки, лихо скользили между хлопьев пышной пены водомерки. В тёплой воде песчаных отмелей сновали стайки мальков. По противоположному берегу суетливо перебежали с места на место длинноносые кулички. Маленькая путешественница заворуженно разглядывала вновь открывшийся мир, как вдруг неведомое прежде чувство предупредило её об опасности. Обернувшись, она увидела злые колючие глаза незнакомого ей зверя.

Это была норка. Прежде чем вывести на прогулку своё потомство, она выбралась из подземного убежища на разведку. Глядя в упор на Маху, норка с воинственным стрекотом бросилась к ней. Бедная куничка попятилась, затравленно огляделась — куда деваться? Позади вода, а впереди — ощерившийся враг. Резко оттолкнувшись от гальки, Маха в невообразимом прыжке перелетела через голову окаменевшей от неожиданности норки и скрылась в спасительных зарослях...

Как-то утром обитателей соснового бора, погружённого в лёгкий туман, разбудила не птичья разноголосица, а громкие, грубые голоса. Встревоженная куница-мать выплянула: к их жилищу приближались двуногие существа с котомками за спинами, связками ремней и верёвок на плечах. Шествие возглавлял лопоухий пёс.

Бортники-башкиры, а это были именно они, шли к давно намеченной сосне делать борть для нового роя диких пчёл. Подойдя к дереву, один из них начал привычно подниматься по толстому стволу, ловко вскидывая вверх кожаный пояс, жёсткой полудугой охватывавший золотисто-рыжую колонну. Люди то и дело переговаривались, смеялись.

Куница, чувствуя беду, припала к подстилке. Настороженно, до боли в ушах вслушивалась она в нарастающий шум. Волнение матери передалось малышам. Они при тихли и сбились в кучу.

Поднимаясь, бортник то и дело простукивал ствол обухом топора. Сильные гулкие удары заставляли зверьков сжиматься от страха. Охристая древесная пыль слетала со стенок дупла и нестерпимо щекотала нежные ноздри.

В это время верхолаз обнаружил дупло. Он засунул в него руку и, коснувшись мягкого пуха, произвольно отдернул её, но было поздно. Как ни велик был страх куницы перед человеком, великий инстинкт материнства оказался сильнее — сделав молниеносный выпад, она вонзила две пары острых, словно шило, клыков в оттопыренный палец врага.

От боли и неожиданности человек вскрикнул, выдернул руку с вцепившейся куницей, стряхнул её резким, энергичным взмахом, и та полетела вниз, прямо в лапы подскочившей собаки.

Грудастый кобель прижал её к земле, пастью схватил поперёк тела и, прежде чем прозвучал запоздалый окрик хозяина, прокусил затылок.

Бортник отнял у пса обмякшего зверька. Обдувая ещё редкий летний мех, он с сожалением оглядел понапрасну загубленную лесную красавицу. Досадливо побряхтел и спрятал случайный трофей в котомку.

Тем временем его напарник притянулся к стволу плотнее, обмотал окровавленный палец платком, отломил ветку и стал тыкать ею в дно дупла. Кунята, слабо отбиваясь от болезненных уколов, тонко верещали. Ободрённый бортник надел на руку выдавшую виды шляпу и, действуя ею как клешней, поочерёдно выудил из гнезда трёх беспомощно барахтавшихся щенков, засунул их в мешок.

Мягкая холщовая полость подействовала на пленников странным образом: они присмирели и успокоились.

Оживлённо обсуждая непредвиденную охоту, бортники поставили на стволе тамгу-знак в виде двойного угла и ушли восвояси, довольные тем, что так быстро обзавелись новой бортью (обычно её приходится вырубать целый день) и заодно избавили будущих новосёлов от опасных грабителей, ибо все куницы обожают мёд и не упустят случая полакомиться им.

Молодых кунят, по совету егеря, они отдали работникам расположенной неподалеку зверофермы.

Бортники и не подозревали, что в дупле осталась Маха. Когда мать столь необыкновенным образом покинула гнездо, она глубоко втиснулась в выщерблину между рёбрами дупла и, не шелохнувшись, просидела там до захода солнца.

Всё это время её никто не беспокоил. Маха осмелела и, вслушиваясь в монотонный гул леса, решила выглянуть. Небо было ещё прозрачным и просторным, но в тайге уже сгустились сумерки. Осмотревшись и не приметив ничего подозрительно, Маха опасливо спустилась на землю.

Над травой толклась мошкара, зло гудело комарьё; пискнула и неслышно исчезла во тьме летучая мышь; из-за гребня почерневших гор проклюнулся клыкастый месяц — всё в лесу шло своим чередом.

Недалеко от сосны влажный носик Махи учуял родной запах. Куничка взволнованно заметалась, а найдя клочки материнской шерсти, обеспокоилась ещё больше. Упорно рыскала она между переплетений обнаженных корней, но не находила иных следов. Невыносимая тоска и отчаяние охватили маленькое осиротевшее существо.

Внезапно Маху обдало воздушной волной, и жгучая боль пронзила бок. Над головой бесшумно, словно призрак, взмыл к угольно-чёрным макушкам сосен промахнувшийся филин. Куничка запоздало шарахнулась в сторону и помчалась напропалую вниз по косягу, прочь от страшного места. Вслед жутко ухал раздражённый неудачей налётчик.

Перепрыгивая колодины, ветки, рывины, травянистые кочки, кубарем скатываясь с крутых откосов, мокрая, исхлётанная ветвями, Маха выбилась из сил. В изнеможении забралась она под выворотень, отдышавшись, зализала горевшую огнём рану, обессиленно вытянулась и уснула.

Выкатившийся на уже поголубевшее небо пылающий диск солнца залил тайгу живительными лучами. Пучки света, профильтрованные кронами деревьев, зажгли росистую траву, заиграли радужными искорками водяного бисера, нанизанного на тонкие нити паутинок.

Зорянка пробудилась ото сна и сыграла на звонкой флейте побудку. Ей в ответ со всех сторон затенькало, засвистело, и вскоре сводный лесной оркестр зазвучал в полную силу. Лежавшую ничком Маху разбудил близкий шелест: припозднившаяся ежиха с вереницей ежат шумно продиралась сквозь голенастые стебли травы.

Из тёмного угла выворотня на Маху неприветливо поглядывал паук. Среди корней тяжело ворочался, поблескивая матовой броней, жук-олень. Однако всё это не занимало осиротевшую Маху. Она с щемящей тоской вспоминала мать и весёлых, задиристых братишек. Где они сейчас? Что с ними? Кругом кипело столько запахов, но все чужие, незнакомые.

От перенесённого потрясения и непосильного бега Маха даже после отдыха имела жалкий вид. Мышцы всё ещё подёргивались, кровь на боку запеклась, шерсть слиплась.

Глядя из своего укрытия на солнечные блики, бегающие по дну говорливого ключа, Маха почувствовала, что хочет есть и пить. Жажду утолила легко, а вот добыть что-либо съедобное ей не удалось. Наконец, после долгих поисков Маха заметила просеменившую в норку остромордую мышку. Куничка мгновенно преобразилась. Выразительные чёрные глазки алчно заблестели, по шубке словно пробежал электрический ток, мышцы напряглись, вновь наливаясь силой.

Маха вспомнила, как мать в таких случаях затаивалась у входа и не шевелилась поджидала появления хозяйки норы. Теперь маленькая куница сама точно так же притаилась в траве в томительном ожидании. И когда ничего не подозревавшая мышь выбралась на свет, Маха придавила её к земле.

Не имея опыта, охотница принялась что есть силы мотать и энергично встряхивать жертву, пока та наконец не стихла. Опылённая кровью куничка в восторге несколько раз высоко подпрыгнула над своей первой добычей. Эх, видела бы её победу мама!

Так закончилось детство и началась самостоятельная жизнь Махи.

Утолив голод, воодушевлённая успешной охотой, куничка взобралась на скалистую террасу. Надо было оглядеться и решить, оставаться тут или искать для жительства более подходящее место.

Перед ней простиралась межгорная впадина, окружённая пологими увалами с запада и зубчатой цепью гор с востока. С их ломаных граней, поросших кудрявыми соснами и островерхими елями, стекали светло-серыми языками осыпи. Широкое дно впадины покрывал лиственный лес, разделённый блестящей извилистой нитью ручья на два неровных ломтя.

Повстречав на спуске с террасы метки других куниц, неопытная Маха решила, что и ей тоже можно здесь поселиться, и устроилась отдыхать в дупле сучковатой старой ели.

Когда освежённая сном куничка выглянула наружу, то увидела в закатных лучах солнца рыжую акробатку-белку. Та раскачивалась на ветке соседнего дерева, ухватившись за неё одной лапкой, потом мгновенно перевернулась в воздухе колесом и помчалась вверх по стволу. С завистью провожая её взглядом, Маха заметила на стоящей неподалеку берёзе искусно сплетённую чашу гнезда и перепрыгнула поближе. В нём лежали голубенькие яйца. Подлётевший зяблик с криком заметался, запорхал вокруг, но был не в силах остановить грабительницу. Прокусив скорлупу, Маха, жмурясь от удовольствия, выпила содержимое яйца. С этого дня она уже не упускала возможности полакомиться яйцами, а порой и птенцами. Но не всегда ее набег оставались безнаказанными: приметив как-то гнездо горлицы и убедившись, что хозяев нет, Маха спрыгнула к небрежно сооружённому из сухих веточек гнезду-настилу. Два писклявых пуховичка, широко раскрыв клювы, настойчиво требовали пищи. Куничка не успела даже протянуть вооружённую когтями лапу, как на неё налетел крылатый вихрь. Яростные, болезненные удары клюва по темени сразу остудили охотничий пыл Махи. Спасаясь от новой атаки, она поспешила укрыться в густом кустарнике.

2

Время шло. Повзрослевшая Маха усвоила, где находятся излюбленные места кормежки рябчиков, куда улетают они отдыхать на ночь, какая куча хвороста изобилует мышами, в каком ельнике обитают белки, под какими пнями вырыты норки бурундуков. Изучила повадки своей добычи. Научилась ловить и быстро расправляться с ней. В её движениях появились непринужденная лёгкость и грация. В характере — выдержка и самообладание.

Теперь Маха подолгу гоняла белок, соперничая с ними в быстроте и ловкости. Однако нападать на них пока не решалась.

Однажды она заметила хорошо натопанную тропинку, которая вывела её в не-

большую котловину, заросшую чернолесьем. Проследовав через болотину, Маха поднялась на сухой взлобок, покрытый оспинами свежих ямок, выветрившимся помётом, обломками покусанных веток и обглоданными костями. Чуть дальше между отполированных снизу стволов резвились большеголовые волчата.

Маха почувствовала, что встреча с ними не сулит ничего хорошего, и немедленно повернула прочь от волчьего логова. Интуиция подсказала, что тропинкой уходить не следует. Взобравшись на расщеплённую ветром ольху, куница пошла верхом. И благодаря этому избежала встречи с матёрым волком, спешившим с добычей к своему прожорливому семейству.

Всё реже и реже спускалась она на землю, где на каждом шагу подстерегали опасности. Только на деревьях, среди зелёной листвы, Маха чувствовала себя уверенно. Птицы и белки, обитавшие здесь, заведя её, поднимали тревожный гвалт и в панике разлетались, разбегались кто куда.

Маха вытянулась, стала выше и крепче. Шубка, покрывавшая стройное мускулистое тело, приобрела приятный бежевый оттенок, шею и грудь украсило жёлто-кремовое пятно, рана на боку зажила, подёрнулась нежным пушком новой шёрстки. Ощущение одиночества и беспомощности прошло. Маха стала полновластной хозяйкой верхнего яруса леса.

Во время дневного зноя она предпочитала дремать в прохладе дупла. Но как только стихал птичий гомон, Маха, не обращая внимания на малоприятные вопли филина, выходила на охоту.

В один из таких вечеров, спускаясь вдоль ключа к отлогому берегу реки, куница услышала треск и густой шум падающего дерева. Маха встрепнулась и, взлетев на громадный вяз, по-гусиному вытянула шею, пытаясь рассмотреть место, откуда доносился шум, но частая листва скрывала от неё низкий берег.

Размашисто прыгая по ветвям, Маха перебралась поближе. Слабый ветер мягко шелестел листвой и скрадывал шум прыжков.

На краю узкой прибрежной гривки, сплошь заросшей тальником, над поваленным деревом горбились чёрные силуэты — два солидных бобра сосредоточенно объедали молодую сочную кору осины. В глубине леса хрустнула хворостина под чьей-то неосторожной лапой. Пугливые звери мгновенно встали столбиками. Настороженно огляделись. И, более полагаясь на слух, чем на зрение, нырнули в заводь, предупреждая остальных членов колонии об опасности мощными и хлёсткими, как выстрел, ударами чешуйчатых хвостов. Брызги взметнулись ввысь, и отраженный лик луны разлетелся на жёлтые осколки.

Лес ответил еще большим переполохом. Какой-то скрытый непроглядной тьмой таёжный исполин обеспокоенно хрюкнул и, с оглушительным треском тараня глухолесье, понёсся прочь. Шум быстро распространялся вширь, но, удаляясь в глубь чащобы, постепенно стих. Зато в заводи завозился кто-то большой, могучий.

Приближался рассвет. Река облачалась в молочные одеяния. Ели на противоположном берегу постепенно исчезали в волнистой мгле, словно таяли, и вскоре лишь верхушки самых высоких торчали из тумана, точно молоденькие ёлочки на заснеженном поле. От воды дохнуло промозглой сыростью. Зябко передёрнувшись, Маха побежала было по откосу на сухое продуваемое взгорье, как вдруг в глубине кроны ближней берёзы бестолково хлопнул крыльями рябчик.

Куница сноровисто вскарабкалась по гладкому, в чёрных отметинах стволу к спящему выводку. Цапнула подвернувшуюся курочку, но, не удержавшись на ветке, неуклюже шмякнулась вместе с добычей на землю. От сильного удара она разжала коготки и выпустила рябуху. Той бы сразу взлететь да раствориться в лесных крепях. Ан нет! Глупая, тоненько запищала и, путаясь в траве, суматошно засемила прочь. Маха настигла её одним броском.

Подкрепившись, куничка перешла через ручей по поваленной лесине как по мосту и чутко обернулась: в её сторону бежала пара куниц. Махе и прежде попадались их следы, но она инстинктивно избегала встречи с соседями.

Увидев незваную гостью, куницы негодуя застрекотали. Несдобровать бы Махе, если б не отчаянное бегство. Разъярённые хозяева настырно преследовали её до тех пор, пока не выдворили за пределы своей вотчины. Выскочив на усеянное крупной галькой ложе речки, Маха припустила без оглядки вверх по стиснутому крутобкими сопками сухому руслу.

Гонимая паническим страхом, она уходила всё дальше и дальше. За спиной уже осталось немало кривунов и скалистых прижимов, когда до неё докатился мощный гул. Махе ещё долго пришлось бежать, прежде чем она увидела глубокий разлом-колодец, в котором, с ревом переливаясь через глыбы камней, дымясь летучей моросью, бесследно исчезала река.

Перебравшись по груде каменистой осыпи на лесистую кручу, Маха заметила сквозь просветы леса планирующего к основанию пушистой лиственницы небольшого зверька в серой бархатистой шубке. Это была безобидная белка-летяга. Куница бросилась к комлю дерева в расчете перехватить её на месте посадки, однако летяга в последний миг выполнила замысловатый вираж и пристволилась метрах в шести, но не успела она вскарабкаться и до середины ствола, как её всё-таки настигли клыки шустрой разбойницы.

Осваивая новые владения, Маха набрела на затерявшееся в горах озерцо. И сразу же в зарослях осоки взяла свежий след жировавшего беляка. Зайчиха, пытаясь отвести нависшую беду от потомства, сделала три гигантские сметки в сторону и с силой забарабанила передними лапами о землю. Но поздно, Маха уже нашла затаившихся малышей. Играючи поймала и тут же съела одного из них. Насытившись, стала великодушной и остальных, разбежавшихся в суматохе, разыскивать не стала...

Незаметно пролетело лето. Вот уже первый заморозок, возвещающий о скором увядании природы, выбелил травы и запалил по склонам сопки многоцветные костры. На изумрудном хвойном поле, усеянном плотными смолистыми шишками, жёлтым пламенем полыхали берёзы, осины. Яркими мазками горели гроздья рябины, плоды шиповника. Сочно чернели кисти черёмухи. Между сосен алела брусника. Зазывающе-коккетливо кивали рогатые букетики лещины. Колонии опят сплошь покрыли пни и валежины.

Все обитатели леса жировали на богатых кормах, готовясь к длинной зиме. Маха частенько посещала излучину реки, сплошь заросшую черёмухой, и вот однажды, когда она забралась в самую гущу спелых гроздей и принялась с удовольствием поедать вяжуще-сладкие ягоды, неподалёку кто-то шумно засопел. Маха резко обернулась. На старой разросшейся черёмухе колыхались ветки. Одна из них изогнулась и, описав крутую дугу, замерла между стволов, где на «троне» из веток восседал медведь. Забавно причмокивая и довольно урча, он отправлял в громадную пасть черёмуховые кисти одну за другой. Косолапый не утруждал себя лишними движениями, а заламывал к себе самые плодоносные ветки.

Насторожив уши, время от времени поглядывая на косматого громилу, Маха торопливо набила желудок и, не задерживаясь, вернулась в сопки...

День ото дня холодало. Порывистый ветер безжалостно срывал поблекшие листья. Обгоняя всклокоченные тучи, потянулись на юг, в тёплые края, разномастные птичьи косяки. Привольно жилось теперь Махе в поредевших кронах. Похолодание принесло приятные перемены — исчезли наконец докучливые кровососы. Разоряя по ночам беличьи гнезда, она всё реже спускалась на землю.

С наступлением темноты тайга оглашалась трубным рёвом. Зычные, басовитые ноты, набирая мощь и силу, звучали слитно, напористо. Накаляясь первобытной стра-

стью, рёв взвизывался до трепетно вибрирующих переливов и, не выдерживая напряжения, как бы скалывался, захлебывался шумным сиплым стоном. Тайга и небеса на мгновенье замирали и откликались стозвучным эхом. Благородные олени-маралы, переселенцы с далёкого Алтая, вызывали соперников на честный бой. Маху этот могучий рёв не волновал, но когда он раздался совсем близко, то врождённое любопытство погнало её туда, где на краю опушки, выбеленной луной, ревел, горделиво запрокинув на спину ветвистые рога, красавец бык. Белые острые концы отростков угрожающе поблёскивали, словно пики. Рядом мирно паслись три ланки. Оборвав вызов на низком протяжном стоне, марал от избытка чувств запустил рога в заросли орешника и принялся крутить ими, спутывая ветки в узлы и тут же разрывая их на части.

В это время со стороны сопки послышался нарастающий треск. Маха проворно вскарабкалась на вершину сосны и оттуда увидела, как на открытый пятачок из леса выломился молодой рогач.

Налитые кровью глаза горели, как раздутые угли, ноздри трепетали, шерсть на шее дыбилась. Увидев хозяина гарема, бык протрубил ответный вызов, нацелил на соперника острые рога и, изнемогая от ярости, с силой забил копытами о землю. Угроза не подействовала, и тогда пришелец ринулся в атаку, рассчитывая обратить хозяина в бегство, а самому завладеть ланками. Разогнавшись, он попытался боднуть острыми пиками незащищённый литой бок хозяина гарема. Но опытный боец отскочил в сторону и сам ответил точным ударом. Холостяк не устоял, повалился, но, быстро вскочив, вновь разъярённо кинулся на противника. Оглушительный треск рогов заставил вздрогнуть Маху. Олени, сдавленно хрипя и фыркая, то разбегались, то вновь сшибались и, скрестив рога, топтались по кругу.

Пожухшая трава на месте сражения была уже выбита копытами до земли. Пар поднимался от разгорячённых, почерневших от пота тел. С губ хлопьями слетала кровавая пена.

Статный пришелец горячился, нападал безостановочно, но чувствовалось, что он, несмотря на молодость, выдыхается. Не так стремительны стали атаки. Сам он едва успевал уворачиваться от ответных ударов. Взмывающие бока ходили ходуном. Розовый язык вывалился наружу; глубокая рана на груди кровоточила.

Закалённый в турнирных боях хозяин гарема отбивался хладнокровно и, воспользовавшись тем, что соперник попытался перевести дух, неожиданно мощным броском оттеснил противника в кусты и, сделав резкое движение сильной шеей, повалил соперника наземь. Вскинулся на дыбы. Ещё мгновение — затопчет, иссечёт пришельца острыми копытами, но бессмысленная жестокость не в чести у животных.

Оставив посрамлённого смельчака, он вернулся в общество притихших маралух, оглашая окрестности ликующим победным кличем. Поверженный бык медленно поднялся и, не оглядываясь, удалился к глухой старицелизывать раны и восстанавливать силы на мясистых подводных побегах.

3

Дни становились всё короче, а ночи длиннее и холоднее. В тех местах, где ручей замедлял свой бег, берега уже обметало узорчатым ледком. Пронизывающий ветер обжигал чёрные оголённые ветки. Зима стучалась в мертво сквозящий лес.

Высунувшись однажды из дупла, Маха не признала окрестностей. Чего-то белого, незнакомого навалило сразу столько, что тайга совершенно преобразилась. Земля как бы приподнялась, а деревья опустились, стали ниже ростом. Ветви, кусты, валежины, заплыв белым жиром, растолстели. Нижние лапы елей, согнувшись под тяжестью покрова, образовали покатые шатры — удобные прибежища для обитателей леса.

Маха сначала понюхала, потом полизала переливчатые блёстки. Осторожно сту-

пила на неслежавшийся пух, попоной укрывавший толстый сук. Он податливо сминаясь, слегка хрустел и приятно охлаждал лапки.

Сверху на спину серебром посыпалась кухта*. Куница с непривычки поёжилась и брезгливо отряхнулась. Упругая волна прокатилась по роскошной шубке, которую теперь было вовсе не узнать. Более светлый зимний мех достиг полной пышности. Глянцевая ость мягко струилась, мерцала янтарными искорками. Густая подпушь должна была надёжно защитить от морозов и пронизывающих ветров.

Сообразив, что теперь лучше ходить понизу, Маха спрыгнула на белый волнистый покров и глубоко погрузилась в пуховую перину. Выбравшись, с удивлением осмотрела ямистый след и, принаравливаясь к снежной рыхлости, отправилась в ельник, где частенько удачно охотилась на рябцов.

Пробегая через бурелом, она столкнулась с незнакомым ярко-охристым зверьком в чёрной «маске». Оба замерли, напрягшись как туго закрученные пружины. Немигающим взглядом долго прощупывали друг друга, старательно цедя носами морозный воздух.

Рыжий колонок был на редкость злобным и агрессивным созданием. Держался вызывающе, однако, уступая Махе в силе, не осмеливался напасть первым. Видя нерешительность дальней «родственницы», он, воинственно выгнув спину, свирепо ощерился и, резко прострекотав, всё же сделал несколько устрашающих выпадов. Не довольствуясь этим, обдал куницу скверно пахнущей струёй и только тогда нырнул в снег, где чувствовал себя словно рыба в воде.

Обежав ельник, в котором обычно хоронился табунок, Маха с удивлением обнаружила, что лесных курочек, отдыхающих по ночам под прикрытием еловых лап, нигде нет. И не успела поразмыслить над тем, куда могла запропасться её любимая добыча, как снег перед ней покрылся белыми снопами взрывов: обдавая куницу искристой пылью, из-под лап выпархивали рябчики. Встревоженные подозрительным хрустом курочки рассаживались на деревьях и, внимательно наблюдая за своим извечным «пастухом», перелетали в глубь леса, как только он пытался приблизиться. Кожистые зубцы на лапках рябчиков к зиме отвердели, и птицы без труда могли сидеть даже на обледенелых ветках.

Маха быстро усвоила, что рябцы с появлением снега, набив за день берёзовыми почками полный зоб, вечером прямо с дерева ныряют в пышные сугробы и сидят там всю ночь, пока восходящее солнце не ослабит мороз. Под снегом тепло и безопасно: к убежищу ни единого следа — попробуй-ка найти! Только опытный глаз может отличить лунку лесной курочки от вмятины, оставленной свалившимся с ветки снежным комом. Научившись распознавать спальни рябчиков, Маха тем не менее за зиму всего несколько раз сумела полакомиться их белым нежным мясом: осторожные птицы делали под снегом боковые ходы, и она зачастую прыгала на лунку, под которой была пустота.

При неудачной охоте на рябцов или белок Маху выручали мыши. Приблизившись к куче хвороста или валежин, Маха слушала, откуда донесётся писк, возня мышиною братии, и, определив это место, исчезала в сугробе, чтобы вскоре появиться с добычей. Нескольких мышек ей хватало, чтобы насытиться.

В сильную стужу, когда прокалившиеся на морозе стволы звонко лопались, Маха становилась малоподвижной, и если перед этим охота была успешной, то не выбиралась из логова сутками.

После одной из таких вынужденных отсидок проголодавшаяся куница заметила лунку непривычно большого размера и, перейдя на мелкий шаг, подкралась к ней.

*Кухта — снег, падающий с веток.

Из-под снега исходил аппетитный запах громадной бурой птицы, которую Махе доводилось видеть на соснах, где та поедала длинную хвою. Это был запах глухаря.

Долго стояла куница с приподнятой лапой. Взволнованно приняховалась к дразнящему аромату. По телу волнами прокатывалась пьянящая охотничья страсть. Близость добычи манила. И все же, несмотря на голод, Маха робела, догадываясь, какая сила таится в пернатом гиганте. Наконец, воспоминание о том, как испуганно отлетали, завидев её, глухари, придало куничке решимость. Останавливаясь через каждые три-четыре шажка, она всё же подкралась к спальне и, поколебавшись секунду, нырнула в снег.

Застигнутый врасплох петух, энергично хлопая тугими крыльями, выметнулся из сугроба и, обвитый, словно змеей, длинным телом Махи, понёсся по снежной целине. Грузно оторвался и, с трудом лавируя между ветвей, полетел сквозь лес, медленно набирая высоту. Тем временем две пары длинных клыков всё глубже вонзались в его шею.

Пытаясь языком вытолкнуть набившиеся в пасть перья, Маха ослабила хватку. Глухарь в то же мгновение взмыл вверх и перекувыркнулся в воздухе. Когти охотницы предательски заскользили по плотному оперенью. Надеясь на избавление, петух принялся закладывать такие крутые виражи и спирали, что куничка едва удержалась: полетела было вниз, но в последний миг всё-таки исхитрилась вцепиться зубами в длинные хвостовые перья и запустить крючковатые когти в огузок.

Истекая кровью от ран на шее, скованная потяжелевшим хвостом, птица неуверенно тянула над макушками деревьев. Но и у куницы силы иссякали, мышцы от невероятного напряжения свело болезненной судорогой.

В это время глухаря, зацепившегося крылом за вершину сосны, резко повело в сторону. На сей раз измотанная куница не удержалась и сорвалась в снег. Освободившийся от ноши глухарь выправился и спланировал к устью распадка. Но жизнь вместе с горячей струйкой крови уже покидала таёжного красавца.

Маха выбралась из сугроба и с неожиданным для себя проворством побежала на шум бившейся в агонии птицы. Ожесточённая поединком куничка, наслаждаясь властью победителя, рвала и трепала уже мёртвого глухаря. Перья летели по ветру, словно хлопья сажи.

Утолив голод, удачливая охотница насилиу затащила остатки жертвы под заснеженную валежину. Нагребла подстилку из сухой травы, листьев и провела в потаённом убежище несколько беззаботных дней. На лопатках и животе у неё впервые за зиму появился жирок.

На исходе четвёртого дня её сытый покой нарушил залиvistый лай. От резких, пружинистых прыжков белки, преследуемой собакой, с еловых лап тихо срывался и повисал меж стволов облачками мелкий снег. Вот изнурённая беглянка затаилась. Сухо щёлкнул выстрел, и подошедший на лыжах охотник вынул из сугроба убитого зверька. Лай, удаляясь, понёсся к другой стороне распадка. Зверобой торопливо заскользил следом.

Дождавшись сумерек, Маха, тревожно озираясь, выбралась из убежища. Со стороны ручья ветер нёс резкий запах дыма. Среди чёрных стволов мелькнул страшным глазом костёр — неизменный спутник человека. Появление его в лесу не предвещало ничего хорошего. Однако обленившаяся от сытости и покоя куница отогнала недобрые предчувствия и, побегав немного, юркнула в глубокое дупло дерева. Беспечно свернулась там калачиком и, накрывшись вместо одеяла пушистым хвостом, уснула.

Когда на востоке проклюнулось холодное тусклое солнце, охотник, ушедший давеча слишком далеко от деревни и вынужденный заночевать в лесу, быстро собрался и, подгоняемый морозом, заспешил домой. Аккуратная строчка свежих следов, перекававшая его старую лыжню, сразу привлекла внимание.

— Куница! Вот это удача! Сезон только начался, а богатая добыча сама бежит навстречу, — обрадовался промысловик, а увидев, как близко прошли они вчера от покинутого куницей убежища, набросился на пса:

— Ну и бестолочь ты, Актабан! Куда глядел? Куница под носом была, а ты белок считал! Ну, ничего, от нас, брат, не уйдёшь!

К их счастью, раздобревшая куница верхом почти не ходила, и пёс, взяв выходной след, быстро нашёл её новое пристанище. Нетерпеливо взлаивая и скуля, Актабан старательно заскрёб когтями кору заиндевевшей сосны. Хозяин сразу разглядел на высоте пяти-шести метров чернеющий пяточок дупла.

Унимая волнение, он скинул котомку, прислонил к ней ружьё. Несколько раз шагахнул обухом топора по ровной, без единого сучка бронзовой колонне. Пугливые снежинки окутали сосну, покрыли серебристой пылью тёмную фигуру человека.

Тихо. Маха затаилась крепко и ничем не обнаруживала своего присутствия. Это обстоятельство не смутило охотника. Он срубил молодую ель, окоротил разлапистые ветки и, прислонив её к стволу, поднялся по ней к дуплу словно по лестнице.

Надев на рукавицу брезентовую верхонку, запустил руку в дупло сначала по локоть, а затем, скинув телогрейку, по самое плечо, но до дна так и не дотянулся. Заткнув лаз шапкой, он простучал ствол топором и по звуку определил нижнюю границу полости. Вырубил отверстие и с надеждой пошарил в нижней части дупла, но Маха молча увернулась и вскарабкалась по губчатой трубе наверх.

Спустившись на землю, человек вынул из котомки сетчатый «рукавчик», скобки и несколько завитков бересты. Срезал прутик чуть длиннее «рукавчика». Заострил с одного конца и расщепил с другого. Открытый конец ловушки прикрепил скобами к верхнему лазу, а глухой оттянул рогулькой перпендикулярно к стволу. В прорубленное снизу отверстие сунул горящую бересту и стал терпеливо ждать. У подошвы сосны, повизгивая от возбуждения, вертелся готовый помочь пёс. Сухая труха стенок затле-ла, наполнила дупло удушливым чадом. Из верхнего лаза потянулась струйка синего, вперемешку с чёрным, дыма.

Во рту у Махи стало вязко и горько. Казалось, минуты её жизни сочтены. Задыхавшись, она вдавила нос в пористые гнилушки и стиснула челюсти. Дышать стало легче.

Мертвая тишина поколебала уверенность охотника.

— Что за чертовщина? Неужели куницы в дупле нет? Небось, сидит сейчас где-нибудь в ветвях, насмехается. Либо вообще ушла грядой. Да не должна бы — Актабан не зевнёт. Хотя вчера вон как оплошал, — засомневался он, совершенно сбитый с толку.

Устав стоять на вертлявой лестнице, охотник слез передохнуть. Собрал хворост, наладил костерок, заварив крепкий душистый чай и, отхлёбывая его крохотными глотками, то и дело поглядывал на солнце. Проводить вторую ночь у нодьи* ему не хотелось. В тайгу он пошёл только на разведку, чтобы определить, в какой стороне нынче держится белка, а вечером вернуться в деревню. Но Актабан, облаивая белок одну за другой, увёл хозяина за перевал, а вот сегодня карты спутала куница...

— Да чего ради морозиться понапрасну? Нижний ход забью. Если куница в дупле, то рукавчик не даст ей уйти — спеленает намертво. Переночую в тепле, а завтра сюда к обеду с палаткой, печуркой и продуктами на пару недель белковать вернусь, — убеждал себя охотник, незаметно собираясь.

Лайка недоумённо наблюдала за хозяином и ни в какую не хотела идти следом. Охотник вынужден был вернуться к сосне и взять упирившегося Актабана на поводок.

**Нодья — особый костёр для зимней ночёвки. Делается из двух-трёх сухих хвойных стволов, уложенных один над другим.*

Едва ли они успели пройти и треть пути, как ударил шквальный ветер, утопив всё в снежной мгле. К ночи вьюга разыгралась в полную силу. Закачалась, застонала тайга. Хлесткие, напористые порывы ветра срывали с деревьев улежавшиеся снежные глыбы. Одна из них по воле случая угодила в рукавчик, и сместила деревянное кольцо.

Смышлёная узница протиснулась в образовавшуюся щель и покинула осаждённую крепость.

Морозный воздух, снежная круговерть быстро взбудрили её. Вскоре Маха нашла буреломный отвал и в затишье повалилась в снег, освежая прокоптившуюся шубку и стряхивая с себя приставший мусор. Инстинкт и приобретённый уже горький опыт подсказывали, что оставаться в этом лесу опасно.

Перебиваясь в дороге случайной пищей, снова и снова карабкаясь на скалы, ныряя в распадки, беглянка достигла высоких мощных хребтов и углубилась в молчаливый сумрак перестойных ельников.

Облюбовав межгорное урочище, изобиловавшее белками и рябчиками, Маха обследовала участок и, убедившись, что он свободен, застолбила запахowymi метками свою вотчину...

Однообразно потекли морозные дни. Порой казалось, что тайга вымерла. Лишь неприятный скрежет сойки, гулкое постукивание работы дятла да резкие выстрелы лопающихся от стужи деревьев изредка тревожили стылое таёжное безмолвие.

Промёрзшие насквозь отроги тянули заиндевшие вершины в поднебесную высь, поближе к солнцу, но и там не находили тепла.

Глубина снежного покрова позволяла кунице ночевать в пустотах под сугробами: в них теплее и в случае опасности всегда можно уйти от преследователей снежным тоннелем.

Пробежки по пушистой перине утомляли маленькую хищницу, и, обегая как-то раз свои владения, Маха воспользовалась попутной лосиной тропой. Местами следы широко разбредались — это лоси глодали кору деревьев, обкусывали кончики веток редкой здесь осины, поедали пряди лишайников, в ельниках отдыхали прямо в снегу, оставляя после себя овальные лёжки с чуть обледелыми стенками, хранящими примёрзшие бурые шерстинки. Потом следы вновь сливались в одну тропу и вели к изголовью короткого ложка, откуда, несмотря на мороз, дымящимся родничком вытекала рыжая струйка воды, обрамлённая красной глиной с белым налётом соли, перемешанной множеством копыт. Со дна вылизанных лосями углублений, глухо шипя, выбивалась охристая жижа, вскипавшая время от времени пузырястыми кругами. Полизав соленоватую накипь, Маха закусил её терпкой рябиной и направилась к устью лога, где возбуждённо шныряли бестолковые сойки. Гребни сугробов вокруг оказались сплошь исчищены копытами, в воздухе витал волнующий запах крови. Куничка закружилась по лесу и в примятых зарослях калины нашла растерзанную волчьей стаей лосиху.

Маха обошла полусъеденную тушу и, воровски озираясь, с жадностью набросилась на прихваченное морозом мясо. Постоловавшись, залегла неподалёку, рассчитывая надолго освободиться от забот о пропитании, но неслышно вернувшаяся среди ночи стая волков нарушила её планы. К утру от лосихи остались только обглоданные кости, да и то только самые крупные и прочные.

4

Долго тянется зима, но и у неё есть конец. Весна, словно извиняясь за свою медлительность, дружно и бесповоротно вступила в свои права. Запылавшее жарким костром солнце заполнило промороженное дно тайги живительными волнами тепла.

Под напором пробудившихся жизненных соков лес быстро преображался. Ветви набухли, деревья загустели. На южных склонах заржавели первые приствольные круги. Съёжившиеся снега плавились, насыщались влагой. Однако ночью отяжелевшие кристаллы вновь спаивались морозом, образуя прочный наст.

Для копытных и боровой птицы наступила самая тяжёлая пора. Олени проваливались сквозь наст и резали голени об его острые кромки. Боровая птица, особенно рябчики, укрывавшиеся под снегом, по утрам с великим трудом пробивали обледенелую крышу.

Зато волки и рыси благоденствовали. Для них пришло время долгожданного пиршества. Больше всех лютовали оголодавшие за зиму серые разбойники. В приступе необузданной жадности они без меры резали косуль и стельных лосих. К счастью, эта ужасная пора непродолжительна.

Всё увереннее гремели ручьи. Быстро таяли, обрастая накопившимся за зиму лесным мусором, ноздреватые сугробы. Появились обширные проталины, покрытые шершавой коростой спрессованных за зиму листьев, травы и хвои. Местами они были испещрены бугристыми прожилками кротовых ходов и свежими холмиками жирного перегноя.

На рассвете Маху дразнили булькающие звуки тетеревиных песен. Краснобровые петухи, горделиво выпячивали иссиня-чёрную грудь, распушив лирообразный хвост, демонстрировали на обсохших полянах свою силу и удаль. Наиболее воинственные, хлопая крыльями, набрасывались на соперников. Но, несмотря на турнирный экстаз и стремление привлечь внимание тетёрок, петухи были достаточно бдительны и Маху близко не подпускали.

Днём в единственную здесь берёзовую рощицу слетались дятлы. Они пили из специально пробитых в коре дырочек сладкий сок. Махе он тоже пришёлся по вкусу, и она охотно припадала к источнику сочащейся влаги, чтобы утолить жажду, подкрепить силы.

Каждый уголок леса наполнялся жизнью. Зашелестели клейкой листвой деревья. Духовитая травка покрыла склоны бархатисто-изумрудным ковром. Зацвела черёмуха, за ней — рябина, калина. Незаметно весна перешла в лето.

Мало-помалу стихали брачные песни птиц. Смолкли трели обременённого семейными заботами зяблика. Почти каждый день после полудня над тайгой вызревали между двух хребтов тёмно-лиловые тучи. Жизнь в урочище перед грозой замирала, томительное напряжение росло, духота сгущалась, становилась невыносимой. Какое-то невидимое парализующее поле пронизывало всё живое. Наконец, из непроницаемо-чёрных туч срывался к земле тугой ослепительный сноп света, на мгновение озарявший притихшую долину белым сиянием. И вновь воцарялся полумрак. Затем оглушительный треск раскалывал пространство, прокатывался по горам, сотрясая каменные отроги. Отдыхавший за могучей спиной хребта ветер пробуждался и разъярённо врывался в долину. Следом из враз прохудившихся небес низвергался на ещё не успевшую подсохнуть землю очередной щедрый ливень.

По утрам облаканная солнцем земля дымилась влажными испарениями. Свежо пахло листвой и хвоей, тучные травы, заполнившие лес, мешали бегать. Маха, мокрая от росы, то и дело брезгливо отряхивалась и спешила перебраться в продуваемый ветерком верхний ярус, где распластавшись на тёплой коре толстого сука, беспечно дремала до следующего ливня, от которого спасалась в дупле или под многослойным пологом облюбованного ею елового шатра. Здесь всегда было сухо, а иной раз даже удавалось добыть прятавшуюся от дождя пичугу. Если верховая охота случалась неудачной, то куница всё спускалась вниз и, забравшись на корягу или пенёк, терпеливо сносая укусы мошек, назойливо лезших в нос и уши, караулила коротколапых кротов, выбиравшихся из-под земли за дождевыми червями. Её упорство неизменно вознаграждалось вкусным обедом.

Иногда Маха спускалась вдоль набухшего ручья к реке, где ловила увлечённых базарной болтовнёй лягушек. Возле неглубоких заливов куница частенько видела лосей с неуклюжими смешными телятами на ногах-ходулях. Они паслись на обильном разнотравье, отдавая предпочтение иван-чаю.

Взрослые лоси с удовольствием заходили в заводь и бродили по брюхо в воде. Отщипнув пучок водорослей, они вскидывали головы, с наслаждением отфыркивались от стекавшей по горбоносым мордам воды и хрумкали сочные стебли.

Однажды, безуспешно прогонявшись по деревьям за белкой, раздражённая падением с мокрых ветвей Маха отдыхала на узкой надпойменной террасе. Вдруг ей почудился лёгкий шелест. Навострив подвижные ушки, куница мелкими шагами прошла по полуистлевшему стволу и мягко спрыгнула на обомшелый валун.

Впереди под скалистым обнажением зияла узкая брешь. Из неё веяло холодом, а между камней струился ручеек. Скользя по крутым бокам голышей, сильно замочив лапы, Маха проникла в мрачный каменный мешок, покрытый осклизлым чёрным налётом. Гулкое эхо капели с невидимого свода нарушало тягостную тишину.

С живым интересом оглядев влажно поблёскивающие стены, таинственные ниши и щели, куница пошла дальше. Дно грота поднималось вверх ступеньками. Вскоре дорожку загородил высокий известковый выступ, заплывший сверху ледяным козырьком, из которого торчала наполовину вытянутая туша бурого медведя. От падающих на Маху холодных капель шубка её отсырела, и куница поспешила на волю погреться и обсохнуть...

5

Минул ещё один год, и снова наступило лето, третье в жизни лесной охотницы. Всё это время Маха по-прежнему обитала в полюбившемся межгорном урочище, изученном до последнего кустика. По-прежнему бродила она в одиночестве, не встречаясь с другими куницами, — Маха хорошо помнила, как пара соплеменниц когда-то чуть не загрызла её, изгоняя из своих владений.

Но вот однажды тёплой лунной ночью Маха заметила бегущего по её следу сородича-самца. Сначала она оробела. Птицей взлетела по стволу на вершину дерева. Самец последовал за нею. Но прошло то время, когда Маха чувствовала себя беззащитным существом. Повзрослевшая куница не собиралась уступать свои владения без боя. Желая напугать преследователя, она свирепо оскалила пасть, сморщила нос и даже устрашающе зашипела.

Обескураженный самец, имевший к очаровательной куничке совершенно иные намерения и не ожидавший такого приёма, покорно спрыгнул вниз и, забравшись в траву, выжидаяще вытянулся поодаль. Маха тем временем воспользовалась появлением тумана и ушла верхом в глубь тайги. Настоячивый незнакомец вновь разыскал её и, почтительно соблюдая дистанцию, повсюду следовал за ней.

Между тем куница проголодалась. Разглядев мельтешивших среди деревьев зайчат, Маха, припадая к земле, неслышно подкралась к ним. Зайчата, не подозревая, какая опасность подстерегает их за кустом можжевельника, беспечно играли, приближаясь к засаде.

Не сдержавшись, Маха в преждевременном прыжке попыталась достать одного из них. Высоко вскидывая зады, косые рассыпались в разные стороны, и один из них угодил прямо в лапы настойчивого ухажёра. Несчастная жертва коротко и пронзительно проверещала и стихла. Облизнув окровавленную морду, самец приосанился и призывно зауркал, приглашая пленившую его куницу на трапезу. Оценив, наконец, доброжелательность кавалера, Маха с нарочитой медлительностью приблизилась. Они обнюхали друг друга. Помолвка состоялась.

После совместного пиршества куница великодушно позволила сопровождать себя. Ободренный самец, радостно размахивая хвостом, то с нежностью прижимался к её боку, то, ластясь, тёрся головой о её грудь. Такое непривычное обращение действовало на Маху возбуждающе. Она с наслаждением замирала от щекочущих прикосновений, щурила глазки. Игриво, только для вида, увертывалась, ворчала, но, охваченная неизъяснимым томлением, вновь замирала. Пришла пора брачных игр.

Когда любовные утехы надоели и Маху стал тяготить нежный ухажёр, она бесцеремонно выставила его за пределы участка и вернулась к привычному уединённому образу жизни.

Поселившийся в соседнем распадке самец первое время регулярно навещал её, но Маха не проявляла к нему прежней симпатии. Встречала неприветливо, а если он ненароком затягивал визит, решительно прогоняла...

6

Осень выдалась на редкость ненастной, холодной. Тайга, не просыхавшая всё лето, теперь и вовсе потонула в сырости. На поверхности земли не осталось ни одного углубления, в котором не поблескивала бы вода. Над рекой и низинами пластался молочным разливом туман. Нудно, тоскливо шумел лес. По небу косматыми табунами нескончаемо тянулись свинцовые тучи. Порывистый ветер безжалостно трепал, срывал листья. Опалённые первыми заморозками травы поникли.

Не уродили ни орехи, ни жёлуди, ни ягоды. Не было даже грибов. Валом откатились на запад, за перевал, спасаясь от бескормицы, белки, улетели кедровки, сойки, кукушки, клесты. Утянулись на юг перелётные караваны. Всё живое покидало, обходило стороной бесплодный край. Маха, прижившись на новом месте, не решалась последовать вслед за белками в леса, откуда она в своё время была изгнана. В довершение ко всему в начале зимы после обильных снегопадов ночью случилась необыкновенная оттепель с настоящим ливнем. К утру северный ветер принёс столь резкое похолодание, что щедро политые снега схватились ледяной коркой, навсегда замуровавшей большую часть боровой птицы в снежных спальнях.

Для Махи наступили тяжёлые дни. В редкий выход ей удавалось поймать полёвку, но мелкая добыча лишь распяляла аппетит.

В поисках пищи она забралась на гладкоствольную осину и высоко над землёй заметила отверстие непривычной прямоугольной формы. Маха заглянула в него. Грозный хозяин квартиры дятел желна не одобрил любопытства куницы и сильно ударил её клювом по голове.

Ошеломлённая Маха спустилась вниз и, съев несколько случайно уцелевших плодов шиповника, вспомнила про пещеру под высокой кручей, где она видела вмёрзшего в лёд медведя. Как можно было забыть про этот склад мяса?! Там ведь его столько, что и на год хватит!

Нетерпеливо спустившись на памятную террасу, куница застыла от удивления. На месте высокой кручи опрокинутым конусом темнел глубокий провал. Росшие когда-то высоко наверху деревья целиком исчезли в нём, и только сомкнувшиеся у центра макушки едва выглядывали из образовавшейся воронки. Не желая мириться с угрозой гибели, они поддерживали друг друга ветвями, а корнями ещё пытались удержать разошедшиеся пласты почвы.

Дотошно обследовав склоны провала, неровными ступеньками уходящие вниз, и не найдя ни одной подходящей лазейки, чтобы проникнуть вглубь, Маха совсем приуныла. Ей стало казаться, что не осталось в жизни ничего, кроме бед и напастей.

Находясь в беспрестанном поиске пищи, куница отошала. Мех потускнел, вытерся, местами слипся от смолы. Маха изменила своим привычкам и всё чаще рыскала

по вымершей лесной пустыне днём. Пища, которой она прежде гнушалась, стала желанной.

Однажды, когда стало совсем невозможно, охотнице всё же посчастливилось найти под трухлявым пнём норку бурундука. Вытащив запиравшую вход моховую пробку и расширив где когтями, где зубами узкий проход, Маха добралась до опрятной, сухой кладовой с небольшим запасом орехов, семян и ягод, аккуратно сложенных в отдельные кучки.

Полосатенький хозяин, разбуженный гулкой возней, возмущённо пища, метался по спальне и пытался выскочить на волю, но Маха закрывала собою проход. Бурундучок с отчаянной смелостью, порождённой страхом, ринулся на грабительницу. Куница, оставив орехи на десерт, наградила смельчака смертоносным ударом и тут же съела его.

От забытой сытости по телу разлилась дремотная истома. Маха проспала больше суток, а проснувшись, доела скудные запасы кладовой. Вскоре, однако, голод с новой силой напомнил о себе и в который раз погнал Маху к парящему истоку ручья, где в окружении кустов, сверкавших ёжиками густой изморози, до сих пор держались утки.

Этот визит ничем не отличался от предыдущих. Сидевшие на сахарных закраинах льда птицы были начеку. Они успели отплыть на середину чадающей белыми завитками пропарины и крикливо насмеялись над неловкостью куницы. Маха раздосадованно фыркнула и не солоно хлебавши побежала прочь.

Иногда её выручали личинки короедов, златок, усачей. Маха умудрялась добывать их из-под трухлявой коры елей. После одного из таких скудных завтраков она, гонимая голодом, перешла через седловину и вышла на противоположный склон горы, поросшей высокоствольным лесом.

Спускаясь по нему, Маха сначала услышала, а потом и увидела из-под нависших еловых лап дерущихся зверей: сильный голенастый лось бился насмерть с медведем-шатунем. Они кругами ходили друг против друга. Медведь устрашающе ревел. Из широко раздутых ноздрей с шумом вырывался пар.

Мосластый шатун всё пытался зайти сбоку, но лось понимал, чем это ему грозит, тут же разворачивался навстречу, стремясь, в свою очередь, нанести удар копытом. Медведь ловко уворачивался и одновременно загребал широкой лапой, пытаясь распороть лосю длинными когтями тугое брюхо. Бесконечные атаки измотали обоих, но успеха никому не принесли. Внезапно шатун изменил тактику, попятился назад и устало сел на задние лапы. Скрывая свой хитроумный замысел, он, тяжело дыша, привалился лохматой глыбой к дереву. Поддавшись на уловку, лось повернулся бежать, но в то же мгновение коварный медведь одним прыжком настиг его. Лось встал на дыбы и метнулся в сторону, но медведь уже успел прокусить ему шею, решив исход поединка в свою пользу.

Удостоверившись, что лось мёртв, взъерошенный победитель не сразу подошёл к добыче, протяжно поводя боками, вздыхал, остывал от возбуждения. Ел он долго и жадно, не обращая на происходящее вокруг ни малейшего внимания. Набив желудок, косолапый затащил остатки добычи в бурелом и залёг тут же.

Маха несколько раз посещала это место в надежде поживиться за чужой счет. Однако шатун так и не ушёл, пока не съел всю тушу без остатка, разбросав вокруг лишь острые раздвоенные копыта да добела обглоданные челюсти.

Бедствуя от голода, куница мёрзла, не согреваясь даже в покинутых беличьих квартирах. От постоянного недоедания у неё кружилась голова, выворачивало внутренности. Однажды Махе, забывшейся коротким сном, зримо привиделся просторный, полный бурной радостной жизни сосновый бор. Бор, где она родилась, где ей были неведомы голод, холод, а в говорливом ручье текла самая вкусная на свете вода. Днём и ночью это видение стало преследовать её.

Стоило Махе лишь задремать, как снова представлялся родной бор, кишаший рябчиками и белками. Она ловит их, безостановочно ест и никак не может наесться. Смятение росло, и, наконец, настал миг, когда какая-то неподвластная ей сила неудержимо погнала Маху к родному урочищу.

Поднявшись на взгорье, куница свернула на юг и устремилась к заветной цели. В предрассветный час она чуть не столкнулась с рысью, выплывшей, словно привидение, из запалённой восходящим солнцем изморози. Куница попятилась и бесшумно исчезла в зарослях, но поджарая кошка заметила её и кинулась вдогонку. Маха немедленно взлетела по шершавому стволу на ель и, перемахивая с ветки на ветку, благополучно ушла от преследования.

В пути кунице пришлось преодолеть немало щетинистых круч, ниспадавших с гор бугристых ледопадов и непролазных чащоб, прежде чем её взору с высокого отрога открылись знакомые очертания сопки. Радость наполнила сердце скитальцы. Всё веселей, уверенней бежала она по заснеженной тайге. Достигнув последней водораздельной гряды, куница вскарабкалась на одиноко стоящую сухую ель, растопырившую сучья, словно костлявые руки, и оторопела. Перед ней, далеко внизу, повторяя изгибы ручья, чернела прокопчённая жилка лесовозной дороги. На пологом склоне, там, где простирался столь желанный заповедный бор, была пустошь, покрытая золотистыми спилами пней.

Спустившись с горной кручи к ручью и быстро перебежав пропахшую соляжкой дорогу, Маха с надеждой направилась через вырубку к темнеющему вдали лесу. С каждым прыжком остаток бора надвигался непроглядной стеной, увеличивался в размерах и был уже не таким крошечным, как показалось Махе с макушки ели. А когда оттуда донёсся задорный посвист рябчика с короткой трелькой в конце, она и вовсе воспряла духом.

Но непродолжительной была её радость. Привычную тишину зимней тайги нарушало звонкое потрескивание заведённой мотопилы. Мерное тараканье зачастило, перешло в докучливое осиное жужжание. Вскоре мохнатая крона крайней сосны качнулась, и вековое дерево с густым шумом рухнуло, подняв патлатыми ветвями облака снежной пыли.

Со стороны ручья послышался надсадный рокот. Это полз за новыми хлыстами мощный лесовоз. На родине Махи хозяйничали лесорубы.

Сделав полукруг, куница перешла на западный склон. Здесь снежный покров сверкал девственной белизной и прельщал обилием беличьих кормовых тропок, лунками ночевавших рябцов. А возле поваленных ветром осин хрустящая простыня была утрамбована заячьими лапками и усеяна коричневыми орешками помёта. Пройдясь по свежим беличьим следам, тянувшимся по косоугру, Маха вскоре увидела прыгунью, занятую раскопкой старых запасов. Белка тревожно зацокала, но не успела даже заскочить на дерево.

Впервые за много дней куница наелась до отвала. Сердце у неё отмякло, ушло ожесточение. Бельчатины основательно подкрепили силы странницы, и она легко обещала родовые владения.

Повсюду Маха натывалась на вонючие лесовозные дороги, запустившие свои щупальца почти до перевальных хребтов, отовсюду доносился гул моторов. Отступавшая под натиском мотопилы и могучих тракторов тайга с высоты водораздельной гряды была похожа на шахматную доску: тёмные острова леса чередовались с белыми полями сплошных вырубок, изъеденных свежими оспинами пней. Только в стороне Большого хребта, откуда пришла Маха, лес упрямо топорщился нетронутым коренным древостоем, но возвращаться в эти опустевшие от бескормья крепки куница не желала.

Смирившись с близостью рокочущих машин и людей, она обосновалась в истоках ручья, возле скал, изукрашенных цветистой накипью лишайников. Выбор Маха удался — это место являлось заказником.

Незаметно для себя куница освоилась с шумными соседями. Ночью, во время длительных прогулок, люди её не беспокоили, а днём она отдыхала в потаённых убежищах.

Пробегаая как-то в середине зимы по лесу, Маха увидела строчку лисьих следов. Поначалу она не придала им особого значения. Только отметила про себя, что стёжка, обычно ровная и опрятная, как-то странно вихляет. Но, обнаружив метров через двадцать вторую подряд лёжку, насторожилась. Оглядев следы внимательней, куница определила, что лиса передвигается с трудом.

Маха потрусила по следу и почти сразу увидела горящую факелом лису-огнёвку. Пользуясь прикрытием выворотня, куница опасливо приблизилась к ткнувшейся мордой в снег кумушке и замерла, не сводя с неё оценивающего взгляда. Отрывисто уркнула — лиса не шелохнулась. Тусклые полуоткрытые глаза ничего не выражали. Даже пышный мех не мог скрыть её немощи. Куница смекнула, что рыжая настолько слаба, что не в силах даже стоять. Глаза Махи загорелись — как и всякий проголодавшийся хищник, она не могла упустить возможности сытно перекусить.

Дрожа от возбуждения и дивясь собственной дерзости, куница прыгнула на лису и впиалась ей в горло. Та жалобно застонала. Вяло отбиваясь, попыталась встать, но лапы предательски подогнулись. Маха почти без борьбы завладела неожиданной богатой добычей. Надолго обеспеченная мясом, она отъелась, набралась сил, и у неё пробудилась потребность к странствиям, которая и завела нашу путешественницу в долину ручья, прижавшегося к скалистому кряжу, изрезанному узкими расщелинами.

У подножия кряжа на старой делянке среди мелколесья чудом сохранился островок могучих сосен. У корней медных колонн были вырезаны какие-то наполовину заплывшие смолой знаки. Обследовав деревья поочерёдно, Маха обнаружила, что наверху ко многим стволам плотно привязано корьё. Это обстоятельство заинтересовало её, а когда она взобралась, ей почудилось что из-под корья сочится аромат, от которого любая куница теряет покой.

Маха не раздумывая принялась грызть кору слой за слоем. Работа продвигалась медленно, но к утру проклюнулась дырочка, пахнувшая густым медовым духом. Теперь куница не сомневалась, что в дупле её ожидает самое восхитительное на свете лакомство. Она даже зажмурилась от удовольствия. Беспреданно глотая слюну, воодушевленная добытчица расширила отверстие, освободила канал от утепляющей прокладки из берёзовых веников и с жадностью набросилась на душистые соты. Мёд был густой, прозрачный. Маха с наслаждением отрывала переливчатые тянучки и проглатывала вместе с оцепеневшими пчёлами. Наевшись до дурноты, куничка не захотела покидать сладкую борть, опасаясь, что кто-нибудь другой воспользуется найденным ею кладом. Утолив жажду лежавшим на сучьях снегом, она нагребла под себя берёзовые листья с веников и, вдыхая пьянящий аромат, уснула.

И надо было случиться так, что в это самое время делал объезд своей лесной пасеки её хозяин. Увидев под сосной кусочки коры и развеянные ветром листья, он сразу понял, что борть ограблена. Сокрушённо причитая, обошёл ствол и по следам определил, что на пасеке разбойничала куница. Чтобы спасти своё хозяйство от полного разорения, бортник решил изловить воровку.

Разбуженная чирканьем лыж, Маха слышала, что под деревом топчется человек. Это несколько беспокоило её, но вскоре шаги удалились, и куница, уже притерпевшаяся к соседству людей, осталась спать на своём духовитом ложе.

Расстроенный пасечник, убедившись, что на остальных соснах борти пока не тронуты, ушёл в деревню, а поутру вернулся со связкой ловушек. Срубив длинную жердь, прикрутил к ней проволокой настороженный капкан и приставил его к стволу таким образом, что тарелочка ловушки оказалась точно против темневшего отвер-

ствия. Сочтя этого недостаточным, он нагрёб внизу снежную «хатку», положил в неё добрый кусок мяса, а у входа насторожил второй капкан. Вокруг «хатки» раскидал для верности ещё и накроху из гусиных потрохов. Перевалив кряж, он спустился к дороге и уехал домой на попутном лесовозе.

Маха слышала, что к её убежищу вновь подходил человек и возился в этот раз довольно долго. Теперь она не на шутку всполошилась, ибо понимала, что он зачистил неспроста. Не высовываясь из дупла, куница настороженно прислушивалась к каждому звуку и, когда выход накрыла смутная тень, в ужасе сжалась. Но немного погодя послышался удаляющийся скрип лыж, и всё стихло. Маха перевела дух. Тем не менее лишь через пару часов она совершенно успокоилась и попыталась выбраться. Но что это? Выход из борти загораживал чёрный кружок, противно пахнувший железом и человеком.

Долго не решалась Маха прикоснуться к подозрительному предмету, отдающему смертным духом. Вновь и вновь обнюхивала его. Напряглась до болезненности, вслушиваясь в малейший шорох, но подвижные уши улавливали только неясный шёпот ветра в густой кроне сосны. От сладкого Маху мучила жажда, и соблазнительная близость снега в конце концов заставила превозмочь боязнь. Всё ещё колеблясь, куница намерилась тихонько отодвинуть кружок в сторону с тем, чтобы увеличить щель и выйти, но едва она коснулась коварной тарелочки, как створки капкана сомкнулись, и острая боль пронзила лапку, растекаясь огнём по всему телу.

Маха отпрянула было назад, но стальные челюсти держали мёртвой хваткой. Превозмогая мечущуюся по телу боль, она забилась что было сил — увы, безуспешно. Тогда куница сама бросилась на «врага». Яростно рвала, грызла ловушку клыками, но эмаль на зубах только крошилась о неподатливую сталь. Дужки держали крепко, а тарелочка и сторожок, болтаясь из стороны в сторону, лишь бесстрастно брякали.

В попытках освободиться прошло несколько часов. Солнце село за гребень хребта. Мороз усиливался. Пережатые пальцы одеревенели, и боль незаметно отступила. От беспрестанных рывков и подергиваний кожа и сухожилия размочалились. Маха перекусила остатками клыков омертвевшие размочаленные ткани и освободилась наконец от ненавистой железки.

Не обращая внимания на рану, она принялась разгребать листву, перегрызать веточки, чтобы докопаться до подошвы борти, а докопавшись, стала спешно грызть пластырь, преграждающий путь к свободе. Работала без отдыха, словно догадываясь, что времени ей отпущено мало, и если к утру не покинуть эту западню, то случится непоправимое.

Вот уже загорелась на востоке малиновая заря, ударили первые лучи солнца.

С наименьшей поспешностью шёл к сосне бортник, мечтавший не только оградить своих пчёл-кормилец от разбоя, но и добыть ценную шкурку.

Приближаясь к приметному месту, он издалека увидел, что его труды не напрасны, — ловушка сработала! Сердце распирало от гордости и восторга. Ему уже чудилось во мраке лаза сияние меха дивной красоты. Но, подойдя ближе и приглядевшись внимательней, он был озадачен появлением у нижнего края пластыря второго отверстия. Это открытие кольнуло бортника неясной, болезненной догадкой. Всё ещё не теряя надежды, он обежал сосну и увидел на снегу парные следы с алыми пятнышками крови. Сладостные минуты ожидания знатной добычи сменились горьким разочарованием.

За зиму пчеловод, обходя разбросанные в окрестных лесах борти, ещё не единожды наведывался к пострадавшей сосне в расчёте встретить следы воришки, но напрасно. Куница больше не появлялась.

Насмерть перепуганная Маха, припадая на повреждённую лапу, долго бежала через большие и малые речушки. Поднималась по крутым распадкам в горы, спускалась в заснеженные долины. Сторонясь дорог, санных путей и лыжных проходов, она уходила всё дальше и дальше от злосчастного места. Чем дремучей, непроходимей становилась тайга, чем выше вздымались беловерхие горы, тем свободней и уверенней чувствовала себя куница.

Наконец она достигла рубежа лесов, раскинувшихся на крутых отрогах Дальнего хребта. Белые грани его вершин оживляли сумрачную, обомшелую хвойную чашу. Недоступные для людей дебри надёжно укрыли её.

Тишина, настоящий на хвое воздух, нетронутый, первозданный лес — как радостно ощущать всё это после враждебного мира грязных, вонючих дорог, чихающих дымом железных чудовищ и вездесущих людей.

Здесь, вдали от человеческого жилья, в плотной кроне покореженной временем ели Маха отыскала покинутое беличье гнездо-гайно и надолго обосновалась в круглой тёплой камерке — она готовилась стать матерью.

Каким встретит окружающий мир её детей?

ИГОРЬ ТЮЛЕНЕВ

Гремит уральская броня

Евромайдан-2013

Киев — Лыбедь, Киев — братка,
Матка русских городов!
Киев — польская прокладка.
Янукович, будь здоров!

Потому что или-или
Всё решается сейчас!
Как обычно яму рыли
Нам, а заманили вас.

«Беркутов» разбили стаю,
Злой Европе напоказ:

И «Чому я ни літаю»
Могут спеть они сейчас.

На фашиста Тягнибока
Походить Кличко был рад!
Одурачен люд, поскільки
Харьков и Донецк молчат.

И Москва молчит. Витии
Захватили власть почти:
Но в запасе у России
Остаётся: — Мать ети!

ТЮЛЕНЕВ Игорь Николаевич родился в 1953 г. на Урале в посёлке Ново-Ильинский Пермского края. Окончил Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А.М. Горького (мастерскую Юрия Кузнецова). Автор 19 сборников стихов и более двух сотен публикаций во всесоюзных антологиях, альманахах, сборниках, литературно-художественных журналах. За книгу стихов «*В родительском доме*» поэт стал лауреатом Всесоюзного литературного конкурса им. Н. Островского (1988). Лауреат премии журнала «Наш современник» (1999; 2012). Лауреат премии Союза писателей России «Традиция» (1995). Лауреат международной литературной премии «Имперская культура» за книгу стихов «*И только Слово выше Света*» (2012). Секретарь Правления Союза писателей России. Живёт в Перми.

* * *

Кама пахнет древесиной
И вскипевшею волной.
На волне стоит мужчина —
Он туда поставлен мной!

И не чувствуя изъяна
И бахвальства своего,
Люди, словно обезьяны,
Тычут пальцами в него.

Может быть, чудес им мало?
Никого я не виню...
Брата брат убил сначала,
Следом — царскую семью.

На Днепре был Первозванный,
А до Камы не дошёл.
Путь неблизкий и недалний —
Мы б ему накрыли стол.

Вместе Богу помолились,
Ближним почести воздав.
На воде следы скрестились,
Как весною лесосплав...

Даст Господь, увидим сами,
Что в уральской слободе
Есть живущий рядом с нами
Тот, что ходит по воде.

Мама

Выносит из прошлого Кама,
Флотилии и имена...
Я вижу, стоит моя мама,
Красивая мама моя.

Стоит на носу парохода
И смотрит на наши края...
Я спрятал в стихи твоё фото,
Красивая мама моя.

Жизнь пахнет сырыми груздями,
Ржаною горбушкой — поля.
Моргает большими глазами
Красивая мама моя.

Моргает? А может быть, плачет,
Былую печаль не тая?
Плывёт мимо старенькой дачи
Красивая мама моя.

Мне вплавь до неё не добраться,
Руками излуку кроя.
Не сможем с тобой повидаться,
Красивая мама моя

Мы в разных мирах и столетях...
Из чащи февральского дня
Живого меня не заметишь,
Красивая мама моя...

Танковые учения на Урале

Здесь траками грызутся танки,
Гремит уральская броня.
В ней различаю звон тальянки
И как могуч пророк Илья!

Как лёд речной, спрессован воздух,
Когда равниной танк летит.

И генерал забыл про отдых,
С биноклем, как сова, парит

На винтокрылом бронелёте,
Чтоб наблюдать пейзаж войны.

И жизнь и смерть стоят на взводе
Друг против друга в эти дни!

Он между нами

В. Ерёменко

Пирушка дружная в разгаре.
Сорви сенаторский покров,
Нырни в погибель русских слов
В кругу товарищей не старых!

Мы ждём тебя. Садись к огню
Духовному. Согрейся с нами.
Мы станем вспоминать стихами
Былые дни раз сто на дню!

Дербент ты помнишь? А Моздок?
И холод гордого Кавказа...
Чеченка тонкая, как ваза,
Вином твой наполняла рог.

И многим было невдомёк,
Как мы ещё стихи строчили,
Как во хмелю находим силы
Из ножен не хватать клинок.

Но время с полки на шесток
Соскочит, скрипнет половица,
И боевая рукавица
С руки сорвётся на восток.

А там уже читай меж строк...
Пирушка дружная в разгаре!
Мы не были ни разу в сваре —
Ты мягкотел, а я жесток.

* * *

Время выпало внуку поэта родиться,
Невзирая на строй, на политику, лица...

Первый день, а он что-то мудрит о своём.
Мы в губастике этом себя узнаём!

Прокричал на весь мир, на секунду забылся,
Потому что не верилось — взял и родился?

Грудь терзая у матери ангельским ртом,
Он не знает, что будет сейчас, я — потом.

Внуку я отдаю города и деревни,
И великий язык — в мире есть ли напевней?

И от моря до моря людей океан.
И рассвет, и закат, и зенит, и туман.

И космический атом, затерянный в штольнях,
Шашку в ножнах, посева пшеничные в зёрнах.

Ум и разум с талантом, чтоб дыры латать
У державы, которую будут кусать.

Но врагов я пока оставляю себе,
Ведь не зря же у деда разряд по борьбе.

Уральский

В. Балашову

Был посёлок Уральский,
Ну а стал городок!
Где стоит по щенячьи
На двух лапах дымок.

Здесь живёт городничий,
Там, где столб верстовой,
В ключ влюблённый скрипичный,
Музы мастеровой.

Парашютная каста
Кружит над головой.

Там он кормит Пегаса
В небе свежей росой.

Голова у поэта
Кружится ото всего,
И от белого света,
И от тени его.

А Господь простодушно,
Словно лес и река,
Красотой кормит души,
Чтоб звенела строка.

* * *

Прощай, последняя заначка!
Уходит поезд на Москву,
Вагон раскачивает качка,
Я вслед качаюсь, как могу.

Не стану ничего итожить,
Мотая кепку на кулак.
Ты говоришь, что я хороший...
Раз говоришь — пусть будет так.

Бабочки

Поезд встал на полустанке,
Как стоп-кадр в немом кино.
И ко мне, словно из банки,
Бабочки летят в окно.

Словно бабы-однодневки,
Тычутся в моё плечо.

В белом, как на свадьбе девки,
Чертят по стеклу пылью.

А вокруг такие виды
И стоят такие дни!
Отступают в чашу битвы
Там, где бабочки и сны.

Полонез

Пластинка крутится, как жёрнов.
Ритмично патефон скрипит.
А за окном всё тёмно-серо,
Как бы сказал другой пиит.

А пояс каменный Урала
Затянут, как в бою ремень.

Бегут колёса от вокзала,
Пугая избы деревень.

Кромсает сало ножик финский.
Торчит из бочки огурец.
«Прощанье с Родиной». Огинский.
Любимый мною полонез.

Детство

Игорьку

Всё забудешь, вспомнишь только детство.
Лишь по детству станешь горевать,
Обожая милое соседство,
С жеребёнком по лугам бежать.

Облака висят, как парашюты,
Что поверишь в ангельский десант.
Вот в такие сладкие минуты
Детям раздаёт Господь талант.

А они о Господе не знают,
Уросят да на горшках сидят.
А вокруг уже стихи летают,
Музы, словно нянечки, галдят.

В маленьком сердечке вспыхнет песня,
Разгорится юная звезда...
Остальное в мире взрослых пресно,
Соли не хватает как всегда.

Аркаим

Поедем в город Аркаим,
Москву оставим с Петербургом.
Степей простор необозрим,
А воля льнёт не только к уркам!

Круг города, как солнца круг,
Вселенной тайная обитель.
Как старца скит, как райский луг.
Любой здесь путник — небожитель.

Но вдруг иголки пирамид
Царапнут небо над Челябиной...
Как будто саркофаг летит
Из прошлого — живых карябать.

Страну на мёртвых и живых
Здесь не разрежешь фейерверком...
Хребёт Уральский, словно стык
Меж ангелом и человеком.

Бегите в Аркаим души,
Где нам небесный знак был даден,
Волхвам — другой, как падежи,
Как место для планет в параде.

Не зря же город Аркаим
Планетным именем увенчан.
В Париж уже не рвусь, чёрт с ним!
Себя готовлю к новой встрече.

НИНА ВОРОНИНА

Тётя Валя и дядя Осик

РАССКАЗ

Тётя Валя была красавицей. Именно про таких в сказках говорят «ненаглядная». Когда мамин брат дядя Осип (в семье все называли его Осиком) женился на Вале и привёл её к нам в гости, мне было, наверное, лет пять. Они сидели за столом, а на столе стояли тарелки с самой обычной едой — капустой, картошкой, рыбой. Все ели, пили, смеялись и пели песни, а я сидела в углу и смотрела на новую тётеньку как на божество, спустившееся в этот капустно-картофельный мир с неба.

Дядю Осика я боялась. Он заходил в дом, садился рядом со мной на корточки, делал «козу» из огромных чёрных пальцев и громким голосом нараспев говорил: «Идѣ-ѣт, идѣ-ѣт ро-га-та-я. Забодает, забодает, забодает!» Я, оглушённая собственным криком, убегала, пряталась под кроватью и сидела там, как мышь. Осик хрипло хохотал и называл меня «трусихой».

Помню, как однажды дядя катал меня на тракторе. Я тогда уже училась в школе и стыдилась быть трусихой. Большая, неповоротливая машина тряслась и дребезжала. Дико скрежетали гусеницы. Густо пахло горючим. Дядя рассказывал что-то весёлое, но в тяжёлом железном грохоте нельзя было разобрать ни слова. Я вышла из кабины и неожиданно села в снег. Небо над головой качалось, как маятник. К горлу подкатила тошнота. «Как он ездит на нём целыми днями?» — подумала я вслед грохочущему монстру и поползла под дерево блевать.

ВОРОНИНА Нина Александровна, прозаик (род. в 1962 г. в г. Чите). Автор книги *Остров*: повести и рассказы (Иркутск, 2006), публикаций в московских и иркутских журналах. Член Союза российских писателей.

Ещё дядя подарил мне шкуру убитой лисицы. У неё был оранжевый мех — мягкий, пушистый, длинный. Лисица долго висела в комнате на гвозде. А когда я поступила в университет, из неё, наконец, сшили шапку — большую, тёплую, дурацкую. Обычно в таких шапках снимают в кино махновцев. Через год, после того как мне сшили лисью «махновскую» шапку, дядя Осик умер. Мама сказала: «Сердце остановилось». И пожаловалась никому: «Эх, Ося, Ося, не надо было так резко бросать пить».

...У тёти Вали тонкая, светящаяся кожа. Волнистое море волос собрано шпильками на затылке. Карие, раскосые глаза достались в наследство от бабки-монголки. От неё же высокие азиатские скулы и яркие, пухлые, как у ребёнка, губы.

Дядя Осик тоже красивый. Высокий, плечистый — косая сажень. Глаза чёрные, волосы — смоль, выются непокорными кольцами. Кожа смуглая. Губы норовисто сжаты. Захочет — блеснут белые крепкие зубы. В тугих дядкиных жилах бродит добрая порция цыганской разбойничьей крови. Тоже в бабушку уродился.

Какими тропами петляла судьба, сколько веков плела она замысловатый узор из человеческих встреч и разлук ради того, чтобы в маленькой сибирской деревне родились однажды два таких красивых человека — тётя Валя и дядя Осик! Как талантливо смешивала она для них краски, вкрапляя в морозную синеву снегов золото кочевого огня и платину степных небес!

Тётя Валя была для меня — царица. Я селила её во дворце среди бесшумных рабынь. Горделивые павлины гуляли по саду, распуская веера перламутровых перьев. Брызги фонтана, как самоцветы, падали в лазурную чашу, задевая бледно-розовые лепестки кувшинок. Диковинные рыбы плескались в синей воде. Тёплый ветер гладил глянцевого шёлк одежд и нежно играл волнистыми локонами. В воздухе разливался тонкий аромат жасмина и едва уловимый звон серебряных струн.

Красота тёти Вали не уживалась с резкостью звуков парадных барабанов, крикливостью запахов общепита, прямоотой кумачовых лозунгов и грубостью фабричного кроя. Она обитала вне реальностей воплотившего её мира, в невесомости неизвестного измерения.

Дядя, наоборот, состоял из быющей жизнью плоти. По нему тосковала тачанка, отбитая махновцами в бою за лихую вольную жизнь. Он нёсся на ней по степи не зная дорог, стрелял в упоении по врагам, а когда заканчивались патроны, яростно хватался за шашку и рубил без устали направо, налево, вкривь, вкось. И сердце откликалось на битву страстным, восторженным стуком, и глаза наливались безумной кипящей кровью.

Но судьба, усиленно потрудившись над созданием тёти Вали и дяди Осика, что-то непростительно перепутала, а может нарочно, поместила их в самый бесцветный отрезок истории, позднее названный кем-то «застоем». Да ещё забросила на малюсенький остров среди серого холодного океана: от дворцовых красот — только диковинные рыбы, от махновской вольницы — только беспробудное пьянство.

Отслужив в Морфлоте, дядя в начале семидесятых попал на Курилы, где в это время усиленно вербовали народ для работы на рыбзаводах. Деньги, по советским временам, платили бешеные — в удачный месяц до семи-восьми сотен. Но и жизнь на островах была каторжной. Осик решил задержаться здесь ненадолго, подзаработать денег на светлое будущее. Вызвал жену. Расписался-то с ней ещё до армии, боялся оставлять в девках. Уж больно красивая, прямо кровь с молоком! Жили в крохотном домишке и радовались — другие-то вон, по баракам ютятся. А тут как никак свой угол. Мои родители тоже выехали вслед за родней на заработки. Я приходила из тесной барачной комнаты в маленький дом, чтобы поиграть с годовалым двоюродным братом Витькой и полюбоваться тётей Валей. Брат почти всегда спал, а тётя хлопотала по хозяйству. Я сидела и ждала. Если Валентина выходила на улицу, я садистски будила мальчика: затыкала ему носик, щипала, теребила за щёчки. Он просыпался, тёр глаза, капризничал, ныл, плакал. Играть с ним не получалось.

Взрослые сутками вкалывали на заводе. В путину уходили на две, а иногда и на три смены. Знали, кончится рыба — не будет денег. А деньги здесь надо было любить как ничто и никогда. Иначе вся это тупая, грязная, вонючая работа, вся эта скучная, однообразная, убогая жизнь теряли всякий смысл. И люди вкалывали, забыв, какой на земле год, месяц и день. Они думали только о том, как однажды сядут на белый пароход и уедут в тёплые края, где среди цветущих садов купят себе уголок рая. Вот тут-то и начнётся их настоящая жизнь.

После работы мужики пили водку. Это было так же привычно, как заход солнца. Пили много, без меры. Дядя Осик с годами раздался, отяжелел, смотрел исподлобья недобро — повернёт литую бычью шею, глянет чёрным цыганским глазом — и мурашки побегут по коже. Но всё равно был красив, как запертый в клетке матёрый зверь.

Валину красоту время не задевало. Облик её изначально нёс в себе налёт недоступной миру джокондовской грусти. Женщины вокруг старились, души их грубели, обиды застывали в складках нахмуренных бровей. Тётя Валя, если и слышала что обидное, то лишь улыбалась в ответ ямочками на щеках. Дядя Осик смотрел на жену и ревновал. Дико, до боли в кишках. Ему даже казалось, будто и пьёт он, желая заглушить эту боль.

Ранним утром, когда ветер тянет с моря на остров пелену глухого тумана, головы местных мужиков трещат с похмелья. Шумит прибой, волны могучей силой сотрясают воздух. Дрожит в ознобе крохотный остров. Но шум в больной голове сильнее морского прибоя. И похмельную дрожь человеческого тела не унять никаким теплом. Только водкой.

— Валюха, налей водки!

— Нету.

— Налей, говорю! Знаю, что есть!

— Нету.

— Найди! Не то помру.

Валя грешным делом думала: «Если помрёт, так нам легче станет». И несла водку. Случалось, дядя допивался до чёртиков, до белой горячки.

Повзрослевшего сына порол без жалости. Хотел вырастить настоящим мужиком. А Витька, внешне вылитый отец, характером был добр и смирен. Дядю это бесило больше всего. «Мужик ты или нет?» — орал он и крошил всё, что попадалось под руку. Из-за этого отцовского «ученья» Витька по ночам писался в постель. Врачи помочь не могли, ссылались на нервное расстройство, говорили, не лечится.

Временами дядя приходил в себя и бросал пить — на месяц, на два. Тогда закидывал на плечо ружьё и отправлялся в лес. Охоту любил с детства. Мальчишкой стрелял уток на болотах, потом охотился на коз, промышлял соболя и лисицу. Случалось, ходил и на медведя — в домике на полу лежала огромная бурая шкура.

В лес Осик обычно отправлялся один, только собаку с собой брал. В деревне, где дядя вырос, обитали псы двух видов — Байкалы и Рексы. И те и другие были здоровые, лохматые, с большими умными глазами. Людей не трогали, хотя при случае, охотно облаивали. Но на зверя ходили с азартом. И здесь, на острове, у дяди жила точно такая же собака, и звали её, конечно же, Байкалом. Пса привезли по заказу, с материка. Щенок тогда вполне помещался за пазухой. Осик вырастил его, выучил охотиться, быть хитрым, бесстрашным, беспощадным. Нередко дядя, недовольный собакой, бил её до полусмерти сапогами. Но Байкал отлёживался под крыльцом, отправлялся и преданно приползал к хозяину на брюхе. Лизал ему лицо розовым тёплым языком и скулил от счастья. Дядя Байкалом гордился, по пьянке спал с ним в обнимку на полу. Целовал в нос. Разговаривал как с человеком: «Байкалушка, один ты меня понимаешь. Один — любишь. А они кто нам? — спрашивал он у пса, показывая на

жену и сына. — Они нам чужие. И мы им чужие». — И дядя плакал, размазывая по лицу пьяные слёзы.

В лесу у костра он беседовал с собакой часами. Рассказывал ей про свои сложные отношения с сыном, про то, что растёт он сопляком и бабой. Много рассуждал про жену, говорил, что она ведьма, что таких сжигали в давние времена на кострах, чтобы они не навели на людей порчу. «Другие, — говорил дядя, — бабы как бабы. У меня их, по правде сказать, Байкалка, немало перебывало. Цыкнешь на них, пошлешь — они сразу сделаются ласковые, смышлённые, все команды без слов понимают. Просто с такими бабами легко. А моя глянет — сердце замрёт, диким стуком зайдётся. В народ с ней выйдешь — все вслед глядят. А кто им разрешал zenки тарашить? Какое у них такое на это право, а?!» Собака внимательно слушала, положив широкую морду на лапы, время от времени сочувственно вздыхала и поскуливала. «Вот и я говорю, — отвечал ей дядя. — Может, и не человек она вовсе, а другое какое существо?» Ося ложился на подстилку из листьев и долго смотрел на звёздное небо, силясь понять, как там у них наверху всё устроено. В Бога он не верил, но понимал, что какая-то сила движет всеми этими далёкими, незримыми человеческому глазу мирами, и он уважал эту силу, как всякую силу вообще.

Побродив по лесам, дядя возвращался с добычей домой и некоторое время держался, не пил. Однако трезвость эта никому радости не приносила. Ходил Ося по посёлку тёмнее тучи, и липкие мужские взгляды, брошенные в сторону Валентины, буквально доводили его до бешенства. В конце концов он срывался и снова начинал пить пуще прежнего. Витька часто просил мать: «Давай уйдём от него!» Валя прижимала к груди кудрявую голову сына и спрашивала: «Куда?» На острове спрятаться негде, всё здесь как на ладони. Уехать в родной дом? Не поймут. Осудят. Веками в деревне властвовал над бабами один закон: вышла замуж — терпи, не ты первая, не ты последняя.

Пробовала Валя уговорить мужа перебраться на материк. Денег на собственное хозяйство уже вполне хватало. Она надеялась, что, начав новую жизнь, муж перестанет, наконец, пить. И ещё, на Большой земле, в крайнем случае, можно сесть в поезд и уехать на другой конец света, где их с Витькой никто не найдёт. Поначалу Осик говорил: «Подождём ещё годик и уедем. Слово даю». Но проходил годик, и ещё один, а Валя и Осик продолжали жить на острове. И таких, как они, приехавших сюда на сезон, на пару-тройку лет, а оставшихся навсегда, было много. Подобно астронавтам, прилетевшим на далёкую планету чужой галактики, где время двигалось по иным законам, островитяне уже не могли вернуться обратно. На Земле, пока они «летали», прошло несколько столетий, привычный мир неузнаваемо изменился. Другими стали не только города и деревни, дома и машины, другими стали люди, слова, да и сам воздух стал иным. Первые несколько лет островной одиссеи Осик ещё скучал по Большой земле. Но, отправляясь в отпуск, он вдруг понимал, что задыхается среди бестолковой городской суеты, грохота трамваев, бесконечных разговоров о магазинах, товарах, ценах. И в деревне дядя не находил себе места, чувствуя себя в родном доме скованно, неуютно. На вопрос земляков: «Насовсем приехали, Осип Ипатыч, или так, погостить?» угрюмо отвечал: «Погостить». Дядя силился представить себе, как он приедет сюда «насовсем», и ему становилось страшно. Всё, что связывало его когда-то с этим местом, было словно отрезано острым лезвием, и даже не кровоточило. И тянуло его, коренного сибиряка, с родных краёв, где был он гостем, на далёкий остров с японским именем. Как магнитом тянуло. Да ещё и Валентина подливала масла в огонь. Мужики к ней так и липли. А мужиков на материке сколько? Тьма. Разве за всеми уследишь? Нет. Быстрее назад. Домой.

Я прожила на острове несколько лет и заболела какой-то странной кожной болезнью. Доктора сослались на излишне влажный климат. Если бы не этот случай, роди-

тели тоже никогда не смогли бы оторваться от той заколдованной земли. Даже узнав о болезни, мама с отцом уехали не сразу. Они отвезли меня к бабушке, а сами ещё пять лет оставались на острове. Всё это время дядю Осика и тётю Валю я видела редко, лишь во время отпускных набегов. Дядя полнел и старел, а тётя оставалась такой же красивой как прежде. Взрослеющий Витька рассказывал мне островные новости и делился своим невесёлым житьём-бытьём. Спать его клали на раскладушку, а матрац, на всякий случай, застилали толстой клеёнкой. Старухи в деревне лечили испуг заговорами, а городские врачи микстурами. Но ничего не помогало, и частенько Витька просыпался по утрам на мокрых простынях.

Через пять лет, когда мама и папа покидали остров насовсем, Валентина слезами и мольбами уговорила дядю взять отпуск и поехать, присмотреть на материке жильё. К тому же на заводе по какой-то существующей в советской стране системе распределения автомобилей Осика выделили талон на «Жигули». Машину надо было срочно выкупить.

Стояла тёплая ранняя осень. Самое время взять Байкала да пойти в лес, на охоту. Побродить по следу, посидеть в засаде, вволю пострелять отъевшееся за лето зверьё. Нехотя, лениво собирался дядя в дорогу. Байкал скулил, чуя долгую разлуку с хозяином. Каждый раз он переживал дядин отъезд как смерть. Выл, метался, срывался с привязи, бежал вдоль берега за исчезающим катером, кидался в воду и плыл, рискуя утонуть. Рыбаки вылавливали его обессиленного и водворяли обратно на цепь. Здесь пёс несколько ночей оглашал окрестность душераздирающим завыванием. Потом успокаивался, выбирал точку, откуда лучше просматривалось море, и, едва прикасаясь к еде, сутками чутко следил за прибывающими в порт кораблями. «Вот ведь, — говорили местные, — тварь, животное, а ведёт себя словно человек». «Не-е, — отвечали им другие местные, — так любить может только собака, а человек так любить не может». «А стоит так вот любить-то? — спрашивали третьи. — Он её сапогами по морде, а она за ним в море!» Но никто им на это ничего не отвечал. Люди только поднимали головы и смотрели на высокий косогор, где неподвижно сидел исхудавший от тоски пёс. Потом они выдыхали грустно: «Э-э-эх-хе-хе!», и не понятно было, то ли они жалеют собаку, то ли себя, то ли просто так вздыхают, чтобы выбросить этот непонятный случай из головы.

Дядино приближение Байкал чувствовал за несколько километров. На горизонте только показывалась точка, а пёс уже срывался с места и нёсся навстречу. На следующий день Осик брал ружьё и шёл с Байкалом в лес. И не было в этот момент на земле существа счастливее, чем лохматая собака неизвестной породы с большими умными глазами.

В этот раз пёс вовсе взбесился. Сначала он скулил и валялся у дяди в ногах, буквально не давая прохода, потом, посаженный на цепь, злобно рычал и лаял. К вечеру стал выть и не смолкал до тех пор, пока среди ночи из дому не вышел Осик и не пришиб его тяжёлым сапогом по широкой морде. Тогда пёс затих и лёг в будку. Утром, когда хозяин с огромным коричневым чемоданом спустился с крыльца, Байкал даже не поднял голову, только покосил в его сторону печальным, обиженным глазом. Ося отдал соседу ключ от жилища, достал из кармана две сотни рублей и со словами: «Купи ему здесь чего-нибудь вкусенького» передал мужику деньги.

— Не бойсь, Ипатыч, сделаем всё в лучшем виде, и за домом приглядим, и за Байкалом, — откликнулся приятель. — Ишь, как переживает, из конуры даже не вылезит.

— Старый стал, вот и не вылезит, — глухо ответил дядя, подкуривая от соседской папиросы.

Они помолчали, глядя на море, на сопки, на низко висящее солнце. Посёлок ещё спал. Всюду на косогорах неуклюже мостились старые домики. То тут то там, среди отживших свой век бараков, появлялись приземистые многоквартирные строения. Из-за частых извержений вулкана, высоких зданий на острове не строили. Всё жильё

здесь интуитивно прижималось к земле, и только серые лестницы, издали похожие на иероглифы, почти вертикально устремлялись к самым вершинам сопков и скалистых прибрежных склонов.

— Надолго едешь-то? — поинтересовался сосед.

— Хрен его знает. Разве разберёшь, что в этой жизни надолго, а что нет.

Сосед не понял, почесал затылок и хотел ещё о чём-то спросить. Но Ося, решительно втоптав в землю окурков, зашагал к калитке.

— Сколько ты ему денег-то оставил? — живо спросила Валя, когда они удалились от дома на почтительное расстояние.

— Две сотни.

— Зачем много так? Всё равно ж пропьёт.

Ося хотел обругать жену, но сдержался. Только стиснул сильнее зубы, отчего на скулах зло заходили желваки. Всю дорогу дядя оглядывался — не бежит ли следом пёс? Спустившись к берегу, искал глазами его силуэт на знакомом косогоре. Стоя на палубе, курил одну за другой горькие папиросы, пристально всматриваясь в очертания уплывающего острова. Байкал так и не появился...

Моим родителям тоже дали талон на автомобиль. Им полагался «Москвич». Когда обе машины — голубая и бордовая — появились во дворе городской бабушки, на них сбежались смотреть все соседи. Нельзя сказать, чтобы они никогда не видели «Жигули» или «Москвичи». Да сколько угодно! Но всё же любопытство это по своему накалу ничуть не уступало лицемерию первого трактора или аэроплана. «Сколько ж такая стоит?» — спрашивали мужики, тыча в глянцевого бордового бок. Услыхав ответ, присвистывали и переходили к «Москвичу». Опять присвистывали. Потом дружно подсчитывали, сколько лет им надо не есть и не пить, чтобы накопить эти «тыщи». Получалось много, гораздо больше, чем самый выносливый человек способен жить без пищи и воды. Люди расходились, унося с собой смутные чувства зависти и обиды. Машины обмывали неделю. Угощали всех подряд, чем, в некоторой степени, искупили свою вину перед «безлошадными» согражданами.

Дядя Осик пил всё это время, что называется, по-чёрному. Допивался до ручки, но Валентину из поля зрения не выпускал. Мне как раз исполнилось четырнадцать лет. Станный возраст — ни то ни сё, ни взрослый, ни ребёнок. О мире я имела самые идиллические представления, и на тётю Валю по-прежнему смотрела как на чудо природы. Только теперь, рядом с ней, я казалась самой себе неуместной. Как гадкий утёнок боялся выплыть из своего дупла навстречу прекрасным лебедям, так же и я стыдилась рядом с тётёй своей обычности, заурядности. И между тем, словно невидимые нити всё время тянули меня к ней. Если Валя ненароком обращала ко мне взгляд, улыбалась ямочками на щеках, протягивала руку, я немела от счастья. А однажды, когда дядя Осик впал в очередное пьяное беспамятство, тётя Валя предложила вместе пойти в магазин «Ткани», чтобы выбрать ей отрез на новое платье. Я не поверила, ведь ко мне спустилось божество и заговорило со мной как с равной!

Мы шли по пыльным улицам городской окраины, солнце горело над головой, птицы щебетали в высоких тополях. И я всю дорогу что-то без умолку рассказывала тётё. Она смеялась, отвечала тихим голосом. В жарком автобусе пассажиры с любопытством смотрели на нас, и мне казалось, будто они находят, что мы с Валею похожи. «Ну да, конечно, — думала я, вспоминая собственное отражение в зеркале, — брови у нас одинаковые, и подбородок, пожалуй, тоже». Украдкой поглядывая на точёный Валин профиль, я обнаруживала у себя её прекрасные черты. Вот только никак не удавалось поверить, что, когда я моргаю, мои коротенькие, прямые, как стрелы, реснички так же бесподобно взлетают вверх.

Выбор тканей в магазине оказался невелик. Тётя Валя, рассмотрев почти все образцы, нашла для платья тёмно-коричневый крепдешин, густо усыпанный мелкими

белыми горошинами. Лёгкая, нежная материя напоминала на ощупь песок. Продавщица, ловко отмеряя ткань, подбрасывала её высоко в воздух, она летела, беззвучно опускалась на полированный прилавок, скользила и ложилась на краю, как бархан, ровными ступенями складок. Купив отрез, мы долго стояли на автобусной остановке. Валя подробно рассказывала, какое это будет прекрасное платье с широкой, струящейся юбкой, с пояском на зауженной талии, с рукавами-фонариками, с выпуклыми, как горошины, белыми пуговками и накидными круглыми петельками. Я мысленно видела её в этом наряде из тонкого крепдешина и радовалась красоте жизни, солнцу, лету, весёлым капустницам, тётке, продающей тёплый лимонад. Прошло минут тридцать. Автобуса не было. Валя стала нервничать и поглядывать на циферблат крохотных золотых часиков.

— Ну где же он так долго? — сильно волнуясь, спрашивала она и опять смотрела на часы.

— В это время автобусы всегда плохо ходят, — отозвалась продавщица лимонада, — пересменок у них. Минут сорок ещё простои́те, а то и час.

Услышав такой прогноз, тётя Валя чуть не заплакала.

— Боже мой, — сказала она дрожащим голосом, — что же делать?

Не очень понимая столь резкой перемены настроения, я осторожно предложила поехать на такси.

— Что ты, если Ося узнает, плохо придётся!

— Тогда пешком. Минут за тридцать добежим. Правда, почти всё время в гору.

Мы бежали под палящим солнцем, подбадривая друг друга скупыми фразами: «Ничего, немножко осталось!», «Давай, давай, не отставай!» Не зная, как объяснить происходящее, я решила, что тётя шутит, на самом деле это такая игра в морских пехотинцев. Сейчас пробежим ещё метров сто, она остановится, засмеётся и скажет про розыгрыш. Но Вале, похоже, было не до шуток. Она торопилась, не обращая внимания на выбившиеся из-под шпилек волосы, расстёгнутую кофточку и забравшиеся в туфли мелкие камушки. Возле самого дома мы остановились отдышаться. Валентина слегка поправила причёску и бросила на ходу: «Может, не проснулся ещё...» Дядя встретил нас у порога.

— Мы с Оленькой в магазин ходили за тканью, ты же знаешь, я давно хотела сшить новое платье на выход, а ты спал, вот я и решила, сбегая быстренько, чего время-то терять, глядишь, пока то да сё, раскрою да сошью. Тебе хотела сказать, да будить не стала. Вот и Оля скажет, мы до магазина только и обратно. Автобуса долго не было — вот и задержались, а отрез какой, гляди...

Тётя говорила, говорила, а дядя молчал и зло смотрел на неё тяжёлым похмельным взглядом. Потом выдал из себя: «На выход, значит!», размахнулся и резко ударил по лицу свинцовой ладонью. Валя, едва не упав, закрылась руками, заплакала, продолжая говорить сквозь прорывающиеся рыдания.

— Ося, пожалуйста, Ося, успокойся, я ведь с Оленькой была, ну куда я с девочкой-то могу пойти, только до магазина и могу, вот и ткань у нас в сумке... Достань, Оля, отрез красивый, крепдешин коричневый, я давно такой хотела, ты зря беспокоился... Ося, мы туда и обратно, автобус просто долго не шёл, вот и всё...

Эти несколько минут казались мне бесконечными. Не было мыслей и чувств никаких, кроме страха — стою, словно истукан, и держу на вытянутых ладонях струящийся песок-крепдешин. Поздним вечером, лёжа в постели и снова переживая эти минуты — дом, дверь, дядя, удар, слёзы, — я представляла, как бросаюсь на Осю с кулаками, как разбиваю в кровь его чёрное лицо, как он молит о пощаде, но я безжалостно бью его по глазам, по носу, по губам, хлещу по заросшим грубой щетиной щекам, подбородку, хватаю за волосы и рву их. Я представляла себе эту картину сотню раз, и сладкое чувство мести притупляло боль от бессильной злобы с примесью стыда за свою трусость. А на кухне за столом сидели мама и Валя.

— Нет больше сил, — говорила Валентина, — хоть в петлю лезь, да Витьку жалко. Знаю, что давно надо бросить его и уйти куда глаза глядят. Как бы тяжело ни пришлось, а всё ж легче было бы, чем с ним.

Мама смолчала, не посочувствовала, хоть и сама с детства хорошо знала силу и крепость мужицкого кулака. Дед, вернувшись с фронта, пил запоем. Злым человеком не слыл, но жену, случалось, бил жестоко, так, что несколько дней отходила она от побоев, лёжа на печи. Под горячую руку доставалось и маме, старшей из шестерых детей. Муж ей тоже попался не злой, весёлый, компанейский, выпить любил по причине лёгкости и широты натуры. С женой дрался редко, без энтузиазма. Однако телосложение имел богатырское, оттого удар по пьянке не всегда мог верно рассчитать. Но угрызений совести от этого не испытывал: ну, случилось и случилось, на то она и баба, в другой раз на рожон не полезет. Мама, не в пример красавице золовке, характером отличалась норовистым, до дури упрямым. Спуску мужу не давала, лезла под удар то со скалкой, то со сковородкой, вот и ходила частенько в синяках, но горя своего не показывала, поплачет, стиснув зубы, в подушку — и дальше. В душе, конечно, мама Валентину жалела. За глаза нет-нет, вздохнёт да обмолвится: «Кабы Вальке мой характер, давно б поубивали с Оськой друг друга!» Но в открытом разговоре против кровника не пойдёшь, пусть он хоть сто раз не прав. Брат навсегда брат, а жена его, хоть и родня, а всё равно чужая.

— Ты одна что ли, Валька, такая? — заговорила после долгого молчания мама. — На других погляди. У кого оно лучше-то? Ты хоть нарядная ходишь, как кукла — одних костюмов кримпленовых три штуки, часики золотые, серёжки с рубинами, по колечку на каждом пальце. Тут же лишний раз копейку на себя не потратишь, вздумаешь чё купить, так триста раз примеришься. А ты захотела — пошла, отрез купила. Ну, заехал он тебе по морде, велика беда...

Мама ещё что-то говорила, а я лежала в соседней комнате на кровати, слушала её и мысленно убивала своего дядю сто тридцать пятый раз. Потом я уснула. Но и во сне продолжала биться с кем-то тёмным, невидимым и очень сильным.

Через несколько дней тётя Валя и дядя Осик уехали. Больше я не видела их. Время от времени с острова приходили письма. В одном из первых посланий тётя Валя сообщала, что пёс Байкал во время их отпуска сдох. Две недели после отъезда хозяев не ел ничего, хоть и приносил ему сосед отборную еду: и рыбу, и тушёнку, и варёное крабовое мясо. Но Байкал только воду лакал, и то немного. «Ося первые дни переживал сильно, и пил, конечно, — писала Валентина. — А сейчас вроде как отлегло. Вчера даже с Витей в кино. «Вий» называется. После фильма Витька боялся спать, а Ося смеялся над ним. Картина эта, люди говорят, и в правду, страшная. Ну, да поди ж не страшной нашей жизни.

Осень на острове стоит, как обычно, дождливая. Иной раз польёт, словно из ведра, а иной — моросит несколько дней кряду, будто сквозь сито. Грязища кругом непролазная. А на прошлой неделе опять прошёл слух про землетрясение. По радио передавали, что в Японии был толчок 9 баллов, а нас только поколыхало маленько. Но люди боятся. Многие собрали вещи и спят прямо в одежде на узлах. Я тоже тайно от Оси собрала что поценнее — документы, деньги, одежду, да спрятала поближе к дверям. Ося бояться не велит, трусихой называет. А мне и впрямь страшно, особенно, как вспомню позапрошлый год, когда трясло три дня кряду и все ждали цунами, так и не сплю по всей ночи... Надо выбираться отсюда, вот ещё зиму переждём и будем уезжать.

Рыбы нынче в путину много, так много, что завод не справляется. Пару раз катера уходили обратно в море и выбрасывали сайру за борт. Ося работает сутками. Я тоже всё время на заводе. Витя дома один. Сердце изныло, как подумаю, а вдруг землетрясение, домишко-то старый, завалится, как карточный! В перерыве на сопку поднимаюсь, гляну на посёлок, всё легче. А вокруг одна вода, и на земле, и на небе».

Проходила осень, и другая, и третья. Вместо писем почтальон всё чаще приносил открытки с ровными дежурными строчками: «Поздравляем с Новым годом! Желаем счастья, здоровья, долгих лет жизни. Валя, Осик, Витя». А однажды осенью он принёс телеграмму, в которой сообщалось, что дядя умер. Мама побежала на почту и заказала переговоры. Слышимость была плохая, приходилось изо всех сил кричать в огромную чёрную трубку: «Алло! Алло! Как? Как это случилось?! Алло! Как случилось?! Алло! Не слышу! Громче говори, алло, громче...» А с другого конца света тётя Валя, которая не умела кричать, до хрипоты шептала в такую же черноту: «Сердце! Остановилось! Инфаркт!.. Алло! Нет, он не пил! Полгода! Да! Да! Алло! Алло! Сердце! Сердце! Не пил! Совсем! Долго! Алло! Почти полгода! Алло! Сердце! Не слышу! Алло! Алло!..»

Дядя всё-таки вернулся в родную деревню. Насовсем. Мама сказала, что не позволит хоронить его чёрт знает где, на каком-то клочке земли, который, чего доброго, возьмут да и отдадут завтра японцам. И она поехала на остров и везла оттуда Осю в огромном цинковом гробу. Сначала по морю на корабле, потом по воздуху на самолёте, потом по земле на автобусе. Гроб зарыли на деревенском кладбище, поставив на могиле нездешнего вида памятник — синюю стальную дугу, похожую на волну. На гребне её разместили маленькую Осину фотокарточку и цифры 1942–1982.

За кладбищем, через лесок — деревня. Избы, школа, клуб. Мальчишки гоняют на великах по широким улицам, старики сидят на лавочках у ворот, в окошках — герани и фуксии. Герани красные и белые, а фуксии — розовые. Во дворы и палисадники забираются козы, а большие лохматые собаки — Байкалы и Рексы — прогоняют их громким, хриплым лаем. За деревней — озеро. Рыбачьи лодки на песке. Ветер. Воздух колышется над водой. Белый катер маячит вдали. Чайки кричат в облаках. Шумит и шумит тайга.

Витька, едва закончив школу, тут же уехал из дому. И почти сразу женился. Всё-таки крепко помогла ему в жизни отцовская красота и стать. Невеста оказалась не из простых — дочка заместителя директора крупного строительного завода. Не красавица, но с характером. Дома вопрос поставила ребром — или Витька, или головой в омут. Отец смирился, как никак единственная дочь. Тесть Витьке, к счастью, попался серьёзный, рассудительный. Пристроил парня на денежную работу, определил учиться в строительный техникум. Свозил к хорошему доктору, профессору психиатрии, и от «ночных» проблем вскоре не осталось следа. А когда Витька, по Осиним стопам, пару раз крепко напился, врзал ему как следует по морде. И с тех пор пьяным его никто не видел, так разве что, маленько выпившим.

Бордовые отцовские «Жигули» Витька продал почти за бесценок. Десять лет стояли они без дела в просторном деревенском дворе. В наспех сколоченном из необструганных досок гараже автомобиль поблек и проржавел. Так на нём никто и не ездил. У «Москвича» судьба выдалась повеселее. Как-то соседи нашептали маме, будто отец разъезжает в нём по городу с компанией красоток. Недолго думая, матушка схватила кувалду и расхлестала в «Москвиче» все стёкла. Пока родители выясняли отношения, я пришла в гараж, где стояла наша «ослепшая» машина нежного небесно-голубого цвета, и сочувственно погладила её по тёплому железному боку. Всё вокруг было усыпано крохотными стеклянными кубиками. Они хрустели под ногами, как хрупкий лёд на утренней осенней луже...

После перестройки крупный строительный завод закрылся. И Витька — инженер-строитель, и тесть — заместитель по снабжению, и дочка — бухгалтер — все остались без работы. Но рассудительный снабженец быстро смекнул, что в свободной стране можно свободно воровать и торговать. За товаром в таёжном краю далеко ходить не стали. Открыли с дочерью и зятем лесозаготовительную фирму. Нашли в Китае хо-

роших покупателей. Зажили так, как в другие времена и не снилось. У Витьки две дочери — Анжела и Жанна. Девчонок Виктор любит, но непременно хочет мальчика. Назовёт Николаем, в честь тестя. В гости к матери Витька обязательно ездит раз в два года. Часто шлёт деньги. А вот навеститься на отцовскую могилу времени нет. Ещё лет семь назад хотел поменять памятник, да так и не собрался. По-прежнему нависает над Осиной могилой высокая стальная дуга, напоминающая волну. Впрочем, она ещё крепкая, только синяя краска облупилась местами.

А тётя Валя по-прежнему живёт на острове. Вышла замуж во второй раз. Я видела её на фотокарточке с новым мужем. Он совсем не красивый — пожилой, лысый, нос картошкой. Но к жене относится трепетно и, буквально, носит на руках. Через несколько лет после смерти дяди Осика у них родилась дочка. Я не видела её, но люди говорят, будто девочка — вылитая Валентина...

НАДЕЖДА КУДАШКИНА

Когда б цветы умели говорить

ВЕНОК СОНЕТОВ

1

Когда б цветы поведать нам могли,
Они бы нам о многом рассказали:
Кто смог их красотою наделить
И как их в древнем мире называли.

Теперь в легендах эти времена
В наследство человечеству достались.
Порой цветы меняли имена,
Порой значенья-символы менялись:

Цветок умерших в Греции — нарцисс —
Стал символом Победы в Древнем Риме,
А разницы-то нет совсем меж ними —
Цветок нарцисс, что вечно смотрит вниз,

Стоит, самовлюблённый, над водой,
Всех удивляя гордой красотой.

КУДАШКИНА Надежда Николаевна родилась 3 декабря 1934 г. в г. Сталинске Кемеровской области (ныне Новокузнецк). Автор сборников: «Отчаянный подснежник», «Предзимье», «Я — мишень», «Мир — это сказка». Член Союза писателей России. Живёт в Ангарске.

2

Всех удивляя гордой красотой,
Кувшинка белая в своём пруду заветном
В воде сияет матовой звездой
И влюблена в Геракла безответно...

Живущая по солнечным часам,
С восходом солнца глазки открывает.
Легенду эту передали нам
Из Скандинавии. А итальянцы знают:

Красавица-графиня у пруда
Кубышкой жёлтой залюбовалась
(Та — для царя болотного старалась), —
Сомкнулась над Мириной¹ вода,

Но всплыли детки, дивно расцвели,
Являясь украшением земли.

3

Являясь украшением земли,
Раскрылись одуванчики родные,
Из «парашютиков» метели замели,
Их гонят ветры над землёй шальные.

«Десантники» весь мир заплонили,
Отчаянно цепляются за жизнь,
Они себя для света сохранили:
Осколки Солнца на земле зажглись!

И глаз порадают, и душу успокоят,
Накормят и вареньем угостят,
О пасмурной погоде известят,
Ковром цветущим землю принакроют

И вспомнят с откровенной простотой
Историю любви своей святой.

4

Историю любви своей святой
Расскажут миру скромные космеи,
Они не блещут яркой красотой
И хвастаться напрасно не умеют.

Их простота есть символ совершенства,
Неприхотливость — мудрость бытия,
Испытывают радость и блаженство,
У них душа у каждого своя.

Я слышу их неповторимый звон:
Их венчики, как радиоантенны,

Направленные строго в центр Вселенной,
Рождают звуки с сердцем в унисон.

Как я люблю ажурный ваш узор!
Мы с Космосом ведём душевный спор.

5

Мы с Космосом ведём душевный спор,
Подснежник с нами — он весною веет.
Пред смелостью его благоговею,
Его улыбка — с небом разговор.

Изгнал Господь и Еву и Адама
Из рая за грехи. Была зима.
Замёрзла Ева, плакала-рыдала,
А на земле — снежинок кутерьма.

Тогда снежинки Еву пожалели
И превратились в первые цветы.
Те растопили снежные мосты —
Весна пришла, луга зазеленели...

Пророками бы нам однажды стать —
Судьбу цветов охота разгадать.

6

Судьбу цветов охота разгадать:
Что скромные цветы от нас скрывают?
Немецкий ландыш так устал страдать —
Его Весна-изменница бросает.

Весна неверная, разбила все мечты,
И плачет он... (Цветы, как мы, страдают.)
Где слёзы упадут — взойдут цветы,
Всё повторится, лишь снега тают.

В России ландыш — символ чистоты,
А в Скандинавии — цветок богини Солнца,
Во Франции лишь глянет май в оконце, —
В знак дружбы дарят ландыши-цветы.

Вдруг оживут легенды давних пор,
Лишь стоит дать фантазии простор.

7

Лишь стоит дать фантазии простор,
Узнаешь то, что за веками скрыто,
Увидишь, как из пены из морской
Является богиня Афродита.

А вместе с нею роза родилась —
Две красоты явились миру сразу.
Сначала роза белою была,
А после стала огненною, красной.

Богиня укололась о шипы
И вскрикнула, и стала девой страстной.
А роза стала символом судьбы,
Живой надежды и любви прекрасной.

Всего-то надо, чтоб отважным стать,
О трогательной розе помечтать.

8

О трогательной розе помечтать,
О лилии... Всегда мечтали люди!
Принцесса Флоры — лилия опять —
Цветок невест, надежды, правосудья.

У греков — символ мира (мир жесток),
Во Франции — царица сострадания,
У русских — непорочности цветок.
От греков к нам пришло одно преданье:

Давным-давно за вереницей дней
Нашла младенца Гёркулеса Гера,
К груди прижала, накормить хотела,
Он оттолкнул её, врага почуяв в ней,

Разбрызгав молоко. Там лилии цветут,
Сияет в небе вечный Млечный Путь.

9

Сияет в небе вечный Млечный Путь
И радуга, загадочная с виду...
По радуге отважилась шагнуть,
Сойти на Землю — божество Ирида**.

Она была связною у богов,
Их волю древним людям объявляла,
А Прометей украл с небес огонь,
Чтоб для Ириды радуга сияла.

А позже радуга разбилась, как стекло,
Её осколки превратились в Ирис,
Да красоты такой, что никому не снилась.
Дар Прометея людям дал тепло.

Где Ирисам особое вниманье?
В Японии есть праздник Созерцанья.

10

В Японии есть праздник Созерцанья,
Где чествуют любимые цветы.
Те праздники готовят со стараньем,
Чтят Ирисы, как символ красоты.

Дал имя им — целитель Гиппократ.
В Египте ирис — символ красноречья,
В Аравии — печалей и утрат...
В России ирис — наш восторг извечный.

От предвкушенья встречи с ним я млею —
Наступит час — в садах и там и тут
«Касатики» на клумбах зацветут,
И вспыхнут радугой, и всюду счастьем веет!

А значит, всё идёт по расписанью —
Пришёл на землю День солнцестоянья!

11

Пришёл на Землю День солнцестоянья,
Но солнце Клитию*** совсем не замечает,
Не выкажет ей должного вниманья.
И видит Греция, как Клития страдает.

Был на Олимпе разговор о том,
Как ей помочь. В подсолнух превратили.
Теперь она, навечно став цветком,
Следит за милым. Вот так угодили!

Ещё легенда: девушка жила
И Солнце безответно полюбила,
Но туча почему-то день затмила.
Напрасно девушка любимого звала...

Его небесный повторяет путь,
Чтоб на него одним глазком взглянуть.

12

Чтоб на него одним глазком взглянуть,
Букетик незабудок подарила —
Он приворотную имеет суть,
В цветочке этом — колдовская сила.

Когда богиня Флора раздавала
Цветам названья, про него забыла,
А, вспомнив, незабудке наказала,
Чтоб память сберегла и сохранила...

У нас фиалку, как поведал Даль,
Иван-да-Марья нежно величают,
Её три цвета олицетворяют
Надежду, удивление, печаль.

Красивая легенда, ты жива,
Молва людская, как всегда, права.

13

Молва людская, как всегда, права.
Давным-давно легенда бытовала:
Жил пастушок на берегу Байкала,
Ему русалка берегла слова...

Влюбилась! — а Алёше невдомёк, —
И превратилась бедная русалка
В купальницу, жарок и огонёк.
Она пылала — и её не жалко!

Жарки в преданьях лето разжигают,
Названья — три, цветок один... И что же?
На розу он сибирскую похожий,
Сезон купальный смело открывает.

Хочу, чтоб вечно жили и цвели
Цветы — глаза доверчивой Земли!

14

Цветы — глаза доверчивой Земли.
Вот майский ландыш спрятался от зноя,
К желанной Флоре боги снизошли,
Оберегая царствие цветное.

Подснежники отчаянно смелы,
Осколки звёзд на клумбах — это астры,
И незабудки скромные милы,
И маки-сновидения — прекрасны,

Ирис-касатик — символ красноречья,
Нарцисс самовлюблённый всё грустит,
Подсолнушек за солнышком следит
И молит о любви по-человечьи...

Где родились? Как жили? Как цвели?
Когда б цветы поведать нам могли...

Магистрал

Когда б цветы поведать нам могли,
Всех удивляя гордой красотой,
Являясь украшением Земли,
Историю любви своей святой!

Мы с Космосом ведём душевный спор —
Судьбу цветов охота разгадать...
Лишь стоит дать фантазии простор,
О трогательной розе помечтать.

Сияет в небе вечный Млечный Путь...
В Японии есть праздник созерцанья,
Пришёл на Землю день солнцестоянья,
Чтоб на него одним глазком взглянуть.

Цветы — глаза доверчивой Земли...
Когда б цветы поведать нам могли.

**По итальянской легенде знатная графиня Миринда пришла на болотистый берег озера и залюбовалась цветками кубышки жёлтой, плавающими в воде. Потянулась графиня, чтобы сорвать цветок, но кубышка была в сговоре с болотным царём, помогала найти ему невесту. Кубышка ухватила Миринду за руку и утащила на глубину. Спасти Миринде не удалось, но всплывают её детки, украшая мир (примеч. Н. Кудашкиной).*

***Ирида — в древнегреческой мифологии богиня радуги, дочь Тавманта и Электры, сестра Гарпий, жена Зефира, родила от Зефира Эроса. Главная роль Ириды — быть вестницей богов, поручения которых она разносит с быстротой ветра по земле, в морские глубины и даже в преисподнюю. Зевс посылает её с кубком набрать воды из Стикса. Так, в «Илиаде» Гомера именно она, по повелению Зевса, сообщает троянам о готовящейся атаке ахейского войска (Гомер «Илиада», II 786 след.). Ириду представляли в виде очаровательной девушки — красивой и легкой, с двумя величественными радужными крыльями за спиной. По имени богини радуги назван цветок ирис (примеч. В. Скифа).*

****Клития — дочь Океана и титаниды Тефиды. Влюбившись в Гелиоса (Солнце), но не добившись взаимности, Клития впала в безумие, отказывалась от воды и пищи и не могла оторвать взора от возлюбленного, поворачивая голову вслед задвигающимся по небосклону Солнцем. Она приросла к земле и превратилась в гелиотроп — цветок, который постоянно поворачивает венчик вслед за солнцем (примеч. В. Скифа).*

ВЛАДИМИР КАРНАУХОВ

Сто седьмой сонет Шекспира

РАССКАЗ

— А ты почто засиделся? У тебя по графику, насколько припоминаю, отпуск на самый-самый распрекрасный июль ныне выдался? А на дворе — уже сентябрь, — выказал отличную память и одновременно заботу о давнем дружке Владислав Николаевич Гуруль, главный редактор областной процветающей газеты «Время». Сам он только на прошлой неделе вернулся из Карловых Вар, где на модном курорте набирался суриковой глянцеvitости с супругой и одновременно первым заместителем главного редактора, правда, другой, хотя тоже областной, но менее маститой по сравнению со «Временем» газетой, — Зоей Михайловной Вершининой. Все, знакомые с Зоенькой не понаслышке, были уверены, что в скором времени та не только нагонит по статусу супруга, но и обойдёт его, поскольку имела необходимый для большой должности пробивной характер, постоянно представляла в высших эшелонах власти заступившего шаркающей походкой в седьмой десяток лет начальника, а также проявила завидную дальновидность при бракосочетании, так как умудрилась, несмотря на давление со всех сторон, не сменить свою замечательную во всех отношениях фамилию на хоть и звучную, но слишком узнаваемую мужнину. Не дело, когда руководители центрального уровня имеют одинаковое или даже схожее прозвание! К тому же славилась Зоя

КАРНАУХОВ Владимир Степанович, прозаик, публицист (1947–2012). Родился в г. Черемхово Иркутской области. Автор книг: *Взлёт*: очерки (Саратов, 1981); *Время прощаний*: роман (М., 1986); *Солнце не всходит дважды*: очерки (Иркутск, 1991); *Кто-то должен ждать*: роман, повесть (Иркутск, 1994); *Приглашение на Голгофу*: повесть, рассказы и очерки (Иркутск, 2008) и др. Член Союза писателей России.

броской, почти цыганской красотой, что, вкупе с прочими качествами, указывало скорее на семитское происхождение. Отсюда, наверное, и дальний расчёт: сразу же после замужества она отсидела положенный срок в декретном отпуске, никуда не высовываясь, благополучно родила наследника-сына и лишь после того, как пристроила Иванушку в престижное детское дошкольное учреждение, ринулась вдогонку успешному убежать далеко вперёд Владику.

О, фамилии для высоких постов значат чрезвычайно много! Согласитесь, никто не станет двигать по карьерной лестнице человека, чья подпись должна украшать ежедневное издание и наполнять читателей сознанием непоколебимости изложенного на официальных газетных полосах, но звучит неподобающе, например, как у него, — Николай Иосифович Кривоносов! Вдруг действительно не умеет товарищ держать сей орган по ветру, как полагается на таком высоком посту. Псевдоним годится разве что для заметок, особенно критических, коими увлекался Николай в силу своей должности заведующего строительным отделом редакции газеты «Время», хотя приятель делал неоднократные попытки выдвинуть его в свои главные заместители, но, увы! — в секторе печати дураков не держали: тамошние ребята прекрасно понимали, что слишком часто приходится первому заместителю замещать главного, а посему и расписываться за него на свежееотпечатанном номере. Наоборот, не раз они предлагали Коле использовать в статьях нейтральную подпись типа Петрова или Иванова, чтобы со временем перевести её официально в фамилию, но тут уж начинал противиться главный редактор Владик. Уж он-то прекрасно знал, что значит возглавлять строительный отдел в его газете! Псевдонимы здесь не годились, это вам не беззубые фельетончики кропать на тему службы быта.

Область славилась немислимым количеством строек самых разных мастей и ведомственных принадлежностей, в том числе имелось почти полтора десятка ударных Всесоюзных. Конечно, можно обходиться лишь победными реляциями, но тогда следует навсегда позабыть об имидже нелицеприятного рупора общественности! Уж где-где, а при возведении любых объектов всегда недостатков выше крыши, а у Николая Иосифовича Кривоносова наблюдалось нечто вроде таланта по вскрытию этих самых недостатков. Наверное, потому, что вырос он в семье строителей: отец, Иосиф Петрович, дорос до начальника крупного управления, а мама, Тамара Ивановна, оставившая себе, кстати, тоже девичью фамилию, слишком плебейскую, чтобы передать её сыну, — Степанова, — возглавляла там же плановый отдел. Родители часто обсуждали производственные вопросы в домашних условиях, не обращая внимания на присутствие любознательного Коленки, а иногда и взывая к нему как к третейскому судье, поэтому сегодня их достойного сына никому не удавалось провести на мякине — уже на десятки пошёл счёт статьям Кривоносова, обсуждаемым бюро обкома партии и сопутствующим сиим обсуждениям мерам в виде снятия с работы или даже отдачи под суд руководителей, раскритикованных Николаем Иосифовичем в газете «Время». Какие тут, к чёрту, псевдонимы! Дружба дружбой, но слава-то предпочтительней! Тем более, редактор старался никогда не обделять повышенными гонорарами принципиального сокурсника, так что зарплата у них не слишком-то и разнилась — иногда даже у Кривоносова больше выходило, чем у Гуруля! Такой вопиющий факт очень не нравился Зое, если она о нём прознавала. Главный на то и главный, чтобы получать больше.

И вот что интересно: отец, когда сын указывал общественности на непорядки, случавшиеся на подведомственных Кривоносову-старшему управлению объектах (а вы попробуйте найти стройку без недостатков?!), тот не сердился, а радовался. Во-первых, коллеги ничего не могут сказать о снисходительности дитяти к родителю, а во-вторых, критика действительно помогала, а служебное положение своё Иосиф Петрович считал небезосновательно непоколебимым. К тому же двухкомнатную квартиру семья младших Кривоносовых получила не из-за радений отца-строительного босса,

а от редакции, где особых проблем с жильём для сотрудников не существовало, поскольку печатный орган числился в обкомовской номенклатуре.

Кроме высокой принципиальности в делах, славился Николай Иосифович неприхотливостью в обыденной жизни, за исключением высокой поэзии. Вот за собрание сочинений того же Шекспира на английском, даже изданном в веке двадцатом, а не в шестнадцатом, готов был отдать что угодно. Хотя английским владел не вполне, надо признать по чести, а уж о староанглийском и речи не могло идти. Зато существовала страсть! Весь венок сонетов непревзойдённого Мастера в переводе Финкеля он знал в совершенстве. Но чаще всего, особенно в юности, когда ухаживал за будущей женой Ириной Остапенко, студенткой юридического факультета, читал ей сто седьмой сонет. Отчего-то нравился тот Кривоносову больше остальных: наверное, обуревали мечты о славе, как и многих в молодые годы. Он как бы сросся с поэтическим творением гения. Ирина после замужества немного даже разочаровалась в муже, когда случайно узнала, что автор замечательных стихов вовсе не её Николенька, а известный литературный классик Шекспир. Решила зачем-то книгу пролистать, которую чаще других брал в руки любимый. Хорошо, что ему об этом не сказала, да и для ближайшего окружения супружеской четы мелкая лирика старинного поэта пребывала тайной, покрытой мраком, разве что по названиям помнил кое-кто крупные произведения, а иные даже отдельные сцены из того же «Короля Лира» или «Гамлета», особенно ещё не переиначенное восклицание: «Быть или не быть?!», поэтому часто на устраиваемых дружеских вечеринках за бутылочкой-другой болгарского, румынского либо французского вина вслед за озвучиванием новинок из Евтушенко, Роберта Рождественского или Вознесенского обязательно просили почитать стихи и Кривоносова. Нет, Николай никогда не выдавал их за свои, он вдохновенно декламировал Шекспира, не отнекиваясь, просто называя: «Сонет номер такой-то...» и вынужденно стеснительно соглашаясь, что Евтушенко-то покруче будет.

Со временем и мода на постоянные вечеринки сошла на нет — почти у всех друзей появились дети: тут не до посиделок с чтением стихов, только успевай поворачиваться, зарабатывая на пропитание и устройство быта семей и домочадцев! Так что в этом отношении Кривоносову повезло. Кроме достаточно обеспеченных, не слишком пожилых родителей, которые изрядно помогали молодым супругам, наконец-то родившим им обожаемого внука Серёженьку, у него и при трудной работе ещё оставалось время для поэзии. Каждый вечер перед сном, если не уезжал в командировку и если Ирина соглашалась внимать, читал по памяти вслух один перл за другим, правда, редко когда доходя до десятого — двенадцатого. А сто седьмой бормотал уже как обязательную молитву перед сном, про себя. Правда, когда Серёжа подрос почти до сознательного возраста — пяти лет, он, чтобы привлечь внимание, частенько просил отца рассказать ему любимое стихотворение, так и не запомнив его дословно, что сопереживавшим мальчику родным говорило о многом. Первое: Серёже не особенно нравится Шекспир, но зато сын обожает отца; ну а второе: Николаю Иосифовичу практически безразлично, кто и почему слушает проклятый сонет!

В том-то и состояла сермяжная правда, что сохранившееся старшее поколение, пережившее страшную войну, взрастило в основном наследников-эгоистов, с открытыми глазами и с чистой совестью говоря: «Мы хлебнули лиха, так пусть хоть наши дети узнают счастье», забывая о том, как много сверстников не вернулось домой, а их сироты обрели вместо отцов, в лучшем случае, чужих дядей, которым доставалось основное внимание матерей. Ну а в худшем — сколько новых детских домов открылось по стране?! В каждом районе и посёлке, не говоря о крупных городах, росли тысячи и тысячи лишённых навсегда настоящего детства и семьи истосковавшихся по ласке и сопереживанию ребятишек. Именно из детдомовской среды вышла следующая героиня нашего рассказа — Таисия Павловна Петренко, с которой Николай Иосифович

Кривоносов познакомился на южном курорте, куда его всё же отправил, несмотря на некоторые трудности, в самый бархатный, сентябрьский, сезон заботливый дружок и начальник.

Жене путёвка не полагалась, к тому же она уже отгуляла очередной отпуск над грядками на даче у заботливых свёкров. Причём осталась довольной навязанными трудами: чета старшего Кривоносова уехала в известный санаторий в Подмоскowie, прихватив с собой внука, и Ирина хорошо отдохнула, в будни без раздражения копаясь в земле и ухаживая за расцветающими на глазах растениями, а в выходные принимая гостей, которых привозил муж. Чаще всего приезжали на двух-трёх машинах, уже с замаринованной бараниной под шашлыки, и стол сами накрывали в беседке, так что Ирине не особенно приходилось и напрягаться. Отличалась женщина внешностью не такую броскою, конечно, как Зоя Вершинина, но и на её долю приходилось немало мужских искренних комплиментов: многим нравилась синеглазая, русая, с отливом в рыжину, белокожая, в красивую меру налитая хозяйка.

Кривоносов посопротивлялся для виду, но отказываться окончательно не стал. Во-первых, прежде он в Пицунде не бывал, причём в бархатный сезон, который все почему-то особенно хвалили, а во-вторых, недавно Николаю Иосифовичу исполнилось тридцать два года, и никогда во взрослой семейной жизни не приходилось ему отдыхать в одиночестве. В детстве — да, даже в «Артеке» побывал, но пионерский лагерь, пусть и самый замечательный, — это вам не курорт для взрослых в начале сентября!

Ирина собрала мужу в дорогу полный джентльменский набор — сплошь импортные вещи, с приобретением которых в их регионе многочисленных всесоюзных строек острых проблем не существовало. Половину выданной на время отпуска суммы Николай оставил семье, хотя жена возражала:

— Знаешь ведь, как на юге финансы уплывают?! То шашлык, то фрукты. А то в кино захочешь сходить, или звезда какая приедет с концертом... Нам-то здесь, если что потребуется, родители помогут. А там? Помнишь, смеялись, когда мужики бегали на почту с телеграммами: «Вышли срочно денег!»?

— Так они или на женщин тратились, или на коньяк. А я ведь не такой, — приобнял ласково Ирину Кривоносов.

— Кто тебя знает?! Я читала, что любой мужчина постоянно стремится к свободе...

— Нашла о чём говорить на прощанье, — попенял снохе Иосиф Петрович. — Такой не такой, но пусть только попробует загулять — сразу ведь донесут, не беспокойся — сам туда поеду голову отрывать. — А сыну подмигнул и передал ему, незаметно от женщин и расстроенного отъездом отца Серёжи, довольно увесистую пачечку, раз в десять перекрывавшую по сумме оставляемые семье «отпускные». — Он у нас не транжира, обойдётся без телеграмм, верно, Николай? — засмеялся довольный своей предусмотрительной щедростью Иосиф Петрович.

И ожидания оправдались! Гуруля — в том, что сезон действительно оказался бархатным, без дождей, похолоданий, с парным ещё морем, из которого можно не выходить часами. И об одноместном номере расстарался благодарный дружок. Отца — в том, что не поскупился; побывал, припомнил Николай, тот однажды на курорте в одиночестве, без сопровождения мамы, а значит, тоже ощутил невыразимую свободу от всех и вся, о возможности которой догадывалась Ирина. Да, прекрасно вдруг почувствовать себя вольной птахой, летящей над жизнью, словно над незамутнённым морем-океаном, для отдыха опускаясь на представленные в многообразии повсюду посадочные места, укрытые от нескромных взглядов, и наслаждаясь красотами, разлитыми и в природе, и вообще вокруг. Никаких тебе строящихся с отклонениями от проекта зданий; ни хитрованистых заказчиков с ещё более изощрёнными подрядчиками; ни лиц обоёго пола, встречи с которыми могли надолго выбить из колеи; ни даже завалящих, типа посещения прачечной или похода на рынок, домашних заданий

и поручений — в общем, никаких забот ни о чём. Финансы позволяли и шашлычок с коньячком каждый божий день, но Кривонос попробовал обязательное угощение лишь по приезду, в первые несколько дней, и больше пока не хотелось ни того ни другого — предлагаемое отдыхающим питание устраивало его во всех отношениях.

Больше всего насладился Николай Иосифович видом двух полных собраний сочинений Шекспира, издания века прошлого и нынешнего, в курортной библиотеке! Тома с ятями и неузнаваемыми строками он лишь перелистал с восторгом, а с детства любимые стихи по две книги сразу брал к себе в номер и наслаждался величайшей поэзией, валяясь в постели до самого обеда, пропуская завтраки. Так незаметно промчалась неделя, пока к Кривоносову не появился главный врач и не предупредил о недопустимости подобного поведения.

— Вот если бы вы поэзию изучали по ночам с кем-то вдвоём, я бы вас понял, — покачал сурово головой уже почти седенький доктор. — Вы же приехали ко мне отдыхать, а не диссертацию писать! И я не могу допустить, чтобы курортник вернулся домой почерневшим не от вечернего южного загара у моря, а от постоянного лежания в кровати в обнимку с книгой, пусть даже и шекспировской! Две недели вам осталось? Вот и нагоняйте других! Давайте я эти книги сам в библиотеку отнесу, чтобы у вас не появилось нового соблазна, а вы после обеда — чтобы сразу к морю! Часочек в тенёчке под тентом полежите, а потом можно в воде бултыхаться. Плавать-то хоть умеете?

Кривонос имел первый взрослый разряд по плаванию, но перед строгим главным врачом, посягнувшим на свободу самовыражения, хвастать не захотел, потому лишь угрюмо кивнул.

— Ну-ну, не сердитесь, — улыбнулся эскулап. — Ещё спасибо перед отъездом скажете. И за буйки не заплывайте. Это я вас немного поддразнить хотел. Про разряд в карте курортной записано, так что не воображайте, что я чересчур уж вашей особой заинтересовался. Всяких и всякого повидали.

Если честно, то Николай Иосифович и сам уже подумывал о смене отпускного образа жизни. Действительно, Шекспира и дома читать никто ему не мешал, а тёплого моря в Сибири днём с огнём, тем более в сентябре, не отыщется. Поэтому, отобедав, отправился он на благоустроенный пляж, куда устремились, похоже, все курортники разом: ни одного свободного тента, не говоря уж о шезлонге, вокруг не оказалось. Всё пространство у берега занимали обтянутые купальниками тела разной степени упитанности, и пришлось, перешагивая через них, устремиться к высокой горе, ограничивающей благоустроенный пляж с восточной стороны. Нырнув, Кривонос минуты через две обогнул утёс и оказался на диком пляже, без шезлонгов и тентов, примерно квадратов сорока, со всех сторон огороженном скалами, но тоже несвободном. Трое молодых ребят, лет по шестнадцати, по-видимому, местных, обгорелых дочерна, вытаскивали из моря плоскодонку, обещая второй группе из четырёх менее загорелых и более взрослых людей, сидящих кругом над раскиданными игральными картами на надувном синем матрасе, скорую ушицу из свежего неплохого улова.

— О, у нас гость! — заметил Николая один из взрослых, блондинистый высокий мужчина лет сорока. — Посуды-то на него хватит? — обратился он к мальчишкам.

— Котёл на десять порций рассчитан. И мисок с ложками столько же. Так что считайте сами, — плюнул залихватски в сторону самый шустрый из ребят, видимо, вожак. — Вот только такса прежней остаётся — деньги ты, дядя, с собой захватил?

— Не-ет, — растерялся Кривонос. — Я в первый раз выбрался на море и не знал, что здесь уха организуется, и причём по таксе...

— И к тому же только для знакомых! — добавил мужчина, спросивший о количестве посуды.

— Так давайте познакомимся! — подружелюбней заулыбался Николай Иосифович. — Никак, понимаете, не хочется возвращаться обратно. Правда, денег я с собой

не взял, но завтра принесу, не зажилю. Мне ещё две недели осталось, и деньги я не истратил.

— Выходит, в одноместном номере остановился и всё своё с собой не носишь? — не откликнулся на улыбку мужчина.

— А какое это имеет значение, Валера? — подала голос единственная среди четвёрки взрослых женщина, на которую Кривоносов сразу и внимания не обратил. Женщина как женщина: лет тридцати, чернявая, в меру стройная, с не намазанными по моде веками. Стрижка тоже короткая, без начёсанных локонов. — У меня деньги есть, я заплачу.

— Ну вот и договорились! — заулыбался, видимо, довольный лишним приработком, инициативный парнишка.

— А сколько я вам буду должен? — не понравился энтузиазм рыбачка Кривоносову.

— Да пустяки, по десятке с человека, — ехидно улыбнулся Валера.

— Не пустяки, конечно, — опять вмешалась женщина. — Дороговато, но уха того стоит. Из-за одной игры в карты сюда перебираться бы не стоило, да ещё с матрасом. Но у нас уговор: каждый за себя платит, поэтому лишних денег могло и не оказаться. Тем более, если в проигрыше...

— Глупости, уж сотня-другая сверх таксы у меня всегда с собой, — ухмыльнулся Валера. — Всё надеюсь, Таечка, что ты позволишь за себя заплатить. А у тебя десятки никак не заканчиваются. Когда, говоришь, ты домой возвращаешься?

— Через неделю уже, Валерочка.

— О, я тоже. Так что не все надежды ещё потеряны.

— И чего ты к нашей Таечке вяжешься? — поднялся с матраса пожилой, даже в плавках представительный мужчина. — По-моему, ты уже со всеми женщинами курорта романчики прокрутил...

— Вот и не понимаю, чего это Таечка здорового образа жизни сторонится. Две недели без мужчины — кому скажи, не поверят. Или ты мужу верность хранишь? — уселся рядом с женщиной блондинчик, стараясь приобнять ту за талию. Тая руку отбросила, но не отодвинулась.

— Официального мужа у нашей Таисии Павловны Петренко, инструктора отдела пропаганды обкома партии, не числится. Я в курортной карте случайно увидел, — произнёс, вставая с матраса, третий мужчина, среднего роста, русский, тоже под сорок, и протягивая для знакомства Николаю руку.

— Позвольте представиться: Трунов Пётр Петрович, работник столичного министерства.

— А я — просто Николай Кривоносов, журналист областной сибирской газеты.

— Ну-ну, видимо, не просто, раз на этом курорте в отдельном номере поселили, — протянул Кривоносову руку пожилой. — А меня зовите Иван Степанович. Вряд ли мы ещё встретимся когда, я завтра уезжаю. Так что вы очень вовремя — пополните нашу четвёрку для игры.

— Тогда вряд ли я тоже сюда завтра матрас поволоку, коль мне Таечка даже надежды не даёт, — сделал ещё одну напрасную попытку приобнять женщину Валера. — Да и уха надоела, если честно. Поначалу некоторая экзотика присутствовала, соглашусь, но вот настоящей рыбацкой ушицы малолетние охламоны не умеют варить правильно. Да и то, им лишь бы деньжат побольше срубить...

— А мы разве виноваты, что одни бычки пошли? — обиделся парнишка-вожак. — За другой рыбой надо далеко в море выходить, а нам сейчас некогда, школа началась. Завтра можете и этой не получить... Грамотные какие...

— Да ладно, ребята, не обижайтесь, спасибо вам большое за труды. И уха у вас вкусная. А проблемы у всех разные, — вмешался в разговор мужчина, представившийся Петром Петровичем Труновым.

— Да какие у вас, у курортников, проблемы? Все вокруг одной ба... женщины вертятся. Вот и все проблемы. В прошлый заезд здесь серьёзные люди карты раскидывали, большие деньги ставили, вот это я понимаю, — паренёк пересёкся со злым взглядом Валерия. И Пётр Петрович, и Иван Степанович, отметил Кривоносов, этот перегляд заметили и оценили. Ох, не нужно было ему сюда соваться, да чего уж теперь: ушицы похлебаёт и обратно поплывёт. Берег длинный, укромное местечко найти при старании не трудно.

Действительно, уха оказалась чрезвычайно вкусной: Кривоносову одной порции с непривычки показалось даже маловато. Тая, достав из карманчика пляжных шортов кошелек, протянула мальчишкам четвертную и ещё пятёрку.

— Я вижу, нашему гостю ещё ушицы хочется, так плесни ему, Василий, ещё, да погуще!

— А не боишься, Таечка, что нечем гостю с тобой расплачиваться будет? — съехидничал вредный Валера. — Лишнюю десятку, возможно, жена ему и доверила, а вот насчёт двадцатки сомневаюсь...

— А тебе-то что, Валерочка? По виду человека видно, что не картёжник, значит, и деньги не растратил. Не все же такие «везучие», как ты, — не осталась в долгу женщина. — Надеюсь, найдётся двадцатка для отдачи долга.

— Большое спасибо, — принимая новую порцию густого варева от мальчишки, сказал не ему, а Таисии Николай. — Уха просто замечательная, вы правильно угадали, что я с удовольствием ещё порцию съем. А за деньги не беспокойтесь — у меня больше тысячи осталось. Тратить-то некуда, к картам я абсолютно безразличен. Вернёмся — сразу верну.

— Значит, не мастак, говоришь, в картах? — поинтересовался Иван Степанович. — Или вообще не умеешь играть?

— Кто в детстве картами не увлекался? Помню, в классе восьмом с приятелем даже шулерские приёмы все освоили по книге старинной, да и дед у него был ещё из дореволюционных кидал, подсказывал. Мы потом на спор компанию взрослых дядей обчистили подчистую. Правда, пришлось все деньги отдать, даже не карточные, а накопленные, когда я перед отцом похвастал, что освоил новый способ заработка. Единственный раз он меня тогда отлупил — для науки, чтобы при освоении выгодных шулерских профессий каждый раз вспоминал его наказ: «Сынок, никогда не играй ни в какие игры, даже в которых чувствуешь себя докой, на деньги!»

— И что, действительно, выполнял всегда отцовский наказ? — удивился Иван Степанович. — Я вот сразу забывал все батянины наставления, стоило из дому выйти. Сам-то он чистотой нравов, скажем так, не отличался. Увы, как и каждый из нас...

— Не думаю, что я лучше других, но вот на деньги никогда больше не играю. Из принципа, что ли...

— Значит, завтра, когда Иван Степанович уедет, ты его нам не заменишь? — Валера спросил с подначкой. — Несмотря на присутствие очаровательной Таечки?

— Признаюсь, и мне уже надоела карточная игра. Да и деньги к концу подходят, только на ушицу и осталось, хотя брала с собой немало, — женщина сердито трянула коротко стриженной головой. — Собиралась на обратном пути в столицу заглянуть — теперь не получится...

— А нечего было из себя недотрогу строить! — взвинтился Валера. — Смотри, другие ещё и с приработком домой возвращаются с курорта!

— Ну вот, и расставили все точки над «i», — печально усмехнулась Тая. — Спасибо за приятную компанию, пойду я, пожалуй, искупаюсь и — к себе. Иван Степанович, счастливого вам путешествия завтра. А с вами, Пётр Петрович, можно пока не прощаться?

— До свиданья, Таечка, — широко улыбнулся сотрудник какого-то министерства. — Если снова свидимся, не грех и поздороваться будет!

Увы, больше не скрестились пути-дорожки бывших друзей-приятелей по картёжной игре! Вниманием Таисии полностью и окончательно завладел Кривоносос. Как зашла к Николаю в номер по пути с пляжа за долгом, так и осталась. На завтраки, обеды и ужины, когда находилось время, вместе выходили; на пляж, чтобы выполнить рекомендации доктора, тоже выбирались и лежали на захваченных с собой простынках, не расцепляя рук. Если кто и здоровался с ними, на разговоры не отвлекались. Обходился теперь Николай Иосифович и без чтения Шекспира на ночь — все его чувствования, новые ощущения и мысли перекинулись на прежде незнакомую женщину, он будто заболел ею. Никогда прежде предположить не мог, что подобное возможно. Десять минут не видеть Таю — катастрофа! Полчаса не слышать её милого голоса — гибель! Анализируя своё состояние, Кривоносос решил, что вот так она и возникает, любовь, — случайно. Жил себе спокойно, как все, и уверен был, что всё у него в порядке: ведь и к жене что-то чувствовал, и к сыну, и к родителям... А тут — будто околдовался фиолетовым отливом чёрных глаз женщины! Просто так, не защиты даже ради, мог за неё безропотно умереть. Таисия довольно посмеивалась, когда Николай тащил её то в ресторан, то на танцплощадку, и откровенно радовалась уверениям, что она красивей всех на свете. Особенно же восхитилась, когда Кривоносос завёл любимую в ювелирный магазин и выбрал для неё золотые с аметистами серьги, самые дорогие на выставочном стенде и изумительно подходившие к фиолетовым отблескам глаз. Продавец, пожилой сухой грек, здесь же, в магазине, умудрился безболезненно проколоть ушки Таисии, и сам вставил в них новые серьги, сказав при этом, что подарок достойный и очень подходит красавице, хотя не мешало бы по гороскопу посмотреть, как долго стоит его носить.

— О чём вы говорите?! — рассмеялась Тая. — Я даже точной даты своего дня рождения не знаю, в детском доме выросла. Кроме того, во всю эту ерунду мне, как ответственному работнику обкома партии, верить не положено. Вот я и не верю!

— Ну да, ну да, — пробормотал продавец. — Отсутствие веры не всегда можно вменить человеку как его прегрешение. Бывает, что виноватый вовсе не находится... Подарок же исключительно вам подходит, и я знаю, что этот мужчина, хотя и добродушный, как видится, — никогда не пожалеет о потраченных средствах. Деньги — что? Бумажки! А силы любви, как и крепости камней, случается, вполне хватает на человеческий век. Может, и на ваш достанет. Другое дело, что надевать эти серьги следует лишь иногда, по торжественным случаям: слишком много в них золота, слишком тяжёлые.

— Даже не чувствую, — возразила Тая.

— Это от непривычки. К тому же виноградный ствол с листочком удобно искривлён и к вашим ушкам изумительно просто подходит: самый верх огибает и сбоку поддерживает. По сравнению с ними тяжести аметистовой грозди в мочке вообще поначалу не ощущается. Ведь так? Часов на пять, от силы шесть царицей в них себя чувствовать будете. Ну а дальше: или снимать, или терпеть.

— Что же делать? У меня других нет, а я знаю, что проколы, даже самые удачные, если в них постоянно золотые серьги не носить, или гноиться начнут, или вообще затянутся...

Николай Иосифович хотя особенно и не прислушивался к разговору, проблему уловил. Вскинул вопрошающий взгляд на грека, тот печально вздохнул и покивал с сожалением.

— Да, ни чистое серебро, ни другие какие сплавы не годятся. Сто рублей, надеюсь, у вас ещё найдётся? Как раз на эти маленькие кленовые листочки золотые. Или вот, за сто двадцать, как обручальные кольца, видите? Тоже не тяжёлые. И те и другие можно носить, не снимая, пока ушки совсем не заживут для парадного украшения.

Таисия задумалась, выбирая. Полезла в свою сумочку, но уж этого Николай Иосифович позволить не мог. Купил ещё обе пары серёжек, на что, судя по понятливой

улыбке, и рассчитывал хитрый грек, заменяя аметистовые гроздья в Таинных ушках на маленькие кленовые листочки. Упаковывая драгоценности, посоветовал сдать их в сейф, существующий и у него в магазине, и в гостинице. На всякий случай, от беды подальше. По чеку вернутся серьги хозяйке по первому требованию. А за хранение плата мизерная, страховочная.

Таисия всё же покупки забрала с собой, пробормотав нечто не очень внятное. Но к совету продавца, похоже, прислушалась, так как никуда гулять они больше не пошли, хотя и собирались, а отправились сразу в номер. Кривоносов ощущал себя достойным мужчиной, хотя денег оставалось уже мало. Да какая разница? Зато Тая ласкала Николая как-то особенно нежно, и он даже наконец нашёл возможность вспомнить перед сном свою молитву — сто седьмой сонет Шекспира.

*— Ни трепет мой, ни всех миров пророк,
Глаголющий о тайне бесконечной,
Не скажут мне, какой отпущен срок
Моей любви, и тленной, и не вечной.
Луна пережила затмения гнев —
И маги над собой трунят трутливо.
Кончатся сомненья, отмерев, —*

*И мир навек простёр свои оливы.
И пьёт любовь животельный бальзам,
И смерть сама отныне мне подвластна.
Бессмертье суждено моим стихам,
А ей — повелевать толпой безгласной.
Я памятник найду себе в стихах,
Когда гербы и гробы станут — прах!*

— Да ты, оказывается, поэт! — улыбнулась Таисия, засыпая. — Очень кстати, утром об этом поговорим.

Конечно, Кривоносова неприятно поразил тот факт, что и его любимая женщина не узнала великого Шекспира; но что поделаешь: ведь и на солнце бывают пятна. Тем более, и в прежней жизни все друзья и близкие считали его автором этих строк, так что, при зрелом размышлении, Николай решил не обижаться на идеал и спокойно проспал почти до девяти, когда одетая уже Таисия, сияя на этот раз кругляшками в виде обручальных колец в ушах, начала настойчиво его будить.

— Коля! Проснись, пожалуйста, нам поговорить надо!

— О чём? — сразу отчего-то встревожился Николай, вскакивая с широкой курортной кровати и натягивая ставшие уже привычными здесь плавки.

— Нет-нет, купаться мы сегодня не пойдём, по крайней мере вместе, так что смени пока плавки на обычные семейные трусы. Уверена, что жена не забыла положить тебе их несколько пар. Всё же они для здоровья полезнее.

— Трусов у меня всяких — завались! Я только не понимаю, почему ты меня не разбудила, если тебе куда-то надо сходить?

— Мне не сходить надо, Коленька, — печально улыбнулась Тая. — Мне уезжать пора.

— Но ты ведь говорила, что у тебя отпуска две недели ещё!..

— Ну и что? У тебя столько же. Только срок моей путёвки на этом курорте сегодня выходит, а тебе ещё неделю можно в тёплом море купаться. Но уже без меня.

— Куда ж я без тебя?! Я не хочу!! Да я просто не могу!.. — кровью облилось сердце и болью отозвалось во всём теле.

— Иначе не получится, — Тая присела на краешек кровати, положив руки на его колени.

— Что, тебя семья дома ждёт? — голос у Кривоносова сошёл почти на хрип.

— Нет у меня никого дома. При моей работе как-то, знаешь ли, не до семьи. Иначе карьеру не сделаешь. Даже мало-мальскую.

— И даже любимого человека нет?

— Если б был, разве позволила бы себе здесь счастье с тобою? Предательством называю такое поведение, хотя многие считают подобное ни к чему не обязывающим курортным романом. Не поверю, чтобы ты, журналист, думал иначе.

— Причём здесь профессия?

— А притом, что мне время уезжать, а тебе оставаться, — жёстко ответила Тая. — А через неделю, вернувшись домой, меня уже и не вспомнишь. А если и вспомнишь, то с сожалением — нет, не о потраченных на меня деньгах, ты выше этого; о несостоявшемся. И вскоре, насколько знаю я поэтов, — изольёшься в стихах, и позабудется наша любовь.

— Вот чёрт, а денег-то действительно не осталось на билет. Сколько он стоит до вашего края?

— Шестьдесят рублей. И лишних у меня нет. Попроси у жены, за оставшуюся неделю получишь.

— Да причём жена?! Я с тобою поеду! Такая любовь, как у нас с тобою, раз в сто лет бывает. Уверен, Бог не простит, если мы святое чувство разрушим! Или ты не согласна?

Недоверие мелькнуло в фиолетовых Таиных глазах, но тут же и погасло.

— Я-то согласна — лишь бы ты не пожалел. Да и деньги нужны, до конца дня даже электронным переводом не дойдут. К тому же к нам, если не переплатишь вдвое, билета на самолёт не достанешь без брони в день отлёта.

— Так... посмотрим... — Николай порылся по всем своим карманам и наскрёб пятьдесят два рубля. До дому — в оба конца хватит, а вот до места жительства любимой — как говаривал отец — шиш на постном масле. Вспомнив о Кривоносове-старшем, младший припомнил и о его наказе, о котором рассказывал картёжникам при знакомстве. Николай Иосифович сразу признал в Валере профессионала, тем более, что тот не уехал с курорта на следующий день, как обещал, а по-прежнему выныривал ежевечерне из-за восточной скалы с изрядно уже полинявшим синим матрацем. И в каком корпус тот жил, тоже видел.

Да, не зря говорится, что не существует безвыходных положений: нужно просто знать, где искать этот выход. Крепко поцеловав Таисию, Николай Иосифович не стал с нею прощаться, попросив подождать часа два-три, и отправился к Валере. Повезло сразу: тот уже выполз со своим матрацем на солнышко, стоял, потягиваясь, как бы поджидая.

— Что, Таечка наша уезжает, а на билет, чтобы хотя бы проводить любимую, не хватает? Все денежки на висюльки просадил? — в курсе всех дел, похоже, оказался картёжник-профессионал.

Николай Иосифович кивнул, соглашаясь.

— Ты только решимость безоглядную и глупую из глазёнок убери! Считай, что подфартило тебе: моего вчерашнего компаньона общипанные гуси вчера прогнали, на него грешок свалили, велели новенького привести, чтобы доказал я, что не кидала. Узнали, наверное, жирнюги, что больше помощников у меня не осталось, надеются отыграться, умники. Полтинник хоть у тебя остался? Учти, я в долг не даю. Да и примета существует...

— Всего-то и есть.

— А нужно сколько?

— Да хотя бы вчетверо...

— Это мы легко! В первый час играй под телёнка новорождённого, второй — туда-сюда, а уж на третьем — мы их сделаем. Имеется у тебя три часа? Раньше никак нельзя!

— Впритык.

— Ну вот и ладненько.

Давненько не брал карт в руки Николай Иосифович, наверное, поэтому поначалу никого и ничего не изображал — вспоминал. Противники приглядывались бдительно, поочерёдно, так, видно, договорились: то за вчерашним игроком, то за новеньким. Валера на них даже прикрикнул, несмотря на то, что молодцы оказались дюжими.

— Опять же продуетесь, начнёте жлобиться! Надо почаще в свои карты заглядывать и за ходом всей партии следить, а не за отдельными выкладками. Сегодня в последний раз, при любом раскладе, с вами сижу. Хоть выиграю, хоть проиграю, и не надейтесь, что захочу вернуть своё. Никакого с вами драйва!

Мужички немного смутились, зашевелились быстрее, доказывая тем, что не совсем лохи, в картах неплохо петрят, поэтому, как и приказывал партнёр Николаю Иосифовичу, к концу первого часа проиграл он свой полтинник дочиста, пришлось вытаскивать заначку, на обратный билет до дома оставленную. Совсем позабыл про неё, когда выгребал деньги из карманов, а вот сейчас вспомнил, достал из хитрого отделения на замочке впервые надетых шортов. Валера глянул на напарника с уважением: мол, запасливый, иначе пришлось либо игру заканчивать, либо займы давать, а против своих правил нельзя никогда идти, фарт покинуть может. Так что к концу второго часа удалось почти весь полтинник вернуть, но всё же оставались они с Валерой в минусе.

Мужички развеселились, в азарт вошли.

— Вот теперь интересно, не то, что вчера. Глядишь, и отыграетесь.

— Мне через час нужно в номер вернуться, при любом раскладе, — предупредил противников Кривоносов.

— Ну и ладно, завтра встретимся, за оставшееся время разутым вряд ли останешься, — пошутил один из мужичков, кивая на фирменные кривоносовские кроссовки, каких на простых людях не увидишь.

И тут, то ли разозлился наконец Николай, — почувствовал азарт, то ли по плану Валера шулерскими своими фокусами занялся, а то ли действительно фарт им пошёл настоящий, неподдельный. Ведь не просто ради выигрыша сел играть, а ради любви своей великой, прежде не испытанной. Банк из своих рук не выпустили ни разу Валерий с Николаем Иосифовичем, мужички только успевали кричать, кидая в общую кучу смятые синие, оранжевые, а потом уже и сиреневые бумажки.

— Ну, что теперь скажете? — подвёл черту игре напарник. — Просто не фартит вам на этой неделе, бывает так. Не верите? Если захотите отыграться, завтра сами приглашайте кого хотите. Тоже вряд ли поможет. Лучше подождите до следующей недели — мой вам совет. Глядишь, и повезёт. Только я с вами больше не сяду, коли вчера меня за шулера приняли. Сегодня претензий не имеете?

Мужички, молча переглянувшись, отошли в сторону переговорить. Валера тем временем быстренько раскидал выигрыш примерно пополам, вручая одну половину Кривоносову. Чтобы не искушать судьбу, Николай помог напарнику быстренько стащить матрац в море, на прощанье махнув для вида ещё не пришедшим в себя проигравшим дюжим молодцам. Не дай бог, примутся за разборки! Три часа прошли, вдруг Тая не стала дожидаться?

Нет, не уехала любимая одна, хотя и нервничала, судя по виду. Просветлела лицом, когда увидела, как Николай Иосифович выгребает из карманов шортов смятые купюры.

— Ого! Решил-таки нарушить отцов наказ? Кого-то ограбили с Валерой?

— Ты знаешь, я не заметил, чтобы он жульничал. Скорее всего, удача всегда помогает влюблённым. А я только о тебе и думал, когда начался решающий раунд. Первые два мы проиграли.

— Ну-ну, — произнесла непонятно Таисия. — И сколько ты выиграл?

— А ты сама посчитай, — попросил Кривоносов любимую. — Семьдесят семь рублей только в сторону отложи — они у меня, оказывается, в заначке в новой одежде оказались. А я пока быстренько в душ сбегая.

Когда вошёл обратно в номер, застал его опустевшим. Захолодев сердцем, кинул взгляд на кровать: деньги двумя кучками ровненько лежали на покрывале. Пересчи-

тал: отдельно восемьдесят, и ещё пятьсот двадцать. Что ж это получается: не захотела Тая возвращаться к себе домой вместе с ним, Николаем? Наверное, солгала, что ни мужа, ни любимого. Наверняка и детки имеются. Вряд ли такая красивая женщина куковала в одиночестве до тридцати. Но деньги-то не взяла, хотя могла бы в столицу заехать, как прежде хотела! Или взяла. Только не все? Сколько того выигрыша было, теперь и не узнаешь. Не к Валере же за справкой обращаться — вот смеху-то будет: на всё побережье и на всю оставшуюся жизнь!

Тяжело вздохнув, Николай Иосифович начал собирать в уже сложенный аккурат-но Таем чемодан оставшиеся мелочи. Не останется он здесь больше! Домашние только обрадуются его раннему возвращению. А любовь... Что ж любовь? Значит, просто курортный роман. Заноза в памяти и сердце, как и у многих бывает, когда случается несовпадение штампа в основном документе и состояния души.

Так, а где же этот проклятый паспорт?! Кривоносов помнил, что хранился тот в подаренном отцом тяжёлом кожаном портмоне, вначале вместе с деньгами, а вчера, после покупки серёжек, в одиночестве. И сегодня, когда рылся по карманам, его там видел. Значит, у ювелирщика случайно не оставил... С собой точно не брал на игру, ещё не хватало! Тогда что же получается?... Тая взяла? Зачем? Была б воровкой (даже такая подлая мыслишка проскочила о любимой!), и деньги все бы забрала. Или специально так поступила, чтобы на такси ему хватило, если не захочет по автобусам мотаться; на поезд-то теперь тоже билет просто так не купишь. Разве что к проводнице подкатиться за двойную, пусть даже тройную, сумму, только чтобы без оказания дополнительных услуг... Не станет же он на Таисию заявлять, здесь она не ошиблась. А главное: зачем ей его документ понадобился?

Наверное, несколько десятков догадок перебрал мысленно Кривоносов, и все оказались дурацкими! В коридоре раздались лёгкие шаги, от которых привычно дрогнуло где-то внутри, открылась дверь, и появилась сияющая Таисия с паспортом Кривоносова в руках, торчащим из него голубеньким бланком авиабилета и веером денежных бумажек.

— Ура, Николай! Случайно одно место свободным оказалось, и как раз на мой рейс, мужчина какой-то от него отказываться пришёл в кассу. Вот повезло так повезло! Даже переплачивать не пришлось как за бронь. Гляжу, ты уже полностью собрался, только деньги не сложил. Возьми заодно с документами и сдачу. Я специально побольше захватила, думала, что придётся переплачивать вдвое, а то и втрое. А тут такое!.. Неплохо вы с Валериком поиграли, почти на машину каждому. Может, ещё на денёк останешься? — шутливо засмеялась Тая, присаживаясь к Николаю на кровать и обнимая его. — Ну нет, это я пошутила, конечно. У нас я тебя устрою на такую работу, где положена служебная машина. И меня заодно иногда покатаешь... Давай побыстрее, нам выходить пора, если не хотим на автобус до аэропорта опоздать.

Ничего другого не оставалось Николаю Иосифовичу, как послушно схватить оба чемодана, свой и Таин, и побежать за ней следом.

— Не беспокойся, я уже оба номера сдала, как чувствовала, что всё так обернётся, — кивнула на прощанье женщина портёе, придерживая для Кривоносова вместе с тем дверь.

Даже в автобусе Таисия не дала Николаю Иосифовичу и пяти минуток, чтобы смог наконец он выдохнуть свободно застрявшие нехорошо поперёк груди слова и чувства, словно действительно не заметила перемен в его лице и поведении. Сильно не понравилось прежде всего обещание любимой пристроить на должность с машиной и шофёром. Как будто конфеткой поманила! В их редакции вообще не существовало проблем с передвижением, особенно для Кривоносова, даже когда тот писал о строящемся в центре города объекте: Гуруль считал несолидным для газеты, когда его асы пера от кого-то зависели. Какая потом критика, если журналиста сначала к месту подвезут, всё расскажут и покажут, не оставляя времени на отвлечения и разговоры с

исполнителями или другими нужными для разбора ситуации людьми, а потом ещё и покормят, не дай бог?! К тому же и сам Николай Иосифович неплохо рулил на подаренном отцом автомобиле, и не на каком-то там «Москвиче», а на «Волге» последней модели. Когда требовалось, и маму с папой возил, если неудобно родителям казалось на ту же дачу добраться на служебной машине. Правда, случалось подобное редко, скорее, ради желания пообщаться с сыном, как честно признался себе сейчас Кривоносов, поскольку у начальника одного из крупнейших в стране управлений проблем с транспортом, во всякую пору и в любом направлении, не могло не существовать в принципе.

Ещё отметил Кривоносов несоответствие во времени. Не так долго отсутствовала Таисия, чтобы и билет переписать, и сдать оба номера. Выходит, всё сделала, когда он с Валерой с мужичками в картишки резался. К тому же не верилось таким вот совпадениям: чтобы на один и тот же рейс нашёлся на курорте вдруг случайный отказник. Скорее всего, до последнего бронь на второй билет в кассе попросила поддержать и, когда деньги появились, выкупила. Нет, не показался ему знакомым штампик на билете, какие ставятся при давнем заказе! Насмотрелся в многочисленных командировках.

И что же теперь делать? Прилюдно уличить любимую во лжи? А дальше что? Обратно уже не повернёшь из-за такой, в общем-то, ерунды, не стоит портить прекрасных отношений. Николай прокашлялся, будто выталкивая вставшие поперёк груди нехорошие сомнения, и дальнейший их путь проходил как свадебное путешествие. Перед ними расступались в толпе, люди чаще обычного улыбались, глядя на сияющие лица мужчины и женщины, и Николаю Иосифовичу в конце концов понравилось чувствовать себя молодожёном. Он помнил, что подобного осознанного счастья при женитьбе на Ирине не ощущал — слишком много суматошилились вокруг зря родные и друзья; а сейчас — никакого дела, кроме пустого, пусть иногда и заинтересованного любопытства, у окружающих до них нет; теперь и Тая, и Николай неразъединимо вместе без постороннего вмешательства.

Квартира у Таисии оказалась хоть и в центре, двухкомнатная, но мужского пригляда за ней не увиделось, что даже в какой-то мере обрадовало Кривоносова. От него самого, конечно, толку мало: неоднократно жена пеняла, что и гвоздя вбить не умеет, но имеющиеся деньги вполне позволяли устроить приличный ремонт. Что он Таисии и сообщил.

— Ты пока мне обещанную работу искать станешь, я поброжу в округе, посмотрю, кто как на отделке новых домов работает, и лучшую бригаду приглашу на выходные. Наверное, не откажутся подзаработать? У вас это не осуждается?

— Нет. Только много денег уйдёт, боюсь. А я хотела ещё кое-что из мебели поменять...

— Нашла чего бояться! На то деньги существуют, что их всегда можно заработать!

Две недели минуло, пока ремонт и переустройство в квартире длились. И действительно, всего двести рублей у Кривоносова осталось — немногим больше, чем стоил билет до родного дома. Всё это время он ни о любимом городе, ни о семье, ни о родителях, ни о редакционных товарищах и хороших знакомых даже не вспоминал за хлопотами, а тут, когда освободился, вдруг вспомнил, что именно сейчас ждут его там. И на работу следовало назавтра выходить. Да, нехорошо получилось! Позвонить нужно хотя бы тому же Владу Гурулю — пусть всех оповестит. За дружкой не заржавеет, а вот с Ириной или с родителями разговаривать почему-то страшно. Получается, что предал он всех? Или же — нет, в своём Николай Иосифович прав? К тому же и Серёженька имелся... Всё равно придётся договариваться с женой, какие ей на сына алименты высылать. А она ведь гордая, вспомнил Николай Иосифович, наверняка от его далёкой помощи откажется. Вот тут впервые грусть сдавила сердце Кривоносова, да так, что и вздохнуть не получалось.

Повезло: позвонила Таисия и велела срочно подъезжать к обкому партии, не забыв паспорт, так как пропуск заказан к заведующему отделом пропаганды Петру Павловичу Сидорчуку. Именно в кабинете Сидорчука испытал Николай Иосифович самое стыдное из всех имеющихся у него чувств. Оказалось, что заведующий отделом сразу после разговора со своей сотрудницей Таисией Павловной Петренко, которая привезла для себя с курорта неизвестного молодого мужчину, как будто ей имеющихся рядом недостаёт, сразу же связался по телефону с коллегой, а также редактором той газеты, где трудился товарищ Кривоносов. Но, несмотря на то, что отзывы услышал положительные, доверять им полностью он не имеет права, так как в данной ситуации указанный товарищ проявил полнейшую безответственность, за что в прежние годы не только из партии, но и с любого поста выгоняли. Семью с маленьким ребёнком бросил ради прекрасных глаз! С партийного учёта не снялся, редактора об увольнении не поставил в известность... Как такому человеку могла довериться сотрудница обкома партии, непонятно. Ещё и работу ответственную для привозного молодого любовника просит. А уж он-то, Пётр Павлович, о ней не хуже отца родного печётся, поэтому вопиющий проступок простит — чего между своими не бывает!.

Видимо, имелись у Таисии какие-то собственные аргумента против начальственных, поскольку смущения никакого женщина не выказала, а ровным голосом произнесла:

— Ну, никак вы без представлений не можете, Пётр Павлович. Ведь договорились уже, и место есть подходящее, причём только для начала. Потом ещё благодарить будете за такого высокопрофессионального журналиста, как Николай Иосифович Кривоносов.

— Да на это место, знаешь, уже сколько желающих?! — взвился на сотрудницу Сидорчук.

— А вы только попробуйте не назначить на него Николая! Тем более никакого решения бюро для этой должности не требуется, а с прежней работы он уволится и с партийного учёта снимется, никаких сроков не нарушая. Там уже, наверное, все документы приготовили, я им тоже позвонила на всякий случай.

— Как?! — возмущился Кривоносов. — И меня даже в известность не поставила?

— Но всё ведь решено? — удивилась Таисия. — Тебя никто насильно не тянул со мной ехать, ремонт в квартире ты сделал, теперь дело за малым — за работой. А Пётр Павлович нас не обидит, это он с первого взгляда такой грозный, а со второго — так милейший человек. Правда, Пётр Павлович? — женщина с усмешкой повернулась к начальнику.

Тот, проворчав нечто неразборчивое, махнул рукой: идите уж!

И Тая повела Николая Иосифовича к месту будущей работы — совсем рядом. Оказывается, предназначалась Кривоносову должность редактора газеты машиностроительного завода, другими словами, «малотиражки». Хотя по местным меркам тираж среди подобных изданий считался почти огромным — двадцать пять тысяч экземпляров, но всё равно это было даже не десять шагов вниз по служебной лестнице, а все сто.

Приёма у директора предприятия ждать пришлось больше часа, но Тая сидела смирно, не выказывая нетерпения, видимо, в областной иерархии Русских Дмитрий Михайлович числился одним из первых. Наконец, из кабинета вывалилась большая толпа чинно одетых и весьма деловитых по виду людей, и секретарша пригласила посетителей войти, предупредив, что времени им отводится всего десять минут, а потом директор должен будет отъехать.

Дмитрий Михайлович, на вид под пятьдесят, худощавый, но не субтильный: из бывших спортсменов, поддерживающих форму, похоже, — хотя и собирался куда-то там отъезжать, нисколько не торопился, усмешливо разглядывая поочерёдно Таисию с Николаем Иосифовичем. Наконец выдал вердикт:

— А что, может быть, и останется в наших пенатах уважаемый журналист надолго. От тебя это, Таечка, зависит. С батюшкой нашего нового редактора я знаком, мы раза два впрямую с ним сталкивались, оба — члены Центрального Комитета, знаешь ли. Ох, и крутой мужчина! Неужели разрешил единственному сынку оторваться от семейного гнезда?! Ну ладно, это дело не моё, простите старика! Я бы и сам представил сотрудникам редакции их нового руководителя, но — спешу!.. Так что давай, Таечка, на правах инструктора Обкома партии введи Николая Иосифовича в новый коллектив. А вы, уважаемый, сильно не переживайте, что в машиностроении ничего не смыслите. Дело у нас налажено, главное, следите, чтобы все ведущие специалисты соблюдали очерёдность в написании статей для газеты. И критику из виду не выпускайте. Расхвастается если кто — ему тут же возражение знающего профессионала. Именно в таких спорах у нас частенько и рождается истина, за которую ордена дают. Глядишь, и вы заработаете, если начнёте в дела вникать и не ввяжетесь в редакционные склоки. Там одна девушка двадцатипятилетняя есть — ох, до чего она мне надоела! Литейное производство призывает перестраивать. А того не понимает, что денег в этой пятилетке нам на такие дела никто не даст! Говорит, чтобы быстрее отказывался от устаревшего ассортимента, тогда, мол, и деньги найдутся.

— А вы переведите её в областную газету, коли, говорите, надоела.

— Ишь, какой приткий! Смушкевича я попросил её заметки вообще не печатать, а если она войдёт в состав редакции, куда ж он денется. А жизнь девке гробить не хочу да и не могу! Тем более, права Дарья в данном случае. Вот как деньги выбью, реконструкцию проведу, медалью её награжу непременно, несмотря на то, что племянницей супруге приходится. Ну всё, до следующей встречи! Планёрки с участием редактора у нас по пятницам, где мы итоги за неделю подводим. А членом парткома вас изберут, как там с учёта сниметесь, а здесь встанете. Так что давай, Таисия, постарайся для нас ценный кадр задержать!

Николай Иосифович предпочёл, чтобы Тая не представляла его коллективу, коль директор не удосужился; и без того наверняка обо всём наслышаны коллеги, и даже более того, на то и журналисты. Любимая согласно кивнула, на прощанье обронив фразу: «Дома поговорим». А Кривоносов пошёл на новую работу. На удивление, творческий коллектив оказался большим — из четырнадцати человек. Газета выходила, как и положено, в малом формате, но зато состояла из 96 полос, то есть 48 страниц. Первым делом Кривоносов отправился к ответственному секретарю, которым оказалась та самая двадцатипятилетняя Дарья, племянница жены директора промышленного гиганта. Газету она верстала — получше некоторых столичных: заканчивала МГУ, как и Кривоносов, только на семь лет позже. Интересно, когда ещё умудрялась статьи проблемные писать при такой нагрузке?!

— Знакомиться с коллективом начнёшь завтра, — сразу перейдя без возражений со стороны Николая на «ты», посоветовала зловредная девушка. — У Веньки — это один из наших двух официальных фотографов, хотя снимки умеют делать все, — завтра день рождения. Тогда вплотную и пообщаемся, и запоминаются все с первой встречи в приятной обстановке отлично. Надеюсь, ты не из пьющих? А то пьющие у нас не задерживаются. В кадры я тебя пока всё равно не поведу, раз трудовой нет, ну а приказ задним числом напишем и подпишем. Если деньги нужны, можно аванс написать, уж бухгалтерша новому редактору не откажет...

— Нет, деньги у меня есть, спасибо, — перебил тараторку Николай Иосифович. — Ты мне выдай все подшивки газеты с начала года, я с заметками познакомлюсь. Пусть отнесут парни подшивки в редакторский кабинет, сама не таскай, вон какие толстые. Раз в неделю газета выходит, это ж почти 200 страниц за месяц!

— Дело твоё, — поскучилась Дарья. — Только сразу предупреждаю: если хочешь войти быстрее в курс, заметки, написанные сотрудниками о хороших людях, не читай.

Уровень неплохой, но без особой изюминки. Кто с изюминками в ладах — давно в областные редакции перебежал. Читай полемику специалистов, их статьи тоже наши обрабатывают, поэтому смысл доходчивый.

— А ты почему здесь задержалась?

— А то не догадываешься?! Дядька не отпускает. Пока. А для матери моей он — царь и бог, только его и слушает. Не пойду же я против матери родной. А вот как медаль обещанную заработаю за реконструкцию, так сразу отсюда смотаюсь в столицу. Такой уговор у нас. Здесь мне оставаться не хочется, никаких перспектив у области, кроме дядькиного завода. Неинтересно тут. Если честно, не понимаю я тебя. Правда, если любовь случилась... Тут уж никуда не денешься, я думаю. Ой, извини меня, пожалуйста, чего это я суюсь, куда не просят?.. — а сама любопытными серыми глазами: луп да луп, как через лупу, действительно, в его душу заглядывает.

Кривоносов за подшивки принялся с большим энтузиазмом, все одолел к концу дня, не отвлекаясь на обед. Понял, конечно, не всё с первого раза, всё-таки специфика сказывалась. Пришлось попросить у Дарьи книги по основам металлургии и машиностроения, чтобы почитать дома. Та выдала два небольших печатных труда, изданных, по-видимому, в местной типографии.

— Для начала их вдумчиво прочитай — тут всё и об истории предмета, и о создании завода, и о перспективах. Но сразу предупреждаю, что перспективы устарели, я тебе потом лекцию прочитаю, что нужно на предприятии менять.

— А ты-то откуда это знаешь?

— Да сам дядечка, Дмитрий Михайлович, и рассказывал! Он ведь очень умный, и в отрасли котируется, наверное, выше всех. Ему, знаешь, сам Косыгин частенько звонит!

Поблагодарив Дарью за советы и книги, Николай Иосифович отправился к жилищу Таисии пешком, ходя редакционный шофёр и предлагал свои услуги. Слишком многое нужно было обдумать. Ведь и его отец — тоже не последний человек, а вот о сыне даже не вспомнил, хотя и знал, что тот не любитель писать письма. Неужели Николай Иосифович хотя бы разговора по телефону не заслужил? Он-то воображал, что только сегодня на работе и дома вспомнят об окончании его отпуска, возможно, даже поедут встречать к вечернему поезду, и, учитывая разницу во времени, как раз к полуночи собирался зайти на переговорный пункт, чтобы сообщить о принятом решении и жене, и родителям, чтобы зря не беспокоились. Всё же Кривоносов вполне взрослый и в своём праве совершать судьбоносные поступки. Выходит, они все там давно про него всё проводали и презрительно проигнорировали. Даже Гуруль?! Вот с разговора со старым дружкой и начнёт, мстительно решил непонятый и, получается, никому, кроме Таи, не нужный беглец. Действительно, пора расставить все точки над «i», коли отважился на крутое изменение жизни.

Любимая оказалась ласковой, как никогда прежде. Сообщила, что с работы её после посещения редакции отпустили, она и прибралась наконец как следует, и ужин замечательный приготовила. А что там прибираться — после ремонта? Шторы они вчера вместе вешали, правда, новую картину на стене заметил, цветочный какой-то натюрморт, да ещё два букета стояли со свежепахнущими розами, один в спальне, другой — в кухне-столовой, как теперь называлась прежняя, доремонтная кухонька. И две огромных свечи горели в подсвечниках на стойке напротив вазы с розами с противоположных сторон.

— У нас что, романтический ужин? — хотел искренне улыбнуться Николай Иосифович, но получилось не слишком удачно, губы свело.

— Ну да, в честь твоего первого рабочего дня на новом месте попыталась устроить нечто подобное...

Может, и действительно старалась Таисия в какой-то момент, хотя бы в сервировке стола, но вот на то, что еда доставлена из ближайшего ресторана, Кривоносов мог

поставить все оставшиеся у него деньги. Несколько раз вынужденно, пока длился в квартире ремонт, они посещали прославленное в городе заведение, поэтому и ассортимент тамошний узнал, и вкус у блюд оказался, понятно, не домашним в полной мере. К тому же утка по-пекински явно разогревалась, лакировка с неё стекла. Привередничать, конечно, не стал — очень уж проголодался, да и Таю не хотелось огорчать. Она и посуду со стола сама убрала, хотя прежде разрешала делать это Николаю Иосифовичу, считая сей факт доказательством его великой любви.

Дождавшись, когда Тая приведёт кухню-столовую в относительный порядок, Кривоносов напомнил:

— Ты хотела поговорить? О чём?

— Ах, я уже и позабыла, — отстранилась руками разгорячённая выпитым вином женщина. — Какие разговоры после романтического ужина?! Вот стихи свои можешь почитать... Не здесь, конечно, а в спальне.

Засыпая, Николай Иосифович вспомнил с некоторым-таки содроганием совести, что собирался позвонить домой. «А, ладно, какая разница, сегодня или завтра, — подумал, — им и без того всё обо мне известно».

А вот с утра не заладилось. Таисия соскочила по будильнику ровно в шесть. На удивлённое замечание, что незачем ради приготовления завтрака менять распорядок, можно ведь ещё с часок понежиться в кровати, любимая сообщила ровным голосом:

— Завтрак ни при чём. Думаю, найдёшь, с чем кофе выпить и без меня. А я так даже припозднилась: уже через полчаса должна быть в обкоме, мы с Петром Павловичем едем в командировку на двое суток, так что радуйся, три дня без меня отдохнёшь.

— Какая командировка?! Почему вчера не предупредила?!

— Командировка неожиданная, у нас смотр-конкурс наглядной агитации. А что не предупредила, и сама не знала — Сидорчук позвонил вчера вечером, когда ты в ванной был. Вот и не стала тебя расстраивать. Ты ведь не сильно расстроишься? — подбежала к кровати уже одетая Таисия, с виноватинкой в фиолетовых глазах наспех целуя Николая в небритую щёку.

Кривоносов не просто расстроился — он рассердился. Ещё накануне отметил, что осанистого блондина, иногда бросавшего на Таю едва ли не блудливые взгляды, связывали с женщиной не только служебные отношения, но не придавал тому большого значения. За годы любой коллектив спланивается, коллеги становятся как бы родными друг другу, тем более, самую лучшую работу в непростой ситуации нашёл Сидорчук для мужчины, которого привезла для себя с курорта его сотрудница. Ни прописки не потребовали, ни трудовой книжки... Даже сняться с партийного учёта позволили не моментально! Ясно, что в том заслуга Таисии и её руководителя, но никак не Николая Иосифовича.

А вот чего добивался Пётр Павлович, выдёргивая её из свадебной почти постели в выдуманную по срочности командировку? Сам взревновал или захотел, чтобы счастливый соперник почувствовал себя третьим лишним?

Кофе Кривоносов пить не стал, всё же разница во времени ещё ощущалась, даже не с домом, а с курортом. Его сердитость тут же заметила Дарья.

— Что такой невесёлый? По идее, должен сиять, как любой молодожён!.. Или любимая кофе в постельку не подала? Так у нас всегда почти свежий, особенно с утра, чтоб ты знал. Сейчас налью.

— Спасибо, попозже, сейчас не хочется. А настроение плохое, — зачем-то решился рассказать Дарье, — потому что Таисия, заранее не предупредив, в шесть утра уехала в какую-то срочную командировку. Какая у них может быть срочность, если вечером ни словом не обмолвилась?!

— А, это, наверное, Сидорчук. Он любит неожиданные проверки устраивать, чтобы заранее не готовились, ну и ловить на горячем.

— Сам-то наверняка знал, раз тоже поехал. Командировочные удостоверения опять же выписывал... Неужели вчера трудно предупредить было? Тая говорила, что среди ночи почти позвонил.

— Ну и гад же он ползучий! У нас в области практически все журналисты его терпеть не могут. В делах не специалист, только командовать может. А вот чтобы подсказать с толком — от него не дождёшься. Только про линию партию гнёт. А вот над бабами своими — у него в отделе одни бабы работают, практически все незамужние, — соперничества не терпит, как петух над своими курами! И как они все, с женою в придачу, всё это терпят?!

— Ты хочешь сказать, что он со всеми спит?!

— Ну, не со всеми, наверное, не молоденький уже. Но вот Таю твою всегда выделял. Ты уже четвёртый, кого она с курорта для себя привозит. Все предыдущие и года не протянули до следующего отпуска. Ой, извини, наверное, зря тебе я это рассказала! — зажала рот ладошками в непритворном испуге родственница всемогущего директора завода. — Мы все решили, что наконец-то Таисия нашла себе подходящую пару. Вы очень друг другу подходите, правда! И любовь, наверное, между вами настоящая, раз ты решился всех бросить. И папу с мамой, и жену с сыном. Обычно она каких-то задохликов находила, которых потом сама же выгоняла. Она ведь гордая, Таисия наша Павловна! Она в этой газете работала редактором, когда меня сюда пристроили, вроде ей на смену. Ну, я и к ней присмотрелась, и к работе вашей редакторской паршивой, и так дядечке и сказала: «Ни за что!» Так что ты у нас после Таи третий уже редактор — прежние все на повышение ушли. И ты, уверена, надолго не задержишься, того же Сидорчука тебе по силам сместить, а после и повыше подняться, если захочешь. Я тебя буду постоянно к этой мысли подталкивать, чтобы вся наша братия мне «спасибо» сказала. Не заметила я у тебя, прости, пожалуйста, подлинного интереса к нашему производству, да и к городу тоже. Сюда надо с детства вращаться, тогда всё нравиться будет.

Но Таисия — да, женщина выдающаяся, с этим не поспоришь! Тебе все наши мужики завидуют. У нас, знаешь, в отличие от отдела пропаганды обкома партии, одни мужики работают, кроме меня и бухгалтерши. И все романы на стороне крутят, опять же кроме меня и бухгалтерши. Но Таисия твоя дистанцию умела держать, ни с кем, даже из руководства, не кокетничала. Так что можешь гордиться! А что Сидорчук с первых дней начал тебе подлянки строить, так даже к лучшему! С папашей своим поговори, объясни ситуацию: мол, любовь-морковь... Неужели не поймёт и не простит? А с его помощью ты у нас далеко пойдёшь. Я ещё и дядечку подключу — он на несправедливости тоже иногда реагирует адекватно. И на Сидорчука у него давно руки чешутся, знаю.

Хорошо, что вчерашние книжечки Кривоносов с собой захватил — будет чем заняться: не лезть же сразу в отдельные материалы. Готовый номер подписывать тоже не станет. Без приказа, как-никак, не положено. Пусть редакция пока работает, как и раньше, без него. Позицию свою Николай Иосифович высказал Дарье, когда та принесла ему кофе и тарелку с разными бутербродами. Немного подумав, она согласно кивнула.

— Действительно, ты молодец, я в тебе не ошиблась. И на чествование именинника не ходи, пускай хоть что выдумывают! Так даже интереснее получится! Ещё сегодня Сидорчуку настучат по телефону о твоём загадочном поведении. Наверное, Таисия и вправду не знала, что уводит из семьи сына члена ЦК, а то бы поостереглась.

— Да мы вообще о моей семье не говорили ни разу!

— Вот, значит, как она действует: чтобы потенциальный муж назад не оглядывался! Любовь нечаянно нагрянула... А вот Сидорчук наверняка всю твою подноготную изучил, поскольку даже не заспорил о должности для тебя. На сей пост действительно

много желающих среди нашей братии: и денег больше, чем в других редакциях, и ответственности меньше — всё шишки на спецов дядечка валит, мол, что с несмышлёных журналистов возьмёшь.

И, переполненная информацией, Даша побежала, вероятно, делиться ею с бухгалтершей, второй женщиной в редакции. Николай Иосифович её случайно видел в коридоре: вылитая церберша, неудачливая отставница КГБ. Наверняка, положена на номерном предприятии такая единица.

Выпив кофе и съев пару бутербродов, Николай Иосифович с тоской посмотрел на телефонный аппарат: звонить было нужно, но ужасно не хотелось! Хорошо хоть, что между его городом и этим существовал автоматический набор, через телефонистку подключаться он вообще бы не стал. Пару раз тяжело вздохнув, Кривоносов решительно набрал код, а вот перед номером запнулся. С кого начать? Посмотрел на часы: отец уже в управлении, не стоит на работе подобные разговоры вести, лучше вечером домашний номер наберёт — вдруг повезёт на маму попасть. Ирина сейчас в школу Серёжку собирает — тоже зря не следует беспокоить. Слезы к тому же начнутся... Кривоносов впервые подумал, каково-то им сейчас там, получается, что брошенным, и горько скривился. И тут же воспрянул: давно надо было дружку Гурулю обо всё рассказать! Владька сумел бы всех, кого нужно, и проинформировать, и успокоить. Не зря, выходит, народом придумано, что русский мужик задним умом крепок.

Уже в радостном настрое набрал знакомый редакторский номер и весело — на суровое: «Слушаю!» — прокричал:

— Привет, бродяга!

— Ха, — узнал Николая Иосифовича дружок сразу. — Если я бродяга, то ты тогда кто? Предатель получаешься. А с предателями я не намерен общаться! — и — бряк! — трубкой по столу сначала, а потом связь прервалась — положил, наверное, трубку на место.

Потом затрясся Кривоносовский аппарат — Владислав Николаевич, похоже, опомнился. Нет, это телефонистка сообщала, что за состоявшийся разговор в 17 секунд плата взимается, как за минуту.

«Ну и чёрт с ними, с минутами, — мрачно подумал Николай Иосифович. — Буду набирать, пока не поговорим». Насколько знал он приятеля, тот теперь сопит и великую думу думает: то ли на узле связи поинтересоваться, с какого номера был звонок, то ли подругу Зоеньку подключить к поиску. Та по своим каналам без длительных объяснений обойдётся. Решил, что лучше пожалеть дружка, набрать снова знакомые цифры.

— Мог бы и не тратиться, теперь тебе много денег понадобится: с молодой женой, да без маминой помощи, — на этот раз Гуруль трубку не бросил. — Наверное, решил, что мы тут всех твоих координат не знаем? Да ещё вчера все на столе передо мной лежали! А у Иосифа Петровича, уверен, — на две недели раньше.

— Что же не позвонил? — искренне удивился Кривоносов.

— Да ты совсем ум потерял! — Гуруль почти кричал. — На бабу повёлся, всех бросил, а мы ещё ему и звони! Ну, засвербело у тебя в одном месте, ну, покрути ты курортный романчик, коли одинёшеньким оказался в кои-то веки, никого знакомых под боком! А ты что творишь?! Друга бросаешь, папе с мамой ни слова, и, главное, даже Серёжку не пожалел. Я уж об Ирине не говорю. Фотографию твоей новой крали нам во всех видах представили, и в цвете, заметь: так Ирина получше! Все, как один, в этом мнении сошлись. И ребята из КГБ так сказали, и Зойка моя, не говоря уж о твоих родителях.

Вот вернёшься, я тебе расскажу, как нужно с женщиной обращаться, чтобы она и к другому не убежала, и ты бы к ней не остыл никогда.

— Что, стихи читать? Так я Ирине каждый день читал, а Тае всего два раза.

— Дурак ты, и зря не лечишься! Причём здесь стихи?! Нетелефонный это разго-

вор. В общем, оформил я тебе отпуск без содержания на две недели, так что постарайся в этот срок уложиться. А лучше всего завтра вылетаю, мы тебе на всякий случай, начиная с сегодняшнего вечернего, на каждый рейс бронь заказываем. Да не бойся, не за счёт редакции, а за счёт управления батяниного. Тем более, нам сообщили, что твоя новая в командировку умотала на три дня. Черкни записочку как журналист, мол, прости, любимая, и спасибо за всё.

И домой звонить не надо, чего их зря до смерти доводить? На твоей, учти, совести, будет. От Ирки одна тень осталась, Тамара Ивановна на стационаре. Иосиф Петрович пока, правда, держится, но, боюсь, что сломается, придумывая ответы на неизменный Серёжкин вопрос: «Ну когда же папа приедет?»

Знал Николай Иосифович, что подвирает Гуруль, усугубляет для важности страдания семьи. Ну, не спрашивает, абсолютно точно, Серёжка об отце. Не в его это характере — гордый, как и все они, кстати.

— А если это любовь? — внутренне сдаваясь под напором друга, спросил Кривоносов.

— Да какая может быть любовь, если знаешь, сколько много людей из-за твоего отсутствия страдают?! А ты теперь в курсе, я тебя предупредил. И не надейся даже на следующие подвиги в той же койке. Слово даю, что не сможешь ни хрена, когда уляжешься со своей незаконной новой бабой, а не с женою. Веришь?

Конечно, верить не хотелось, но как-то так раньше получалось, что Гуруль в принципиальных случаях всегда оказывался прав. Правда, споры вопросов любви никогда не касались.

Решил дожидаться Таю и проверить. Но она даже не позвонила вечером из своей экстренной командировки. В голову лезли нехорошие мысли: то насчёт любимой в объятиях Сидорчука, то виделись сидевшие в ряд и плачущие в один голос родные... Из кошмара вытащил звонок в дверь. Сразу захлестнула радость: значит, Тая ночевать домой вернулась, к нему! Кинулся к входной двери, чтобы побыстрее открыть внутреннюю защёлку, с внешней стороны ключу не подвластную...

Увы, за дверью стоял незнакомый мужик в лётной форме, а вовсе не Тая!

— Кривоносов Николай Иосифович? — спросил, как будто не сомневался, что видит именно его. — Вам письмо. Если после прочтения захотите уехать отсюда домой, наша машина, белая «Волга», ждать вас будет у подъезда десять минут. Не больше.

Николай Иосифович не стал вступать в разговор, тем более, что лётчик уже спустился по лестнице вниз. Письмо оказалось тоненьким, конверт не подписанным, но заклеенным. Не случись сегодняшнего разговора с дружкой, решил бы, что рассерженный отец расстарался насчёт документов. А тут неизвестно, что и думать. С опаской оторвал полоску сбоку и вытащил из конверта свёрнутый вчетверо тетрадный листочек в клеточку. Развернул. Письмо написал Серёжка:

«Здравствуй, дорогой папа!» — выведено сначала очень старательно, затем и буквы, и строчки поехали вкривь и вкось.

«Ага, — понял Кривоносов, — у кого-то из взрослых спросил, как пишется обращение, а дальше решил сам. Или никто не захотел сыну помогать, что вероятнее».

«Я очень скучаю без тебя. Так правильно? А то бабушка сказала, что надо говорить скучаю за тобой, но я думаю, что это неправильно. А ты разве нас теперь совсем не любишь? Мама всё время плачет и говорит, что ты теперь чужой тётке стихи читаешь. И ещё она сказала, что никакой ты не поэт, а стихи те написал какой-то там Шекспир. Она специально тебе не говорила, чтобы тебя не расстраивать. И книжку мне показала. Интересно, а твоя новая тётя знает, что стихи сочинил не ты, а Шекспир? Если знает и не говорит, то молодец. Так я думаю. Но всё равно скучаю. Если тебе разрешит твоя новая тётя, то ты хоть раз в неделю пиши мне. Если адрес забыл, напиши в редакцию, дядя Гуруль сказал, что мне передаст. Досвидание. Твой сын Сергей».

Николай Иосифович не знал, то ли заплакать, то ли засмеяться. Всегда был уверен, что Ирина признавала авторство сонетов за ним, тем более, что некоторые строчки он изменил, сообразуясь с временем и ситуацией. А вот Тая, бесспорно, уверена, что новый любимый — поэт, и причём не очень даровитый, хотя заканчивала филологический, а не юридический, как Ирина. Что предпочтительнее в данном случае?

Словно столбняк охватил его. Кривоносов застыл безвольно, без единой мысли в голове. Но вот одна прорезалась.

— Ох! Наверняка десять минут прошло! Вдруг уехали уже?

Схватив свой не разобранный до сих пор чемодан, Николай Иосифович, торопясь, накинул плащ, закрыл дверь на один оборот ключа, сунув связку в руки любопытствующей соседке, высунувшейся на площадку, и, не слушая, о чём та спрашивала, бегом выскочил из подъезда. Машина ещё не уехала.

— Как знали, решили ещё подождать, — с некоторой долей снисходительности произнёс давешний посетитель. — А теперь, Коля, гони, как бы к рейсу не опоздать!

И Коля погнал так, что Кривоносов не успел даже оглянуться, как выехали на трассу, ведущую к аэропорту. Там тоже нигде не задержались: прямо к трапу самолёта подвезли Николая Иосифовича и, не спросив билета, усадили на первый свободный ряд.

Всю дорогу домой мучила его одна-единственная мысль: ну что стоило написать Тае пару слов вместо того, чтобы столбом столько времени простоять?! Успокоился лишь надеждой, что женщина обязательно вспомнит прочитанные только вчера строки:

*Ни трепет мой, ни всех миров пророк,
Глаголющий о тайне бесконечной,
Не скажут мне, какой отпущен срок
Моей любви и тленной, и не вечной...*

Тае стихи не понравились, она хотела, чтобы их любовь оказалась вечной. А сама уехала без предупреждения в надуманную командировку с Сидорчуком. Так что же получается? Действительно, обычный курортный роман, правда, немного далеко зашедший. И конец его получился вполне предсказуемым.

Родные встретили Кривоносова дома как ни в чём не бывало, видно, сговорились. Только Гуруль, на правах старого друга, после праздничного ужина, устроенного по случаю возвращения Николая Иосифовича из отпуска, отозвал того в пустую Серёжину комнату и, стараясь, чтобы после выпитого голос звучал твёрдо, сказал:

— Помнишь, я тебе по телефону говорил, что научу навсегда оставаться верным одной любимой женщине? Слушай и запоминай, больше никогда не повторю. Конечно, можешь ей и стишки свои дрянные читать, и слова красивые произносить, но не это главное. Главное: люби её всегда, как будто вы единственные на свете мужчина и женщина. И любовь эта происходит у вас в последний раз. Именно всегда — и именно в последний раз!

ЮЛИЯ ОЛЬХОВСКАЯ

Между Богом и злом

К музе

Обессиленных струн удар.
Не пойму твоего напева,
Слишком грешен твой лик и стар,
А мне думалось, что ты — дева.

Не скрипеть на луну клыкам —
Скрип иной: запахнулась клетка.
Неподвластна стрела рукам,
А когда-то летела метко.

И престольный стоял мой град,
Неповерженным стягом рея.
Я прошу, ты не стой у врат —
Здесь недуг Дориана Грея.

ОЛЬХОВСКАЯ (Знайденко) Юлия Александровна. Родилась 8 июня 1987 г. в г. Шелехове Иркутской области. Окончила факультет филологии и журналистики Иркутского государственного университета. Лауреат областной конференции «Молодость. Творчество. Современность»-2008. Автор книги стихов *«Между тенью и светом»*. Живёт в Шелехове.

Болотная

И долго крики слышались оттуда.
Ответил, что в колодец не плюют.
Но снова повторял народ: «Иуда!»
Не думал он, что всё-таки убьют,
И свиток протянул им напоследок.
Сожгли они тот свиток, не прочтя.

(Вот так же шёл на брата глупый предок,
Полцарства за предателей сочтя.)
А после подошли они к колодцу
И молвили: «Что было, то прошло.
Давайте будем радоваться солнцу!»
Но солнце в это утро не взошло...

Вездесущая Ева

А. И.

Древа жизни ты ведала шелест,
Реку жизни волнуя веслом.
Кто б ни царствовал — Зевс или Велес,
Ты была между Богом и злом.

Пётр, Павел, Фома и Иуда —
На один пресловутый трофей.
А ты чтишь древних идолов чудо —
Магдалину, Сиддхартху и фей.

Ты не лаврами — музыкой славись
В неделимости зла и добра.

Создана из лирических клавиш,
И мужского не надо ребра.

Золотые плоды твои, Ева,
И Адама беспечность и ложь!
Не тая справедливого гнева,
Стала часто ты братья за нож.

Нынче в стае сменился обычай —
Кровь Адама течёт через край.
Ад подарен давно Беатриче,
А к тебе возвращается рай.

Линии

Две рельсовые линии в пространстве,
И снова синий поезд полетел.
Бессмысленна стезя мятежных странствий,
Но будет ли скитаниям предел?

Ты слёзы вытираешь временами
Лоскутиком намокшего сукна.
Лицо твоё обласкано ветрами
В вагоне у открытого окна.

Колышутся распушенные косы,
И светится их медная руда.
Две линии очей твоих раскосых
Вливаются в столбы и провода.

Колёса так безжалостны в погоне,
Что, кажется, вбивают гвозди в гроб.
Твои заледеневшие ладони
В смятении обхватывают лоб.

И с бешеностью встречного состава
Кровь яростно пульсирует в висках,
И сердце убивает, как отраву,
Любовь твоя, зажата в тисках.

Но станет очень скоро горше яда
Насилие убийственной езды,
И зеленью измученного взгляда
Одаришь ты сияние звезды.

Потом твои опустятся ресницы
В зачитанную книгу Морюа,
И пальцы перелистывать страницы
Под стук железный будут до утра.

А в полдень, в суматохе полустанка,
Раскроешь ты ладони на свету.
По линиям правдивая цыганка
Надежд твоих поведает тщету.

До срока

В этот вечер, бесспорно, похожий
На осенние все вечера,
Равнодушно свет падает Божий
Точно так же, как падал вчера.

Точно так же Прекрасные Дамы
Шли про Золушек фильмы смотреть,
А в домах снова чистили рамы
Те, кому себя некуда деть.

Дед на улице Мира ругался,
Он за мир по привычке здесь пьёт.
Сорок лет он так честно спивался,
Здесь достойно потом и умрёт.

Красотой загорелого стана
Его правнука в бар завлекут,
И рука не удержит стакана,
Ну а ноги домой не пойдут.

Как в бреду, на шатре небосклона,
Словно красное знамя, — закат,
На сосне чёрный молот — ворона.
Так всё было и сто лет назад.

Не исчезла кровавая пена
С берегов потемневшей Невы.
И кругом и «обман», и «измена»* —
Как слова Его были верны!

А земля так же полнится слухом,
И отравами кормится твердь.
Снится молодость дряхлым старухам,
Снится девушкам скорая смерть.

Только спится безумцам-поэтам...
И наутро напишет рука
Слово «Царь»... но не надо об этом.
Да, не надо об этом... Пока.

России

Мнится мне, что я тебя не знаю,
Или, может быть, не признаю.
Мнится, что приду и сяду с краю,
Рядом с побеждёнными в раю.

Мнится, что когда клыками рану
Ловко нанесёт Аидов пёс,
Я тебя оплакивать не стану —
Ни молитв не стоишь ты, ни слёз.

Может быть, не думая о многом,
Встанешь на скрещении дорог
Где-то между дьяволом и Богом —
Ближе будет дьявол, а не Бог.

Может, он пленит тебя любовью, —
Внемлешь ты обманчивым речам.
Яростно сияют звёзды кровью
В небе равнодушном по ночам.

Мнится мне, не зря так звёзды блещут,
Может быть, тебя ещё не раз
В серп загнут и молотом захлещут...
Но довольно этих страшных фраз!

Может быть, не ходишь ты по краю —
Господу по-прежнему близка.
Мнится мне, что я тебя не знаю
И не признаю тебя пока.

*«Кругом измена, и трусость, и обман» — запись из дневника российского Императора Николая II, сделанная им в день своего отречения от престола — 2 марта 1917 г. (примеч. автора).

* * *

А сирени пылающий куст
За двоих нас распустится ныне.
Но алтарь моей юности пуст,
Будто юности нет и в помине.

Ещё чувствую сердце в груди,
Но зачем оно бьётся — забыла.
Мне твердят: «Всё ещё впереди»,
Но я знаю, что всё уже было.

И никто не узнает, никто,
Что сбылось, в чём тоска и отрада.
Благодарна я Богу за то,
Что теперь ничего мне не надо.

Мой удел с этих дней: не искать,
Не желать, не гадать и не числить.
Меня жизнь научила не знать,
А любовь научила не мыслить.

Мне не путь был назначен, а грех,
И он пройден, а вместо ответа
Пусть звенит истерический смех,
Может быть, мне простится и это.

Я мертвее, чем труп, но живу,
Божий суд так мучительно долог.
Сколько смерть я к себе ни зову —
Не придёт и не спустит свой полог.

Я слаба, чтоб в отчаянье впасть,
Нет ни боли давно и ни злости,
И покой во мне громче, чем страсть,
Но безмолвной, чем плач на погосте.

И мне радость осталась одна —
Уповать на надгробные плиты
И смотреть, как сирень зацвела
На могиле моей Маргариты.

Бесы

Не вносите фонарь во мрак —
Нынче всякий на сумрак падок.
И красив, и здоров дурак,
А у гения вновь припадок.

Он услышит, припав к золе:
На земле и под нею — бесы.
Так не лучше ли быть в земле,
В тишину приподняв завесы?

О, я знаю, что вас знобит
От могил, мертвецов и ада,
Только солнечный рай убит,
Ведь светил вам давно не надо.

И смердит в темноте эфир
Повтореньем былых мгновений.
Красотой не спасётся мир —
Просчитался великий гений.

* * *

Подушку чёрным кружевом обшила,
Кляла любовь за длинную тесьму.
Под вой собачий ночью ворожила
И радовалась нежному письму.

За женские дела бралась не часто,
Но всё же я и женщина, и сеть*.

Как поздно ты прочёл Екклесиаста
И поздно, слишком поздно, выбрал смерть.

А мне остались чистая бумага,
Где стерлись все слова за пару лет,
Ненужное шитьё на дне оврага,
А рядом пса отвывшего скелет.

**И нашел я, что горше смерти женщина, потому что она — сеть, и сердце ее — силки, руки ее — оковы (из книги Екклесиаста. — Примеч. автора).*

Вне времени

Пред глазами вьюга проносилась,
В серых далях медлила заря.
Было это, или только снилась
Ель седая в стуже января?

Звуки были вкрадчивы и редки,
Тишина, казалось, длится век.
Мягкие узорчатые ветки
На ветру раскачивали снег.

На морозе я одна стояла.
Люди шли, смотрели на часы.
Ель ветвями тяжкими качала.
Ветки-лапы. Белые весы.

Как одна, недели пролетали.
Так одна стояла и стою.
Серые безжизненные дали
Туго опоясали зарю.

Ничего не помню, только смутно
Пред глазами кружится метель.
Серое злопамятное утро...
Белым запорошенная ель...

ГАЛИНА АХМЕТГАЛЕЕВА

Десять рублей

МИНИАТЮРЫ

Первые заработки

Во время войны мы года два жили у маминой сестрёнки Анны Михайловны. Она работала в пекарне, которая располагалась напротив её дома. Мне в это время было около четырёх лет. В особо тяжёлые дни, когда не оставалось даже крупы на похлёбку, тётя Аня в обеденный перерыв говорила: «Пойдём на заработки», брала меня за руку и вела в пекарню.

Дело в том, что я быстро запоминала стихи и знала наизусть содержание нашей единственной книги «Гуси-лебеди» — с колыбельными, присказками и прибаутками, со словами песен-игр. Мама учила меня рассказывать стихи громко и выразительно. Ещё с её подачи я выучивала стихи, которые помнила мама из довоенных книжек, когда-то читанных сестре. Среди них — целая поэма о Чукотке, мальчике Феде, сыне охотника, которого унесло на льдине в море, и его злоключениях... Заканчивалась эта история хорошо: его обнаруживали лётчики и возвращали отцу.

Я запомнила из разговоров взрослых, что пропускной режим в пекарне был строжайший, работниц буквально ощупывали на выходе, территория строго охранялась. Как пропускали в пекарню тётю Аню со мной — осталось загадкой.

АХМЕТГАЛЕЕВА Галина Гавриловна родилась в 1939 г. в Усуйриске. Окончила Областное училище культуры и филологический факультет Иркутского университета. Член Литературного объединения при Иркутском Доме литераторов. Выпустила два сборника стихов. Печаталась в журнале «Сибирь», коллективных сборниках. Живёт в Иркутске.

Пекарня замечательно пахла маслом и хлебом. Мы проходили в цех, где на столах всегда громоздились чёрные формы для выпечки хлеба. Тётя Аня ставила меня на белую табуретку. Вокруг располагались женщины в белых куртках и колпаках.

Я «выступала» столько времени, сколько его было у работниц... Помню, меня беспокоило, что часть женщин стояла сзади меня; поэтому я, потихоньку переступая, поворачивалась, чтобы и к другим зрителям оказаться лицом. А между тем стоять на высокой табуретке было боязно и без поворотов...

Но неудобства окупались с лихвой, когда все хлопали; меня снимали с табуретки, отламывали уголок буханки, который я тут же съедала. Тётя Аня вела меня домой, приговаривая: «Ну вот, мы и поработали... Ещё поживём...», и возвращалась в пекарню.

Я помню, что хлеб был очень горячим и липким; я даже обжигалась, когда его ела. По-видимому, мама обновляла к следующему выходу мой «репертуар».

Мои «заработки» закончились с нашим переездом на новое место — к Семёновым. А до конца войны оставалось ещё два долгих года...

Большая лепёшка

Однажды тётя Аня поспешно вбежала в дом, закрыла дверь на крючок и взволнованно попросила: «Раздевайте меня скорей!» Мама бросилась к ней, тётя Аня что-то ей сказала, и обе, счастливые, засмеялись.

Мама быстро задернула занавески на всех окнах и бегом вернулась к тёте Ане, которая уже снимала кофту... Я стояла и смотрела, ничего не понимая. От подмышек до пояса тетя была забинтована широкими марлевыми полосами, и мама, путаясь в началах и концах, начала их разматывать. Тётя Аня просила: «Снимай, я уже не могу!»

Было ясно одно: с тётей что-то случилось, но почему они с мамой такие весёлые?

И вдруг я увидела — о ужас! — что мама снимает с тела своей сестрёнки что-то, похожее на слой кожи, а под ним — ещё кожа, такая же белая и рябоватая, как и снятый слой!

Между тем снятую «кожу» тётя держала в руках, а мама быстро вытерла плиту на печке, и этот рябоватый слой женщины положили на плиту. Мама подбросила дров в печку, а тётя Аня начала одеваться...

И тут она увидела меня, испуганную и бледную, застывшую на месте, и сказала мне: «Подойди к печке, потрогай — это тесто. Сегодня мы будем есть большую лепёшку!»

С того дня я караулила у двери тётю Аню, приходящую с работы, но она ничего больше не приносила; проходила мимо меня, опустив глаза, усталая и бледная.

Прости меня, тётя Аня, что выдала тебя, несмотря на строгий запрет рассказывать об этом. Но тебя и мамы уже нет, а «мёртвые сраму не имут».

Спасибо тебе за лепёшку!

Ворона и мама

На картофельном участке стояли две лиственницы. Годы и постоянное подрезание корней лопатами сделали своё дело: деревья были корявые, без верхушек, с несколькими узловатыми ветками, удобными, однако, для вороньих гнёзд.

Мама подкармливала ворон, и они её хорошо знали; стоило ей показаться на огороде, как они начинали каркать и слетаться под деревья.

Однажды мама работала на грядке (а гряды были довольно далеко от картофельного поля). Неожиданно рядом с нею на грядку опустилась ворона с какой-то ношей в клюве и положила её перед мамой. Это был воронёнок, совсем маленький, ещё не оперившийся, с розово-голубой морщинистой кожей.

Мама взяла птенца в руки — он был без признаков жизни, наверное, выпал из гнезда и убили. Ворона стояла рядом, изредка переступая с лапы на лапу, и, поворачивая голову, глядела на маму то одним, то другим глазом...

«Я ничем не могу помочь, его уже не оживить. Зря ты на меня надеялась», — сказала мама и положила птенца на землю. Ворона ещё немного постояла рядом, продолжая глядеть на маму... Потом подхватила воронёнка и улетела.

Ворона на крыше

Был сильный ветер. Я подошла к окну и увидела, что на крыше гаража мотается, зацепившись за что-то, то ли чёрная растрёпанная птица, то ли большой целлофановый пакет. Предмет этот при порывистом ветре казался одушевлённым.

Я уже подумывала, не пойти ли мне на выручку, как вдруг увидела, что подмога уже пришла — на крышу, почти рядом с загадочным предметом, опустилась ворона.

Некоторое время она разглядывала-разгадывала предмет, потом решительно подошла к нему, ухватила клювом и начала тянуть. Ворона очень старалась: упиралась лапами, взмахивала крыльями... Лапы скользили по крыше, и тогда она почти падала на хвост; пробовала тянуть в сторону.

Наконец она оторвала лоскут от неизвестного предмета и, опустив голову, очевидно, решала, что это такое. Потом почистила клюв, освобождаясь от куска то ли целлофана, то ли ткани, посмотрела ему вслед, когда он, подхваченный порывом ветра, пластично парил в воздухе... А потом улетела сама.

Десять рублей

Наконец-то я на Центральном рынке и могу всё купить для борща! Настроение было прекрасное, невзирая на то, что усиливался ветер и накрапывал дождь... Ничего, не размокну, совсем близко остановка, на которой не меряно маршруток, да и автобусы ходят довольно часто. Итак, что купить? Виллок капусты, свёклу и морковь, зелень. Овощи заняли место в моей сумке; сверху лохматилась петрушка и запашистый укроп.

Довольная собой, я вышла из здания рынка и пошла к остановке, подгоняемая ветром. Вот и остановка. А вот и автобус — как по заказу. Какое-то смутное беспокойство заставило меня проверить карманы, прежде чем подняться по ступенькам... Необходимых для проезда десяти рублей не было.

Я отошла от двери, ещё раз проверила карманы куртки, все отделы в сумке... Нашла один рубль. Вот это номер! Как же это я не отложила десятку, покупая продукты!

Я медленно прошла по обширной площадке при парковке транспорта, внимательно разглядывая землю: может, кто-нибудь обронил монеты. Я и сама иногда их роняю и почти никогда не поднимаю, но кроме впечатанных в землю пробок ничто не привлекало внимания.

Придётся поискать знакомых среди входящих и выходящих пассажиров моего маршрута. Уже три автобуса и несколько маршруток укатили в мой район, но никого из знакомых я не встретила. Между тем заметно холодало, косой дождь намочил мою куртку. Я спряталась за рекламный щит и выглядывала, когда появлялся транспорт.

Рядом остановилась девушка-китаянка, она кого-то ждала. Я вспомнила о страсти китайцев к овощам и зелени и решила обратиться к ней: «Девушка, я купила хорошие продукты, но не рассчитала, и мне не на что уехать домой. Вы не купите эту зелень хотя бы за десять рублей?» Я раскрыла сумку, она заглянула и сказала: «У меня нет мелких денег». По её лицу я поняла, что она мне не поверила. Через какое-то время она обсуждала мою проблему с молодым соотечественником; он холодно и недоверчиво разглядывал меня... Потом они уехали.

Может быть, мне вернуться на рынок, пристроиться в торговом ряду и попытаться продать овощи? Но я этого никогда не делала.

Я начала перебирать в памяти своих знакомых — может быть, кто-то живёт или работает в районе рынка... Таковых не оказалось.

Подожёл автобус нашего садоводства — у меня появилась надежда... Единственные, кого я узнала, была супружеская пара; я шагнула к ним — они удивленно на меня посмотрели, очевидно, не узнали. Может быть, съездить к дочке на работу? И самой стало смешно — на какие деньги съездить?

Мелькнула спасительная мысль: у меня же есть «стипендиатка», интеллигентного вида старушка, которая сидит с баночкой на стульчике и которой я всегда подаю. Обычно она видит меня издалека, приветливо улыбается, благодарит и желает мне здоровья, а если я не тороплюсь, то на минутку задерживаюсь возле неё с разговорами о погоде, пенсии, житье-бытье. Я вышла из-за щита и с новой надеждой поспешила к Торговому комплексу. Моей знакомой на старом месте нет — дождь! Я нахожу её с другой стороны, под крышей. Она, кажется, меня узнала. Улыбается мне навстречу. Я здороваюсь и говорю: «Ну вот, настала пора, когда и вы можете мне помочь... Мне нужно десять рублей, чтобы уехать домой... Дайте мне займы, я вам завтра верну вдвойне. Я ведь всегда вам помогаю». Она перестаёт улыбаться, но протянутую руку всё ещё держит ладонью вверх и начинает мне жаловаться, что замерзла и хочет есть... Я предлагаю ей сосиску в тесте, которую купила для внука. Она отказывается и снова жалуется, теперь уже на милиционера, который гонит её со старого места. Я ещё раз прошу выручить меня... Уходя, слышу повторение жалоб.

Возвращаюсь к своему щиту окончательно измокшая. Не зайти ли мне в «Ремонт обуви» или ближайший магазинчик? Может быть, там выручат? Стою ещё минут пятнадцать — промерзла насквозь — знакомых нет как нет.

Захожу в маленький магазинчик; буду просить или нет — ещё не знаю, но хотя бы погреться. Делаю вид, что рассматриваю продукты... Покупателей нет, надо решаться. «Девушка, дайте мне займы до завтра десятку — не рассчитала, всё потратила на продукты, и не на что уехать домой. Я вам завтра верну». «Во-первых, магазин не мой, да и завтра я не работаю... Ну ладно, оставьте какой-нибудь документ, паспорт, что ли...» Документа у меня не оказалось, и я ни с чем вернулась под дождь. Если бы не он, я бы ещё долго стояла, высматривая знакомых, но обстановка была критическая: ноги сводило судорогой, руки покраснели и отекли.

Подожёл автобус, я вошла и произнесла уже отрепетированную речь насчет продуктов и денег... Водитель улыбнулся и сказал: «Да ладно, садитесь, довезу». Я уселась на место и почувствовала себя счастливой.

ПОЭЗИЯ

МАРИНА ШАМСУТДИНОВА

Мне луна ярче солнца светила...

* * *

Душу пуговицей пришью,
Чтоб не дёргалась под рубахой.
Вам легко — нелегко бабью
Быть прибитой к постели-плахе.

Быть пришпиленной, как гвоздём,
Той занозой, что мёда слаще.
Мы за это под суд пойдём:
«Тише, жёстче, быстрее, чаще».

За бессмысленный горловой
Звук, что ранит мечом звенящим,
Платим собственной головой,
Прошлым, будущим, настоящим.

Скажешь, бросовая цена?
Скажешь, вовсе продешевила?
Чёрной ночью свеча одна
Мрак раздвинула — я любила...

ШАМСУТДИНОВА Марина Сагитовна родилась в 1975 г. в Иркутске. В 2003 г. окончила Литературный институт им. А.М. Горького (мастерскую Станислава Куняева). Автор четырёх книг стихов: «Солнце веры» (2003), «Нарисованный голос» (2007), «Дань за 12 лет» (2010), «Стихи» (2011). Печаталась в журналах «Наш современник», «Сибирь», «Созвездие дружбы», «Первоцвет», «Огни Кузбасса», «Московский вестник», «Викинг», «Литературная Вена». Лауреат поэтической премии им. Юрия Кузнецова за 2010 г. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

* * *

Хочется маленькую любовь, с ладошку,
Смаковать её, как печёнку, за крошкой крошку.

А досталась любовь — огромное тучи снежной,
Не песчинка-пушинка, не цветик простой, безмятежный.

Так грохочет, что даже глухому слышно,
Так топочет — не скроешь, да ну конспирацию в дышло!

Заковать бы в бетон, удержаться, чтоб в рамках приличий.
А она так поёт! — оглушает, как остров птичий.

От кого скрывать, коль бушует такая громада?
Только кости ломать, да под душем её водопада.

Я хотела любовь, как микстуру, да чайною ложкой.
Выпиваю теперь океан ненасытной ладошкой...

* * *

*Коля, Коля-Николай,
Сиди дома, не гуляй...
Из песни «Валенки»*

Рукой-лопатой бантики вязать,
Изысканное кружево сетей.
Пяять, строгать... «Согласен, только «за» —
Так делают нечаянно детей...
Так занимаются любовью невзначай,
Нежданные объятья и тепло.

Фильм интересный, не переключай.
Я в главной роли, мне не повезло.
Увязла, словно бабочка в меду,
Твоих волос манит пшеничный шёлк.
«По снегу, босиком к тебе иду»
Лет с десяти. Мотор. Отснято. Щёлк...

* * *

Волчище, воющий на солнце,
Забывший про луну-жену,
Твой радиоактивный стронций
Залью любовью и кольну

В то недоступное, живое,
Что прячется под грубый мех.
Твоё я солнце золотое,
Меня должно хватить на всех.

Ты белым днём меня ревнуешь,
Луною солнышку не стать.

Похитишь с неба и задуеть,
Уложишь молча на кровать.

До белого взведёшь каленья,
Пусть ледяною станет страсть,
В огонь любви летят поленья...
Твоя оскаленная пасть

Вдруг превращается в улыбку,
А лапы — в пару нежных крыл,
Чтоб солнца золотую рыбку
Ты на день в небо отпустил.

* * *

Может быть, наелась мухоморов,
Ведьминой опоена водой,
Если между кротких, нежных взоров
Выбрала жестокий, волчий, твой?

Серые, огромные, любимые...
Пара глаз — две стикские волны.
Провода под током оголимые.
Смертные с тобой мне снятся сны...

Финист-сокол

Неделимый —
 делить себя просишь.
Несравнимый —
 всё ищешь сравнение себе.
Несносимые туфли железные носишь.
Хлебы каменные в торбе.
Филин-сокол, Финист мой ясный.
Феникс огненный над водой.

Путь нехоженный, мостик грязный.
Пара досточек над бедой.
Не прогнулась, не изломалась,
Размолочила ковриги в труху.
На чём в теле душа держалась?
Я признаюсь как на духу.
Мне луна ярче солнца светила.
Я любила тебя дебила...

* * *

Скоморошничает убивец
У кремлёвских кровавых врат.
Люди всхлипывали — кормилец,
А бояре шептали — брат!

Обманули, околдовали,
Охмелили и заплели,
Пушки в вилки перековали,
На тарелки пошли корабли.

Руки Гришеньке целовали,
Дмитрий, угличская звезда,
Белобрысой полячке-краве,
Чтобы сгинула, два перста.

Русь, лежишь, словно стол накрытый,
Хоть какую землицу бери,
Самозванец пирует сытый,
Почитай, уже срока три.

Ложь опутывает знамёна,
В паутине глаза Христа,
Часто, Русь, ты была пленёна
И в гноище была чиста.

Терпеливица, гнев бунтарский,
Всем обидам ведаешь счёт.
Русский щит, ну а меч татарский,
Да с кровавой дудкой — полёт!

Масбиха

Моей бабушке

Масбихе Селимовне Шамсутдиновой

Золотая Орда и донская степная весёлость
В мою душу запали тяжёлым и сытным зерном.
Где могилы мои, где черта, под которой осёдлость,
И в какой стороне настоящий бревенчатый дом.

Дождевые ручьи намывают у хаты ракетку,
На донском солнцепёке лениво лежат кавуны,
Вятский прадед Петро в небытие колыхал мою зыбку,
Растворяясь бесследно в горниле Великой Войны.

А мой прадед Селим подарил за меня кобылицу,
Чтоб женой его стала святая башкирка Айну.
Чтобы холить её, ублажать как глазастую птицу,
А пришлось накормить своим мясом Ворону-войну.

Сирота, вот такая у бабушки национальность,
Деревенский детдом, хлеб из липы, салат из травы,
Никому не нужны ни талант, ни её музыкальность,
Дети ищут картошку среди полусгнившей ботвы.

Масбиха́, моя бабка звалась незатейливо — Маша,
Переводчица с русского в диком башкирском селе,
Даже поле ромашек ей виделось манною кашей,
И от голода снились тарелки бараньих котлет.

Язычок, словно бритва, срезал деревенских нахалов,
Здесь никто не подарит охапки тургеневских роз,
Нормировщица, рубщик — призёр лесосплавов,
Получила на выбор Педи-Вари-Тубер-кулёз.

Трёх детей родила, и чахотка её не скосила,
Штукатурила, мыла, стирала соседкам бельё,
С прибауткой жила, в ней скрывалась певучая сила,
Первой внучке — Марине дарила умение своё.

На добро отвечать широтою души, до отказа,
Поделиться последним, за слабого голос подать,
Не бояться молвы и худого поклёпа и сглаза,
Беспокойную душу с рассветом пускать полетать.

А потом возвращаться в такое обычное тело,
Снова нянчить и мыть, между делом молитву творить,
Не проснулась однажды, как птица в зенит отлетела,
Чтобы правнучке Вареньке душу и мир уступить.

Пусть и в ней прорастёт вся казацко-степная порода,
Милосердие бабушки, дедова тяга к вину,
Виноградник подвяжем и вновь нарожаем народа,
Только горько и страшно, а вдруг уходить на Войну?

* * *

Они приходят в каждом поколении,
Герои, что за Родину горой.
За рюмкой прозябают в праздной лени,
Пока не грянет их последний бой.

Глянь, буйствуют, куражась, в увольнении,
Кто больше выпьет водки из ковша.

Матросова, Космодемьянской тенью,
В них колобродит русская душа.

Беспутники, балбесы, уголовники,
Что на спор мнут засаленный пятак,
Из рядовых пробьются в подполковники,
За Родину полягут просто так...

Счастье

Счастье — это крем-брюле,
Полная тарелка вишни,
Снег липучий во дворе,
На концерт билетик лишний.

Счастье — с сыром колбаса,
Выходные в воскресенье,
Счастье — летняя гроза,
Солнечный денёк осенний.

Счастье — бабушкин пирог,
С земляникой и корицей,
Счастье — свадебный чертог
И любимой покориться.

Счастье — чистая вода,
И букет цветов на сдачу,

Не промокнуть без зонта,
Самому решить задачу.

Счастье — это в мире жить,
На просвет не знать калибры,
Платье выпускное шить,
Наблюдать в саду колибри.

Счастье — в зверя не попасть,
На охоте промахнуться,
Сунуть тигру руку в пасть,
Испугаться и проснуться.

Счастье — слов не хватит для,
Пусть бы вечно список длился...
Не пугай меня, Земля,
Я для радости родился!

Носки из одуванчика

Одуванчикову пряжу
Летний день на спицах вяжет,
Чтобы дедушка мороз
Выгнал остеохондроз.

На опушке и в канаве,
Возле дома бабы Пани,
Сплошь пушистые головки —
Все на пухозаготовки!

Собирать в мешок пушинки
Для Андрюшки и Иринки!
Пусть навяжет баба Паня
Одуванчиковы одеянья.

Шарфики, носки и шали,
Чтоб прохожие гадали:
Из чего это шарфик у мальчика?
Ну, конечно, из одуванчика!

Пионерское лето

Не хватало в стране туалетной бумаги,
Древесину толкли на заветные книги,

На «Зарнице» срывали погоны в овраге
И по-братски делили с врагами ковриги.

За пятнадцать копеек любимых поэтов
Покупали на завтрак, обед и на ужин.

Если сыты духовною пищей всё лето,
Туалетной бумаги рулончик не нужен.

«Он не творил — он с Богом говорил»

ЕВГЕНИЙ БАРАТЫНСКИЙ

* * *

Когда твой голос, о поэт,
Смерть в высших звуках остановит,
Когда тебя во цвете лет
Нетерпеливый рок уловит, —

Кого закат могучих дней
Во глубине сердечной тронет?
Кто в отзыв гибели твоей
Стеснённой грудью восстонет?

И тихий гроб твой посетит,
И, над умолкшей Аонидой
Рыдая, пепел твой почтит
Нелицемерной панихидой?

Никто! — не сложится певцу
Канон намеренным Зоилом,
Уже кадящим мертвецу,
Чтобы живых задеть кадиллом.

1843

НИКОЛАЙ ОГАРЁВ

На смерть Лермонтова

Еще дуэль! Еще поэт
С свинцом в груди сошел с ристанья.
Уста сомкнулись, песен нет,
Все смолкло... Страшное молчанье!
Тут тщетен дружеский привет...
Все смолкло: грусть, вражда, страданье,
Любовь — все, чем душа жила...
И где душа? куда ушла?

Но я тревожить в этот миг
Вопроса вечного не стану;
Давно я головой поник,
Давно пробило в сердце рану
Сомненье тяжкое, — и крик
В груди таится... Но обману
Жить не дает холодный ум,
И веры нет, и взор угрюм.

И тайный страх берет меня,
Когда в стране я вижу дальней
Как очи, полные огня,
Закрылись тихо в миг прощальный,
Как пал он, голову склоня,
И грустно замер стих печальный
С улыбкой скорбной на устах,
И он лежал, бездушный прах.

Бездушной праха перед ним
Глупец ничтожный с пистолетом
Стоял здоров и невредим,
Не содрогаясь пред поэтом,
Укором тайным не томим;
И, может, рад был, что пред светом
Хвалиться станет он подчас,
Что верны так рука и глаз.

А между тем над мертвецом
Сияло небо, и лежала
Степь безглагольная кругом,
И в отдалении дремала
Цепь синих гор — и все в таком
Успокоенье пребывало,
Как будто б миру жизнь его
Не составляла ничего.

А жизнь его была пышна,
Была роскошных впечатлений,
Огня душевного полна,
Полна покоя и волнений;
Все, все извела она —
Значенье всех ее мгновений
Он слухом трепетным внимал
И в звонкий стих переливал.

Но века своего герой,
Вокруг себя печальным взором
Смотрел он часто — и порой
Себя и век клеймил укором,
И желчный стих, дыша враждой,
Звучал нещадным приговором...
Любил ли он, или желал,
Иль ненавидел — он страдал.

Сюда, судьба! ко мне на суд!
Зачем всю жизнь одно мученье
Поэты тягостно несут?
Ко мне на суд — о провиденье!

Века в страданиях идут, —
Или без всякого значенья
И провиденье, и судьба —
Пустые звуки и слова?

А как бы он широко мог
Блаженствовать! В душе поэта
Был счастья светлого залог:
И жар сердечного привета,
И поэтический восторг,
И рай видений, полных света,
Любовью полный взгляд на мир,
Раздолье жизни, вечный пир...

Мой бедный брат! Дай руку мне,
Оледенелую дай руку,
И спи в могильной тишине.
Ни мой привет, ни сердца муку
Ты не услышишь в вечном сне,
И слов моих печальных звуку
Не разбудить тебя во век...
Ты глух стал, мертвый человек!

Развеется среди степей
Мой плач надгробный над тобою,
И высохнет слеза очей
На камне холодном... И порою,
Когда сойду я в мир теней,
Раздастся плач и надо мною,
И будет он безвестен мне...
Спи, мой товарищ, в тишине!

Сентябрь 1841

СТЕПАН ШЕВЫРЁВ

На смерть Лермонтова

Не призывай небесных вдохновений
На высь чела, венчанного звездой;
Не заводи высоких песнопений,
О юноша, пред суетной толпой.
Коль грудь твою огонь небес объемлет
И гением чело твоё светло, —
Ты берегись: безумный рок не дремлет
И шлёт свинец на светлое чело.

О горький век! Мы, видно, заслужили,
И по грехам нам, видно, суждено,
Чтоб мы теперь так рано хоронили
Всё, что для дум прекрасных рождено.

Наш холодный век прекрасного не любит,
Ненужного корыстному уму,
Бессмысленно и самохвально губит
Его сосуд — и всё равно ему:

Что чудный день померкнул на рассвете,
Что смят грозой роскошный мотылёк,
Увяла роза в пламенном расцвете,
Застыл в горах зачавшийся поток;
Иль что орла стрелой пронзили люди,
Когда молодой к светилу дня летел;
Иль что поэт, зажавши рану груди,
Бледнея, пал — и песни не допел.

1841

АПОЛЛОН МАЙКОВ

На смерть Лермонтова

И он угас! и он в земле сырой!
Давно ль его приветствовали плески?
Давно ль в его заре, в её восходном блеске
Провидели мы полдень золотой?
Ему внимали мы в тиши, благоговая,
Благословение в нем свыше разумея, —
И он угас, и он утих,
Как недосказанный, великий, дивный стих!

И нет его!.. Но если умирать
Так рано, на заре, помазаннику Бога, —
Так там, у горнего порога
В соседстве звёзд, где дух, забывши прах,
Свободно реет ввысь, и цепенеют взоры
На этих девственных снегах,
На этих облаках, обнявших сини горы,
Где волен близ небес, над бездною зыбей
Лишь царственный орёл да вихорь беспокойный, —
Для жертвы избранной там жертвенник достойный,
Для гения — достойный мавзолей!

Сентябрь 1841

ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ

К портрету М.Ю. Лермонтова

Ты нам казался сумрачным и властным,
Безумной вспышкой непреклонных сил;
Но ты мечтал об ангельски-прекрасном,
Ты демонски-мятежное любил!

Ты никогда не мог быть безучастным,
От гимнов ты к проклятиям спешил,
И в жизни верил всем мечтам напрасным:
Ответа ждал от женщин и могил!

Но не было ответа. И угрюмо
Ты затаил, о чём томилась дума,
И вышел к нам с усмешкой на устах.
И мы тебя, поэт, не разгадали,
Не поняли младенческой печали
В твоих как будто кованных стихах!

6–7 мая 1900

ПАВЕЛ АНТОКОЛЬСКИЙ

Гроза в Пятигорске

Гроза разразилась и с юноши мёртвого
Мгновенно сорвала косматую бурку.
Пока только гром наступленье развёртывал,
А страшная весть понеслась к Петербургу.

Железные воды и кислые воды
Бурлили и били в источниках скал.
Ползли по дорогам коляски, подводы,
Арбы и лафеты. А юноша спал.

Он спал, ни стихов не читая, ни писем,
Не сын для отца и у века не пасынок.
И не был он сослан и не был зависим
От гор этих, молниями опоясанных.

Он парусом где-то белел одиноким,
Иль мчался по круче конём легконогим,
Иль, с барсом сцепившись, катился, визжа,

В туманную пропасть. А утром, воскреснув,
Гулял у чеченцев в аулах окрестных,
Менялся кинжалом с вождём мятежа.

Гроза разразилась. Остынув от зноя,
Машук и Бештау склонились над юношей,
Одели его ледяной сединою,
Дыханьем свободы на мёртвого дунувши:

«Спи, милый товарищ! Окончилось горе.
Сто лет миновало — мы снега белей.
Но мы, старики, — да и все в Пятигорье, —
Отпразднуем грозами твой юбилей»;

И небо грозóвым наполнится ропотом,
И гром-агитатор уснувших разбудит.
А время? А смерть? — пропади они пропадом!
Их не было с нами. И нет. И не будет.

ЯРОСЛАВ СМЕЛЯКОВ

* * *

О, этот Лермонтов опальный,
Сын нашей собственной земли,
Чьи строки, как удар кинжальный,
Под сердце самое вошли,

Он, этот Лермонтов могучий,
Сосредоточась, добр и зол,
Как бы светящаяся туча,
По небу русскому прошёл.

ГЕННАДИЙ АЛЕКСЕЕВ

г. Санкт-Петербург

Демон

Позвонили.
Я открыл дверь
и увидел глазастого,
лохматого,
мокрого от дождя
Демона.
— Михаил Юрьевич Лермонтов
здесь живет? —
спросил он.
— Нет, — ответил я, —

вы ошиблись квартирой.
— Простите! — сказал он
и ушёл,
волоча по ступенькам
свои гигантские,
чёрные,
мокрые от дождя,
крылья.
На лестнице
запахло звёздами.

АЛЕКСАНДР ГОРОДНИЦКИЙ

Памятник в Пятигорске

Продаёт фотограф снимки,
О горах толкует гид.
На Эльбрус, не видный в дымке,
Молча Лермонтов глядит.
Зеленеют склонов кручи,
Уходя под облака.
Как посмели вы, поручик,
Не доехать до полка?

Бронза греется на солнце,
Спят равнины зыбким сном.
Стриж стремительный несётся
Над пехотным галуном.
Долг вам воинский поручен, —
Проскакав полтыщи вёрст,
Как посмели вы, поручик,
Повернуть на Пятигорск?

Пикники и пьянки в гроте,
Женщин томные глаза...
Ваше место — в вашей роте,
Где военная гроза.
Там от дыма небо серо,
Скачут всадники, звеня.
Недостойно офицера
Уклоняться от огня.

Ах, оставьте скуку тыла
И картёжную игру!
Зря зовет вас друг Мартынов
Завтра в гости ввечеру.
На курорте вы не житель,
В деле было бы верней.
Прикажите, прикажите
Поутру седлать коней!

ДМИТРИЙ ГОЛУБКОВ

Поединок

Предгрозье мглой Машук одело.
Угрюма тяжких туч орда.
— Коней в кустарник — вот сюда...
— Дождь крапает... Скорей
за дело...

«За дело...»

Брошены дела.
Все лишь вчерне, все лишь
вначале...
Как в море плот — квадрат стола.
Стол ждёт, чтоб дальше плыть
ночами,
Плыть в черной тьме, к восходу
плыть,

Взметая парус одинокий...
За дело. За работу. Жить!
Зовут стремительные строки.
О, этот вздорный маскарад
С таинственностью секундантов,
С каскадом выпренных бравад,
С блистаньем глаз и аксельбантов!
Мартынов... Как наряден он,
Воитель и гроза Кавказа!
Он будет нынче пощажен,

Смешной Мартышка белоглазый,
Что, недруг он? Нет. Он — не друг.
Меж ними в воздухе граница.
Он, словно воздух, пуст и сух.
Сплошной стеной такие лица.
Мартынов... Разве он злодей?
Он просто чадо века злого.
Он ролью дорожит своей
И долг свой выполнит толково.
Прикажут:
— Бей! Воинствуй! Жги! —
И полстраны он выжжет, истов!
Такие вот
под вой пурги
Стреляли в лица декабристов.
Таких
и лепят, и пекут
Из верноподданного теста.
Их нынче тьма.
И даже тут,
В горах,
от них темно и тесно.
Мартынов вечен и безлик,
С такими драться бесполезно:

Убьешь — тотчас встанет двойник.
Мартыновых на свете — бездна.
Как в воздух, в этаких стрелять.
Смешон? Нет, страшен он,
пожалуй.

О, что за вздор!

Он добрый малый,
Они помиряются опять,
Сейчас пальнут по разу в небо —
И в Пятигорск... А то беда —
Гроза настигнет... Так свирепо
Глядит тяжелых туч орда...
Но нет. Все ближе жадный гром.
Глаза Мартышки все свинцовей.
Как душно! Как темно кругом!
Как гулок бег мятежной крови!
Она бунтует, и зовет,
И жаждет вырваться и брызнуть,
Окрасить серый небосвод,
Встревожить спящую отчизну...
Как искры, мысли мельтешат:
Воспоминаний вереница.
Отец... Друзей далеких лица.
Влюбленной девы дымный взгляд.
И небо северной столицы.
И петербургские блудницы.
И пение тарханской жницы.
И отчий дом и милый сад.
Журналы на столе лежат,
И не разрезаны страницы...
Не прочитать, не погрузиться,
Не возвратиться уж назад...
...Как разбазаривал свой пыл!
И страсть и стих бросал на ветер,
Любил бретеров и кутил,
Любил кружить в лукавом свете
И тратить пламень юных сил...
Но более всего на свете
Россию сирую любил,
Обманутую и нагую,
Слепую, грешную, святую.
Ее, сеченную кнутом,
Клейменную лихим судом,

Ее, в мятежном озаренье
Отважную до удалства,
Ее голодные селенья,
Ее свободные слова.
Любил, и славя и злословя,
Изгой в отеческом краю,
Суровой

странною любовью
Любил он родину свою.
Любил, любил... И — любит,
любит!

И вечно будет он любить,
Петь о звездах и темном дубе
И пунш с товарищами пить.
Он будет. Он не быть не может!
И там, за гранью новых дней,
Он душу юную встревожит
Неистовством души своей.
О, дотянуться бы! Дослышать!
Провидеть через толщу лет...
Москва, наверно, станет выше...
А люди вырастут? Иль нет?..
Ах, надо все начать сначала,
Растрчено немало лет...
А фарс играть ему ль пристало?
И он бросает пистолет.
Гром размахнулся над округой,
Распарывая туч свинец.
Огонь

ударил в грудь упруго.
Начало?

Ранен он...
Конец.
Встает огня стена живая,
Ошеломляюще светла,
И рушится.

И, побеждая,
Мир обволакивает мгла.
Лишь сабли молний хищно
блещут,
И ночь по скалам мчитесь вскачь.
И ломкий ливень тело хлещет,
Как обезумевший палач.

АЛЕКСАНДР ЮДАХИН

г. Москва

Лермонтов

Беззащитно желчный от желанья
стать однажды притчей на устах,
чтобы отомстить за невниманье
в молодых и воинских делах.

Безнадежно дерзкий, безрассудный,
любящий лишь бабушку свою,
одному всевышнему подсудный,
мог затеять ссору и в раю.

Он ходил с усмешкою убойной
в час, когда хотелось околеть.
Женщины пленительной и доброй
не нашлось — простить и пожалеть.

У Державы не нашлось приветов,
огонька у друга и родни,
чтоб душа ранимого поэта
отогрелась в ледяные дни.

ЛАРИСА НЕВЕЛЬСКАЯ

Провал у Машука

Вершины гор маячат вдалеке,
И натурально живописны виды,
И есть один провал на Машуке.
Всего один, как объясняют гиды.
Пускай он примечательностью стал,
Но гиды ошибаются, поверьте.
Он не сравним, естественный провал,
С другим —
искусственным провалом смерти.
А тот, другой, трагичен на века,
Тот наша боль, досада и обида.

Он здесь произошел,
у Машука,
И им гора печально знаменита.
Каким злым роком считаны года
Тому, кто нам душевно стал роднее?
Наверно, понимали не всегда,
Что без него мы стали бы беднее.
А белый парус облетает свет,
Звезда с звездой говорит над нами.
И смотрит ночь кавказская вослед
Его большими черными глазами.

НИКОЛАЙ ЗИНОВЬЕВ

г. Краснодар

Лермонтов

Огоньки Пятигорска.
Годы, как облака.
Сколько в жизни их? Горстка
Или всё же века?

Ах, как все надоели!
Он подтянут и строг.
До последней дуэли
Ещё несколько строк.

Он коварен, как Демон,
И печален, как Бог,
Меж землею и небом
Не вмещается вздох.

Ветку ветер колышет,
Пусто, гулко в груди.
Он садится и пишет.
Смерть уже позади.

АНДРЕЙ РЕБРОВ

г. Санкт-Петербург

Лермонтов

Бородино листа,
Свеча горит,
а выше —
Три сомкнутых перста —
Так крестятся и пишут.

НИКОЛАЙ РАЧКОВ

г. Тосно Ленинградской области

Лермонтов

Самим царём и то не сломан —
Нашла на камешек коса, —
Могучим словом,
Божьим словом
Поколебал он небеса.

С усмешкой
гордой и немилрой,
И с потаённою душой,
Не от сего земного мира,
Почти что всем он был чужой.

Спаستись от злобы и от мести
Возможно ль гению у нас?
В Тарханах,
в родовом поместье,
Лежит, вдали от шумных трасс.

Так и не зная всё же, с кем он,
С поэта не спуская взор,
Крылатый Серафим
и демон
Ведут о нём тревожный спор...

2008

ВЛАДИМИР СКИФ

г. Иркутск

Лермонтов

В стихах он был и вправду — равен Богу,
Он не творил — он с Богом говорил.
И, приближаясь к смертному порогу,
В бессмертие тропу свою торил...

Мертвел Мартынов, леденел от света
Его стихов и жажды — мир любить.
Он не затмил великого поэта,
И превосходства не сумел добыть

В стихах,
 в остротах непомерно-шалых.
И на балах — среди друзей-кутил —
Казался тем
 начищенным шандалом,
Который не горел и не светил.

Он, мстительный, напыщенный,
 в черкеске,
Стелил поэту смертную постель...
Под Машуком
 в ближайшем перелеске
Уж скоро грянет чёрная дуэль.

Нам не успеть к поэту на подмогу...
Он упадёт в ночную тьму лицом.
Кремнистый путь дотянется до Бога,
Гора Машук подёрнется свинцом.

И будут сниться каждому отрогу,
Как дождь идёт,
 как Лермонтов молчит...
И «Выхожу один я на дорогу»,
Как Божий гром,
 над Машуком звучит.

2012

ИГОРЬ ТЮЛЕНЕВ

г. Пермь

М.Ю. Лермонтову

«Погиб поэт! — невольник чести» —
Ты написал и... был убит!
«С свинцом в груди»... Уста отверсты,
Пока строка летит в зенит.

Берут Машук с утра туристы.
Пал пред толпой Советский рай.
А нынче здесь идут зачистки...
Зачем нам Караван-Сарай?

Есть скромный домик в Пятигорске,
Где русский светоч проживал!

В бою он вёл себя геройски
И всё под небом понимал.

Сквозь горы синего Кавказа
Летит невидимый орёл,
Стальной, как Лермонтова фраза,
Которой Вечность поборол.

Он неразгаданным промчался
По русским душам и сердцам.
Звездой мятежною остался
Сгоревшей, но летящей к нам!

ВЛАДИМИР СКИФ

В гостях у Лермонтова

Как всё интересно и неожиданно увязано в литературном мире! Когда-то в ранние, почти юношеские годы нас, подающих надежды молодых поэтов страны, ещё без книжек или уже издавших свои первые книги, познакомил друг с другом замечательный русский поэт и собиратель поэтических сил России Николай Константинович Старшинов, главный редактор знаменитого в то время альманаха «Поэзия». Там, в величественных коридорах и редакционных комнатах издательства «Молодая гвардия», расположенного у станции метро Новослободская, встречались поэты Москвы и Питера (тогда Ленинграда), Хабаровска и Владивостока, Перми и Вологды, Красноярска и Воронежа, Рязани и Калинина, читали стихи, обсуждали публикации, мечтали о собственной известности и верили в желанное будущее русской литературы.

Там, в павильончик у метро, мы с Севкой Лессигом и Сашей Щупловым ходили пить пиво, делились литературными новостями и рифмами, а с Гришей Калюжным и Колей Дмитриевым колготились в «предбаннике» у Старшинова, чтобы попасть к нему для разговора и получить «добро» на подборку в альманахе и, конечно же, подарить ему новую частушку с надеждой, что её не окажется в коллекции Николая Константиновича. Но самая главная, потаённая мечта трепетала в сердце у каждого молодого автора, чтобы его рукопись непременно попала в планы издательства.

Боже мой, я тоже мечтал об этом! Ведь рядом, в соседнем кабинете, в редакции самого издательства, сидела неприступная Татьяна Чалова — одна из дочерей поэта Александра Яшина, которая впоследствии заказывала известной вологодской поэтессе Ольге Фокиной и москвичке Татьяне Никологорской внутренние рецензии на мою книгу, а по истечении лет, в 1992 году, вместе с прямым моим редактором, поэтом Павлом Калиной, Чалова будет готовить эту книгу к печати. Готовили да не успели! На сломе девяностых, как атомная бомба, шарахнула перестройка, и всё полетело в тартарары, в том числе и мой сборник стихов «И в поле широком, и в небе святом», уже подготовленный к изданию в серии «Восхождение». Сборник так и не вышел из печати, хотя я за него получил приличный аванс и даже вычитал гранки, пахнущие свежей типографской краской.

В альманахе у Старшинова тогда уже трудился помощником редактора Гена Красников. Он с радостью встречал нас то в кафе на втором этаже издательства, то в редакции, откуда мы однажды развесёлой компанией — Стас Золотцев, Володя Шлёнский, Оля Чугай и я — катили по осенней Москве в гости к поэтессе Алле Нижегородцевой, где мы до утра пили вино и бесконечно читали свои и чужие стихи.

Поэт Сергей Мнацаканян

Как-то Николай Константинович познакомил меня с московским поэтом Серёжей Мнацаканяном, с которым мы встречались в разные годы и в альманахе «Поэзия», и в издательстве «Молодая гвардия», а потом уже и в отделе поэзии «Литературной газеты», где Сергей трудился долгие годы, периодически публиковал мои подборки. Он совместно с Юрием Поляковым поздравил меня на страницах «ЛГ» с 60-летием, а позже неоднократно оставлял для меня на столе

нового редактора отдела поэзии Марины Кудимовой вновь возрождённый альманах «День поэзии».

Михаил Лермонтов и поэт Андрей Шацков

Владиславович Шацков в ежегодном издании альманаха стал публиковать и мои подборки стихов. Андрея Шацкова я знал давно по многочисленным публикациям в известных российских изданиях: «Наш современник», «Москва», «Литературная газета», «Литературная Россия» и др., а в 2013 году я получил от него в подарок книгу «Лестница в небо» с автографом, объясняющим нашу первую встречу: «Владимиру Скифу! На память о Всемирном дне поэзии в Лермонтовском Средниково. А. Шацков. 21. 03. 2013».

Итак, лермонтовское Средниково. Примерно за месяц до Всемирного дня поэзии я получил приглашение побывать в усадьбе Лермонтова и принять участие в этом новом для меня празднике, хотя для многих москвичей он уже стал традиционным. Вызов получен, и в середине марта 2013 года я занимаю деньги на билет и вылетаю в Москву, поскольку 20 марта в Союзе писателей России, в преддверии XIV съезда, должен состояться ещё и очередной писательский пленум. По приезде в Москву я созвонился с Шацковым, и на другой день после пленума мы с группой российских поэтов выехали в Подмоскovie, чтобы достичь желанной родовой усадьбы великого русского поэта, где он прожил целых три года.

Хочу сказать, что я с великой радостью обнаружил на празднике поэзии выдающегося русского поэта Владимира Кострова с супругой Галиной Степановной, сибирячкой по рождению, которая, увидев меня, тут же всплеснула руками и спросила:

— Володя, ты один? А где Женя?

В своё время они с моей женой встретились в Иркутске, необычайно понравились друг другу. Им было о чём поговорить: о детях, о внуках, о Светлане Ивановне Распутиной, с которой Галина дружила много лет. Владимир Костров приезжал тогда в Иркутск как участник сапроновских вечеров «Этим летом в Иркутске».

Здесь же, на празднике поэзии, я встретил и давнего своего друга Серёжу Мнацаканяна, и поэта Виктора Кирюшина, у которого, как и у меня, вышла книга в серии «Золотой жираф». Приехал на праздник поэт и главный редактор «Бийского вестника» Виктор Буланicheв, питерцы Мария Инге-Вечтомова, Владимир Хохлев и Андрей Романов, москвичи Валентина Коростелёва, Марина Кудимова, Виктор Широков, Ашот Тер-Маркарян, Надежда Кондакова, Александр Асманов, Валентин Резник, Александр

Михаил Юрьевич Лермонтов и Владимир Скиф

Климов-Южин, критик и литературовед Лев Аннинский и другие. Ведущий вечера поэт Сергей Мнацаканян и главный редактор альманаха «День поэзии-2012» Андрей Шацков начали праздник с награждений. Орденом «Русская звезда» имени Ф.И. Тютчева были награждены Владимир Костров и Михаил Лермонтов, а тютчевскую медаль получил Ашот Тер-Маркарян. Затем поэту Марине Кудимовой была вручена Международная Лермонтовская премия.

После торжественной части полились стихи всех присутствующих поэтов. Меня уважительно, как дальнего гостя, вызвали к барьеру третьим, и я прочёл четыре стихотворения: «Лермонтов», «Струна», о Байкале («Недвижно времени течение...») и в заключение горькие стихи о поэтах нынешнего времени:

*Как хорошо идти по свету,
По краю звёздного пути
И славу русского поэта
Державной поступью нести.
Как хорошо служить России
И знамя чести поднимать.
Как горестно своё бессилье
В служенье этом понимать.*

Совершенно удивительное впечатление оставил о себе потомок Лермонтова, его полный тёзка Михаил Юрьевич. Ну, во-первых, в наше волчье время сохранить и крепко удерживать в своих руках Лермонтовскую усадьбу, наверно, было не так-то просто. В усадьбе большой комплекс из основного двухэтажного по центру здания, отдельных особняков и других, скромных по архитектуре, но очень уютных домов. Повсюду большое количество деревьев, ухоженная территория, хотя снега в тот год было очень много, и сугробы вокруг были почти в человеческий рост. Погода стояла тихая, волшебная, с лёгким морозцем, и совсем близко за деревьями чудился проходящий в тёплые комнаты Лермонтов. А может, и вправду его дух явился с неба в родные Пенаты, чтобы вспомнить былые дни, проведённые в тихой и дорогой его сердцу деревне.

Во-вторых, наш современник Михаил Лермонтов не чужд литературе, он является попечителем заново рождённого альманаха «День поэзии» и других изданий, Лермонтовских праздников в Тарханах и Середниково, попечителем ежегодной литературной премии имени Лермонтова. Кстати, буквально на днях литературный проект «ДЕНЬ ПОЭЗИИ» получил премию Правительства Москвы (а это фактически Государственная премия), и я поздравляю создателей проекта поэтов Андрея Шацкого, Сергея Мнацаканяна и родовитого наследника Михаила Юрьевича Лермонтова с достойной наградой. Праздник наш завершился великолепным застольем, тостами и стихами во славу великого русского поэта.

На фото слева направо: Владимир Костров, Владимир Скиф,
Михаил Лермонтов, Виктор Кирюшин, Надежда Кондакова

Герой Социалистического Труда Михаил Алексеев

Народный писатель России

М.Н. Алексееву

*Моё седое поколение —
Оно особого колёныя!
Особой выкладки и шага —
От Сталинграда до Рейхстага!
Мы — старики, но мы и дети,
Мы и на том, и этом свете,
А духом все мы — сталинградцы,
Нам Богом велено держаться!*

Егор ИСАЕВ, Герой Социалистического Труда,
лауреат Ленинской премии, поэт, однополчанин М. Алексеева

В майские праздники на пятом канале Центрального телевидения был показан замечательный фильм по роману Михаила Алексеева «Вишнёвый омут». Надо признать, что телевидение забыло фильмы по произведениям Михаила Николаевича, которые вошли в классику отечественного кинематографа, — это «Журавушка» с Людмилой Чурсиной, «Русское поле» с Нонной Мордюковой, «Хлеб — имя существительное», «Ради нескольких строчек».

Был взволнован этим фильмом. Мы были воспитаны на таком кино. Полез в книжный шкаф и нашёл роман Алексеева «Вишнёвый омут». Эта книга в светло-сиреневой обложке, изданная издательством «Советская Россия» в 1968 году. Открываю и читаю: «Постановлением Совета Министров РСФСР от 11 октября 1966 года роману М.Н. Алексеева «Вишнёвый омут» присуждена Государственная премия РСФСР имени М. Горького».

Однажды, в разговоре с Михаилом Николаевичем, он поведал мне о своём романе:

— Самым дорогим для меня человеком (после матери, конечно) был дед Михаил Николаевич Алексеев. Он был старшим в нашем доме, я — самым младшим. И мы были тёзки втройне — по имени, отчеству и фамилии. И мы любили друг друга. Когда я писал свой роман «Вишнёвый омут», то своего главного героя Михаила Аверьяновича Харламова почти в точности списывал с деда Михаила. С деда началось в селе Монастырском повальное увлечение садами или, как сказали бы теперь, садоводством. Дедушкин сад — это был для нас, детей, мир почти волшебный. Мы росли в этом мире. И гибель сада в тридцатых годах — незаживающая рана в моём сердце. Как это произошло, рассказано в «Вишнёвом омуте».

АНАШКИН Эдуард Константинович. Родился в 1946 г. в г. Хилок Читинской области в семье железнодорожника. Окончил Усольский сельскохозяйственный техникум (1988). Работал секретарем ВЛКСМ в Хилке (1968–1969), чабаном в совхозе «Майский» Самарской области. С 1986 г. печатается в газете «Волжская коммуна». Автор книги прозы «Вовкин поцелуй» (Самара, 1997). Публиковался в журнале «Россия молодая» (1998, № 8; 1999, № 5–6). Член Союза писателей России. Живёт в совхозе «Майский» Самарской области.

Открываю свой дневник, который веду много лет, нахожу страницы с описанием нашего знакомства с Михаилом Николаевичем и моего посещения его дачи на проезде Вишневого в городке писателей Переделкино.

20 января 2002 года

Проснулся рано, как всегда, выпил чашку кофе — и за стол. Поработал. В Доме творчества тишина: кто отдыхает, а кто и работает.

Дом творчества Переделкино находится в лесу. Милые моему сердцу — сосны. Сам посёлок — это учебник по литературе в старших классах. Улица Тренева, улица Серафимовича, улица Павленко, проезд Вишневого — все знакомые по советской литературе имена. Они жили в Переделкино, они ходили по этим тропкам и улицам, они дышали этим чистым, настоящим на смоле воздухом.

Телефон в корпусе на первом этаже около дежурного. Этот телефон для связи с Москвой, и раньше писатели, живущие в посёлке, приходили сюда, чтобы позвонить. Иногда образовывалась очередь, и мэтры советской литературы обсуждали новинки литературы, высказывали своё мнение, бывало, и крепко ругались, отстаивая свою точку зрения по тому или иному произведению.

Проживаю я на втором этаже, в комнате № 40. Тепло, уютно, рядом холл, можно выйти, посидеть на диване, поговорить с проживающими писателями.

Подшёл к окну. Смотрю, как белка по огромной берёзе спустилась на землю, шмыгнула в кусты, запорошенные снегом, и начала что-то там искать. Я испугался за неё — по территории бегают собаки. Но белочка пропала, и я её больше не видел. Почему я так испугался за белочку? Дело в том, что вчера, возвращаясь из Переделкинского храма Преображения Господня, около территории Дома творчества на обочине трассы увидел погибшую белочку. Возможно, её сбила машина, а возможно, и задушила собака.

Сегодня в Москву на поезд. Ещё раз схожу в музей К.И. Чуковского, побываю в его прекрасной детской библиотеке. Меня поражает обилие книг на даче Корнея Ивановича — шесть тысяч томов.

Когда уходил из музея Чуковского, заметил, что температура на градуснике -7°C . А так хорошо в посёлке: тихо, идёт крупный пушистый снег, небольшой морозец!

После обеда, захватив книгу, пошёл на дачу Михаила Николаевича Алексеева. Нашёл быстро, да и не удивительно: магазин один (это их сейчас развелось, как блох), а сбоку, как бы под горку, дача Алексеева.

Сильно волнуюсь. Ещё бы!

Михаил Николаевич Алексеев не обижен громкой славой, он — Герой Социалистического Труда, академик двух академий, профессор МК ЮНЕСКО, ветеран Великой Отечественной войны, полковник в отставке, инвалид войны 2-й группы, лауреат Госпремии СССР, почётный гражданин Саратовской и Курской областей, десятки лет возглавлял центральный литературный журнал «Москва», состоял в руководящих органах Союза писателей СССР, автор 40 книг. И общий тираж его изданий более двух миллионов экземпляров.

И кто я? Простой мужик из деревни. Ну, пописываю, иногда печатают. Я бы, возможно, и не осмелился пойти на дачу к Михаилу Николаевичу, но меня к этому подтолкнула детская писательница Светлана Васильевна Вьюгина, за что я ей очень благодарен. «Эдуард Константинович, — сказала мне она в Союзе писателей на Комсомольском проспекте, — вот вам книга Михаила Алексева «Мой Сталинград», изданная недавно в Москве, сходите к нему на дачу, познакомьтесь, возьмите автограф. Одним словом, не пожалеете. А живёт он около пруда». «Да, около переделкинского магазина, — продолжил член Высшего творческого Совета Союза писателей, прозаик Ванцетти Иванович Чукуреев. — Знаешь, где магазин? Вот и хорошо, значит, найдёшь».

Дом находится в глубине сада, калитка заперта. Нажимаю кнопку звонка и жду. Встал на бугорок снега и начал смотреть на дом. Ранние вечерние сумерки, рядом проезжая шоссейная дорога, а дальше село Переделки.

На крыльце дома показалась женщина, не спеша подошла к калитке, спросила:

— Кто?

— Мне нужен Михаил Николаевич.

В калитке повернулся ключ, что-то звякнуло, она открылась. Передо мной стояла ещё не старая, сохранившая свою русскую красоту женщина. «Дочь», — подумал я.

— Михаил Николаевич отдыхает. Недавно прилёт. Заснул.

— Мне от него ничего не надо. Я хотел взять у него только автограф. И притом я издалека, и вряд ли у меня представится такая возможность повидать Михаила Николаевича и взять у него автограф.

— Откуда вы?

— Из Самарской области.

Приятная, но уже начинающая полнеть женщина открыла калитку и проговорила:

— Проходите.

Мы шли с ней по очищенной от снега дорожке от ворот до самого дома.

На первом этаже, при входе, работал телевизор, здесь же журнальный столик, на нём телефон. Мне предложили раздеться, а сама хозяйка поднялась по деревянной лестнице на второй этаж здания.

Через некоторое время появился Алексеев, в тёплой зимней рубашке, чёрном трико. Его узнал сразу же, по многочисленным фотографиям в газетах и журналах.

Михаил Николаевич протянул мне руку, поздоровался и произнёс:

— Проходи, земляк, в мой кабинет.

Кабинет писателя на первом этаже, сразу же за столовой, довольно-таки просторный.

Я сел в кресло, которое мне предложили. Михаил Николаевич обратился к женщине:

— Таня, принеси нам что-нибудь...

Сам же начал подробно расспрашивать меня.

Через некоторое время на стол был поставлен поднос, на котором красовалась початая бутылка водки «Гжелка», два стаканчика, хлеб, колбаса, горчица.

«Аристократическая водка», — подумалось мне, в писательских кругах её так «обозвали».

— Это у меня вторая жена — Татьяна, — сказал Михаил Николаевич, разливая водку. — Первая, Галина Андреевна, была сестрой милосердия. Бывшая десятиклассница, хрупкая и тонкая, как тростинка, защищала Сталинград. Как медсестра, несколько раз и меня спасала от смерти. Имела боевые награды: орден Отечественной войны II степени и медаль «За боевые заслуги». Вот уже два десятка лет как ушла в мир иной, оставив мне двух дочерей — Настю и Ларису. А когда она была живой, подружившаяся с ней очень талантливая поэтесса Людмила Шикина посвятила ей вот это стихотворение:

*Что ж ты, Галя,
Шаль посадскую
Опустила на глаза?
Где шинель твоя солдатская —
Злому врагу гроза?
Где пилотка —
Ломтик месяца
В окровавленном дыму?
То ли тополь в окнах мечется,
То ли память — не пойму.
За окошком ночь осенняя,
Ты глядишь в квадраты рам.
Небо звёздами усеяно,
Подсчитать бы,*

*Сколько ран —
Сколько ран тобой врачевано,
Милосердная сестра,
Сколько раз в снегу ночевано...
Так и будешь до утра
Всё глядеть куда-то в прошлое,
На сиреневую ночь?
Всё, что жизнью было спрошено,
Что по силам и невмочь
Отдала ты с верой чистою
И печалиться постой.
Веря в Жизнь,
Солдат от выстрела
Заслонил тебя собой.*

Когда я поинтересовался, как отчество жены, Михаил Николаевич ответил:

— Она ещё молодая. Только что на пенсию вышла, — Михаил Николаевич поднял рюмку и произнёс: — Давай, земляк, за знакомство, за нашу волжскую дружбу!

Выпили, закусили. Вошла хозяйка и попросила Михаила Николаевича к телефону. Он подошёл к левому углу кабинета, взял трубку (я понял, что это параллельный телефон) и начал разговор.

Я оглядел кабинет. Везде книжные шкафы, забитые книгами. С левой стороны от меня, на стене, картины, и в центре — икона на дереве, старинная.

Из телефонного разговора я понял, что хозяин дома беседует с автором статьи в газете «Российский писатель» (№ 1, январь 2002 года) «Возвращение огня» Александром Дориним. Врезалась одна фраза: «Если бы у меня эти письма (с фронта Михаил Николаевич переписывался с девушкой из уральского города Ирбита Ольгой Кондрашенко) были на руках, когда я писал роман «Мой Сталинград», то это был бы другой роман, ещё лучше...» Закончив разговор, Алексеев вернулся к столу, сел на своё привычное место, взял авто-ручку и подписал мне книгу «Мой Сталинград»: «Дорогому моему земляку-волжанину Эдуарду Константиновичу Анашкину на память от автора. М. Алексеев. 20.1.2002 года. Переделкино». Затем поднялся из-за стола, подошёл к одному из книжных шкафов, достал книгу и сказал:

— Я подарю вам самую любимую мной книгу.

Сел за стол, подписал и подал её мне, затем протянул для рукопожатия руку. Книга, изданная в Оренбурге в 1999 году Печатным домом «Димур», называется «Карюха. Рыжонка». Открываю обложку: «Доброму другу-земляку от такого же в прошлом пастуха — Эдуарду Константиновичу на память о встрече. Автор М. Алексеев. 20.1.2002 года. Переделкино».

Вот выдержка из разговора с Михаилом Николаевичем:

— Это я виноват, что в Саратове не выходил долгое время журнал «Волга». После издания моего романа «Драчуны» замечательный критик Михаил Лобанов написал об этом статью «Освобождение». Я ему посоветовал и помог, чтобы она прошла в журнале «Волга». Статья была напечатана в 10-м номере, и — началось! В газете «Правда» появилась статья «Освобождение от чего?». Михаила Лобанова вызвали в ЦК. В ЦК вызвали и меня, как редактора журнала «Москва». Обо мне и романе речь вроде бы и не шла. Начали нас двух Михайлов «разбирать» на всевозможных собраниях. Клеймили за национализм, за непонимание классовый борьбы. Особенно усердствовали заведующий отделом культуры ЦК КПСС В. Шауро, литераторы В. Оскоцкий, Ю. Суровцев, Валерий Дементьев. Главный редактор журнала «Волга» Николай Егорович Палькин без суда и следствия был снят с работы... А в романе моём была раскрыта правда о голоде, охватившем Поволжье в 1933 году... После снятия Палькина с редакторов журнал захирел и прекратил своё существование. А надо признать, что это был лучший журнал в регионе, да и в России его с удовольствием читали и выписывали. Сейчас я сделал всё возможное, чтобы журнал возобновить. Губернатор мне обещал. Думаю, что это не простые слова, и журнал будет жить. А мой друг Николай Егорович Палькин — молодец, не сломался. Он нашёл себя в песенном творчестве.

А ты сам, не пробовал печататься в журнале «Волга»? — спросил меня Михаил Николаевич. — Посылал свои рассказы?

— Да, посылал, но получил «отлуп» от заведующего отделом прозы Алексея Ивановича Слаповского.

— Да, многие талантливые литераторы получили, как ты говоришь, «отлуп», — проговорил Алексеев. — А ведь Лёша, наш саратовский, из села Чкаловское. Но хитрый мужик оказался. Добивался-добивался кресла главного редактора. Окружил себя друзьями такими же, как и он. Печатался в своём журнале раз за разом. В конце восьмидесятых в журнале опубликовал первую пьесу «Бойтесь мемуаров», которая была поставлена всего один раз в Сызрани...

(До 2000 года он редактировал журнал «Волга», а затем последовал неожиданный прорыв «на

Михаил Алексеев в Переделкино. 70-е гг.

хлебный» рынок телесериалов. Летом 2000 года журнал закрыли по финансовым причинам, а Слаповский оказался в Москве.)

Хорошо, что познакомился с земляком-волжанином. Я хорошо знаю, что наша Саратовская область граничит с южными районами вашей области, — тепло сказал Михаил Николаевич. — Да, всё так. Наш Пестравский район соприкасается с Пугачевским и Ивантеевским районами вашей области. Сам несколько раз был и в Пугачеве, и в Ивантеевке...

Когда я уходил из гостеприимного дома Алексеевых, попрощавшись с его женой, Михаил Николаевич проводил меня до калитки.

— От ворот до дома ещё сам дорожку очищаю от снега, — сказал мне Алексеев. — Удовольствие одно, люблю работать, голова светлая, вот только ноги подводят.

Около ворот остановились. Здесь в углу, около забора, стоит небольшой бревенчатый дом с гаражом.

— Была у меня своя машина «Волга». А когда работал редактором журнала «Москва», была служебная машина. Своя стояла, начала ржаветь, жена посоветовала продать.

Поинтересовался:

— Можешь верить, можешь — нет, но в этом неотапливаемом домике написал роман «Драчуны» и посвятил его своей внучке Ксении.

Мы попрощались. Захлопнулась калитка. Я ещё долго стоял и смотрел в небольшую щель между створками ворот, как медленно и осторожно шёл к освещённому дому классик советской литературы.

Не всегда в жизни получается так, как планируешь, как хочешь. Думал, в отпуск пойду зимой и съезжу в Переделкино, поработаю. Но отпуск дали только в начале сентября. Пришлось заниматься огородно-садовыми делами, запастись корм на зиму домашним животным. И только когда освободился, уехал в Переделкино. По приезду в Переделкино спустился на первый этаж Дома творчества, где я обустроился, позвонил Михаилу Николаевичу. Он быстро откликнулся на телефонный звонок.

— Ты уже в Переделкино? Устроился? Жду тебя у себя на даче завтра. Сможешь?

Подумалось: ещё спрашивает! Хоть сегодня же пошёл бы!

Выписка из дневника

11 сентября.

Встал как обычно в пять часов утра — крестьянская закваска, да и ранние утренние часы — самые плодотворные за рабочим столом, тишина, никто не мешает.

После завтрака ещё немножко писал, а затем вышел с известным русским поэтом Валентином Устиновым на балкон покурить. Мелкий нудный дождь, но на улице тепло. Захватив зонтик, пошёл к Михаилу Николаевичу.

Калитка была открыта, значит, меня ждали. По дорожке прошёл в глубь дачи к дому. На веранде очистил туфли, зашёл в дом. Михаил Николаевич в фартуке что-то делал на кухне. Как оказалось, он варит и солит грибы, собранные на даче. Жены дома нет, на два месяца уехала в Крым: что-то с лёгкими.

— Книгу я твою получил. Хорошая книга. Удачное название «Запрягу судьбу я в санки». И предисловие написано прекрасно: краткое, ёмкое. Валя Распутин зря писать не будет. О книге я обязательно напишу короткую рецензию или в «Правду», или для Проханова в «Завтра». По этому поводу необходимо выпить. Что будем пить? — а затем утвердительно произнёс: — Вот мне подарили настоящий французский коньяк, его и попробуем. Правда, закуска не для коньяка, но мы русские люди... и, соответственно, закуска такая.

Михаил Николаевич улыбнулся, а затем сказал:

— Сходи, земляк, нарви свежего лучка, грядка направо как пойдёшь к воротам.

— Чем нарезать лук, Михаил Николаевич?

— Да ты что, не деревенский мужик? Нащипи его руками, и все дела.

Я так и сделал. Лук обмыл, хозяин подавал мне тарелки, вилки, банки — я носил всё это в столовую.

На столе оказались две рюмки.

Заметил, что Михаил Николаевич стал слышать хуже, жалуется на ноги. Выпили за

мою книгу. Хозяин угощал грибами, спрашивая: «Как они?» На столе была колбаса, хлеб, горчица, зелёный лук.

— Ты, Эдуард Константинович, закусывай, закусывай, не стесняйся, — приговаривал хозяин, пододвигая ко мне поближе то колбасу, то грибы.

Сам же взяв кусок черного хлеба, помазал его горчицей, а зелёный лук макал в соль, с аппетитом кушал всё это.

— Заметил, что дачи в Переделкино не продовольственные, а для работы? А я немножко нарушил общепринятые нормы жильцов, вскопал земельку, сделал грядку, посадил лук — и вот он, результат! Так и ел бы его, своими руками выращен. А раз своими, то и вкуснее в несколько раз.

С этим его заключением я был согласен на все сто процентов.

— Я тебе уже говорил, что голова ещё светлая, да ноги подводят. Пишу сейчас новый роман, скажу по секрету название — «Оккупанты». Покажу в нём, какие мы были оккупанты! Я сам шесть лет был «оккупантом» в Австрии. Мы питались по карточкам, по таким же карточкам, как и наши люди в Советском Союзе, но мы умудрялись что-то от полученного пайка дать и австрийским детям — угостить их. Я познакомился недавно с обжигающими документами в поверженном Берлине. Первый: 11 мая, два дня спустя после Победы, Военным Советом фронта было принято Постановление № 063 «О снабжении продовольствием немецкого населения Берлина». А 31 мая — Постановление № 080 «О снабжении молоком немецких детей в Берлине». А в это время под Дунаем возродились заново построенные мосты. На месте рухнувших, которые, кстати, разбомбили не мы, а наши союзники. У них было больше самолётов, и они совершали свои налёты, и целые кварталы в Вене исчезли. Нам пришлось их восстанавливать. Вот такие мы были оккупанты... Ну, что, ещё по одной или хватит на сегодня? — спросил Михаил Николаевич.

— Давайте воздержимся. Вы же мне хотели грибные места показать.

Мы поднялись из-за стола, вышли на веранду, обулись и пошли по тропинке, а потом ушли влево от неё. Алексеев часто повторял одно и то же слово «Осторожно!»

Когда я поинтересовался почему — ответ ошеломил меня:

— Да ты, земляк, на грибы наступаешь. Видишь, листва приподнялась — значит, гриб, нагнись, присмотрись, срежь его ножичком, чтоб грибница осталась.

Мы прилично походили по даче, я почти промок, дождей так и шёл. Остановились около ворот. Михаил Николаевич попросил меня:

— Подожди немножко, сейчас схожу в дом и принесу тебе подарок. Зайди вот сюда, под навес, — и он махнул рукой в сторону деревянного домика, где писал «Карюху».

Через некоторое время хозяин возвратился и подал мне пакет, в нём была книга.

— Не открывай пакет, а то намочит книгу. В Доме творчества посмотришь... Вот осенью, в конце ноября, поеду на малую родину, заеду к тебе на недельку. Я последние годы свой день рождения праздную около «Вишнёвого омута». А ты, Эдуард, найдёшь мне по силам и возможности работу у себя на подворье? Вот и хорошо, что доверишь мне овечек убирать. Вспомню детство. Работать люблю, до костей я сельский мужик.

— Не понял я, Михаил Николаевич, о каком дне рождения вы говорите? У вас же в мае месяце день рождения.

— Нет, не всё ты знаешь обо мне. В паспорте моём проставлено: родился 6 мая 1918 года. И месяц, и число эти возникли из небытия. Дело было так: когда я поступал в 1936 году учиться в Аткарское педагогическое училище, то необходимо было представить метрическую выписку о моём дне рождения. Запросили в сельском Совете села Монастырского. Поскольку метрик в Совете не оказалось (в тридцатом году они были уничтожены каким-то местным активистом-атеистом, потому как были религиозного происхождения), в сельском Совете обратились за помощью к потолку. Так и записали, как потолок подсказал: 6 мая 1918 года. А я родился 29 ноября, настолько привык к этому, что ни о какой другой дате и думать не хочу... Старшая моя сестра Анастасия, например, убеждена, что произошло это двадцать первого числа. Но главное для меня стало то, что прежние времена новорождённые автоматически наследовали имена святых. Значит, я родился в районе Михайлова дня. А Михайлов день бывает только в ноябре.

— Да, вы правы, Михаил Николаевич, — сказал я. — У меня тесть родился в ноябре месяце, правда, 1913 года, но день рождения всегда ему отмечаем на Михайлов день. И зовут-величают его Михаил Ильич.

— Вот, вот, и я об этом говорил и говорю. В своих биографиях писал об этом даже. Найди мою книгу «Меж дней бегущих» (Москва, издательство «Современник», 1986 год), там, в статье «Познай самого себя», об этом я подробно всё рассказал.

(Кажется, эту книгу и первое издание в сиреновой обложке «Вишнёвого омута» я приобрёл в букинистическом магазине — и где, думаете? — в Забайкальском крае, несколько лет назад!)

Михаил Николаевич крепко пожал руку и произнёс:

— Жди поздней осенью. Обязательно приеду к тебе...

А я, уже в комнате Дома творчества, достал из пакета прекрасно оформленную книгу «Михаил Алексеев. Драгуны. Карюха. Рыжонка. Трилогия» (Москва, «Современный писатель», 1998 год). Открываю и читаю: «Книга издана к 80-летию благодаря губернатору Саратовской области». А на титульном листе: «Земляку и талантливому писателю Эдуарду Анашкину на память и с глубоким уважением. М. Алексеев. 11.09.2003 г. Переделкино».

Перед Новым годом начальство сообщило, что я в отпуск иду по графику, перед Рождеством Христовым. Хорошо, очень хорошо. Праздник буду дома со своей семьёй, а затем поеду в Москву — надо решить кое-какие свои вопросы, повидаться, поговорить со своими друзьями-писателями, коллегами по перу.

Позвонил Михаилу Николаевичу, сказал о своём плане. Ответ был краток:

— По приезду позвони. Жду тебя в любое время суток.

Я постоянно думал, как помочь Михаилу Николаевичу с его больными ногами. Перебирал в памяти все растения, травы, которые произрастают у нас в степи. И вспомнил: у меня в саду, около забора, растёт топинамбур (мы называем это растение земляной грушей). Мой друг, актёр, режиссёр, поэт Володя Осипов, когда бывает у меня, постоянно прикладывает широкие листья земляной груши к своим больным ногам, говорит, что на время боль исчезает, как бы затухает.

Всё лето я собирал листочки земляной груши, связывал пучками и сушил в тени, на ветерке, но чтоб солнце не попадало. И вот везу в Москву Алексею целый пакет высушенных листов. Хочу, чтобы помогли Михаилу Николаевичу. Дай Бог! А приготовить всё это — пустяк, в кипятке опускаешь листья, они размягчаются, прикладываешь к ногам, на несколько минут укутываешь ноги тряпкой или полотенцем, и так несколько раз и несколько дней. Улучшение должно быть.

И вот я снова у Михаила Николаевича. Сидим в его кабинете, беседуем. Я, конечно, расстроен. Оказывается, зря привёз листья земляной груши. Михаил Николаевич расстроился не меньше меня.

— Спасибо тебе, дорогой Эдуард! Спасибо! Но мне нельзя прикладывать к ногам ничего горячего. А листья распаришь и приложишь, что будет? Ноги не выдержат, да и сам тоже. Знаю, сколько трудов тебе стоило не только вырастить, собрать, правильно высушить и доставить. Дай я тебя обниму, — и он прижал меня к своей груди.

Говорит хозяин дома, а я больше слушаю:

— Я тебе подписывал свою главную книгу «Мой Сталинград». Выступая в Центральной библиотеке имени Ленина, об этой книге я говорил так: «Мой Сталинград» — это действительно мой, а не чей-то там Сталинград. Каждый из нас, кто был там, мог сказать: Сталинград — это моя судьба. И из слагаемого миллиона судеб зримо предстаёт судьба победителей и побеждённых, судьба живых и мёртвых, больше мёртвых, чем живых...» У меня много боевых орденов и медалей: два ордена Красной Звезды, два ордена Отечественной войны II степени, две медали «За боевые заслуги» и много ещё других. Первую боевую награду медаль «За боевые заслуги» я получил в Сталинграде, и получил я её за то, что когда сменил выбывшего командира роты, вывел бойцов из окружения. Но для меня самая дорогая награда, самая ценная — это медаль «За оборону Сталинграда». Вот подожди, что покажу...

Михаил Николаевич поднялся из-за стола, подошёл к книжному шкафу, достал из какой-то коробочки уже пожелтевший, четверо сложенный лист бумаги. Я развернул его:

*За нашу Советскую Родину
Удостоверение
За участие в героической обороне Сталинграда
политрук Алексеев Михаил Николаевич
Указом Президиума
Верховного Совета СССР
от 22 декабря 1942 г. награждён
медалью «За оборону Сталинграда»*

Это не орденская книжка, а обыкновенный плотный лист бумаги, уже изрядно пожелтевший.

— Сразу после журнальной публикации романа «Мой Сталинград» я был приглашён посетить Францию. Пригласили меня из четырёх городов. Французы повторили одно и то же: «Там, на Волге, вы спасли не только свою страну, но и нас». Во Франции я посетил мемориал Второй мировой войны: они собрали кинохронику всех союзников-победителей. Две двери — на левой написано: «1945», на правой: «1939», год начала Второй мировой войны. Медленно спускаюсь по покатому пандусу — и попадаю на войну. Звуки стрельбы, рвущихся авиабомб, грохот рухнувших наземь домов. На нижней точке спуска смотрю вверх — там огромными буквами написано по-немецки одно слово: «Сталинград». Отсюда начался подъём к победе... Я лично написал письмо на имя нашего президента. С верой. Иначе бы я не написал такого письма с почти молитвенной просьбой: «Верните городу имя Сталинград! Ведь это же символ победы над фашизмом не только для нас, но и для всего мира. А мы от него отказываемся. Нас становится всё меньше и меньше, но пока будет Россия — будут наследники победителей в Сталинграде». В ответ — тишина...

Уходил я от Михаила Николаевича опять с дорогим подарком.

— Вот тебе, земляк, мой первый роман «Солдаты». В 2002 году исполнилось 50 лет со дня выхода. Долгожитель, и, главное, читают и у нас, и за рубежом.

Алексеев вручил мне книгу в великолепной обложке: «Солдаты». Роман. (Приволжское книжное издательство, 2003 г., Саратов) с такой записью на титульном листе: «Дорогому моему земляку и прекрасному писателю Эдуарду Анашкину на всё самое доброе. М. Алексеев. 18.01.2004 г. Переделкино».

Пожимая мне руку, Михаил Николаевич сказал:

— Приятно было получить мне такой подарок к 85-летию. Спасибо землякам! А издана как книга? Чудесно!..

В январе месяце 2005 года, уже поздно вечером, зазвонил телефон. Поднял трубку и услышал голос Алексеева:

— Не спишь ещё, Эдуард? Нет? Хорошо! Жду тебя 19 января, в день великого праздника Крещения Господня в конференц-зале Союза писателей на Комсомольском, 13, в пятнадцать часов. Мне будут вручать премию «Имперская культура» за повесть в письмах «Через годы, через расстояния». Не подведи, ты у меня в списке. О финансовых расходах не беспокойся, решим всё на месте.

В трубке прозвучал отбой.

18 числа, в морозный, солнечный день я уже был на железнодорожном вокзале Самары. Но не всегда так получается, как запланируешь. Плацкартных мест не оказалось на фирменный поезд «Жигули», а на купейное не хватило денег. Сутки промучившись, уехал только на завтра, в день великого праздника.

Москва встретила мокрым снегом. Сразу же — на Киевский вокзал, а там на электричку и — в Переделкино.

Сию на даче Михаила Алексеевича. Хозяин отпаивает меня густым чаем с мёдом, а сам рассказывает о торжественной церемонии награждения.

— Какие люди получали премию — гордость России! — восхищается Алексеев. —

Виктор Потанин, Феликс Кузнецов, Семён Шуртаков, Петр Палиевский, детский писатель Светлана Вьюгина, Марина Ганичева — редактор журнала «О, Русская земля!», представители духовенства. Дали слово и мне, как лауреату. На, прочти, — и Михаил Николаевич протянул лист бумаги.

«Мои дорогие, в самом начале небольшой моей повести, которая вдруг подняла меня на такую высоту — награждения Имперской премией, от такого слова даже дух захватывает — мне кажется, я угадал, сказав, что куда бы ни увели меня новые пути-дороги, Сталинград-то меня не отпустит, потому что он во мне, а я в нём. И так будет до конца дней моих. А когда я посетовал на свои ноги (вот и на сцену не могу подняться), дескать, почему они прихрамывают, то они так рассердились, так скрипнули... и я услышал: «И тебе не стыдно? Мы тебя проносили целых две войны и ещё 60 лет в придачу». Так что, простите, ноги мои, вы честно исполнили и исполняете свой долг передо мной... Спасибо вам, мои друзья, мои коллеги, что пришли на этот праздник, прямо скажем, несколько для меня неожиданный. Выходили у меня большие романы, повести, а тут маленькая вещичка — и вы её заметили... К сожалению, не дождавшись всего одного месяца, ушла из жизни женщина, девушка моей юности Оля Кондрашенко, без которой эта книга никогда бы не вышла — шестьдесят лет она хранила письма, которые я присылал ей из Сталинграда, потом с Курской дуги, из-за Днепра, из Венгрии, Румынии, Австрии, Чехословакии... до самого последнего дня моего участия в Великой Отечественной войне... Да, есть женщины в наших селеньях, и городах, и в весях... И останутся они моими «кивушками не плакучими»... до конца моих дней. Как важно, оказалось, связать нас, русских писателей, узами нравственными, духовными с Православной церковью... И вы видите, как здорово мы выиграли во всём... Спасибо вам, дорогие друзья мои!»

— Хорошо сказано, — произнёс я. — Главное, что вам эту премию вручили в год празднования 60-летия Победы над фашистской Германией.

— Знаешь, а нас всех собравшихся в зале тронуло Слово Агафангела, митрополита Одесского и Измаильского, постоянного члена Священного синода Украинской Православной Церкви, по случаю награждения его премией «Имперская культура», — с радостью сказал Михаил Николаевич, — до слёз меня тронули его правильные слова.

Помолчав, хозяин дома продолжил:

— Не велика материальная составляющая (диплом и ценный подарок) этой премии, но её авторитет среди деятелей отечественной культуры и науки чрезвычайно высок. Я не знаю, кто, друзья или недруги, подсчитали, что я лауреат 73 литературных премий. Ну а теперь могут и ещё одну приплюсовать — получится 74. А вот две главные премии прошли мимо меня. Это Сталинская и Ленинская. Был в списках награждённых утверждён, но в самый последний момент — вычеркнули. О Сталинской ты знаешь, об этом много писали и говорили. А вот о Ленинской была тишина долгое время... После статьи Миши Лобанова «Освобождение», опубликованной в журнале «Волга», начался большой шум. Даже ЦК КПСС вмешался. А до этого члены комитета по Ленинским премиям единодушно проголосовали за присуждение Ленинской премии автору «Драгунов», то есть мне. А после статьи сверху даётся указание отменить результат, и я лишуюсь премии... Сейчас столько всевозможных премий, что не счесть, и многие идут на развал России. А вот Сталинская и Ленинская были, наоборот, на укрепление, на усиление Родины.

— Михаил Николаевич, а как дела с «Оккупантами»? Не пишется?

Алексеев махнул рукой и с обидой ответил:

— Ты что, земляк! Этот автобиографический роман идёт к своему завершению. Вот немного времени им не занимаюсь, в сторону отложил...

(Роман «Оккупанты» был напечатан в журнале «Роман-журнал XXI век» в № 9 за 2006 год с продолжением.)

— Всю войну я вёл переписку с одной женщиной, её звали Ольга Кондрашенко. У нас была влюблённая и светлая переписка. Посылал ей письма из Сталинграда, Курской дуги, с Днепра, Румынии, Венгрии, Австрии, Чехословакии. Она их все сохранила. И вот на основе этих писем я сел за рабочий стол и на одном дыхании написал повесть. Она вышла в прошлом году под названием «Через годы, через расстояния», хотя первоначально на-

звание повести было такое: «Лирическая повесть в письмах». Все узнали о нашей былой любви. Но не узнает о ней только Ольга Николаевна — книга вышла после её смерти. Это была совершенно потрясающая женщина. А сейчас я опять за столом — продолжаю автобиографический роман «Оккупанты». Так что работаю...

— Михаил Николаевич, а на чём вы добрались до Москвы, до Союза? Неужели на электричке?

— Нет, Эдуард, что ты... Ноги!.. Раньше, когда приглашали, присылали машину, а сейчас всё меньше и меньше, причины находят: то бензина нет, то машина сломана. Но у меня есть настоящий друг, скромный человек, но с золотыми руками, большой поэт Константин Васильевич Скворцов. Что его ни попросишь, обязательно сделает. А уж о машине не говорю, доставит и привезёт обратно бережно. У него своя машина...

Я нагрелся в тёплом доме Алексеева не только от горячего чая, но и от тёплого, доброго внимания, которое мне оказывал Михаил Николаевич.

Уходил с тяжёлым пакетом-подарком. Хозяин — патриарх советской литературы, подарил мне собрание сочинений в шести томах издательства «Молодая гвардия».

— Сохранил один экземпляр шеститомника, хотя и вышел он почти двадцать лет назад, — задумчиво проговорил Михаил Николаевич, обнимая меня. — Всё лежал на всякий случай. И вот он случай подвернулся. Я люблю тебя, прижимаю к сердцу, как Александр Фадеев меня когда-то давно пригрел на своей груди. Удачи тебе в творчестве...

В 2006 году мне не удалось побывать в Москве, на работе не отпустили в отпуск — началась экономия. Однако в январе 2007 года получаю вызов из Союза писателей приехать в столицу — оказывается, мне присудили Всероссийскую литературную премию «Имперская культура» за книгу «Лети, мой блистательный снеже...». Собрался, поехал. Из Дома творчества позвонил Михаилу Николаевичу. В трубке знакомый женский голос: «Михаил Николаевич тяжело болеет. Не беспокойте...»

Уезжал с щемящим сердцем. Тяжело было на душе.

20 мая, вечером, закончив дела на огороде, зашёл в дом. Не успел умыться, привести себя в порядок — телефонный звонок. Голос Дианы Кан: «Где ты пропадаешь? Дозвониться не можем. Вчера Алексеев умер». Трубка выпала из рук.

Сразу же за свежую почту — в газетах ни строчки. По «ящику» также тишина.

«Что же делать?» — в голове только такой вопрос. Звоню в Союз писателей. Отвечает дежурный охраны: «Да, правду вам сообщили. Похороны на Переделкинском кладбище...»

Сел, подумал, обхватив руками голову. В Москву не еду, потому что на похороны не успеваю. Пусть он в моей памяти останется живым.

У нас в Самарской области почитатели таланта Михаила Алексева узнали о его кончине из газеты «Волжская заря» от 23 мая, где работавшая в то время заведующей отделом культуры известная российская поэтесса Диана Елисеевна Кан дала большой некролог с портретом писателя. А центральные СМИ промолчали.

Через месяц в Союзе писателей России состоялось вручение ордена Петра Великого I степени семье Михаила Алексева. Эта награда Академии безопасности и правопорядка готовилась к вручению большому писателю ещё при его жизни, но так случилось, что была вручена посмертно. Из рук Героя Советского Союза М. Борисова награду приняла внучка М. Алексева Ксения, которой когда-то дед посвятил один из лучших своих романов «Драгуны».

А на родине Михаила Николаевича, в селе Монастырское, по решению Совета депутатов Симановского муниципального образования и при непосредственном участии главы сельского поселения И.П. Трышкина была торжественно открыта мемориальная доска памяти М.Н. Алексева — писателя-фронтовика, Героя Социалистического Труда, почётного гражданина Саратовской области. Этот народный проект осуществили жители села Монастырское, которые проявили инициативу и вложили материальные средства в увековечивание памяти знаменитого земляка. Мемориальная доска установлена на фасаде здания общеобразовательной школы.

А закончить свою статью хочу небольшим отрывком из материала Константина Скворцова «У Вишнёвого омута», опубликованного в газете «Российский писатель» в январе

2009 года, № 1–2: «...Неподалеку от могилы Михаила Николаевича на Переделкинском кладбище стоит расколота молнией ива. Неслышно течёт река Сетунь. Плачет ржавыми слезами небольшой родник. С грохотом, от чего вздрагивает земля, проносятся по дороге автомобили. Но в недолгие минуты затишья в предутреннем тумане заливается и нестерпимо громко на всю Россию поют соловьи, вызывая к её памяти.

Ведь она так неслышно похоронила своего великого сына...»

Да, вот ещё что важно сообщить: коли статья моя выходит в журнале «Сибирь», приведу беседу с Михаилом Николаевичем о его пребывании в Иркутске.

— За год до окончания педагогического училища, — как-то раз в одной из бесед рассказал мне Михаил Николаевич, — был я призван в армию. Это случилось в 1938 году. Службу проходил в Иркутске в одном из стрелковых полков. Я подал заявление в авиатехническое училище, в ту пору очень знаменитое, находившееся к тому же по соседству с нашими Красными казармами, тоже знаменитыми, потому что через них в разные годы прошла чуть ли не вся матушка-пехота. Неожиданно для себя был допущен к экзаменам; сдал их без особого труда, но вот суровую медицинскую комиссию не прошёл — подскочило давление, и на следующий день оказался за воротами училища. Вернулся в Красные казармы, в свой полк, в пехоту, значит.

В 1939 году начались известные события на Халхин-Голе. Полк быстро погрузили и отправили в Читу, в Забайкальский военный округ. Мы думали, что нас направят на юго-восток, но на нас легла ответственность отправлять целые подразделения и офицеров по таким закодированным телеграммам с одинаковым текстом: «Откомандировать в распоряжение Жукова».

Когда события победно закончились, мы вернулись в Иркутск. Меня направили на курсы младших политруков, по окончании которых я был демобилизован из рядов Красной Армии.

Эдуард АНАШКИН

Я рождён в деревянном задумчивом доме...

[illegible]

Заночую,
выпью чаю
И отправлюсь дальше.
Чаю нет —
воды холодной
С отвердевшим хлебом.
И легко мне, и свободно
Под таёжным небом!

161

В пути

Спал городок среди лесных сумётов,
Насквозь
 ветрами зябкими продут.
И было странно после самолётов
Вдруг видеть лошадь,
 сани и хомут.
Ведь только что я видел
 город светлый,
Рекламы,
 заводские корпуса
И самолёт,
 стремительный и смелый,
Взлетающий с разбега
 в небеса.
А здесь —
 доха, пропахшая соломой.

Дорога, заплутавшая в лесу,
И ветер,
 беспощадный и солёный,
Тебя наотмашь бьющий по лицу.
И странно видеть,
 как ложатся чётко
Следы полозьев на ночном снегу
И как бежит лошадка с тёмной чёлкой,
Спеша и спотыкаясь на бегу...
Россия — всё: берёзы и ракиты,
Дымы заводов,
 всполохи рябин,
Россия — всё:
 и ясный взлёт ракеты,
И бег саней
 среди ночных равнин!

* * *

Вся земля — как спящий сад,
Полный свежести и света.
Звёзды мокрые висят,
С синих свешиваясь веток.

Темноты черничный сок
В тишине тягуч и сладок.
Небо — жёлтый туесок,
Полный спелых, красных ягод.

Подарок

Вернулся из Берлина побеждённого
К себе в село Непомнящих Иван.
Вернулся,
 а жена
 уже не ждёт его,
От горьких слёз в глазах её туман:
Недавно
 получила «похоронку».
Бывают же ошибки —
 ну и ну!
А он — живой,
 а он — непокорённый,
Не «без вести пропавший»,
 не в плену.
Народ сбежался к ним со всей околицы.
Нестройный бабий хор заголосил.
Расспросы и объятия;
 а вскорости
Сосед практичный
 у него спросил:
«Иван,
 а в чемоданах этих кожаных,
Небось, привёз берлинское добро?

Излишки-то
 продашь соседям, может быть?»
 «Ну что ж, — сказал солдат ему, —
 добро!»
 Стал доставать он
 белую, лощёную
 Бумагу небывалой чистоты,
 Выкладывал
 по-детски увлечённо он
 Блокнотики, тетради и листы.
 Карандашами —
 красными, зелёными —
 Был и другой наполнен чемодан.
 Переглянулись люди удивлённые,
 Решив,
 наверно, «чокнулся» Иван.
 Лишь только мы,
 как будто заколдованные,
 Глядели —
 ребятишки, мелкота:
 В деревне нашей
 за семью кордонами,
 В глуши лесов — такая красота!
 Мы знали,
 что сражалась с силой чёрною
 Страна
 за нас, советских малышей,
 Не до бумаги было ей лощёной,
 Не до цветных таких карандашей.
 И вот сейчас, как в сказке,
 нас одаривал
 Всех поровну
 солдат
 от все души:
 «Вам это, детвора, от нашей армии,
 Учитесь хорошенько, малыши!
 Случилось так,
 что сам я малограмотный,
 Так вы уж доучитесь за меня.
 И знайте, что бумагу не нагабил я,
 А с бою взял.
 Вот так-то, ребятня!»
 И как довёз он —
 по дорогам тряским,
 Через Европу,
 через всю страну,
 Сюда, в тайгу,
 не деньги и не тряпки —
 Бумагу эту чистую одну!
 ...Прошли года.
 И вот — когда работаю,
 Когда пишу, раскрыв свою тетрадь,
 Одной и той же мучаюсь заботой:
 Подарок тот бесценный оправдать!

* * *

Конечно, да, всё это будет —
Глаза в глаза,
 к щеке щека,
И ветер жизни не остудит
Тепла родного очага.
А может, всё ж —
 в пурге, в круженье,
Влюблённый в неба синеву,
То вечный путник, то отшельник,
Я жизнь на свете проживу.

Я в этом не давал обета
Ни небу, право, ни себе.
Лишь знаю:
 главное — не это
В моих стихах, в моей судьбе.
Ведь всюду,
 где бы ни носило
Меня судьбою ветровой,
Одной тобой я жил, Россия,
Одною, родина, тобой!

* * *

Что случилось со мною и что со мной стало?
Может, действует вид этих снежных полей?
Только вдруг подступила тоска и усталость.
Я один.
 Ни шагов и ни скрипа дверей.
Нету друга со мной,
 с кем бы горькую скуку
Мы прогнали б вином
 и весёлой строкой,
Нет со мной и той,
 чью бы близкую руку
Я пожал и кого бы назвал дорогой!
Всё мне слышится —
 вьюга декабрьская свищет.

Всё мне видится даль
 и снега без конца,
И в далёком лесу,
 на пустынном кладбище,
Среди сумрачных сосен —
 могила отца...
Видно, так и совсем
 захандришь понемногу,
Лучше шапку в охапку —
 и вон из дверей,
Лучше к дьяволу всё —
 и скорее в дорогу,
И скорее на станцию —
 к людям скорей!

* * *

Мне скоро тридцать.
 В окна бьёт рассвет
Холодными январскими лучами.
Мне скоро тридцать,
 скоро тридцать лет!
Всё чаще спать я не могу ночами.
И страшно открывать мне новый счёт
Грядущих лет.
 Как будто я открою
Его —
 и сразу время потечёт
Оттуда
 безвозвратною рекою!
Всё чаще вспоминаю белый снег,
Свою деревню вдоль речного дола,
Всё чаще вспоминаю санный след,
Меня уведший из родного дома.

Всё думаю:
 что я отвечу им —
За каждый день,
 который зря прожил, —
Сибирякам, таёжникам моим,
Коль не свершу,
 что я свершить был должен?
Что я отвечу самому себе,
Идущему с походною котомкой
В простор родных лугов, родных степей —
Юнцу на фотографии далёкой?
Мне скоро тридцать,
 скоро тридцать лет!
Всё чаще спать я не могу ночами.
Стучит тревожно в окна мне рассвет,
Как пальцами —
 холодными лучами.

К 100-летию Леонида Огневского

«Здравствуй, новый день жизни!»

В канун 2014 года в Иркутском областном Доме литераторов прошёл памятный вечер, посвящённый 100-летию замечательного сибирского писателя Леонида Леонтьевича Огневского. Он ушёл от нас в 2000 году, на столкновении и изломе эпох, всего себя отдав той, советской, о которой нам, по всей видимости, ещё предстоит много и въедчиво думать. Он нашёл упокоение на Смоленском кладбище под Иркутском в окружении величественных сосен наших чудо-лесов — таёжных, хвойных, и о тайге всю свою долгую, насыщенную жизнь он не только много и любовно писал, но и защищал её как мог. «Переходя от романа к роману, — как-то сказал он о своём творчестве, — я понял, что пишу своеобразную художественную летопись Байкало-Ангарской Сибири, начиная с коллективизации и заканчивая событиями наших дней...»

Вечер в Доме литераторов собрал друзей и поклонников Леонида Огневского, искренне, а потому по-особенному взволнованно звучали слова о его литературной и человеческой судьбе.

Председатель регионального отделения Союза писателей России поэт Владимир Скиф, открывая вечер, отметил, что Леонид Леонтьевич был отличным рассказчиком, его романы охотно печатали не только у нас в Сибири, но и в Москве. «А каким он был красивым, интересным человеком! Однажды довелось мне побывать с ним в творческой командировке. Ему было тогда 67 лет; выступает он или идёт по улице, такой весь подтянутый, крепкий, загорелый, речь его чёткая, ясная, ну, просто молодой! Знаете, девушки заслушивались и заглядывались...»

Владимир Скиф артистично прочитал отрывок из своего любимого романа Леонида Огневского «Пять жизней в одной», интонационно выявляя живописность языка, незаурядную характерность героев.

Литературовед и критик Валентина Семёнова сказала, что Леонид Леонтьевич запомнился как человек твёрдых убеждений: он знал, о чём пишет и зачем, и его жизненный путь ярко отражает нашу непростую историю, общую судьбу. «Ему был дан дар держать сюжет. А в таком деле, как написание романа, нужны и мужество, и организованность, и неуклонное следование своим убеждениям... Он был атеистом и коммунистом... Скажите, пожалуйста, — обратилась Валентина Семёнова к сыну Леонида Огневского Владиславу Огневу, — в последние

годы его жизни произошли ли какие-то изменения в его убеждениях?»

«Нет, — был ответ. — Он остался атеистом».

Заканчивая своё выступление, Валентина Семёнова вспомнила один случай: «Я однажды видела, как Леонид Леонтьевич бежал к остановке за отходящим трамваем, — стремительно, с ускорением. А ведь ему тогда было далеко за семьдесят... Он очень лю-

В. Скиф, В. Гинкулов, сын Л. Огневского В. Огнев

бил землю и жизнь, написал за свою продолжительную и яркую жизнь немало, только одних романов девять, однако не смог вместить свою любовь в новые социальные рамки...»

Друг Леонида Огневского, старейший иркутский писатель Василий Владимирович Гинкулов, увлечённо вспоминал о годах своей молодости, о своих первых успехах и неудачах в литературе. «С Леонидом я познакомился в 1964-м. Помнится, мою первую повесть «Ленские плёсы» тогда не одобрили, на обсуждении рукописи распекли меня. Я был очень расстроен. Леонид, уже известный литератор, член Союза писателей СССР, подошёл ко мне и сказал: «Твоя повесть — это песнь о нашей сибирской природе...» Спасибо ему: в ответственный момент поддержал! Потом эта повесть, к слову, неоднократно издавалась... Так вот природа, тайга и сдружили нас. А любил Леонид природу страстно и нежно. Бывало, не мог сдерживать чувств. Помню, весной подошёл к берёзе и говорит: «Ну что, милочка, начинаешь принаряжаться? Ну, давай, давай, на танцы беги!..» Или утром выберется из палатки и крикнет на всю таёжную округу: «Здравствуй, новый день жизни!» Удивительным он был человеком...»

Владислав Огнев, вспоминая своё детство, рассказал, как его отец, будучи следователем СМЕРШа, сразу после войны в Риге участвовал в следственных действиях и судебном процессе над девятью эсэсовцами. А происходило это ещё до исторического Нюрнберга. Сразу после оглашения смертного приговора на площади города состоялась прилюдная казнь. Хотя детей и его, ещё тогда подростка, увели с места казни, но эсэсовцев и виселицы он видел. Нелёгкие воспоминания. Но такова судьба. Судьбу же, известно, не выбирают. «Отцом своим я горжусь, — сказал Владислав Леонидович. — Спасибо, что вспомнили».

Александр ДОНСКИХ

«Пять жизней в одной»

Леонид Леонтьевич Огнев (псевдоним Огневский) родился 2 августа 1913 года в деревне Шаман Пижанского района Кировской области в семье крестьянина-середняка. В 1928 году вместе с родителями переселился в Сибирь. Семья работала в колхозе «Победа» Асиновского района Томской области. В 1930 году закончил девятилетку и начал трудовую жизнь. Был учителем — преподавал историю в неполной средней школе. Два года служил в армии, затем до начала Отечественной войны работал корреспондентом ряда газет. Заочно закончил Антирелигиозный институт, три курса Университета преподавателей общественных наук и Ленинградский институт журналистики. После войны работал в газетах Иркутска, редактором студии кинохроники, заведовал литературным отделом радиокомитета.

Именно в Иркутске Леонид Леонтьевич начал активную литературную деятельность: писал стихи, очерки, рассказы и статьи. Публиковался в иркутских газетах «Советская молодёжь» и «Восточно-Сибирская правда», в новосибирском литературном журнале «Сибирские огни», в иркутских литературных журналах «Ангара» и «Новая Сибирь».

Когда началась Великая Отечественная война, начинающий писатель сразу ушёл в действующую армию. Зимой 1941–1942 годов он участвовал в рейдах лыжного батальона по тылам врага, а потом служил старшим следователем военной разведки СМЕРШ, что означало «Смерть шпионам». Был награждён медалью «За отвагу», орденом Красной Звезды, двумя орденами Отечественной войны II степени и другими наградами.

После войны Леонид Огневский вернулся к писательству. Ступенями к будущим крупным художественным произведениям были книги: «Откуда пришёл уголь» (Иркутск, 1953), «Над нами солнце» (Иркутск, 1955), «На другой день» (Иркутск, 1956), «Как мы заблудились в тайге» (Иркутск, 1963).

В 1957 году Леонид Огневский вступил в Союз писателей СССР. Новым этапом в его творчестве стала повесть о тайге «Зелёный шум» (1965).

Верный своим крестьянским корням, Леонид Огневский посвятил много лет упорного творческого труда деревенской теме, создал трилогию, в которой вывел целую галерею любовно выписанных колоритных героев, действующих в разные периоды советской эпохи.

Так сложилось, что путь этой трилогии к читателю был непрост: первый роман «Крылья жар-птицы», написанный ещё в семидесятые годы, был опубликован уже на закате жизни автора в 1998 году. Второй роман «Белый хлеб» увидел свет в 1968-м, третий роман «Берег левый, берег правый» — в 1980-м. Писатель подчеркивал, что адресует свою книгу, в первую очередь, людям, близким к природе, земле.

Вплотную к этим произведениям примыкает роман «Пять жизней в одной», в котором показана драматическая судьба крестьянского парня Родиона Лихова, признанного кулаком и сосланного вместе с близкими родственниками на Север. В этой книге Леонид Огневский обращается к теме коллективизации, пожалуй, впервые в сибирской литературе показывает жизнь раскулаченных крестьян в районах высылки. Пять частей романа — пять этапов жизни героя, пять эпизодов жизни страны. Герой с неординарной судьбой и неожиданные сюжетные линии привлекли к этому роману внимание читателей.

В 1995 году к 50-летию Победы вышел в свет роман Леонида Огневского «Грозный час». Это роман о войне и военном времени: о работе военной разведки, о беззащитности человека перед лицом смерти, о сложных, драматичных судьбах героев — танкистов, артиллеристов, разведчиков, партизан. Неожиданно свалившееся на героев счастье на войне сменяется болью потерь и предательства.

Скончался писатель 26 февраля 2000 года. «Он прожил пять жизней в одной» — так, наверное, можно сказать о судьбе Леонида Огневского.

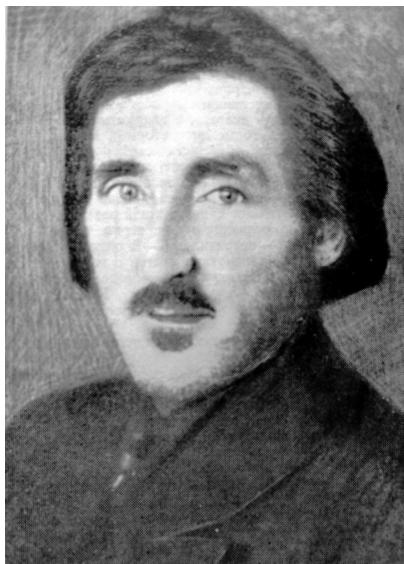
Основные издания Леонида Огневского, хранящиеся в библиотеках Иркутской области

1. Огневский Л.Л. Белое пятнышко: повесть / худож. А. Муравьев. — Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1968. — 64 с.
2. Огневский Л.Л. Белый хлеб: роман. — Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1969. — 400 с.
3. Огневский Л.Л. Берег левый, берег правый: роман. — М.: Сов. писатель, 1980. — 344 с.: портр.
4. Огневский Л.Л. Грозный час: роман. — Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1995. — 544 с.: ил.
5. Огневский Л.Л. Зеленый шум: повесть. — Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1965. — 176 с.
6. Огневский Л.Л. Крылья Жар-птицы: роман. — Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1998. — 320 с.
7. Огневский Л.Л. На другой день: роман. — Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1958. — 348 с.
8. Огневский Л.Л. Пять жизней в одной: роман. — М.: Современник, 1980. — 288 с.
9. Огневский Л.Л. Три Александры и я: роман. — Иркутск: Сибирь: Иркутский писатель, 2000. — 272 с. : 1 л. портр.

*Информационная служба МБУК
«Гуманитарный центр-библиотека имени семьи Полевых»*

К 90-летию переезда Александра Балина в Иркутск

А.И. Балин

«Дон Кихот Барнаульский»

В последние годы наметился интерес думающей и читающей публики к творчеству А.М. Топорова (1891–1984), писателя и просветителя, названного современниками одним из последних рыцарей культуры XX века. Он — основатель знаменитой алтайской коммуны «Майское утро» (1920), автор легендарной книги «Крестьяне о писателях» (1930). Но в его огромном творческом архиве до сих пор можно найти истории весьма и весьма любопытные, поучительные даже для искущённого современного читателя. Одна из них связана с именем малоизвестного сейчас сибирского поэта

Александра Ивановича Балина. Его не стало в трагическом 1937 году. Он — жертва большого террора.

В Иркутске А.И. Балин проживал с 1923 года, активно участвовал в литературной жизни города, был любим современниками. Однако сведений о нём осталось очень мало. А потому отрывок из книги воспоминаний Адриана Топорова, выходившей мизерными тиражами в Барнауле в 1970 и 2010 годах, позволит частично восполнить этот пробел.

Отдел критики и публицистики

Жарким летом 1921 года в палисаднике квартиры А.С. Пиотровского, в бору за рекой Барнаулкой, собралась группа молодых литераторов. Константин Петрович Кравцов шутиливо представил приведенного с собою товарища:

— Познакомьтесь: шалун всесветный, но благородный поэт, неискоренимый патриот Сибири, ходячая энциклопедия, Дон Кихот Барнаульский — Александр Иванович Балин. Прошу зачислить в нашу ложу!..

Ему было на вид не более 30–33-х лет. Высокий, тонкий, с сухощавым лицом, на котором сильно выдавался красивый нос с горбинкой, он и впрямь смахивал на рыцаря печального образа. Лохмы небрежно причесанных волос в поэтическом беспорядке покрывали его голову, свисали даже на плечи. Большие светлые глаза лучились тепло и весело. Они сразу же располагали к доверию и влекли к себе...

Скоро Александр Иванович стал в нашей «ложе» общим любимцем. Всех нас удивляли его эрудиция, скромность и девичья застенчивость...

Учиться Александр Иванович начал в Томском университете, а закончил в Казанском по юридическому факультету.

В Барнауле на литературных собраниях поэт часто читал свои стихи и выступал с критикой произведений членов объединения. Эта критика доставляла слушателям истинное наслаждение, так как она всегда отличалась солидной аргументацией, правдивостью, утонченной корректностью и благожелательностью...

Александр Иванович никогда особенно не заботился о своей внешности. Живя бо-былем, он носил простенький костюмишко, обшарпанные ботинки. В стужу ежился в стареньком осеннем пальтишке и кепке. Детская непрактичность причиняла ему много лишений и неприятностей.

В Барнауле, на углу Пушкинской улицы и Соборного переулка, то есть на самом бойком месте, в теплое время почти ежедневно можно было видеть нищего, просившего подаяния. Мы знали, что это был симулянт и алкоголик. Но он так искусно закатывал под лоб глаза, что видны были только их пугающие белки. Сидя на скрюченных ногах возле своей шапки, опрокинутой вниз тулей, он трагическим басом тянул:

— Подайте слепому, не видящему от роду ни солнца, ни луны, ни звезд небесных, ни отца, ни матери... Подайте калеке несчастному. Господь-бог да водворит вас в селениях праведных!..

Один раз мы с Александром Ивановичем проходили мимо этого нищего. Поэт бросил в шапку пятак, остановил меня, стянул с тротуара в сторонку и сказал:

— Посмотрите-ка повнимательнее на этого человека. Он, конечно, не слепой, а как здорово закатывает глаза. Как сидит! Прислушайтесь, как трогательно он причитает... Это же настоящий артист! И только за его артистическое мастерство я всегда бросаю ему пятак, даже последний.

Я возмутился:

— Но ведь он же прожженный жулик!

— Знаю, очень хорошо знаю, но люблю всяческие таланты! Поймите: его голос, глаза и поза убеждают публику. Ему верят... Кто знает, быть может, в этом жулике погиб Щепкин или Качалов!

И потом Александр Иванович рассказал мне несколько биографий талантливых людей, ушедших из жизни незамеченными.

Гуманизм Александра Ивановича распространялся на весь живой мир, а иногда доходил до смешного. Он верил, например, в доктрину «всетождества и всеравенства», перенятую у американского поэта-демократа Уитмена, которым, кстати сказать, в двадцатых годах сильно увлекались и некоторые литераторы в Сибири.

— Это — вершина гуманистической философии, — убеждал поэт, — она противостоит каннибальской философии фашизма, распространяемой на Западе. Правда, она слишком утрирует свои выводы, доводя их до странного утверждения, что нет существенной разницы между букашкой и Гете, но основная суть ее верна.

— Сомневаюсь, — возразил я. — В одном эсперантском журнале была напечатана статья о том, что некоторые австрийские аристократки от безделья основали общество покровительства насекомым. На собраниях этого общества всерьез обсуждался вопрос: морально ли убивать клопов?

— Но я же не рекомендую нелепостей австрийских аристократок!..

Человек не от мира сего, Балин очень нуждался в постоянной бытовой опеке, но ее-то и не было у него в Барнауле. Никто не знал, где, как и чем он питался. Но он никогда и никому не жаловался на свое тяжелое положение. И на вопрос: «Как живете?» — всегда отвечал с добродушно-иронической улыбкой:

— Отлично живу в этом лучшем из миров!

Однако друзья поэта хорошо понимали, что означала эта фраза, и потому умышленно зазывали его к себе потолковать, а заодно и покормить чем-либо.

Александр Иванович часто удивлял парадоксами и в суждениях, и в поведении. Он не терпел галстуков, которые называл «собачьей радостью», не мог без возмущения видеть живые цветы на похоронах.

— И так у нас всегда и всюду. Чтим мертвых. Живых — редко... Цветы на похоронах —

это помпезная демонстрация лицемерия. И зачем губить живые цветы вообще? Мне их до боли сердца жаль. Цветы — идеальное воплощение красоты на земле. А люди нещадно уничтожают эту красоту. Надо радоваться живым цветам, ласкать ими глаза, вдыхать их аромат, а не отнимать у них жизнь. Сорванные цветы — трупы...

У каждого человека, любящего живописное и трогательное слово, есть «избранные» поэты. У Александра Ивановича таких «избранных» поэтов, мне кажется, не было. Его широкая душа принимала все истинно высокое, мудрое, прекрасное, созданное во веки веков и всеми народами.

В кружке А.С. Пиотровского А.И. Балин артистически декламировал произведения многих древних и современных авторов, сопровождая их глубокими и оригинальными комментариями. Помню, когда художник Морозов стал было разносить стихи Бальмонта за их «пустозвонную красоту», Александр Иванович горячо возражал и прочел кружковцам содержательную лекцию о Бальмонте, о его «чарах слов». В заключение он воскликнул:

— Позвольте прочесть вам только одно стихотворение Бальмонта!

И он прочел:

*Если ты поэт и хочешь быть могучим,
Хочешь быть бессмертным в памяти людей, —
Порази их в сердце вымыслом певучим,
Думу закали на пламени страстей...*

В этом программном стихотворении Бальмонта, призывающем к творческим дерзаниям, говорилось о кинжалах древнего Толедо с золотым узором по стали и творения поэта уподоблялись этим сверкающим красотой клинкам.

Последовало внушение:

— Каждому поэту нужно переписать это стихотворение и всегда держать его на рабочем столе как напоминание: в поэтическом произведении должны гармонично сочетаться гибкая и крепкая, как сталь, мысль, красота, как золотой узор, и страсть, подобная раскаленному металлу...

* * *

После окончания гражданской войны в Барнаульском уезде всюду развернулась кипучая, многосторонняя культурно-просветительная работа. Особенно в самом Барнауле, где собралось много интеллигентов-беженцев со всех концов России. Необычно забурлила, в частности, и концертная жизнь в городе.

Среди постоянных слушателей концертов был Александр Иванович. Он мечтал о музыкальном воспитании народа, так как вслед за Ушинским считал: когда в наших школах запоют, это будет означать, что мы двинулись вперед.

Еще с 1912 года я знал самого крупного в Барнауле музыканта — пианиста Антония Ивановича Марцинковского. Низенький поляк, ходивший вперед правым боком, обслуживал тогдашнюю верхушку города. Он давал богатым девицам частные уроки игры на фортепиано, иллюстрировал музыкой картины в кинотеатрах и дирижировал хором Дмитриевской церкви, принадлежавшей управлению Алтайского округа кабинетских (царских) земель. В эту церковь ходила молиться только привилегированная публика. И церковный хор Марцинковского был самым большим и лучшим в городе.

Деловой поляк открыл в Барнауле первый музыкальный магазин под вывеской «Эхо». Он помещался в небольшом домике рядом с кинотеатром «Новый мир» на Пушкинской улице. Конечно, магазин был открыт прежде всего ради наживы, однако он в какой-то мере послужил доброду делу музыкального просвещения барнаульцев.

Все члены кружка Пиотровского были близко знакомы с Марцинковским. Александр Иванович очень хотел, чтобы и его познакомили с «музыкальным светилом» Барнаула.

Зная, что я в коммуне «Майское утро» организовал хор и струнный оркестр, Марцинковский предложил мне купить у него ненужную ему хорошую скрипку. Я сказал:

— Только разрешите, Антоний Иванович, прийти к вам не одному, а с тремя приятелями, которые будут в роли жюри при оценке скрипки.

— Пожалуйста, пожалуйста! — согласился Антоний Иванович.

И вот я, Пиотровский, композитор Семен Васильевич Шаронов и Александр Иванович в условленный час пришли к Марцинковскому. Он жил в роскошной квартире. В зале, где маэстро принял нас, стояли обтянутые малиновым плюшем кресла. Не могу забыть смущения Александра Ивановича, с каким он входил в комфортабельный зал. Поэт, увидев себя в большом и роскошном трюмо, как бы окаменел на минуту: так застеснялся он своего непрезентабельного наряда!

— Прошу садиться! — пригласил хозяин.

Я, Пиотровский и Шаронов сели, а Александр Иванович стоял возле кресла и не решался опускаться в него. Я попробовал скрипку, «жюри» одобрило ее. Купля состоялась.

— Антоний Иванович, сыграйте что-нибудь на рояле, — попросил Шаронов.

— Что же?

— Если можно, первую часть «Лунной сонаты», — сказал осмелевший Александр Иванович и сел.

И по квартире поплыли спокойные, мягкие, величественные звуки и как бы заструился серебристый свет луны, заливающий уснувшую землю, навевающий на душу что-то сладостное и таинственное.

Играл Марцинковский проникновенно. Я взглянул на Александра Ивановича. Из-под ладони, прикрывающей его лицо, выкатилась искристая слеза.

А когда мы прощались с музыкантом, Александр Иванович крепко пожал его руку:

— Это — за Бетховена...

По дороге от Марцинковского поэт долго и взволнованно говорил о музыке:

— Из всех искусств музыка — самое могучее средство гуманизации людей. Жаль, что это многие еще не понимают. Но на то и революция, чтобы скоро это поняли все. Приобщение трудящихся к искусству надо начинать с музыки... И не с частушек, а именно с Бетховена и Чайковского, с Шопена и Римского-Корсакова... Неправда, будто гении непонятны простому народу...

Бобыльская жизнь все-таки обрыдла нашему милому Дон Кихоту. В 1923 году он переехал в Иркутск, где и женился на доброй, умной и образованной девушке Брохе Моисеевне Школьник и зажил счастливо. Жена создала ему благоприятную для творчества обстановку.

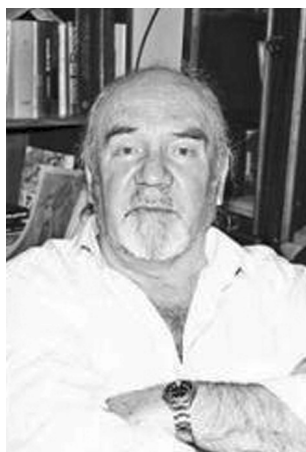
В течение иркутского периода его жизни Александр Иванович написал большое количество стихотворений. В 1934 году Восточно-Сибирское издательство выпустило отдельную книжечку его стихов под названием «Берег». А в 1966 году в том же издательстве вышел наиболее полный, юбилейный, сборник стихотворений Балина «Возвращение». К сборнику приложены воспоминания друзей и учеников поэта и очерк Р.И. Смирнова о его творчестве.

Адриан ТОПОРОВ

К 80-летию Иркутского авиазавода

ИВАН КОЗЛОВ

«Всё выше, и выше, и выше...»

Всё дальше от нас те дни, когда 22 июня 1941 года радио сообщило о начале войны с Германией, а 3 июля обратился к народу Сталин, и по государственному радио прозвучали христианские мотивы: «...Дорогие братья и сестры... к вам обращаюсь я, друзья мои...» И миллионы граждан СССР, прильнув к большим чёрным диффузорам динамиков, слушали речь, которая стала программой на всю войну: ни килограмма хлеба врагу, ни литра горячего — всё вывозить, уводить технику, взрывать мосты и переправы, создавать партизанские отряды — объявлялась тотальная война. Заканчивалась речь знаменитым призывом: «Наше дело правое! Враг будет разбит! Победа будет за нами!»

То трудное время стало суровым испытанием для народа, а для военных и гражданских руководителей страны оно стало школой управления и ответственности за невиданные по масштабам перемещения на тысячекилометровые расстояния огромного количества техники и людей. Для иркутян значимым и ярким событием того времени стала переброска в Иркутск Московского авиазавода № 39 имени Менжинского, приём огромного количества оборудования и тысяч работников с их семьями, реорганизация завода по технологическому слиянию с Иркутским авиазаводом № 125 им. Сталина и запуск конвейера, с которого должны были сходить боевые самолеты Пе-2, Пе-3, Ил-4 и другие, которые участвовали в боях ВОВ. Сегодня, за давностью лет, листая архивные документы того времени, очень трудно представить, что скрывалось за простыми словами «перебросили», «объединили», «наладили выпуск», если не знать, какое сверхчеловеческое напряжение сил и воли потребовали эти действия. Весь масштаб, всё напряжение тех первых месяцев войны, всю

КОЗЛОВ Иван Иванович. Родился в 1936 г., историк. Окончил художественное училище, затем заочно исторический факультет ИГУ. Автор многочисленных работ по истории Иркутска, художественной культуре края. Изданные книги: *Колокола не умолкают* (Иркутск, 1979), *Путеводитель по Иркутску* (Иркутск, 1982), *Самая долгая зима* (Иркутск, 1985) и др. Член Союза писателей России.

горечь и величие событий того повседневного подвига наших сограждан уже здесь, в глубоко тылу, без фальши и пафоса передают «Страницы истории авиационного завода № 39 им. Менжинского: от Москвы до Иркутска» — книга, рассказывающая о довоенной, военной и послевоенной истории нашего знаменитого авиазавода № 39, известного далеко за пределами страны, ибо самолёты, сошедшие с его стاپелей и стендов, и сегодня бороздят небо многих стран мира. Автор книги — инженер-авиастроитель, научный сотрудник авиационного музея авиазавода, автор более 80 научно-технических публикаций, 15 авторских свидетельств на изобретения, кандидат технических наук Геннадий Иннокентьевич Хвощевский, и все сведения по истории, строки писем и воспоминаний и большая часть исторических фактов, упомянутых нами, взяты из его книги.

Иркутский авиационный заложили в 1932 году, и первыми его строителями были жители окрестных окраин и поселений, и жили они в бараках и землянках. Топор, лопата, кайло, телега и лошадь — вот весь набор техники и технологий, с которым приступили строители к созданию авиапромышленности Прибайкалья. Уже позже на завод пришли сотни комсомольцев — ибо комсомол шефствовал над авиацией. В 1934 году в первые заводские корпуса завезли станки и оборудование, заводу присвоили № 125 и имя Сталина. И сразу в серийное производство запустили СБ — скоростной бомбардировщик, созданный в конструкторском бюро П.О. Сухого. С мая 1936 года на заводе наладили производство самолёта, сконструированного в бюро А.И. Туполева, и эти крылатые машины сражались в небе Испании в 1937 году, противостояв авиации фашистской Германии. Как иркутянин, чьё военное детство прошло в Иркутске, как один из первых читателей, память и сердце которого задела многие страницы книги Геннадия Иннокентьевича, я добавлю два-три малых эпизода, которые, как эхо, идут из глубин трудного времени, прожитого нашим городом и страной.

Над моей кроватью висел ситцевый коврик, на котором летели несколько синих самолётиков, а в кабинах сидели лётчики с красными флажками в руках, — это была переложённая на язык детских образов, захватывающая в те годы тема авиации — и мальчики и девочки хотели быть лётчиками и лётчицами. На фоне коврика — фотография, где я и мама, на мне испанская пилотка с кисточкой: об Испании и о наших военных лётчиках говорили тогда много. Я далеко не всегда понимал смысл сказанного, но помню сами разговоры об Испании и самолётах.

*Вспоминаю коврик над кроватью —
Мама вышила синей гладью
Самолётов облачный отряд —
Лётчики в Испанию летят...
Я и мама — мы вдвоём на фотке —
Я в испанке — в шёлковой пилотке,
С кисточкой.
Такие, друг, дела —
Мода на Испанию была.*

Перед войной завод должен был наладить выпуск пикирующих бомбардировщиков Пе-2, и война застала производство уже на стадии испытания первых образцов, но к осени 1941 года положение на фронтах сильно осложнилось — немцы подошли близко к Москве, и пришлось торопиться. 16 октября Комитет обороны принял решение о переводе из Москвы в Иркутск авиазавода № 39 им. Менжинского, и иркутяне готовились к приёму москвичей, а что это означало, можно прикинуть, читая пункты постановления Иркутского правительства того времени, обкома ВКП (б). Это срочная разработка реконструкции завода и его слияния с другим заводом, размещение всё прибывающего и прибывающего оборудования, обеспечение цехов электроэнергией во всё возрастающем количестве, расселение в городе тринадцати тысяч вновь прибывших работников с их семьями, снабжение их продуктами питания, для чего следовало заготовить для фабрики-кухни более 500 тонн картофеля, 200 тонн овощей, обеспечить ежедневную выпечку хлеба, наладить бесперебойную торговлю по карточкам в трёх дополнительно открытых магазинах: люди

должны были хотя бы сносно питаться; все тогда работали на износ. Для доставки рабочих и служащих на работу разработали новое расписание пригородных поездов и запустили дополнительные «передачи» — составы из разнокалиберных пассажирских вагонов, которые тянул паровоз. Что касалось модернизации и строительства дополнительных цехов завода, то требовалось завезти 10 тысяч кубометров пиломатериала и 30 тысяч кубометров фанеры, установить 1300 единиц металлорежущих станков, разместить около сотни ступеней и стенов, изготовить и установить большое количество нестандартного оборудования — печей, ванн, шкафов. При этом завод должен был повышать выпуск самолётов, и уже в декабре следовало укомплектовать и отгрузить 60 боевых машин.

В ноябре в Иркутск непрерывной линией шли поезда с оборудованием, для приёма которого не хватало мест и автотранспорта, а необходимость возврата каждого вагона была строгой: задержка разгрузки приравнивалась к вредительству. Поезда разгружали прямо вдоль дороги, на территории станции и прилегающих площадках. После этого к заводским корпусам тянулись автомашины, конные подводы и деревянные сани-слоги, на которых доставляли оборудование. Работали круглые сутки, почти всё делали вручную, в короткие перерывы спали прямо у костров. Одновременно в цехах шёл монтаж и запуск станков, шла штамповка и расточка деталей, и со ступеней сходили всё новые и новые самолёты. Те дни, тяжёлые и трагические, навсегда запомнили ветераны завода.

Школьницей приехала в Иркутск Галина Алексеевна Андреева. Она хорошо помнила долгий и тяжкий путь в Сибирь: «В Сибирь уезжали спешно. Приехал отец с работы... мать собрала два чемодана и узелок с едой, что было под рукой в доме. Долго чайник искали, который нас выручал потом в дороге. И все это бегом — нельзя было опоздать к поезду. Уселись, кто где успел занять место... Было очень тесно, дети все время пищали, а когда состав тронулся, все сильно плакали. Ехали долго-долго...»

Хаим Владимирович Поляковский, рабочий, впоследствии начальник пирометрической лаборатории, вспоминает: «Октябрь 1941 года. Москва на осадном положении. На улицах противотанковые ежи, надолбы, памятники замаскированы, витрины заложены мешками с песком... Ночью полное затемнение... Женщины роют траншеи, ходы сообщений. Нам же дан приказ выехать в далекую Сибирь. Оборудование завода № 39 погружено в вагоны... Грузили под бомбежкой... Последний заводской эшелон с людьми уходит из столицы 5 ноября 1941 года. Пусто в цехах, лишь сиротливо висят плакаты «Всё для фронта, всё для победы». Эшелон идет в неведомый Иркутск. Самое необходимое взято с собой, остальное брошено. Про Иркутск говорят разное: что он недалеко от тайги и ночью слышен рев медведей, что там 40–50-градусные морозы, и жители все одеты в медвежьи шубы, — значит, дешево, купим... Что будем жить в землянках. Ехали до Иркутска ровно месяц. Пропускали воинские эшелоны на запад, в вагоне спали по очереди или сидя.

Поезд подходит к воинской площадке, до завода идем пешком.

Иркутск-2 — большая деревня, кругом частные дома с огородами — заводской поселок. Около завода несколько каменных домов. Поликлиника, стационар и роддом в одном каменном здании, и бараки, бараки, кругом бараки. Два больших каменных дома — их называют 53-квартирный и сороковка...»

Лариса Дмитриевна Голубина (Таволжанская): «Ехали в теплушке, оборудованной нарами. Вагон отапливался печкой-буржуйкой: в качестве топлива шло всё, что могло гореть. В вагоне много женщин, детей, постоянно не хватало воды, продуктов. На забитых составах станциях мужчины, прежде всего, стремились наполнить кипятком все емкости, а старшие вагонов получить хлеб и продукты... Моего отца — Голубина Дмитрия Петровича, направили мастером в литейный цех. В 1942 году в его группе работала, а после вечерних курсов медсестер ушла на Тихоокеанский флот, Цуканова Мария, будущий Герой Советского Союза».

Всего в Иркутск прибыло около 13 тысяч человек. В те месяцы директор завода И. Иосифович докладывал секретарю Иркутского обкома: «...Положение с жильем... катастрофическое... Ежедневно прибывают в порядке перевода из других городов многочисленные семьи новых работников завода. Нами уплотнены все квартиры и комнаты, заполнены

подвалы и Дом культуры... Жилплощади совершенно нет... Прошу Вас помочь нашему заводу и освободить несколько домов в поселке Ново-Ленино — бывший Порт-Артур, и 40–50 комнат в городе для работников нашего завода».

Какие тут комментарии. Людей вселяли в частные дома, размещали в прихожих и коридорах, в подсобках. Шла перепланировка жилья: ставили перегородки, прорезали двери и окна, молодёжные общежития размещались в подвалах, и всем выдавалась мебель — наскоро сколоченные столы, стулья, топчаны, полки. И при этом никаких послаблений со стороны производства — шла подготовка битвы за Москву.

Х.В. Поляковский: «Дисциплина была на очень высоком уровне. Прогулов без уважительных причин, опозданий на работу почти не было. Несмотря на тяжелые условия жизни и трескучие морозы, болели не многие. Удивительно — откуда брались силы, здоровье. <...>

Продукты были строго лимитированы: 800 граммов хлеба на работающего, 400 на иждивенца. К концу войны 700 граммов на работающего... Работала фабрика-кухня и столовая в бараке, возле завкома. На обед галушки и какая-нибудь каша... У нас была мечта — поесть вдоволь хорошего хлеба... На рынке мешок картофеля стоил 2500 рублей, буханка хлеба 250 рублей, посыпанная булочка 35 рублей... Кто оставался на сверхурочную работу, получал дополнительный талон на ужин. Он назывался ВГП — второе горячее питание, и действовал только один день».

Г.А. Андреева: «Приехав из Москвы в Иркутск, отец и мать сразу стали работать на заводе. Мы, ребяташки, весь день сидели в комнате барака, запертые на ключ. В обед отец приносил буханку хлеба, мать разрезала её пополам: одну часть съедали мы, а вторую, порезанную на куски, я шла продавать к заводской столовой. Взрослым нельзя было торговать пайковым хлебом, а на ребяташек глаза закрывали...»

Нам, детям войны, хорошо знакомо это сидение под замком. Когда в самом начале войны наш детский сад № 12 в ИТР-городке закрыли на переоборудование под госпиталь для раненых, детей водить стало некуда. Мать и отец уезжали на работу, а меня запирали в комнате, и я сидел целыми днями один, смотрел в окно, разглядывал картинки в книжках, находил на столе свой немудрящий обед, спал, снова смотрел в окно до тёмных сумерек, и хотя знал, как, подставив стул, дотянуться до выключателя, свет не зажигал — нельзя было. В городе соблюдалась светомаскировка, и мне было наказано свет не включать. Страшно не было, но было тоскливо и одиноко до слёз — за окнами и в доме темно. Иногда я просыпался ночью, а в комнате горел яркий свет, окна были завешаны большими суконными одеялами, отец и мать тихо разговаривали за столом, пили чай. Было неописуемым счастьем выскочить и влезть к отцу на колени и тут же заснуть в тепле его рук. На-завтра, когда меня будило солнце, дома уже никого не было. Читаю воспоминания Галины Алексеевны и испытываю какую-то наивную гордость за моё поколение: мы, дети войны, полностью делили со взрослыми невзгоды военного лихолетья, хотя и не осознавали этого. Если надо было, мы сидели взаперти, ели, что было нам оставлено, рисовали на подручной бумаге бои, где всегда горели немецкие самолёты, а наши носились в облаках. А когда нас выпускали на улицу, мы гуляли, играли, посещали детские площадки и со взрослыми соседскими мальчишками, а им было по 10–11 лет, ходили на ангарский мост и смотрели, как внизу, на железнодорожных путях, разгружали санитарные поезда — переносили на носилках или вели под руки, садили и укладывали на подводы и в небольшой грузовичок измученных дальней дорогой людей, с костылями и палками, с забинтованными глазами и руками. Потом снова открылись наши детсады, а к концу войны уже началась школа.

Из воспоминаний Г.А. Андреевой: «Жили более чем скромно. Позже, во дворах барачных, несмотря на нищету, закипела настоящая жизнь. Те, кто постарше, играли в лото и домино, молодежь вечерами устраивала танцы под гармошку. Обстановка в наших домах была очень хорошей — соседи были друзьями».

Госпиталь 934 разместили в санатории ФТИ, ныне курорт «Ангара», и нам вернули наш отремонтированный и полублагоустроенный детский сад № 12. Госпиталь находился в сосновом лесу, через дорогу — нынешняя улица Маяковского, и мы ходили к раненым,

читали им стихи, играли какие-то сценки, типа «Красноармейские полянки», дарили рисунки, пели песенки, а я, помню, вдохновенно читал выученные вместе с отцом стихи Лермонтова.

*И молвил он, сверкнув очами:
«Ребята, не Москва ль за нами?
Умремте ж под Москвой,
Как наши братья умирали!»
И умереть мы обещали,
И клятву верности сдержали
Мы в Бородинский бой.*

Госпиталь 934 был в основном ожоговый — там лечили танкистов и лётчиков, горевших в танках и самолётах. Тогда их в основном привезли после разгрома фашистов под Москвой в ноябре–декабре 1941 года, и я не понимал, почему раненые плакали и дарили нам конфеты и яблоки — неслыханное лакомство. И лакомства, и слёзы — я всё относил на счёт своего актёрского таланта.

Несомненно, нам было легче, чем эвакуированным детям: они покинули родной кров, оказались в далёком, перенаселённом городе, и об этом сказал в своей книге Геннадий Иннокентьевич: «Несмотря на традиционное сибирское радушие и гостеприимство, приехавшим москвичам вдали от дома было гораздо труднее, чем иркутянам... Особенно тяжело им пришлось в первую зиму: голодный быт с питанием по карточкам, скученность в бараках и коммунальных квартирах, непривычные холода, новая обстановка... Вначале они выделялись своими европейского покроя одеждами — женщины шубками, шляпками и другими модными вещами, но вскоре все было продано или променяно на продукты, и москвичей уже было трудно выделить среди остальных... Лишь мягкий московский акцент в разговоре отличал их от сибиряков».

Но несмотря на все неурядицы быта, на сложности реформирования и реконструкции завода, боевые машины всё сходили и сходили со стапелей. В октябре–ноябре 1941 года завод выпустил 35 бомбардировщиков Пе-2, а в декабре отправил на фронт 56 боевых машин. Этим машинам досталось прикрывать Москву от налётов врага, а потом громить фашистские дивизии у пригородов столицы.

В 1942 году в общей сложности завод выпустил около шестисот самолётов и начал переход на новую серию бомбардировщиков Ил-4. Они обладали высокими боевыми качествами и вполне соответствовали условиям той войны. Немецкие лётчики по уставу обязаны были заносить в анкеты количество и типы сбитых самолётов для регламентации наград, и даже такие асы люфтваффе, как Хартман, Лент, Вильх и другие, педантично указывали сбитые штурмовики Ил-4 и бомбардировщики Пе-2, за которые им начислялись дополнительные баллы и добавлялись бриллианты к наградным крестам. Враг высоко оценивал качество наших самолётов. Уже к концу 1942 года немцы стали терять господство в воздухе. На самолётах сибирских заводов сражались Герои Советского Союза Кожедуб и Покрышкин, на пикирующих бомбардировщиках Пе-2 сражался женский авиационный полк Героя Советского Союза Марины Расковой. Отвоёвывать небо у врага им помогал героический тыл.

Из письма Клавдии Христофоровны Касьяновой, работавшей на заводе с 1938 года: «...Магазины были забиты банками с консервированными креветками, и на карточки вместо масла и мяса давали эти креветки. Хлеб булками не продавался — только кусочками по 200 грамм... Завод работал круглосуточно, но изредка нам предоставляли выходные дни... Мы выезжали в ближайшие деревни и меняли вещи на продукты питания, чаще на картошку... На заводе была «железная» дисциплина... Запомнился новый директор завода Виктор Иванович Абрамов, красивый, но очень строгий, всегда ходивший в генеральской форме.

Служащим отдела, в том числе и мне, приходилось заниматься уборкой территории завода в вечернее время. Работники основных цехов к этой уборке не привлекались, по-

скольку нужно было выпускать определенное количество самолетов в день, что являлось большим секретом...»

С продуктами было трудно на протяжении всей войны, и иркутяне помогали эвакуированным как могли. В сорок третьем или в сорок четвертом году мы с теткой Марией и сослуживцами матери и отца — все вместе ездили садить, а осенью копать картошку где-то в районе станции Половина. В тот год на тех полях случился хороший урожай (только наша семья собрала тогда более сорока кулей), и картошку доставляли в товарных вагонах на станцию Иркутск-2, и сразу же на ветке у вокзала картошку развозили на тележках и подводах куда назначалось. На авиазаводе в те годы работал друг моего отца чертёжник и художник Григорий Глухов, которого я звал просто дядя Гриша. С его дочерью Нелей Григорьевной Шихалевой, преподавателем хорового пения в Шелеховской музыкальной школе, я дружу по сей день. Там же на авиазаводе работал слесарем-сборщиком дядя Коля Попов, муж маминой сослуживицы, Марии Ивановны Поповой, и вот тогда, как гласит семейное предание, прямо от вагонов более двадцати кулей с картошкой отец отправил на фабрику-кухню авиазавода. Это не много, но и за эту малость завод не ограничился простым спасибо. Уже тогда с запада приходили целые платформы металлолома на переплавку на заводе имени Куйбышева, и шёл к нам в основном мелкий лом — раздавленные танками пулеметы, разорванные, помятые и разбитые винтовки, горы простреленных касок, сломанные штыки, искорёженные пистолеты и наганы, части от велосипедов немецкой пехоты, остовы мотоциклов и много другого металла. С разрешения руководства завода дядя Коля Попов в нерабочее время выбрал из этого лома остатки рам, зубчатые передачи и порванные куски велосипедных цепей, выправил, подновил, скрепил сваркой, зачистил и нанёс зеркальное хромирование на рули, на ободья и втулки колёс, покрасил раму и даже нанёс на неё художественный бронзовый трафарет. В один из дней он прикатил к нашему дому два велосипеда — мужской, а другой женский. Это была не плата, а благодарность, которую исполнил дядя Коля Попов от имени заводчан.

Женский велосипед был с низкой изогнутой рамой, а его заднее колесо закрывала сетка, чтобы подол платья не попадал в спицы. Ни брюк, ни трико женщины тогда не носили. На этом дамском велосипеде я учился кататься, потому что на мужском не доставал ногами до педалей. Когда я выкатывал велосипед на улицу, все местные мальчишки, да и взрослые тоже, подходили посмотреть на это чудо, сотворённое руками мастера-авиастроителя.

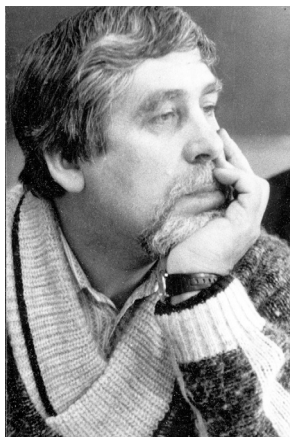
* * *

Книга Г.И. Хвощевского о довоенной, военной и послевоенной истории Иркутского авиазавода и нашего города — это большое, в 450 страниц, издание, богато иллюстрированное, напечатанное на великолепной бумаге и снабжённое полным справочным аппаратом. В книге использованы архивы и фонды музея Иркутского авиационного завода, а также архивы и фонды других хранилищ. Это рассекреченные документы, воспоминания ветеранов, письма, фотографии и многое другое, что хранилось под грифом «Секретно». В определённой мере эта книга есть результат усилий многих людей, хотя собрал, изучил, систематизировал материал и написал книгу один человек — Геннадий Хвощевский, который много лет занимается изучением малоизвестных страниц сибирской истории. В книге много имён, никогда не публиковавшихся документов, вполне уместных и понятных людских откровений, что и отличает её от сухих академических работ. В то же время это выверенный документ, а потому, как отметил во вступительном слове генеральный директор ИАЗ — ОАО филиала «Корпорации «Иркут», кандидат технических наук Александр Алексеевич Вепрев, книга с «интересом будет встречена не только иркутскими авиастроителями, но и всеми, кому небезразлична история развития боевой отечественной авиации». Несомненно, книга войдёт в богатый краеведческий фонд истории нашего края и нашего города. Она написана простым, ясным слогом, и всё сказанное автором, сказано со знанием дела, с чувством гордости за сибиряков, за своё отечество, где он не сторонний наблюдатель, а участник многих славных дел заводчан, чьи самолёты и сегодня утюжат и охраняют небо многих стран.

Иркутские авиастроители имеют богатые литературно-публицистические традиции — с заводом связано немало имён талантливых поэтов, драматургов и публицистов. Поэт Василий Фёдоров, лауреат Государственной премии, автор великолепных поэм и стихов, чья память увековечена в городке авиастроителей мемориальной доской. Поэт Денис Цветков, патриарх заводской династии, сам проработавший на заводе полвека и не так давно отметивший своё девяностолетие. Драматург Белла Левантовская, пьесы которой успешно шли в иркутских театрах. Алла Чаркова, написавшая о заводе две книги. Поэты Василий Козлов и Владимир Скиф, наши современники, первые литературные опыты которых связаны с заводским литературным объединением «Парус». Несомненно, что «Страницы истории авиационного завода № 39 им. Менжинского: от Москвы до Иркутска» Г.И. Хвощевского пополнят культурно-исторический арсенал завода и наш общий книжный фонд и послужат благородному делу воспитания последующих поколений авиастроителей.

ВЛАДИМИР СКИФ

Байкальское Переделкино

Главы из книги

Владимир Жемчужников и Нелли Матханова (Писательский дуэт)

Да, именно так мне хочется называть эту известную не только Иркутске, но в России и за рубежом писательскую семью. И не только мне одному. В своё время о новой книге Жемчужникова и Матхановой «И в Сибири сакура цветёт» театральный критик Светлана Жартун написала статью, назвав её «Драматургический дуэт».

Их произведения, совместная писательская жизнь и судьба неразрывно связаны с Байкалом, который осенён Божиим сиянием, и не Он ли, Господь, наставляет нас на единение с природой и с великим русским Словом!

Здесь всё располагает к душевному трепету и радости творчества: распадки и поляны, нежно-зелёные весной, благоуханные, насыщенные сочной зеленью летом, золотые и карминные осенью, бело-голубые, с чистейшим снегом зимой; разбросанные, разбежавшиеся

СКИФ Владимир (Смирнов Владимир Петрович), поэт (род. в 1945 г. в пос. Куйтун Иркутской обл.). Автор многих книг, в т. ч.: *Зимняя мозаика* (Иркутск, 1970); *Журавлиная азбука* (Иркутск, 1979); *Бой на рапирах*: литер. пародии (Иркутск, 1982); *Грибной дождь* (М., 1983); *Живу печалью и надеждой* (Иркутск, 1989); *К сопернику имею интерес*: литер. пародии (Иркутск, 1993); *Над русским переулком* (Иркутск, 1996); *Золотая пора листопада* (Иркутск, 2005); *Письма современникам* (Иркутск, 2005); *На срезе времени зелёном* (2006); *Новые стихи* (М., 2007); *Русский крест* (М., 2008); *Молчаливая воля небес* (Иркутск, 2012); *Все боли века я в себе ношу* (Иркутск, 2013); книг детских стихов: *Зайчик* (М., 2007); *Шла по улице корова* (Иркутск, 2007) и др. Член Союза писателей России. Секретарь Правления Союза писателей России. Председатель Иркутского регионального отделения Союза писателей России.

здесь и там деревенские домики, спуски и тропинки. Всё несёт покой и радость, тягу к размышлениям, желание внимать тишине или ветру, гудящему над Байкалом, дождю, теребящему деревья и крыши, байкальскому лесу, обрамляющему врезанный Господним резцом в острые скалы сапфир озера, и постигать смысл жизни, труда и вдохновения.

Владимир Жемчужников и Валентин Распутин

Нелли Матханова и Володя Жемчужников — писатели-супруги, много лет живущие рядом, заботливые и понимающие друг друга с полуслова, тоже стали частью нашего байкальского бытия. Когда-то (будем говорить не Нелли, а как мы все привыкли — Нэля) Нэля Матханова работала журналистом и знала многих пишущих, творческих людей — и маститых, и начинающих. Ей знакомы были художники и артисты, музыканты и композиторы, о многих она писала в своих репортажах и очерках. Знала Нэля и Валентина Распутина, уже тогда набиравшего неизмеримую

в будущем писательскую высоту. Она-то, вслед за Глебом Пакуловым, одна из первых исследовала посёлок Порт Байкал. Вместе с мужем они приглядели небольшой, но очень добротный домик и, купив его, рассказали о своей покупке Светлане и Валентину Распутиным. Так зарождалось будущее байкальское содружество.

А свой дом на улице Горной Володя много раз описывал в своих произведениях:

«Дом мой байкальский стоит на горе на высоте полёта чаек. Каждое лето живу я здесь, у самого чистого моря. Живу и тихо радуюсь, что отыскал на большой земле свой уголок, пристанище души.

И снова под натиском Горной (ветер на Байкале. — В.С.) — как обычно ко Дню Победы — разломало, размолотило на длинные звонкие иглы тяжёлые льды Байкала. По склонам крутых распадков, удивляя нездешней роскошью цветения, багульник занялся малиновым сиянием. На солнопёчных марянах сквозь серый листвова прах пробилась травка и зазеленела вызывающе ярко. Над водой, освобождённой от ледового гнёта, снова слышатся крики, хохот и стоны чаек. Всё повторяется по-старому. Всё разыгрывается по-новому.

Не дачник, не случайный гость, я писал здесь подолгу в любой сезон, в любую погоду. И вместе с этим берегом мёрз в пору ледяного безмолвия и пронизывающего хиуса, вместе радовался весеннему теплу, приходящему всегда с таким запозданием, вместе переживал нескончаемые дожди и грозящие концом света крошечные туманы — как же он не станет родным?

Бывает, сидишь над Байкалом — подёнка-метлячок пред ликом вечности, — замрёшь, весь зрение и слух, и твердишь про себя, как молитву:

— Продлитесь, годы мои, продлитесь. Чтобы я мог долго-долго, и на рассвете, и в полдень, и на закате, видеть эту нерукотворную, непреходящую красоту».

Володя Жемчужников, а в разговорах — Жемчуг, как-то навестил меня весной, мы сидели на веранде, пили чай, и я рассказал ему о том, что на Байкале появилась какая-то необычная птица. Она поёт очень красиво — нежно и тонко, причём явно выговаривая слово «Ски-и-ф». И повторяет слово «Скиф» три раза.

— Вот послушай! — потащил я Володю во двор и докричался до моей волшебной птицы, очень доверительно попросив её: — Пожалуйста, спой! Мы тебя сегодня ждали.

И птица не заставила себя ждать. Усевшись на черёмуху, уже овеванную первым, сквозящим между сизых веток, зелёным пламенем, она присмотрелась к нам, мол, кто такие? Но узнала меня, кивнула Жемчугу и запела звонко, голосисто: «Ски-и-ф, Ски-и-ф, Ски-и-и-и-ф!»

— Вот это да! — восхитился Жемчужников. — Райская птица. Она и выглядит необычно: красновато-золотистая!

Через несколько дней Володя заглянул ко мне и подарил только что написанную им эпиграмму:

*С утра пичуги — «скиф-скиф-скиф»
поют в лесу и в огороде.
Заискивают,
чтоб он в них
не запустил
пародией.*

Жемчужников издал немало замечательных книг, и я здесь приведу несколько автографов на подаренных мне сборниках, среди которых:

«Мужчина в доме» (1972): «Володя! Тёзка! Желаю тебе много-много хороших стихов! 30 сентября 72 г.»;

«Чистые кедрачи» (1973): «Володя! Убегай и ты почаще к воде и лесу! Будь здоров, пиши! 11 октября 73 г.»;

«Белая лайка» (1981): «Дорогой Володя! Дай нам Бог такую милость: пить-не-перепить байкальские чай! С чувствами добрососедства — твой В. Жемчужников. 1999 г.»;

«Уходящая натура» (1984): «Дорогому Володе Скифу свой последний в XX веке и во 2-м тысячелетии автограф дарю со всем моим удовольствием. В. Жемчужников. За три дня до весны 1999 года»;

«На байкальском берегу» (1986): «Дорогому Володе Скифу, «умирая от воспоминаний» (курсив мой. — В.С.) о других временах и других людях — дружески В. Жемчужников. Февраль 96». В автографе Владимиром Жемчужниковым приведена строка из стихов Александра Межирова «Календарь»:

*...Здесь и я с друзьями в соучастье, —
Наспех фотографии даря,
Переформированные части
Прямо в бой идут с календаря.
Дождь на стёклах искажает лица
Двух сестёр, сидящих у окна;
Переформировка длится, длится,
Никогда не кончится она.*

*Наступаю, отхожу и рушу
Всё, что было сделано не так.
Переформировываю душу
Для грядущих маршей и атак,
Вижу вновь, как, в час прощаясь ранний,
Ничего на память не берём.
Умираю от воспоминаний
Над перекидным календарём.*

«Байкальская история» (1995): «Соседи у нас тихие — воду пьют отвёрнутую, под горой — «скифы», за горой — «варвары» (из воспоминаний автора). Всех благ тебе, Володя Скиф — сосед В. Жемчужников. Декабрь 95 г.»

Об этом автографе тоже надо сказать особо. Мой дом расположен на берегу Байкала, там, где начинается Кругобайкалка. Сразу над домом возвышается гора, поросшая багульником и берёзовым лесом, а по другую сторону горы, на самом её спуске находится дом «варвара» — Глеба Пакулова. Почему «варвара»? А потому что Глеб в своё время написал повесть «Варвары» о наших предках скифах.

Вначале у Пакулова был издан небольшой разгоночный сборничек «Тиара скифского царя», а потом уже полноценная приключенческая книга «Варвары», которая до сих пор востребована и постоянно переиздаётся московским издательством «Вече». В 2005 году договорился о выходе в свет этой книги в издательстве «Вече» не кто иной, как наш прекрасный сибирский поэт Геннадий Михайлович Гайда.

И уже после выхода книги из печати в 2008 году от главного редактора издательства Сергея Николаевича Дмитриева я привёз Глебу гонорар. А потом я принимал самое непосредственное участие в издании и вывозе из Москвы тиража другого его романа, «Гарь», о яркой жизни и жестокой смерти великого протопопа Аввакума.

И, возвращаясь к книгам Жемчужникова, приведу ещё два автографа.

«Книга миниатюр» (2007): «Володе Скифу с извинениями за пародии и — в память о нашем байкальском братстве — душевно В. Жемчужников. 11 марта 2009 г.»

Следующая книга была подарена нам с женой уже от писательского друга:

Нелли Матханова, Владимир Жемчужников «Пьесы» (2004): «Володе и Жене Скифам — от нашей семьи — с добрососедскими чувствами — В. Жемчужников, Н. Матханова. 24 окт. 04 г.»

В начале восьмидесятых годов прошлого столетия Владимир Жемчужников написал великолепную повесть о простом деревенском мужике, мастере на все руки, да так живо, интересно и правдиво, что её в советское время фактически запретили печатать. А почему? Наверху сказали: «Безыдейная, про какого-то пьяницу, который и жизнь-то свою закончил под забором — замёрз в сугробе».

Примечательно, что «Повесть о поселковом мастере» Жемчужников писал с натуры. Жил в порту Байкал хороший плотник Максим Алякшин, невысокий, черноволосый, худощавый мужик. Пересмешник, анекдотчик, очень едкий на язык, знавший немало частушек, поговорок и пословиц, всё это обрамлявший трёхэтажным русским матом.

Как-то Володя и Нэля решили реанимировать в своём дворе старую, но крепкую и довольно просторную сараюшку для того, чтобы в ней можно было работать, отдыхать и принимать гостей. Володя отправился звать Алякшина (он в повести назван Малакшиным), чтобы осмотреть сараюшку, договориться о цене и ударить по рукам. Максим пообещал зайти, хотя долго кочевряжился: и то ему не так, и это не этак. Пообещал да и пропал, видно, ушёл в запой. Нэля расстроилась:

— Надо было искать кого-то другого. Видишь, что получается?! — сетовала она, взваливая всю вину на Жемчуга, что он не с тем договорился.

— А я тут причём? — отбивался он — Нагуляется, проспится, появится — начнёт работать. Руки-то у него, говорят, золотые.

— Я этого Алякшина и видеть не хочу, и разговаривать с ним не буду. Я слышала, что он матерится как сапожник, — резонно замечая, но всё-таки подавлявая на Володю, гнула свою линию Нэля.

— Максим — русский мужик. Он матерится для связки речи. Виктор Петрович (Астафьев. — В.С.) тоже матерится, — защитил Алякшина Жемчуг.

— Так то Виктор Петрович! Он вкусно матерится! — засмеялась Нэля. — Ладно, подождём ещё дня два. Если не придёт, будем другого искать, хотя я не уверена, что здесь, в порту, мы ещё кого-то найдём.

Максим явился ровно через неделю. Осмотрели сарай, договорились об оплате. И Максим взялся за дело рьяно, умело, с наработанной за долгие годы мужицкой сноровкой. С похмелья он фактически не болел, и ножовка, молоток, рубанок так и пели у него в руках. Вот как пишет о нём в своей повести Владимир Жемчужников:

«Принеся необходимый материал и инструмент, Максим в два счёта соорудил себе верстак: поставил один толстый чурбак на другой, сверху положил широкую доску, которую одним концом прибил к стене, — и готово, можно столярничать.

Вскоре забегал, заскользил рубанок, оглаживая сосновый брусочек. И волна за волной покатались янтарные стружки-завитушки. И заструился острый смолёвый дух.

Максим едва не приплясывал у верстака, поигрывая брусками. Руки его легко и безостановочно двигались. Инструменты так и летали туда-сюда. Он не брал, а хватал их, не откладывая, а отбрасывая. Он был порывист, ловок и быстр, как мальчишка. Нет, не зря, когда мне его рекомендовали, одна местная женщина, тонко улыбнувшись, назвала его вёртком.

Было яснее ясного: вот теперь он занят любимой работой, делает то, что не каждый плотник сумеет, мастерит достойное его мастерства...»

Когда Максим Алякшин отремонтировал дополнительную площадь для дуэта, то было отпраздновано большое новоселье. На новоселье Нэля с Володей пригласили меня с женой Евгенией Ивановной, Серёжу Иоффе с супругой Линой Викторовной, Алика Стукова с гитарой, художников Толю Аносова, Галину Новикову, писателя-фантаста Бориса Лапина. Торжество было в разгаре, Алик пел свои песни, мы с Иоффе читали стихи и пародии. Жемчужников прочитал свои эпиграммы, в том числе и про птичку, поющую «Скиф».

В нелёгкие девяностые годы прошлого столетия «Повесть о поселковом мастере» вышла отдельной книгой вместе с двумя другими повестями «Белая лайка» и «Уходящая натура» и с большим вниманием была принята сибирским читателем.

Нелли Матханова напечатала свою первую книгу в Москве в 1983 году в издательстве «Детская литература», которая называлась «Чтобы в юрте горел огонь». Творчество Матхановой тоже питал Байкал и, несомненно, сильная по крови, уходящая в глубь веков, бурятская родословная. Не случайно одна из последних книг Матхановой называется «Родные и близкие». Через образ маленькой героини повести Нилки мы знакомимся с детством будущей писательницы. Это её воспоминания о родных и близких:

«Вместе с бабушкой Нилка частенько бывала у тётки Дулмы, которая жила на самом краю улуса и единственная в Алге имела кроме дома летнюю юрту. Там всегда было прохладно и сумеречно. В центре юрты горел костёр. Над огнём висел огромный чугунный котёл, в котором клекотала вода.

Девочка любила смотреть, как горит огонь, то яркий и сильный, то тлеющий, готовый погаснуть в любой миг. Вот его жадные языки охватили весь котёл, поднялись выше, и тётка Дулма, похожая на волшебную укротительницу огня, быстро мешает затуран — бурятский чай, солит, добавляет муку и масло. Пламя обходит её, не касается подола платья и длинных, незакатанных рукавов, будто она заговорена добрыми духами.

В этой открытой любви к огню витали отзвуки силы и власти предков, сохранивших и пронёсших через века верность и благодарность теплу и пламени, благодаря которым через длинную-предлинную цепочку поколений возникла и родилась Нилка, со своим круглым лицом, узкими глазами и двумя чёрными, блестящими от бабушкиного щёлока косичками...

Девочка всерьёз огорчалась, когда в очаге затухали поленья и красные угли покрывались сизовато-белым неживым налётом. Тогда она подходила к бабушке, молча брала её за руку, тянула к очагу, и та снова разжигала костёр...

Мне приходилось встречаться и с Володей, и с Нэлей у них на даче и у нас на улице Вокзальной, где мы обихаживали подаренный нам домик. Надо сказать, что он стоит прямо на берегу Байкала и, в отличие от других дач писателей и художников, находится недалеко от станции, откуда отправляются поезда, и он же — самый близкий к причалу, где швартуются теплоходы и где причаливал наш трудяга «Бабушкин», ежедневно исполнявший роль рейсового теплохода.

В порту «Байкал» у теплохода «Бабушкин». Слева направо: дочь Даша, В. Скиф, мама В. Скифа Надежда Прокопьевна, муж старшей сестры Николай Данилович, сестра Валя, сестра Оля

«Бабушкин» всегда ходил по расписанию и даже был приспособлен этим расписанием к приезду иркутского автобуса, привозившего нас на Байкал. Так вот, наш дом всегда был и остаётся перевалочным пунктом для многих наших друзей, идущих порой с непомерно большим грузом. Бывало, часть груза оставалась у нас, и человек уносил другую часть к себе домой, а потом возвращался за оставшейся. Или, отдохнув и попив чайку, с новыми силами двигался на

свою «фазенду». Нэля и Володя были частыми гостями в домике Распутина, а теперь уже в нашем доме, потому что подниматься им на высокую гору приходилось по крутой, почти козьей тропе.

Помню, как Валя ошарашил художника Николая Житкова, тоже с огромным рюкзаком заглянувшего к нам на огонёк и присевшего на завалинку передохнуть.

— Коля, — подступил к нему Распутин, — а ты знаешь, что наш «Бабушкин» списывают?

— Неужели списывают? А как мы будем добираться к себе на дачи? — задумался Житков.

— Нам дадут такой же теплоход, только поновей. «Москву» дают, слышал? — продолжает Валентин.

— Знаю, что есть такой теплоход, он в Песчанку ходит.

— Вот-вот. Теперь он вместо «Бабушкина».

— А «Бабушкин» куда?

— «Бабушкин» по дешёвке купила Нэля Матханова. Он же списанный.

— А зачем? — недоумевает Коля.

— Ездить на дачу, — совершенно серьёзно, без тени улыбки, говорит Валентин.

— Так у неё же дача на горе! — почти кричит Житков.

— На горе-то на горе. Это да! Она будет доплывать до нас, а потом на вертолёте — на гору, — и Распутин улыбается.

— Валя, хватит меня разыгрывать, — заикаясь, говорит Житков, — а я ведь и вправду поверил: Матханова может всё! Тем более, она — известный журналист. В «Восточке» работает.

Помню, что эту распутинскую байку мы вспомнили с Житковым в 2006 году, когда ходили за опятами. Коля снова улыбался и даже как будто радовался, что этот розыгрыш Валентина происходил с ним, и сказал:

— Я в прошлый раз говорил, что Матханова может всё. Вон про американца пьесу написала.

— Про любовь русской женщины и американца, — уточняю я, — «Из Америки с любовью».

— Да, про этих Скварчелли, что ли? — говорит Житков.

— Склоччини, — поправляю я Житкова, — Лидия и Сильвио Склоччини. Он американский итальянец, живший в Филадельфии, а она молодая русская женщина Лида Мавская.

— Да, вот так история! Он же дом шикарный в Иркутске построил. А потом умер.

— Жаль его, — отвечаю я, — есть про них и пьеса, и документальный фильм Владимира Куренкова «Из Сибири с любовью».

— Склоччини надо было строить свой дом на Байкале. Дышал бы чистым воздухом, купался в холодном хрустале. А теперь дом есть, а человека нет.

Летом у нас бывает много гостей. На фото: Владимир Скиф, Евгения Молчанова, Ольга Вершинина, Иван Козлов

Так мы на грустной ноте закончили это воспоминание о весёлом розыгрыше Валентина Григорьевича, а их случилось довольно много, и особенно с Костей Житковым.

Кстати, после пьесы «Из Америки с любовью» Матханова написала ещё одну пьесу — «И в Сибири сакура цветёт», о горьких, незабываемых страницах русско-японских отношений и, в частности, о войне с японцами, а точнее, о пленных японцах, волею судьбы оказавшихся в России. Вот что говорит об этом сама писательница:

«Это была трагическая и в то же время яркая страница в истории отношений СССР и Японии, русского и японского народов.

...Закончилась война. Во дворе нашего дома стояли студебеккеры — грузовые машины, их ремонтировали японские солдаты. Никаких контактов между жителями и военнопленными не было, пленных строго охраняли.

Однажды к нам в подъезд зашёл японец. Я онемела от страха, не решаясь идти дальше. Мы стояли друг против друга. Японец, худой, измождённый, молча смотрел на меня, будто о чём-то просил... Я не выдержала его взгляда и помчалась домой на четвёртый этаж. «Мама, там внизу японец!» «Ну, чего ты испугалась, — успокоила меня мама. — Это военнопленный солдат, он голоден и хочет есть». Она достала буханку хлеба и сказала: «Отдай ему». Я побежала вниз. Японец стоял, устало прикрыв глаза. Я протянула ему хлеб, он вежливо поклонился и вышел...

Японские военнопленные строили в Иркутске трамвай. Вся детвора с нетерпением ждала праздника, когда красный трамвай, звеня колокольчиком, будет бесплатно катать нас по городу. Я частенько навевалась на стройку. Однажды один из работавших японцев, проходя мимо, сунул мне в руку две галеты. «Спасибо за хлеб», — тихо произнёс он и склонился над рельсами. На моей ладони лежали две воздушные, в форме кирпичика, галеты с надписью из замысловатых иероглифов. Их невозможно было съесть, ими можно было только любоваться.

Японское кладбище в предместье росло. Оставшиеся в живых японцы вернулись на родину. Иногда я вспоминаю того солдата. Жив ли он или похоронен в сибирской земле?..»

Недавно в Японии прошла премьера пьесы «И в Сибири сакура цветёт» и с восторгом была принята японскими зрителями. Нэля Матханова нынче прибаливает и на премьеру не поехала. Я, прочитав пьесу в книге, позвонил ей и сказал, что у меня есть стихи о памятнике погибшим пленным японцам, который установили на берегу Байкала в посёлке Листвянка, и продекламировал по телефону ей эти стихи.

— Вот с кем надо было ехать в Японию на премьеру, с тобой! — воскликнула Нэля. — А то Володя со мной не поехал и меня не пустил.

На открытии памятника погибшим в Сибири японцам

*Берег моря раскалило солнце.
Было жарко. Цепенел Байкал.
Памятник расстрелянным японцам
Открывали у байкальских скал.*

*День в истоме, будто с ног валился,
В прошлое спешили корабли.
Скульптор ждал японцев и молился...
Наконец, японцев привезли.*

*Ах, бывшее, ты неужто было,
Где страна валилась на страну?!
Даже время нынче подзабыло
Ту японско-русскую войну.*

*...Вышли из автобуса японцы,
Встали скобкой у печальных плит*

*И склонили головы, а солнце
Жгло огнём гранитный монолит.*

*Скульптору японка пожилая
Говорила, стоя среди живых:
— Умереть я не могла, не зная,
Где в земле остался мой жених.*

*От былого никуда не деться,
Долго превращалась я в скалу...
У меня из сердца, наконец-то,
Вынули вы острую иглу.*

*...По Байкалу, будто волны, звонко
Расходились памяти круги.
К постаменту старая японка
Положила русские жарки.*

2010

Нэля всегда ко мне относилась уважительно, даже с некоторым восхищением, имея в виду моё нежное отцовское отношение к семье и детям, называя меня уменьшительным именем «Скифочка».

Кстати, когда я взял псевдоним «Скиф», многие друзья и родственники привыкли к нему быстро, и каждый разнообразил его на свой лад. Тёща Виктория Станиславовна называла меня Скива или Стива, почти по Толстому. Асланочка, Светлана Распутина, иногда звала меня на итальянский манер Скифэлли. Кто-то говорил Скифарь, кто-то Скифосовский. Жена называла меня Скифкин, племянница Настя — Скифарелли, подруги жены — Скифчик, а многие друзья-поэты — Гена Гайда, Вася Козлов, Боря Архипкин, драматурги

Володя Гуркин, Владимир Удатов — Скифа. Досталось и моей половине: я называл её — Скифка (жена Скифа), а один наш знакомый фотограф называл Женю — Скифиня... У меня копятся разные смешные истории, связанные с псевдонимом. Некоторые из них я уже издал в юмористическом сборнике, напечатанном издательским центром журнала «Сибирь», — «Писатели улыбаются».

Творчество, юмор объединяли нас всегда. А на Байкале особенно.

Теперь Нэля Матханова и Володя Жемчужников реже стали бывать на Байкале, время не жалует нас, но свет Байкала и сердечный свет общения живёт в каждом из нас, негасимый и незабываемый.

Порт Байкал. Вокзальная ул., 1

Так я решил озаглавить эту часть моего очерка, потому что в ней пойдёт речь о встречах в бывшем доме Валентина Распутина, о тех счастливых днях, что мы провели и проводим до сих пор в его стенах.

А флигелёк, в котором я сейчас пишу эти заметы, до сих пор хранит большую фотографию Братского острога, прибитую Валентином Григорьевичем на белёную стенку аж в 1975 году, и коричнево-бело-зелёный коврик из куска линолеума на той же стене, и гипсовую скульптуру Максима Горького, и старые журналы, и лежанку, сколоченную его руками из лёгких тесовых досок. Вся эта аскетическая обстановка напоминает мне о тех днях, когда Распутин жил здесь и создавал свои бессмертные произведения.

И дом, и флигелёк помнят и привечают всех своих обитателей — и бывших, и нынешних, живущих на земле или на небе.

Много жизней и много разных историй уместилось в моей памяти, где есть место родственникам и друзьям, и, конечно же, добрейшим, светлым людям, населяющим берега Байкала. Я хочу рассказать о байкальских наших буднях и праздниках, о том, как протекало наше бытование, какими были мы в разных жизнях и разных эпохах, на крутизне великих времён и на качливых волнах теряющего разум человечества.

У иркутского писателя Леонида Огневского есть роман с названием «Пять жизней в одной». Так вот, мы, жившие то в СССР, то в России, то при одной власти, то при другой, при быстро сменяющихся президентах и правительствах, проживаем не пять жизней в одной, а двадцать пять. Как это у Глеба Горбовского:

*Что за странная страна,
Не поймёшь — какая?
Выпил — власть была одна,
Закусил — другая.*

Я совершенно не заостряю внимания на собственной личности, это никоим образом не входит в мою задачу. Я буду просто вести повествование о быстротекущем времени и тех событиях, той житийности, которая нам была отпущена Господом, и не где-нибудь, а на священном Байкале во времена и счастливые, и горькие, на земле, которую мы считаем родной, великой, обетованной.

*И залетела в небеса подкова,
И оказалась у Господних врат...
— Ну, что ж, на счастье! —
Бог промолвил слово, —
Пусть на земле блаженствует мой брат.*

*Господь на землю положил подкову
Среди деревьев и суровых скал.
Как молния, сверкнуло Божье Слово,
И заискрился, зашумел Байкал.*

В. Скиф у сгоревшей дачи

Начну с истории 1987 года, когда у нас на даче произошёл пожар, и мне пришлось восстанавливать дом, обустраивать его заново. Подожгли, видимо, местные мальчишки, ищущие приключений. Погорельцев на Руси всегда искренне жалели, проявляли к ним сострадание, человеческую сердечность. Мне помогали восстанавливать дом мои друзья-писатели: великолепный прозаик Саша Семёнов, писатель-краевед Иван Иванович Козлов, поэты — Василий Козлов и Владислав Пляскин, прозаик Володя Максимов, которому я впоследствии помог поселиться на Байкале и рассказал, где можно купить сруб для дома. Пришли на помощь и очистили дом от мусора наши родственники Марина и Саша Корзун, а жена художника Сергея Прокопчука Мила со своими студентами в два счёта разобрали полуразрушенную древнюю печь, аккуратно во дворе сложили кирпичи, на которых встречались клейма мастеров царского времени. Как только дом ожил снаружи, мы с художником Львом Гимовым обили его дранкой изнутри.

Есть у меня хороший друг, директор Голоустненского леспромхоза Василий Матвеевич Мишуков. В деревне Малое Голоустное его хозяйство в самом начале перестройки приноровилось рубить небольшие дома, бани, летние кухни и продавать желающим. Такой дом из бруса и баню «на курицах» мужики срубили и для Валентина Распутина. Мы с Валеём отправились в гости к Мишукову, и Валеё смог увидеть заготовки своих будущих строений. Василий Матвеевич свозил нас в байкальскую Швейцарию — деревню Нижний Кочергат, где мы, потрясённые, обозревали долину, обрамлённую красивыми горами, горными ручьями и необыкновенной, многоярусной тайгой, опоясывающей этот прибайкальский рай.

В тот год многие мои друзья и родственники, благодаря Василию Мишукову, купили дома в Малом Голоустном — это мой зять, молодой учёный, а в будущем талантливый программист Николай Николаев, актёры Иркутского музыкального театра Ерофей Васильев и Николай Прошин, писатели Валентин Распутин и Владимир Максимов.

Мой дом возродился, как феникс из пепла, благодаря друзьям и родному человеку Николаю Даниловичу Иванову, мужу моей старшей сестры Валентины. Это был человек, наделённый недюжинной силой и особенным талантом печника и плотника. Помню, как он вынимал из стен сильно подгоревшие оконные колоды, заново их затёсывал, срезая уголь

и превращая горелое дерево в жёлтые косяки и подоконники. Таким же образом была обновлена и входная дверь. Через два лета мы вошли в реставрированные стены и, конечно же, под новый потолок и крышу.

А печку нам заново сложил местный печник дядя Миша Королёв вместе с моим портовским другом Володи Шишлоновым,

Поездка с В. Распутиным в Малое Голоустное. На фото: директор леспромхоза В.М. Мишуков, В. Распутин и В. Скиф среди родственников В. Мишукова

Трое на заваulinке. Слева направо: художник из Перми Анатолий Тумбасов, брат В. Скифа — художник Анатолий Смирнов, художник из Красноярска Николай Худенёв

моей печкой, он с утра выпивал сто граммов водки. Не больше. При этом он голубел пронзительными глазами и мягко с лучистой детской улыбкой говорил:

— Пальцы стали крючковатые, гнутые, их надо сначала разогреть и разогнуть. И душу подшурудить, чтобы пламя не коптило ни в душе, ни в печке. А водочка — это же чистое лекарство, только не лакай её, как забежавшая в Байкал собака.

Королёв и вправду делал лучшие в деревне печки. Он так выстраивал печные ходы, что они не коптили, и особенно чётко выводил ходы для прожигания, когда после зимы печь застаивается, теряет силы, засыпает и её очень трудно раскочегарить. Она начинает кашлять, кашлять, дымить, видимо, обижается, что её бросили так надолго. Поэтому дядя Миша делал в печке два выхода с небольшими двёрочками — для прожигания. Он так и говорил:

— А вот эти двёрочки — одна слева от печной дверцы, другая — под духовкой — для того, чтобы печку разбудить. Берёшь газету, закручиваешь её жгутом, поджигаешь — и в двёрочку. А там у меня прямой ход в трубу, воздух-то, как коршун, хватается пламя и тащит его вверх. Прожёт раз, а можно и два — и тут же с одной спички запаливай дровцы, только пусть обязательно будут сухие, можно шматок бересты кинуть на подмогу.

Класть печку дяде Мише помогал Володя Шишлонов, у которого было четверо детей и красавица-жена Надя, хотя некоторые в порту её называют Настей.

Володя Шишлонов был настолько отзывчивым и бескорыстным человеком, что мне приходилось насильно всовывать в его карман хоть какие-то деньги. Детей-то надо кормить. У Володи имелся мотороллер «Муравей», на котором мы возили всё: глину с поляны вблизи маяка, кирпичи, стекло и шифер со станции, куда приходил слюдянский поезд и где можно было в то время, не выезжая в город, купить строительные материалы.

Теперь такого поезда нет и в помине. Всё приходится возить из Иркутска. Жизнь подорожала в десятки, а то и в сотни раз.

В те дни, когда я отстраивал свой дом, мы приехали с Шишлоновым на станцию, купили кирпич и стали выгружать его из вагона на мотороллер. Недалеко от нас остановился крепко скроенный, плотный, красивый, в новых брюках и ладно подогнанном кителе машинист. Некоторое время он наблюдал за нами, потом подошёл и, поздоровавшись, с укором обратился к нам:

— Что же вы не сказали, что вам надо увезти кирпич? Мы бы махом на поезде доставили этот поддон под окна вашего дома.

— А вы что, знаете, где я живу?

— Конечно, знаю! Кто Скифа не знает!

— ???

— Не сомневайтесь, я, правда, знаю вас давно. Ваши стихи и пародии уже несколько лет вырезаю из газет и храню. Вот книг ваших у меня нет.

Царствие им Небесное! Дядя Миша, худющий, с оттопыренными ушами мужичок, был настоящим народным умельцем и изобретателем. Кроме того, что он искусно, с выдумкой клал печи, он у себя на огороде (а здесь в порту огороды зачастую располагаются на крутых спусках байкальских распадков) придумал ползущий в гору плуг. Таким образом, он за полчаса распахивал свой косо летящий к ручью Баранчик огород. Когда дядя Миша Королёв колдовал над

— Будут, — улыбнулся я.

Так мы познакомились. Это оказался главный машинист тепловоза Кругобайкальской железной дороги Юрий Иванович Черняев, живущий на берегу Байкала на станции Слюдянка. И вот с тех самых пор нас на протяжении всей жизни связывает настоящая мужская дружба.

Паровоз, бегущий мимо дачи

Мы неоднократно с семьёй бывали в доме Юрия Ивановича и его жены Мирры Михайловны. Мирра Михайловна всякий раз встречала меня, мою жену и наших детей всевозможным угощением, игрой на аккордеоне и развесёлыми песнями и частушками. Путешествовали мы с Юрием Ивановичем в кабине тепловоза, а он, въезжая в туннели, включал прожектор и рассказывал историю каждого туннеля, называя их то Мокрая, то Чаячья или Туннель с привидениями.

С Черняевым мы даже крестились в один день в Никольской церкви в Слюдянке у настоятеля отца Владимира. Хотя у меня дед по маминой линии священник, мы не все в доме оказались крещёные. В моём далёком детстве веру в Бога притушили, многие церкви закрыли, преобразовав их в дома культуры и общежития. Моя мама Надежда Прокопьевна только к двадцати пяти годам рассказала мне о своём отце. Мама родом из Белоруссии из местечка Лесковичи, это недалеко от Витебска. Мой дед Прокоп и бабушка Анна с тремя детьми: Петей, Гришей и пятилетней Надей в 1925 году отправились в неведомую Сибирь — искать новое место жительства, другую страну, как говорил дед. Во времена пламенных революционеров и тотального уничтожения церквей дед покинул взорванный приход и собрался в далёкое, рискованное переселение. Продали всё движимое и недвижимое имущество, оставили только двух лошадей да пару телег и через три месяца, как раз к осени, прибыли в Иркутскую губернию в деревню Дорохон. Думал дед, что откроет новый приход, будет служить верой и правдой Всевышнему, но не тут-то было. Здесь ему тоже пришлось скрываться от красного террора... Он подался в бега, полгода скрывался в лесах, а потом вернулся, запил горькую, но вскоре попричих, выправился, занялся гончарным делом. А ещё дед великолепно играл на скрипке, ходил славить свадьбы, куролесить в кабаке, но иногда игрой на скрипке что-то и зарабатывал.

Однажды мой отец Пётр Алексеевич позвал заезжего священника, чтобы прямо на дому покрестить нас, восьмерых детей. Священник согласился и приступил к обряду крещения. Покрестил старших моих сестёр Клаву и Валю, потом брата Виталия, дошла очередь до меня. А вот покрестил меня священник или не покрестил, не помнят ни мать ни отец. Отец, потому что напился, а мать, потому что была во гневе.

Хлебосольный Пётр Алексеевич пригласил священника отобедать. Мама накрыла стол. Не обошлось и без водочки. Несмотря на мамины уговоры, отец таки напоил попа. Оба назююкались — ни тяти ни мамы. Мать рассвирепела, священника удалила из подворья, досталось и отцу — ночевать он полез на сеновал. Позже отец говорил, что покрестили они четверых, а четверо остались, цифру восемь поделили пополам.

Надо полагать, что в первую половину я попал. Несмотря на это, я покрестился вторично, а, может быть, в первый раз — кто знает?! Так вот и появился у меня брат во Христе — Юрий Иванович Черняев.

Как-то в наш дачный двор с рюкзаками, с разным туристическим бутором ввалилась группа актёров во главе с моим другом Сергеем Снарским. С ним приехал его сын Саша и актёры из Красноярска Анатолий Новосёлов и Юрий Горяев.

— Скифа, можно мы у тебя перекантуемся до поезда, а ночью в три часа уедем? — облапив меня, взревел Снарский.

— Конечно, можно. Вот во флигеле и располагайтесь, — указал я на бывший распутинский «кабинет».

— Отлично. А теперь познакомься. Это мои друзья-однокурсники по театральному училищу. Едем на станцию Половина, отдохнуть, половить харюзков. У нас каждый год такая программа.

Я пожимаю руки актёров Юры Горяева и Толи Новосёлова и провожаю их в уютный домик, где есть и стол, и лежанки. Снарский тут же выставляет на стол бутылку водки:

— За твоё знакомство с ребятами, за встречу! Как ты на это смотришь?

— Да как? Положительно, — и я сажусь вместе с гостями за стол, приторочив к нему солёные огурцы и свежие помидоры.

Чистим омуля на берегу Байкала. В. Скиф и московский племянник Михаил Ядов

Сидим, радуемся встрече, хлебосольничаем, выпиваем. Рядом накатывает на берег неусыпно живой Байкал.

Через полтора часа, когда из Слюдянки приходит поезд, я выхожу за калитку и жду Черняева. Сегодня его рейс, он свистнул, когда проезжал мимо, — это условный сигнал для нашей встречи, и уже минут через десять Юрий Иванович будет маневрировать у моего дома, меняя местоположение тепловика и становясь из головы в хвост поезда, чтобы в три часа ночи отправиться обратно в Слюдянку. Ветка-то одна. Второй путь

сняли много лет назад, когда новую дорогу проложили по плоскогорью, после строительства Иркутской ГЭС, а прежняя двупутка бежала по берегу Ангары.

Юрий Иванович, увидев меня, поднял в приветствии руку и притормозил тепловоз.

— Юра, ты у меня лицедеёв заберёшь? Серёга Снарский приехал с друзьями, поедут на Половину.

— Хорошо. Остановлюсь прямо у дома в три часа ночи.

— Да! Я им ничего не говорил. Это сюрприз. Ребята будут довольны.

Тут же я вернулся к гостям. Сидели мы до полночи, веселились, обсуждали приход Горбачёва к власти и прочие политические и театральные новости.

Ровно в двенадцать я откланялся, пообещав разбудить гостей за полчаса до отхода поезда со станции.

— Только разбуди нас точно в срок. Мы с рюкзаками быстро добежать не сможем.

— Да тут идти пятнадцать минут. А за полчаса и черепаха доползёт.

И я ушёл к семье, где все уже спали — все мои трое девочек и жена. Вошёл я в дом к гостям без пятнадцати три, стал их будить.

— Ты что, озверел? — закричал Снарский, глянув на часы. — Мы что, иноходцы и верблюды вместе? Как мы добежим сейчас до станции?

Пока препирались, пока взваливали рюкзаки, выскакивали за калитку, поезд, рассекая ночную тьму, уже мчался по железке.

— Ну, Вова, погоди! — орал Снарский. — Теперь нам снова сутки ждать поезда! Как ты мог?! Тогда сядем тебе на шею.

Рядом ворчал недовольный Новосёлов, хмурился Горяев. Тепловоз уже поравнялся с домом. Куда бежать? Всё, приехали! Вдруг заскрипели тормоза, поезд замедлил ход и остановился, окна кабины тепловоза светились, там маячила фигура Черняева. Все глухо молчали. И вдруг из освещённого окна раздался приветливый голос машиниста:

— Ну, что стоите? Загружайтесь! Да куда? — остановил он метнувшихся к вагонам моих гостей. — Ко мне, в кабину!

Снарский, за ним его сын Саша, потом Новосёлов, Горяев полезли в кабину, передавая друг другу рюкзаки.

— Ну что, лицедеи, — победно улыбаясь, обратился я к ним, когда они высунулись из окна. — Как вам спектакль портовских и слюдянских артистов?

— Да уж! — подделяваясь под голос Папанова в роли Кисы Воробьянинова, загудел Снарский. — Bravo! Бис! Тут ничего не скажешь.

Тепловоз коротко свистнул, клацнули вагоны, и поезд юркнул в непроглядную темень, упавшую на лениво шуршащий Байкал, на его берега и туннели, на тёмный тёплый июльский лес.

Мой друг Черняев любил пошутить над туристами. Двигается по тропинке вдоль Кругобайкалки группа туристов с торчащими до небес рюкзаками. Пыхтят люди, добираются пешеходной тропой до насиженного ими места. Мимо спешит тепловоз с тремя-четырьмя вагонами. Юрий Иванович притормаживает машину, выглядывает из кабины и спрашивает у туристов:

— Я тут до Слюдянки проеду?

Ничего вначале не понимая, но внимая вопросу, они согласно кивают головами и кричат:

— Да-да! Езжайте вперёд и прямо!

— Спасибо! — благодарит их Черняев и на прощанье даёт громкий свисток.

Из своего путешествия вернулись мои гости счастливые, загорелые, довольные, неисчерпаемо-разговорчивые.

— Да, твой Черняев — ходячая энциклопедия. Он нам про все туннели рассказал. Шутит, рассказывал анекдоты, угощал помидорами из собственной теплицы! — басит Снарский.

— В дороге твои стихи читал, — дополняет Снарского Новосёлов.

— Теперь мы только на нём будем ездить, — смеётся Горяев.

Этой же зимой я поехал к Жениной тётке — тёте Зосе — в Красноярск. Там я сделал пять-шесть выступлений в красноярских аудиториях и встретился с местными писателями, актёрами, журналистами на квартире у Юры Горяева. Он только что вернулся, как говорят, «с севера», привёз море вкуснейшей северной рыбы — нельмы, чира, сёмги. Тогда для меня всё это было в диковинку. Сидим, пьём замечательную «Столичную», вкушаем строганину из нельмы, млеем от тающей во рту сёмги, выпиваем по первой, второй, третьей, звучат тосты за встречу, за творчество, за любовь. И тут встаёт Юра Горяев и говорит:

— Друзья, мы пригубили и за то, и за это, а теперь давайте выпьем за нашего гостя Володю Скифа, у которого на Байкале есть свой тепловоз!

На Кругобайкальской железной дороге

Юрию Ивановичу Черняеву

*Ах, на Байкале в Присянье
Мы лето каждое живём.
И детвора моя, и сам я
Чудесных наваждений ждём.*

*Оно случится на Байкале —
Невероятное — всегда!
Вон слитки солнца вглубь упали —
И стала золотом вода.*

*Здесь волшебство в любом предмете,
В любом цветке — волшебный мир.
А если в чудо верят дети,
Оно устраивает пир.*

*То вышьет звёздами полсвета,
То пустит радугу с дождём.
Мы ненасытны в это лето,
Очередного чуда ждём.*

*И вот случилось! Извиняясь
За столь невиданный извоз,
Волшебник-машинист Черняев
Подводит к дому тепловоз.*

*Мы все устроились в кабине,
У всех — удобный закуток.
Мы путешественники ныне,
В былое совершим виток.*

*Кругобайкальская дорога —
Живая наша старина,
Пример Великого Урока,
Почти Китайская стена.*

*Кругобайкальская... Когда-то
В веках ей прочили житьё...
Пред кем дорога виновата,
Что мы забросили её?*

*Кругобайкальская дорога —
Истории российской цепь,
Ты обветшала, ты убога,
И лишь туннелей вечна крепь.*

*Когда и кем пробиты горы?
Бессмертью кто здесь бросил клич?
Мы проезжаем коридоры,
Всей дерзновенности которых
Не в силах разумом постичь.*

*К кому податься за ответом?
Молчит портал. Молчит откос.
Ушёл на небо невоспетым
Российский наш каменотёс.*

*Знать, дети, вам искать ответа,
Камней услышать голоса...
Туннели ждут добра, привета.
Они — восьмое чудо света!
Не зря мы верим в чудеса...*

1989

Было это давно, в 1980 году, почти в самом начале нашей жизни на Байкале. Тогда на всю страну ещё гремел БАМ, и на его стройки ехали разными путями — и железной дорогой, и водой молодые и не очень молодые строители. Если водой, то, значит, через порт «Байкал» на «Комете». И вот как-то летом из Петербурга на БАМ отправилась большая группа молодых людей разных профессий и, конечно же, разных по образованию, воспитанию, характерам. Сутки они должны были ждать возвращения «Кометы» и затем двигаться по направлению на север Байкала — в Нижнеангарск. Всю ночь ребята пили, веселились, а под утро кто-то прилёг на вокзале поспать, а кто-то продолжал куролесить, бродить по деревне в поисках приключений. Вечером мы с женой уложили детей, закрыли калитку во дворе, двери в сенях и в доме. Во входной двери в сенях в качестве запоров ещё Валентином Григорьевичем был вставлен внутренний замок и прибит небольшой крючок. А

По пути в порт «Байкал». Женя Молчанова и В. Скиф

лось жутковатым. Поначалу была некоторая оторопь: вдруг сейчас в дом ворвётся громила с топором и по пьянке начнёт всё крушить. И вправду, в сени вошёл молодой человек и стал озираться вокруг. Я раскрыл створки окна и остановил его окриком:

— Ты что, с ума сошёл?

Парень глянул на меня, поднял левую руку и сказал полупьяным голосом:

— Спокойно, — и, как привидение, исчез.

Я оделся и выбежал на улицу: парня и след простыл. Тогда я сел на велосипед и поехал на станцию. Навстречу мне шли двое незнакомцев. Я спросил у них: не видели ли они парня с топором. Нет, говорят, не видели, а у самих глаза так и бегают.

Часа три мы искали сначала топор и налётчика с местным участковым Николаем Кирильчуком. Топор мы нашли на платформе стоявшего в тупике поезда, и только потом, разбудив одного здорового увальня, прикорнувшего на вокзальной скамейке, я узнал в нём нашего утреннего «гостя».

— Ты же напугал на даче беременную женщину, детей. Чего тебе надо было? — спрашивает его Кирильчук.

— Я пустые бутылки искал, чтобы сдать их, купить водки и опохмелиться.

— А мы тебя сейчас посадим, — сказал Кирильчук и, действительно, запер парня под замок в небольшой вокзальной клетушке с дверью из толстых железных прутьев. Было похоже на тюрьму.

Парень заплакал.

— Что будем делать? Оформлять его в милицию? — спросил меня Кирильчук. — Я ведь и вправду могу его посадить.

— Да ладно, отпусти его. Только пусть идёт дверь починит.

Извиняясь перед моей женой, он и двое других парней перевернули покоцанную топором дверь, переставили замок с одной стороны на другую, навесили её и побежали на уходящую в Нижнеангарск «Комету». Очевидцами этой истории оказались московский поэт Николай Котенко со своим сыном Андреем, которые в то лето гостили у Глеба Пакулова.

Семья В. Скифа. Слева направо: В. Скиф, малыши Саша и Даша, жена Евгения, дочь Катя

другого — и не надо было. Никто особо не шалил у нас в порту. Ну, бывало, залезут в дом пацаны, утащат ножи или фонарики, в огороде сорвут огурец или одну-две морковки — и всё.

В то время старшей дочери Кате было 13 лет, а младшей Даше — три с половиной года. Даша с вечера капризничала, и я лёг её укачать на лежанку, как раз под кухонным окном, глядящим в сени. Утром, уже засветло, я услышал металлический скрежет в сениях. Открыл глаза и увидел, как лезвие топора вскрывает дверь. Мне спросонок это показав

— Да, Скиф, весело ты живёшь, — иронично заметил Коля, — соскучиться тебе не дают.

— Да, на вулкане интереснее жить. Мимо дома почти никто не проходит, чтобы не остановиться. Гостей бывает много, даже таких, как сегодня.

Николая Котенко с сыном Андреем мы пригласили в дом, попили чаю со знаменитыми булочками с корицей, которые счи

Евгения Ивановна с маленькой Дашей

делся: всё, вроде бы, в порядке, никто в дом не залез, ничего не порушено. На улице хоть и тепло, а в доме стынко после зимы, даже холодно. Несу из поленицы дрова, открываю, как говорил дядя Миша Королёв, двёрочки в печи, готовлю для прожиги жгуты из газет, достаю с полки сухие спички. Поджигаю бересту, береста запылалала, сунул её в печь, но чёрный, густой дым пошёл в кухню.

Запалил газеты, толкаю в двёрочку, а прямой — дяди Мишин дымоход — не тянет, не прожигается, и даже береста не помогает. Дым уже прокрался в комнату. Печь молчит, никак не отзывается, даже как будто издевается надо мной. Да что ж это такое, думаю! Дым уже заполонил обе комнаты и полез на веранду. Я выбежал на улицу и взобрался на крышу. Может быть, в трубу сова или ворона свалилась? Такое бывает. Сядет погреться та же сова, а потом заснёт и свалится в трубу. Заглянул, пошурудил метлой. Чисто. Бегу домой. Почти ползком вкарабкался в дом, сел на маленький стульчик, в безысходности и в полном отчаянье посмотрел вверх и увидел плотно закрытую задвижку трубы. Мама родная! Что это со мной? Никогда такого не бывало. Бес! Это точно — бес меня попутал!

С печками начудил я достаточно.

Осенью, по отъезду с дачи, некоторые припасы мы прячем. Шалит ребяшня, да и местные бомжи забираются внутрь дома, подворовывают то, что плохо лежит. Везти в город лишнее не хочется. А тут три банки тушёнки осталось: две — улан-удэнской говядины и одна большая банка китайской свиной тушёнки «Великая стена». Кстати, замечательная тушёнка — и та и другая. Торопимся на теплоход. Так! Куда же спрятать? Куда ни засунешь — везде найдут. И я догадался спрятать тушёнку в небольшое поддувало под духовой. Открыл двёрочку да и запихал все три банки поглубже в дымоход.

И вот весна. Едем на Байкал. Счастье это великое — входить в калиточку родного двора, растапливать печь, готовить куриные окорочка на сковородке, да так, чтобы они поджарились до умопомрачительной корочки. А тут и картошка булькотит, поспевает за курицей. Всё готово, садимся за стол, наливаем по рюмочке за открытие сезона, только-только начинаем вкушать «дичь», как где-то рядом, вроде бы за домом, а может в небе, раздаётся глухой взрыв. У печи аж дверца приоткрылась.

— Что это? — говорю я жене. — Наверно, новый самолёт испытывают.

Только проговорил, раздаётся второй взрыв, за ним — третий... И вдруг после третьего взрыва резко распаивается нижняя двёрочка поддувала с повисшими на ней, как лапша, волокнами тушёнки.

— Боже мой! — восклицает жена, — Это же твоя тушёнка взорвалась!

Полез я в печь, еле-еле кочергой выудил оттуда все три банки. Правда, от улан-удэнского мяса почти ничего не осталось, да и банки расколошматили, как варёную капусту, а вот «Китайскую стену» разорвало только с одного бока. Так что мы её, горяченькую, тут же на стол — это же чудо!

Оказывается, не пошла мне на пользу эта история. То ли я её подзабыл, то ли опять печь меня привлекла как необыкновенный тайник. Муж моей сестры Валентины, который

таются фирменными в нашем доме. Уходя, Коля спросил:

— Володя, я слышал, что ты собираешь стихи о Вампилове.

— Собираю. У меня таких стихов уже около двадцати.

— Я тоже хочу оставить тебе одно своё стихотворение, посвящённое Сане, — и Коля вручил мне текст стихотворения, которое вошло в Антологию стихов о Вампилове.

На Байкале одна из вёсен выдалась ранняя, тёплая, и я отправился на дачу на майские праздники. Приехал, огля-

возродил мою дачу, можно сказать, из пепла, строил в Молчановской пади свой дом и жил во времянке. В этой времянке он столько понастроил полатей, что в ней помещалось человек десять — двенадцать.

Как-то в сентябре я помогал Данилычу по хозяйству, свою дачу и двор я уже прибрал, а с Данилычем на его огороде мы выдёргивали морковь, лук, сажали чеснок «в зиму», потом я обирал последние кусты облепихи. Ели мы с Данилычем хорошо, вкусно: и харьезков, им пойманных, и картошечку свежую, только что выкопанную, и огурцы солёные, а выпивали мало. Данилыч, вообще-то, никогда не горел желанием напиться. Так, пару рюмочек опрокинет для аппетита — и шабаш. Одну бутылку водки мы тянули два дня, а вторую решили спрятать от бомжей. Куда прятать? Как куда?!

Место-то у меня целевое, уже отработанное — печка. Учил ведь меня Валентин Григорьевич водку прятать в сапоги! Нет, я опять всё прячу в печку. Так вот, спрятал я эту бутылку горькой в буржуйку. Места во времянке мало, и Данилыч по левую сторону от входной двери соорудил небольшую буржуйку. Маленькая, аккуратная, она моментально разгоралась и согревала времянку вполоборота. Я нащипал лучины, принёс коры, сделал костерок и туда, внутрь костерка, спрятал бутылку, сверху ещё осенним листом присыпал. Вроде как в печке тоже осень наступила.

На другой год свой основной дом Данилыч уже достроил и с женой Валентиной, дочерью Оксаной и внучкой Олей семья перебралась в новое жилище, а во времянку приехали отдохнуть моя мама Надежда Прокопьевна с внуком Пашей. Мама затопила печурку, буржуйка весело загудела, застонала, из неё моментально заструилось тепло. Мама налила из ручья хрустальной родниковой воды, поставила на буржуйку алюминиевый чайник и пошла в большой дом за сковородкой. Паша взобрался на самые высокие полаты с книжкой.

Буквально, через полчаса во времянке раздался взрыв такой силы, что чайник подпрыгнул и съехал на край плиты. Изнутри буржуйку так рвануло, что на плите вздулся огромный железный волдырь.

— Бабушка! — закричал Паша. — Печка взорвалась!

Первым прибежал Данилыч, за ним Валентина, потом моя мама. Данилыч открыл буржуйку, в ней мерцали осколки взорвавшейся бутылки и ярким пламенем горела водка.

— Ну, Петрович, погоди у меня! — медленно проговорил Данилыч. — Скажи спасибо, что чайник не опрокинулся и рядом никого не было!

За годы жизни на Байкале я написал много стихов об этом священном озере, которое по праву называется не озером, а морем, как поётся в песне «Славное море, священный Байкал...» У меня есть большой цикл стихов о цветах Байкала. Самым первым из них было стихотворение, посвящённое старшей дочери Кате.

Байкальские цветы

Кате

*Лесной букет, цветов собрание,
На дачном письменном столе,
В нём столько красок сочетание,
Присущих небу и земле.*

*В нём неизысканность такая,
Что сердце ощущает вдруг,
К былинкам ломким приникая,
Прикосновенье детских рук.*

*Как маки, солнышко пылало,
Пыльца летела с высоты.
Над славным морем,
над Байкалом
Ты собирала мне цветы.*

*Уже в лесу гнезвился вечер,
Ночной халат себе латал,
А на горе трещал кузнечик
И долго по небу летал.*

*Ты шла, как девочка лесная,
В венке из лилий, медуниц.
Ты принесла букет, не зная,
Что в нём таится пенье птиц.*

*Ты от тоски необъяснимой
Меня сумела излечить...
Смогу ли я — вот так же зримо —
Людское горе различить?..*

1977

Мастерская художественного очерка

«Судьбы российские»

ОЛЬГА КАЛАЯНОВА

«Я помню вальса звук прелестный...»

Нет, он не пел!..

Не знаю, сохранился ли знакомый мне двухэтажный деревянный дом почти в самом центре Иркутска. По слухам, в последнее время здесь выжгли всё, что мешало застройкам новых так называемых «предпринимателей»-лихоимцев. Место уж больно удобное.

Память рисует почерневший деревянный барак на десять семей, дворик со скамеечкой, куст персидской сирени, мною посаженной и буйно разросшейся на взгорке, тропинку, примятую и протоптанную вдоль огородиков и добежавшую к чугунной решётке ограды старого уже закрытого Иерусалимского кладбища.

Пейзаж из окна квартиры, где проживала с семьёй Софья Николаевна, с меркой даже самого слабенького, не одарённого пейзажиста, не выдерживал никакой критики. Хоть глазом воспарил в даль «заборную» — ничего примечательного, как ни старайся, не усмотришь. Правда, чуть выше, на горюшке, около помпезного входа, открывшегося в 1957 году на месте кладбища парка, просматривалась почти разрушенная церквушка во имя Входа в Иерусалим Господа

КАЛАЯНОВА Ольга Алексеевна. Родилась в г. Владивостоке. Детство и юность прошли в Красноярском крае, куда привёз её на воспитание к своей сестре отец — капитан Тихоокеанского флота. После десятилетки поступила на филологический факультет Иркутского государственного университета. Окончила вуз в 1958 г. Много лет работала редактором научно-технической литературы. Печаталась в областных газетах. Живёт в Иркутске.

нашего Иисуса Христа. Сооружена она была ещё в 1858 году. В советские времена её приспособили под общежитие абитуриентов университета, где и мне приходилось жить во время сдачи вступительных экзаменов.

...Софью Николаевну, сидящую у окна в кресле-качалке, пейзаж, по-видимому, совсем не волновал и не интересовал даже. Взгляд её был устремлён не на редкие кроны деревьев — берёз и тополей, оставшихся на соседних крошечных участках. Смотрела она куда-то дальше и видела, казалось, другой мир, иную эпоху и жизнь иную, совсем не похожую на её сегодняшнюю.

Слегка покачиваясь, тихо скрипело кресло. Дама не отвлекалась на этот назойливый звук. Он был привычным, как пение сверчка. Не волновала её и совсем уж рядом существующая, прямо за узенькой дорожкой под окном, мерзость — зловонная помойная яма, куда постоянно сливали жители дома нечистоты. Правда, тяжёлая деревянная крышка, которая прикрывала нутро, постоянно белилась известью, остававшейся после побелки какой-либо квартиры, но утробно гулко и часто напоминала о себе. Дом не был благоустроен, но по тем временам вполне годен для жизни не элитарного слоя населения, а простого трудящегося люда (коммуналку заселяли служащие лесного треста).

Конечно, Леониду Васильевичу, мужу Софьи Николаевны, дали самую лучшую отдельную квартиру на первом этаже торцевой стороны дома. Ведь Леонид Васильевич был учёным-лесоводом. Так и было записано в документах об окончании им Лесной академии. Таких столичных специалистов на всю Сибирь можно было сосчитать по пальцам. Но он не кичился своими знаниями. Совершенно равнодушен был и к чинам, и к званиям — всем этим внешним признакам успеха. После окончания академии Леониду Васильевичу прочили большое будущее. А он и к этому оказался равнодушен, хотя и был кладёзем всех познаний о лесе. Одним словом, ходячий справочник. За это его и любили, и уважали. И всю жизнь он честно и праведно прослужил России, Сибири.

В студенческие годы тайной страстью его была музыка. Нет, он не пел! Но в то время, в конце девятнадцатого века, театральная жизнь Москвы бурлила по-сумасшедшему. Открывались музыкальные театры, гастролировали итальянские труппы, собирались хоры. Уже на слуху были имена Собинова, Неждановой, Шаляпина. И считалось высшим шиком появляться на этих музыкальных спектаклях студентам университетов. На одном из таких музыкальных благотворительных вечеров он и увидел впервые Сонечку Додонову. Она пела арию Ольги в «Евгении Онегине» — «Зачем вечер так рано скрылись...» И эта встреча оказалась судьбоносной! Они встретились — и никогда уже не расставались.

Былые грёзы...

Софья Николаевна видит себя в кругу своей семьи... У неё четверо сестёр — Варя, Ольга, Елена, Наташа. Маленькие, непослушные, но очаровательные непоседы. Отцу, профессору Московского филармонического общества, приходилось много работать, чтобы содержать такую ораву. Каждой дочери нужно было дать и образование, и воспитание.

Сонюшка, старшая, училась в гимназии и брала уроки на вокальном отделении училища. Она не стала знаменитой певицей. Недостаточно оказалось для больших сцен таланта. Но в благотворительных и ученических спектаклях пела, и её контральто было волнующим и выразительным.

Помнит, как затрепетало сердце, когда отец убедил её принять участие в ученическом спектакле в опере Даргомыжского «Русалка», а потом и в «Евгении Онегине» Чайковского. Пела вместе с Собиновым, звезда которого в это время ещё только всходила. Он как раз оканчивал филармоническое училище. Это был 1897 год.

Леонид Васильевич, присутствовавший на спектакле, сразу же влюбился в юную певицу. Вручив ей за кулисами огромный букет цветов и увидев, как зарделось румянцем её личико и вспыхнули огромные синие глаза, был сражён наповал.

Юноша был недурен собой. Чуть выше среднего роста, подтянутый. Семья его была не богатой, но вполне обеспеченной. И отец, и дед его были врачами. Французский язык, музыка, литература и нескончаемые разговоры при редких, но ставших почти постоянными встречах! Девушка была младше его на 8 лет. Он заворожил её, горожанку, своей любовью к природе, лесу, степям. В это время он уже грезил о Сибири, о тайге.

Вместе с Сонечкой прочитано было «Историческое обозрение Сибири» Петра Андреевича Словцова (историю Сибири автор описал от Ермака до Екатерины II. Печатались эти два тома в журналах для узкого круга читателей, но для студентов Лесной академии издание, конечно, было доступно).

«Что же за страна такая, эта Сибирь?..»

...Колокольчик на дверях вернул Софью Николаевну из той, первой, уже прожитой эпохи. Иногда ей даже казалось, что жизнь её кто-то подменил, но и в сегодняшнюю она уже почти вписалась. Некоторое время ещё размышляла, сидя в кресле, забыв закрыть академического издания том Пушкина с «Евгением Онегиным», но повторное «дзинь-дзинь» заставило поторопиться. «Кто бы это мог быть? Все домочадцы разбежались по своим делам. Муж — на службу, дочери — Лена и Наташа — на учёбу...»

Соседка пришла денег попросить. И хотя общения близкого с соседями Софья Николаевна не искала, но относились к ней всё же хорошо, бережно. Ей далеки были посиделки на скамеечке во дворе, сплетни, обсуждения кого-либо. Она со всеми была вежливо-холодна, но не надменна. Слушала, улыбалась. И считала неуместным прервать кого-нибудь. Деньги в долг давала всегда, благо, Леонид Васильевич получал за службу вполне приличную зарплату. Вернуть долг никогда не просила, хотя и не все отдавали. Забывали, видимо.

Но пора и ужин готовить. Часа через два вся семья соберётся за столом. Прежде надо печь растопить. Дров, слава Богу, вдосталь. Сосновые красные поленья аккуратно лежат в коридорчике, исходя терпким смолисто-скипидарным запахом тайги, леса. А топить нужно основательно! Печь — спасительница. На ней хозяйка и готовила, и бельё отпаривала; рецепт, к слову, отстирывания белья в каком-то особом мыле с собой привезла. И согревала печь все комнаты.

«Что же за страна такая, эта Сибирь?» — когда-то спрашивала себя юная Софья.

...В замёрзшее окно видно, как пуржит на улице. Сугробы уж больше метра намело. Лишь изредка на дороге слышится скрип санных полозьев. Поначалу Сонюшка бегала смотреть, как мужики в огромных тулупах, проезжая, понукали заиндеветших лошадей. Развозили в основном дрова да воду. Белая пыль клубком летела впереди. Бабы, закутанные в толстые вязаные из собачьей шерсти платки, бежали по натоптаным в снегу тропкам на базар или в баню.

Стряпала обеды Софья Николаевна сама. Мама, Ольга Пудовна, прекрасно подготовила её к замужеству. Всему научила — и варенья варить, и окорока солить. Да и с собой в Сибирь Сонечка привезла целую тетрадь рецептов. Правда, некоторые негодились — вишен, слив, абрикосов, к примеру, не было. А варенья из сибирских ягод проваривала до густоты, чтоб не закисло. Зато соленья — огурцы, капусту, маринованные грибы и даже изготовление домашней ливерной колбасы — всё это было её «коньком». Да и квасы летом хлебные любо-дорого получались. И как зеницу ока берегла подаренную матушкой книгу Елены Молоховец «Подарок молодым хозяйкам», 1899 года издания. Конечно, и мысли не было выпечь царский кулич на 70 желтках, на жирных сливках с миндалем и кардамоном, но на все случаи даже её теперешней жизни здесь можно было найти рецепт незатейливых крендельков или какой-нибудь простенькой мазурки с помадкой, или для постов заготовки недорогие сделать.

Когда за ужином собиралась вся семья, чистой скатертью накрывался стол. Это была привычка, усвоенная с детства, а сейчас — дань прошлому. И она, Софья, никогда не нарушала этот этикет.

Извлекались серебряные ложки с вензелями, под самоваром, как всегда, сверкал чеканный поднос, на фарфоровую в фиолетовых ирисах доску (когда-то она предназначалась для раскладки сыров) нарезался хлеб, серебряные щипчики тонули в сахарнице. И обязательно каждому — салфетка, прошитая тонкой мережкой и хрустко накрахмаленная. Всё это давало понять, что семья знала когда-то лучшие времена.

Дел хватало на целый день. Оставаясь одна, стирала, поднимала бак на чугунную плиту. Отодвинув конфорки, отпаривала бельё. Гладила чугунным утюгом, проглаживая каждую строчку. Всю работу тяжёлую, женскую, незаметно, не напоказ справляла... А голос свой дивный тайла, словно и не было ей дано от Бога дара такого. И только иногда, когда рядом никого не было, вполголоса напевала или арию, или любимый романс. Так дни, месяцы, годы и проходили.

«Невольно к этим грустным берегам меня влечет неведомая сила...»

Удивительно, но картины той, первой, жизни не забывались никогда. И власть над нею имели необъяснимую. Уж когда минутка какая свободная выдавалась, усаживалась в своё любимое кресло. В нём думалось хорошо.

Вот и сейчас Ялта вспомнилась... «Невольно к этим грустным берегам меня влечет неведомая сила...» Гостить её, Сонюшку, с сёстрами Ольгой и Варей, отправили к маминной задушевной подруге — начальнице женской гимназии Варваре Константиновне Харкиевич. Это был 1894 год. Сонечка полюбила Крым, Ялту. Море!.. Солнце!.. Вечерами в этот гостеприимный дом собирались многочисленные гости — художники, поэты.

Однажды к ужину с чебуреками и бараньим боком с гречневой кашей Варвара Константиновна пригласила художника Исаака Ильича Левитана и Антона Павловича Чехова, который был большим её другом. Чехов тогда вернулся с Сахалина и разговоров об этой его поездке много было.

Сонечке исполнилось в тот год 11 лет. Рассказы Чехова она читала в журналах «Северный вестник», «Стрекоза», «Осколки». Находила их на столе у отца. И когда ей представили Чехова, довольно высокого господина с бледным лицом, на котором искрились весельем карие глаза, она была польщена и почувствовала себя совсем взрослой. Сахалинские очерки девочку ужаснули. А «Степь» заставила страдать за девятилетнего Егорушку, которого везли через всю степь поступать в гимназию. Весь вечер Сонюшка старалась не отходить от гостя. Всё вопросы какие-то задавала и довольно умело поддерживала беседу. И когда её попросили спеть, не отказалась.

Смышлёная девчушка вызвала искреннюю симпатию у Антона Павловича, он внимательно слушал её, смеялся. Прищуривав лукавые глаза, гладил по тёмно-русой головке и, когда уже раскланивался, прощаясь, сказал: «Хорошая девочка, умненькая и чудесная». Вот всё это помнилось и вспоминалось сейчас с удовольствием.

...После замужества простилась Сонечка с Москвой, с семьёй, сёстрами. И это прощание оказалось разлукой навсегда. Мировая война, революция внесли свои коррективы. Она никогда так и не узнала о судьбе своих сестёр. Переписки никакой не было. Кто-то сообщил однажды, что одна из сестёр — Ольга, эмигрировала во Францию; похоронена она будет там же около небольшого городка в 1970 г. Об остальных членах семьи ни слуху ни духу. Словно вихрем всех разметало.

«Как нежишь ты, серебряная ночь...»

В небольшом имении мужа, в деревянном удобном доме всего-то и было: гостиная, спальня, столовая, комната для детей. Но было там божественно и волшебю!

Если по тропинке спуститься до оврага, то обязательно зацепишься за кусты роз. За плетнём начинался сад — огромные старые яблони переговаривались с такими же давней посадки деревьями груш, вишен, слив. Ближе к осени хвастливо золотились на грядках шершавые дыни, полосатились бокастые арбузы. А там, чуть правее, — домик сторожа, пруд. Вечерами лягушки квакали. А когда Днепр разливался и яблони начинали буйно цвести, их аромат мешался с запахом сирени.

Ужинали на веранде, завитой виноградом. Бабочки и мотыльки бились о стекло лампы. Дети пили молоко, и их пораньше укладывали спать. С реки тянуло сыростью, и все переходили в гостиную. И тогда Софья Николаевна подходила к роялю, откидывала крышку и пела романсы Чайковского, Танеева, Кюи... «Как нежишь ты, серебряная ночь...» Пела для гостей, которые любили бывать у них и приезжали на эти «музыкальные вечера» за несколько десятков вёрст из соседних поместий.

Ей часто вспоминается эта уютная гостиная с великолепными обоями. Мягкие кресла, тахта. На стенах старые гравюры, шкафы, забитые книгами. В распахнутые окна тянется листва орешника и цветущих каштанов. Вспоминаются все покинутые друзья, разговоры с ними, беседы.

Софья Николаевна никогда не жаловалась на свою теперешнюю жизнь. Знала, что прежняя сметена. Нет управляющего, нет садовника, нет имения мужа, которое приютилось в нескольких десятках вёрст от села Августиновка, где дыхание Днепра слышно было и днём и ночью. Она понимала, что девочки вырастут на всём новом, без духа прошлого, которое окутывало её детство и юность. Традиции порушились. Сгорели в огне немилостивой истории.

Начали гореть большие дома с колоннами в богатых поместьях. Революция набрала силу — участились грабежи, убийства. Чудом остался жив отец Леонида Васильевича. В соседнем селе доктор спасал тяжелобольного. Тут его и захватила орущая, восставшая пьяная банда. Приговорили к смерти, да народ сельский отбил. Доктора уважали всем миром. Вот после этого Леонид Васильевич и принял решение: бросить всё и — немедленно в Сибирь. «В Сибирь!» И Софья Николаевна безоговорочно согласилась.

...Кучер Трофим заложил любимый четырехколёсный безрессорный тарантас с откидным кожаным верхом, с плетённой из ивовых прутьев спинкой и козлами. С собой взяли только самое необходимое: одежду, немного фамильного серебра, фотографии, книги. Особенно дорог был снимок 1904 года, который Леонид Васильевич подарил невесте, будучи студентом. Надпись на обороте сейчас зазвучала как предупреждение неизвестного, незнамого: «Темно грядущее... Пытливый ум людской пред тайною его бессильно замирает: кто скажет — день ли там мерцает золотой иль новая гроза зарницами играет?..»

Как добрались до Сибири, вспоминать не стоит. Тяжело! Жизнь здесь ограничилась для Софьи Николаевны семейным кругом. Она не выходила за его пределы, но и духом не падала. А у Леонида Васильевича был здесь свой жгучий и неподдельный интерес. В крупной лесной организации, занимающейся проблемами лесопользования, его взяли «за милую душу». Засучив рукава, лесовод сразу взялся за любимое дело.

В начале двадцатого века в Иркутской губернии было уже 627 лесозаводчиков. Были и лесопильные заводы. Леса приносили огромный доход. Но учёный-лесовод знал, что расходовать это богатство надо с толком, умело. И он служил честно, оставаясь интеллигентом умным, чутким, непоказным. В нём всё было естественно, искренне, от души.

«Те же ели покрыты сумраком стоят, а под окном шумят метели...»

Иркутск Софье Николаевне стал нравиться. Вместе с Леником (так называла мужа) изучала город. Наведывались в картинную галерею Сукачёва, в «мавританский замок» (музей Русского географического общества). Неизменный восторг всегда вызывал «Кружевной дом» на перекрёстке улиц Ланинской и Жандармской. Сонюшку совершенно по-детски восхищали и радовали многочисленные солнышки, гребешки, веера и весь резной орнамент этого дома. Праздником было посещение с детьми Интендантского сада с его волшебными прудами и мостиками через каналы. Девочки с восторгом кормили плавающих в прудах лебедей.

Вместо кружев, лёгких полотняных платьев или блузок, украшенных геммами — брошами, Софья Николаевна носила теперь практичную тёмную юбку, шерстяной вязаный жакет. Тёмно-русые волосы со слегка пробивающейся сединой тщательно закалывала в тугий узел шпильками. А через несколько лет скрыла их под белым ситчиком платка. А как иначе?! С кошёлкой и в кружевном наряде на Тимирязевский рынок не пойдёшь...

А рынок поражал богатством, изобилием. Кедровое масло! Клюква, брусника! Бочкам с омулем не находилось мест. Омуть буряты привозили и горячего, и холодного копчения, и с «душком». До Сибири Софья Николаевна считала царской рыбой навагу да треску. А тут такое перламутровое чудо!..

После командировок в Большереченско-Ангарский или другой какой лесхоз, или возвращаясь с охоты, которую истово любил с молодости, Леонид Васильевич частенько привозил дичь — вальдшнепов, уток чирков, а иногда и коз. Здесь уж Соничкино кулинарное мастерство проявлялось на славу.

И счастье личное в Сибири было ежедневным. Леонид Васильевич любил свою Сонюшку как и в юности. В годы серьёзных жизненных перемен Софья Николаевна не потерялась. Но —

не забывалась, не забывалась прошлая жизнь! Ощущалось это в затаённой печали, которую некому и нельзя было стереть, как ластиком, да и «ковыряться» в её душе не позволено было никому. Но об этой печали никто и не догадывался. Ещё в 1928 году получила письмо из Запорожья от родителей Леонида Васильевича. Надпись на обороте фотографии помнит: «То, что находится внутри нас, больше влияет на наше счастье, чем то, что вытекает из вещей видимого мира». Эти мудрые слова её всегда успокаивали и примиряли с днём сегодняшним.

Своих девочек, Лену и Наташу, она боготворила и научила их не только этикету — как вести себя за столом, как «держат» спину, разговаривать, никогда не давать волю эмоциям. Они были честными во всём и всегда.

Ушёл из жизни Леонид Васильевич; схоронили его на Амурском — Лисихинском — кладбище. Не вернулся с войны Коленька, муж Наташи. Погиб при налёте вражеской авиации и похоронен у села Репьевка Смоленской области.

Дочери не подвели Софью Николаевну. Старшая, Елена Леонидовна Шевченко, возглавляла центральную химлабораторию треста «Каззолото» в Жолымбете Казахской ССР. Наталья Леонидовна тридцать пять лет отдала научно-исследовательскому институту редких и цветных металлов — Ирриредмету, где проводились работы по обогащению золотосодержащих россыпей. К слову сказать, в годы войны Наталья Леонидовна работала на патронном заводе Иркутска, а когда война закончилась, занималась эвакуацией завода. Фотография её передана для публикации на Доску почёта. Все их медали — ветеранов тыла и юбилейные за доблестный труд в годы Великой Отечественной войны — хранят правнуки.

* * *

...Отшумели и революции, и войны. «Те же ели покрыты сумраком стоят, а под окном шумят метели...» Можно сказать, конечно, что жизнь Софьи Николаевны прошла не так, как предполагалось и предусматривалось от рождения. Однако теми же искристыми глазами смотрит она из окна своей квартиры на белый свет, на другую жизнь... И — помнит, помнит «вальса звук прелестный».

Вампиловский фестиваль

ВАЛЕНТИНА СЕМЁНОВА

Театр: миссия — это судьба

О IX МЕЖДУНАРОДНОМ ТЕАТРАЛЬНОМ ФЕСТИВАЛЕ СОВРЕМЕННОЙ ДРАМАТУРГИИ
ИМ. АЛЕКСАНДРА ВАМПИЛОВА В ИРКУТСКЕ

Количество и качество

В 2013 году число театров-участников фестиваля достигло, кажется, рекорда — их было девятнадцать, спектаклей поставлено двадцать один. Количественный рост, надо прямо сказать, радует не очень. Не всё удаётся посмотреть, а иные пропуски заставляют потом кусать локти. А такое было и ныне, несмотря на то, что со стороны качества фестиваль не обошёл предыдущий, 2011 года.

Понятны трудности отбора. Особенно в условиях всеобщего невысокого уровня, о чём поведали опытные театроведы из Москвы, отсмотревшие не один фестиваль на просторах России. Нелегко выбирать из примерно равных. А ещё включается материальный фактор, как это произошло с приглашением Государственного академического Малого театра. Нацелились на «Ревизора» Н.В. Гоголя, но не осилили финансовых затрат, пришлось поменять на «День на день не приходится» («Тяжёлые дни») по А.Н. Островскому. Тоже хороший спектакль, но не самый лучший, как отметили многие. У Малого театра на Вампиловском фестивале особая, запевная роль. Его спектакли — яркие картины из русской классики, а уж полотна это или заставки — год на год не приходится.

СЕМЁНОВА Валентина Андреевна, критик, публицист (род. в 1949 г. в с. Харик Куйтунского р-на Иркутской обл.). Автор книг: *Благодаря — а не вопреки*: сб. полемических статей и очерков (Иркутск, 2002); *Вместе с бурями века*: Краткий обзор книг и имён иркутских писателей (Иркутск, 2007); автор-составитель справочника *Писатели Приангарья* (Иркутск, 1996) и информационно-справочного издания «Бег времени» (Иркутск, 2012), публикаций в периодической печати. Член Союза писателей России.

Ещё о цифрах. Из 21 спектакля, включая «лабораторные», 6 больших, для основной сцены, 13 — малоформатных для сцены камерной плюс 2 для основной сцены, но показанных в камерном варианте. Не означает ли этот перевес, что мы живём во времена, когда у театра сокращается дыхание?

Если говорить о географии, то она такова: 5 театров из Москвы (это немало!), 2 — из Иркутска, и далее по одному: Архангельск, Братск, Вологда, Камчатка, Канск, Новосибирск, Улан-Удэ; зарубежные — Южная Корея (Сеул), Австрия (Вена); 3 совместные постановки городов и даже стран (как правило, на уровне лабораторий). Таким образом, основная сила — региональные и московские театры.

Можно было сказать: провинциальные и столичные, но намеренно избегаю такого деления, поскольку в нём заложена качественная оценка. Не считаю, что исчезли признаки тех и других, но, к сожалению, не провинциальные театры приблизились к высокому столичному уровню, а некоторые московские, как правило, новые театры или театральные лаборатории в той или иной степени самостоятельны, что вполне естественно, и никак не могут служить образцом для российской глубинки. Примеры, что называется, под рукой. С них и начнём наш краткий обзор фестивальной сцены.

Вот спектакль «Каин» по пьесе Байрона Творческого центра «Театр Натальи Когут». Помнится, в конце 80-х годов XX века «Каин» в постановке Иркутского ТЮЗа расколол интеллигенцию города надвое по вопросу — оправдание это братоубийства или нет, с дискуссиями в газетах и на телевидении. В XXI веке работа московского режиссёра не вызывает никаких вопросов, а лишь одно недоумение от вида трёх женщин в чёрных мужских шляпах и таких же одеждах, безмолвно меряющих шагами из конца в конец сцену.

Или спектакль О. Окрепиловой «Голодное танго» «совместного проекта, — как указано в программе, — «ON. TEATR» (Санкт-Петербург) и «Teater Co» (Берлин, Германия)». Из вступительного слова перед спектаклем можно было понять, в чём заключается совместность российско-германского проекта. Бывшая петербурженка, ныне живущая в Берлине, сделала постановку на тему блокады Ленинграда, пригласив актрис из разных по жанру театров Санкт-Петербурга. Присутствует синтез муз: драма, танец, пластика, вокал. Несмотря на то, что в разговоре о спектакле возникло усложнённое определение жанра, с попыткой авторов спектакля соединить автопозис (т. е. самопостроение, самовращивание) и вербатим (по-русски — документальный театр), — на сцене зритель увидел зарисовку или несколько этюдов, где характеры женщин, переживающих бомбёжку в бомбоубежище, едва приоткрываются в монологах, коротких диалогах и сценках (кража валенок, внезапные роды). При всём уважении к героической и трагической теме, да ещё в год 70-летней даты прорыва блокады, надо признать: постановка хорошо бы смотрелась в программе большого вечера, посвящённого военному Ленинграду, но не в масштабе фестиваля.

Церемония открытия IX Международного театрального фестиваля современной драматургии им. Александра Вампилова

Немного о молодёжных работах, попавших по линии творческой лаборатории. Для начала несколько цитат.

«Ребята, вы сколько работали над спектаклем? У вас значится: 2012–2013 год. Но это эскиз. Вы умеете пиариться!» (Н. Кирста, обозреватель «Литературной газеты», о спектакле «Луна и трансформер» по А. Крупину, режиссёр Дм. Егоров).

«Лаборатория — это и пиар, и клапан безопас-

ности. Но это не репетиция — это показ» (Т. Лещински, режиссёр спектакля по С. Мрожеку «Полиция»).

«...Постановки такого рода создаются не по драматическим законам... Рассказчик-исполнитель создаёт героя через поток читаемых с листа реплик драматурга» (А. Бураченко, критик, по поводу «Луны и трансформера»).

«Я побывал на многих лабораториях, вы мне Америку не рассказывайте...» (Дм. Егоров, режиссёр).

Из чего следует, что в понятие лаборатории укладывается и эскиз, и пиар, и уход от драматургических законов в сторону потока сознания, и клапан безопасности на случай критики... Так оно и выглядело, прибавить больше нечего. Но задача привлечения молодёжи на фестиваль современной драматургии, которую ставили перед собой организаторы, в определённой мере была решена.

Была и несомненная польза — в чём убедились те, кто послушал, как детально, кропотливо и доброжелательно провела разбор постановки «Полиция» известный театровед Вера Максимова в беседе с творческой группой.

В этой связи хочется упомянуть спектакль «Дуэль» Иркутского ТЮЗа им. А. Вампилова. Кажется, ему не очень повезло: он оказался на фестивале в положении между «лабораторным» и профессиональным уровнем. И автор пьесы А. Стародубцева, и режиссёр А. Гречман (оба иркутяне) хотя не новички в театральном деле, но их опыт складывался в практике любительского театра. В то же время «Дуэль» шла на большой сцене, играли артисты профессионального театра, никакого «клапана безопасности» предусмотрено не было, и спектакль получил строгий отзыв членов неформального жюри. Только О. Сенаторова оценила и честность самооценки создателей спектакля, заявленной в программке: всего лишь «хотели подступиться к огромному миру Пушкина», и большую литературоведческую работу, проделанную автором пьесы. И ещё похвалили исполнителя главной роли С. Павлова. Но на фоне «лабораторий» и тех постановок, что были упомянуты в самом начале, «Дуэль» намного основательнее. Одно уважительное отношение к гению, искреннее сочувствие к его человеческой судьбе немало стоят по нашим временам. Очень жаль, что в связи с плотностью программы спектакль не посмотрела В. Максимова («Для меня Пушкин очень важен», сожалела и она) — мог бы выйти такой же обстоятельный разговор, что и о «Полиции».

«Лабораторной работой про ненависть» назвала Е. Стрельцова танцдраму «Пляски» по Стриндбергу Московского драматического театра «Модернь», в которой соединены «Пляски смерти» Стриндберга и «Играем Стриндберга» Дюрренматта.

Безусловно, это иной, профессиональный, уровень «лаборатории», с глубокой проработкой поставленной задачи режиссёром В. Агеевым. Особенность этой задачи, по мнению критика, такова: «Преувеличение ненависти в отношениях супругов по всем направлениям: сценография, костюмы, речь, доведённая до крика, холод».

Пора представить критиков, работавших на фестивале, поскольку к их мнению придётся прибегнуть ещё не раз. Все они, за исключением обозревательницы «Литературной газеты», театроведа Натальи Кирсты, — не в первый раз на Вампиловском фестивале, но есть смысл напомнить.

Вера Анатольевна Максимова (Москва) — известный российский театровед и критик, кандидат искусствоведения, заместитель художественного руководителя Малого театра по творческой части — её смело можно назвать старожилом Вампиловского фестиваля, поскольку участвовала примерно в половине из проведённых. Анализирует спектакли глубоко и непредвзято. Принимает все театральные направления и формы, лишь бы они находились в сфере искусства, а не вне его. Благодаря Вере Анатольевне все эти годы мы находимся в курсе российской театральной жизни.

Елена Ивановна Стрельцова (Москва) — старший научный сотрудник Государственного института искусствознания, кандидат искусствоведения, член СП России, член Союза театральных деятелей России, член Чеховской комиссии РАН, автор книги об А. Вампилове «Плен утиной охоты». Её суждения о театральном творчестве всегда искренни, основательны; круг интересов обширен.

Ольга Валентиновна Сенаторова (Москва) — генеральный директор Творческо-координационного центра «Театр-информ», главный редактор газеты «Театральное дело». Критик, аналитик театра, менеджер в сфере культуры высшей квалификации, автор проектов и руководитель нескольких федеральных театральных фестивалей, лауреат Всероссийского конкурса «Профессиональная команда страны». Она второй раз на Вампиловском фестивале, прекрасно владеет темой устройства современного театра и сочетает критические разборы спектаклей с выступлениями по организационным проблемам.

Алексей Иванович Бураченко (Кемерово) — театровед из поколения молодых, работает увлечённо и профессионально.

Наталья Владиславовна Шимкевич — режиссёр и драматург, тоже из Кемерово, как и А. Бураченко, не впервые участвует в обсуждениях на Вампиловском фестивале, а несколько лет назад стала одним из организаторов межрегионального фестиваля спектаклей для детей и подростков «Сибирский кот».

Вениамин Михайлович Фильштинский (Санкт-Петербург) — профессор СПбГАТИ, заведующий кафедрой актёрского мастерства и режиссуры, лауреат премии К.С. Станиславского. На фестивале вёл семинар для молодых актёров, режиссёров и педагогов на тему «Основные идеи Станиславского».

Присутствие опытных театроведов и критиков из столиц, специалистов высокого класса, их стремление помочь региональным коллективам в повышении мастерства — с одной стороны, вместе со всеми поразмыслить о состоянии современного театра — с другой, безусловно, имеет большое значение для фестиваля, проходящего на берегах Ангары и Байкала.

Из иркутян в заседаниях круглого стола и встречах с театрами принимали участие: историк театра, преподаватель Иркутского театрального училища Виталий Нарожный; театральный критик, профессор НИИ ИрГТУ Арнольд Беркович; литературовед, доктор филологических наук Сергей Смирнов (ИГУ); директор Культурного центра А. Вампилова Галина Солуянова; руководитель народного театра «Диалог» Валентина Просекина; ведущий аналитик министерства культуры и архивов Иркутской области Алексей Худяков; вместе с москвичами вела круглые столы критик Светлана Жартун.

Если говорить о запоминающихся красках фестиваля, то надо назвать спектакли, национально выразительные. Первым по непривычности для русского зрителя, несомненно, были «Старосветские помещики» Н.В. Гоголя в постановке южнокорейского театра из Сеула (Камерная сцена). Как и в японской «Утиной охоте» 2011 года, мы попадаем в какое-то совсем другое измерение театра. Неожиданностями в оформлении сцены никого нынче не удивишь, но корейские стол и кровать — это нечто невообразимое. В основе подхода ко всему — характерам, судьбе, эпохе — лежит какая-то непостижимая непосредственность, и единственное, что ты понимаешь, условность здесь не приём, а сущность и традиция.

С русской стороны сюда более других вписывается «Матрёнин двор» по рассказу А. Солженицына Государственного академического театра им. Евг. Вахтангова, режиссёр-постановщик В. Иванов (Камерная сцена). Внешний рисунок строгий, если не сказать суровый, в духе послевоенной российской деревни, но характер героини, восходящий к христианскому идеалу аскетизма и бескорыстия, представляет собой национальный тип праведника, «без которого, — пишет Солженицын, — по пословице, не стоит село. Ни город. Ни вся земля наша». И этот высокий смысл удалось убедительно передать двум актёрам: Елене Михайловой и Александру Михайлову, автору идеи спектакля.

Экзотична, в определённом смысле, «Лавина» Канского драматического театра — спектакль по известной пьесе турецкого драматурга Т. Джюдженоглу (режиссёр А. Луканин) на вечную тему сбрасывания оков страха. В этой пьесе — страха жителей затерянной в горах деревни громким голосом сотрясти воздух и вызвать лавину. Жизнь рассчитана согласно лавиноопасным периодам, в том числе и рождение детей с неизбежным криком матери и младенца. И не столько национальный колорит, сколько содержание, новое и поэтому интересное, привлекло к нему зрителей (спектакль шёл на большой сцене).

Критика тоже уделила «Лавине» внимание. Так, Е. Стрельцова заметила, что «может быть, это единственный спектакль, где можно обсуждать сценографию — она притче-

вая». О. Сенаторова: «Театр вошёл в число тех, за которыми хочется наблюдать. Есть ощущение, что он живой организм». Это — общие впечатления. Если говорить о деталях, то пожеланий было высказано довольно много. Основное — определиться, что важнее в драме-притче: развёртывание психологических ходов, свойственное драме, или притчевая лаконичность, чёткость в обрисовке ролей, единственность финала (их получилось три). И — продолжить работу над спектаклем: такой серьёзный задел бросать не следует.

Ещё два спектакля (оба поставлены на малой сцене) стали предметом разговора: «Божьи коровки возвращаются на землю» по пьесе В. Сигарева Московского драматического театра им. Н.В. Гоголя, реж. Дм. Бурханкин; и «Гамлет» — по мотивам рассказа А.П. Чехова «В Москве» Камчатского регионального отделения СТД РФ (ВТО), реж. В. Зверовщиков.

Первый — на остросоциальную тему: о гибельной судьбе выброшенных на самый край жизни молодых людей, разоряющих кладбища, чтобы на сданный металлолом покупать наркотики. О. Сенаторова отметила глубокое проникновение молодого режиссёра Дм. Бурханкина в смысл пьесы. «Постановщик сохранил героям надежду в мире, который её у них всеми силами пытается отнять... Драматургический материал взят объёмно, по ходу спектакля происходит нарастание и обострение смыслов, обнаруживается противостояние позиций, отступает безнадёжность». И то, что аплодисменты в финале раздаются не сразу, является, по мнению критика, признаком эмоционального потрясения зала от боли и сопереживания.

Второй «Гамлет» удивил знатоков театра искусностью композиции «между Чеховым и Гоголем» (Е. Стрельцова), деликатным отношением к чеховскому тексту, из которого извлекается тонкая исповедь героя, полной самоотдачей исполнителей — и это всё на материале небольшого произведения, в сущности, фельетона. Замечание одно: «агитпроповское» обращение к зрителям в финале излишне.

Спектаклей из современной драматургии и о современности было три: уже упомянутые «Божьи коровки...», «Причуды любви» по пьесе А. Слаповского Новосибирского драматического театра «На левом берегу», режиссёр-постановщик В. Чумичёв (большая сцена), и «Вечерний звон» по пьесе С. Лобозёрова Государственного русского драматического театра им. Н.А. Бестужева из Улан-Удэ, режиссёр А. Баскаков.

«Вечерний звон» шёл хоть и на большой сцене, но — в камерном варианте: зрители сидели тоже на сцене, по периметру, и это создавало атмосферу не то репетиции, не то домашнего представления. Как было сказано перед спектаклем, пьеса новая, и драматург последние правки вносил во время репетиций. Кстати, Степан Лобозёров принял участие в фестивале вместе с театром.

Пьеса, скорее мелодрама, чем комедия, указанная в программе, — о сельской семье, отношениях между пожилыми родителями и сыном и его неофициальной женой, разладе, казалось бы, непреодолимом, с дополнительным давлением внешних обстоятельств, и всё-таки с победой в финале чувства родства над эгоизмом. Приведу мнение о спектакле Е. Стрельцовой:

«Пьеса «Вечерний звон» самим названием отсылает к понятию соборности, к собиранию сил под единой крышей родительского дома, а шире — под куполом храма. Верность вере, труд жить вместе, старость и молодость как милосердное притяжение друг к другу — сквозные темы лобозёровской драматургии и в этой его пьесе совершенно прозрачны. Это, кстати, прямое продолжение вампиловской традиции, например, того круга проблем, что поставлены в «Старшем сыне» или «Чулимске». Русский человек держится семьёй, домом. Дом — это мир, а мир — дом без веры не сохраняются. Идея вечернего звона очень важна. Однако же в спектакле много лишнего бытового фона, отвлекающих придумок, есть проблема с главным героем — он неровно сыгран, неоправданно резкая перемена с ним происходит в конце. Актёры одарённые, дело в режиссуре. Есть аляповатость в оформлении. Но спектакль новый, он в работе, и остаётся надежда, что станет лучше».

«Причуды любви» А. Слаповского — тоже на семейную тему, и тоже о немолодых родителях и взрослой дочери. Есть и сходство в жанре пьесы — комедийная мелодрама. «Странный жанр», отметила критика. И верно, драматурги словно сговорились не омрачать зрителю настроения, на входе предупреждая, что всё кончится хорошо. Ко-

дийность у Слаповского — это тройка женихов, сатирически изображённая. Всё остальное — мелодрама. В. Максимова, «прохладно» отозвавшись о 1-м акте, во 2-м увидела способность драматурга к эксцентрическому, парадоксальному письму, искусство ведения диалога, правдивость характеров. Из артистов выделила исполнительницу роли матери, О. Сибиркину: «В роли чувствуется высокое чудачество, передано обаяние странностей. Актриса разнообразна, изящна. Монолог про воблу читает замечательно».

О. Сенаторова заметила недостатки мотивировок в отношениях героев, неточность обозначения жанра: это не комедия положений, а мелодрама, что намного серьёзнее.

В самом деле, в пьесе содержатся «картинки из нашей жизни». Показана история семьи, когда драма современной девушки на выданье таит в себе продолжение драмы её родителей, не сумевших сохранить семью. И понятно, почему. Мужчина не смог постигнуть мир любимой женщины, более сложный, чем его, и попросту бежал, а у неё не хватило решимости сделать шаг навстречу, когда для этого наступил момент. В итоге две разбитые жизни. Судя по женихам, и дочь ожидает непростая судьба. Задеты такие болевые точки, как неспособность молодых думать, помимо прочего, о духовном союзе прежде чем соединить свои пути. Единственный вопрос автору и режиссёру: портрет троицы кандидатов в мужа Лены — Владика, Влада и Владислава (вариант вампиловских Аликов) — это что, окончательный приговор мужскому роду? Грустно, если так.

Присутствие наследия А.В. Вампилова на фестивале отмечено спектаклем «Старший сын» Вологодского театра для детей и молодёжи, режиссёр-постановщик Б. Гранатов. Особых споров спектакль не вызвал. Подробно и, на мой взгляд, объективно проанализировал работу вологодцев А. Бураченко. Отдав дань удачно (хотя и с некоторым перебором) выстроенному музыкальному ряду из эстрады 60-х, критик отметил излишнее увлечение мейерхольдовскими приёмами в оформлении спектакля, излишне плотный ритм, когда трудно следить за развитием отношений между героями; актёр в роли Васеньки — будто старше Нины и выглядит не наивным мальчиком, а неумным взрослым; Макарская обозначена в варьете-плане; Кудимов — шут гороховый...

Как ни прискорбно — ещё одно неточное попадание... Надо сказать, этой осенью иркутянам дважды «повезло» с Вампиловым. Сначала МХТ им А.П. Чехова изо всех сил старался рассмешить зрителя своей постановкой «Прошлого лета в Чулимске» (режиссёр С. Пускепалис), но сбился на пошловатый юмор, потом и вологодцы по-другому, но так же невпопад прибавляли весёлости и шумихи «Старшему сыну», вытесняя из пьесы о любви стыдливость и нежность, тонко прописанные автором. Между тем время уже показало, что всякие попытки постановщиков сделать «молодее», чем у Вампилова, смешнее, чем у Вампилова, приводят к одному — фарсу. Жаль, этого не хотят понять многие современные интерпретаторы драматурга, именуемого «сибирским Чеховым»...

Завершая краткий обзор зрелищной части фестиваля, надо сказать: притом что посмотреть удалось не всё и не все спектакли обсуждались, определённая картина всё-таки сложилась. Несмотря на отсутствие блестящих работ, способных потрясти всех, смотр региональных российских театров, с участием столичных, состоялся и на этот раз.

Фестиваль с годами обрёл свой образ. И уже представляется оправдавшим себя решение организаторов во главе с директором А.А. Стрельцовым превратить фестиваль-состязание в фестиваль-размышление. При нынешней размытости критериев качества, общего снижения культуры, в том числе и театральной, премии и награды теряют свой вес. А вот подумать о том, куда мы движемся, как раз не вредно. Чему и была посвящена (уже традиционно) вторая, теоретическая часть фестиваля.

Пути театра: миссия или свободное самовыражение?..

Не первый год не сходит с круглого стола этот вопрос. И всякий раз участники разговора склоняются к первому: миссия. Ревнителю свободы возмущается: ох уж эти консер-

ваторы, опять начнут вспоминать гоголевское про театр-кафедру, горьковское «с кем вы, мастера культуры?», а там дойдут и до «верните цензуру»!..

Но что ж поделать, если миссионерство русского театра никакая не архаика, а вечно живое дело! Другие страны, более нас настроенные на материальное благополучие, его и достигли, в то время как мы боролись за всеобщее счастье, сделав аскетизм почти нормой жизни. Поэтому их художникам остаётся только самовыражаться, да время от времени встряхивать погрязшую в сытости публику, пугая или развлекая её. А у нас — то революция, то война, то провал в дикий рынок, всё из огня да в полымя с небольшими передыхами. Мы не отгорожены от мира и порой пытаемся походить на других, но почему-то перенимаем не то и не так. Вот и приходится русской интеллигенции без конца заниматься работой над ошибками. И одно из испытанных средств — возвращение к самим себе, к трезвой и совестливой оценке происходящего, к думе, чем помочь многострадальному народу. Это и есть миссия, потому что это судьба, а от судьбы, как известно, не уйдёшь.

Сегодня без воспитательной роли театру не обойтись: слишком далеко мы откатились назад в нравственном состоянии и культурном развитии. Другое дело, как исполнить эту роль. Воздействовать ли на зрителя языком плаката, что неизбежно во времена войн и переворотов, или более чутко, исходя из опыта высокого искусства, которым богат русский театр как царского, так и советского времени.

Но прежде чем ответить на вопрос, что может театр, необходимо взглянуть на его нынешнее состояние.

Разрушено многое, немногое обнадёживает

Высказывания относительно потерь были откровенные, приведу некоторые без комментариев.

В. Максимова: «Перекормленные советской идеологией, мы вообще отказались от слова и понятия «гражданственность»... Реализм, психологизм — сегодня невозможно, почти «неприлично» произносить эти слова... Сегодня зачастую можно услышать от режиссёра: категорию качества мы отрицаем... Тогда получается, что режиссёром или актёром может стать всякий, кто пожелает. Русский театр никогда не отличался ханжеством, но всегда высоко ценил человеческую способность воображать, домысливать, дополнять увиденное, поданное эскизом, намёком... Буквальные обнажения, напрямую показанные физиологические подробности, непристойности и безобразия ему попросту были не нужны. Думается, это справедливо, если некоторых из сегодняшних «новаторов», Кирилла Серебренникова например, называют натуралистами».

Е. Стрельцова: «Театр развивается в сторону продюсерства... Как правило, ни у кого из режиссёров нет художественной программы. Есть неумение составить репертуар, многое строится на комедии, фарсе. Пока преобладает свобода «от», а не свобода «для»... Современные режиссёры нередко работают на разрушение семьи, веры, на общий негатив. Молодёжь выходит из подвала, и что переносит оттуда? Есть агрессия малой сцены...»

В. Максимова: «Лаборатория» сложно сочетается с большой сценой. У той и другой своя специфика. Богомолу или Серебренникову, если они экспериментаторы, лучше бы и справедливей работать на студийных площадках, в подвальных помещениях, а не на мемориальных сценах МХТ, театра им. А.С. Пушкина или «Современника». Это известно ещё со времён Мейерхольда. Авангард всегда пробивался самостоятельно, а у нас именно обедневшее ныне российское государство тратит на него миллионы — намеренно ставит его в преимущественное положение перед стационарным репертуарным театром. В советское время была своя «несвобода», но и своя «свобода» — как постоянная внутренняя, изливающаяся в действие, в поступок, оппозиция — как автономное личностное сопротивление тоталитарной системе. Вот отчего подъём культуры бывал и в тоталитарные времена, и в эпоху империй и диктатур. А сегодня, когда в России наступила якобы демократия, мы

чаще всего встречаем не свободу, а безответственность и своеволие. Мы ездим, смотрим то, что ставят в других странах, и не замечаем, что уже почти нет театра в Испании, Франции, Англии, — остался разве что в Германии, Польше, — а мы всё тянемся за ними, нас призывают, побуждают этим театрам подражать.

Мы сегодня молим Бога, чтобы пожили подольше Ю. Соломин, Г. Волчек, М. Захаров, Т. Доронина... Что-то будет после них?..»

А. Худяков: «Теперь театр не режиссёрский, не актёрский — коммерческий. И он не создаёт ценности — оказывает услугу...

Нашему городу ещё повезло. Губернаторы хоть и меняются, но они бывают в театре, поддерживают его. В других регионах картина вовсе не радужная. За последние десятилетия разрушено многое, например, гастрольная деятельность. А ведь выступления театра в других городах позволяли объективно оценивать качество постановок. Нет обмена: нынче мы в Архангельске, завтра Архангельск в Иркутске. Вместо этого столичные театры рекламируют себя в регионах, привозят не бог весть что за немалые деньги. Это просто спекуляция. Много легковесной антрепризы. Или взять работу художественного совета, теперь необязательного. В него входили лучшие представители творческой интеллигенции: встречались с труппой театра, обсуждали спектакли, и не было ни одного конфликта. Потому что не запретные меры были главным, а стремление помочь. Теперь этого нет, и что получили? Серость».

А. Беркович: «Разрушено главное — мораль. Нельзя издеваться над тем, что проверено веками. Если идёт девальвация основ, на которых стоит искусство, а это чистота, благородство человеческих отношений, то гибнет и театр...»

В сущности, картина уже давно ясна, и людей, её не приемлющих, становится всё больше. Театр неотделим от остальной жизни, но неотделим и от ответственности. Где-нибудь эта ответственность ощущается?

В. Максимова: «Можно заметить, что мата и физиологизма на российской сцене как будто стало поменьше. Талантливые люди есть и среди радикалов. Может быть, они когда-нибудь устанут от излишков своего радикализма и хоть отчасти переменятся... Наше смутное время дало много хороших актёров, в провинции не меньше, чем в столицах. Другой вопрос — возможность самоосуществления артиста, его раскрытия, достижения им художественных вершин и вершин славы. Здесь многое зависит от обстоятельств и случая. И по-прежнему велика роль лидера-режиссёра. Если он есть — есть и театр».

Примером такой личности, по мнению критика, сегодня может служить Римас Туминас, сравнительно недавно возглавивший Государственный академический театр им. Евг. Вахтангова.

Пресс-конференция Малого театра России. Слева направо: директор ИАДТ им. Н.П. Охлопкова и директор фестиваля Анатолий Стрельцов, актёр Малого театра и режиссёр спектакля «День на день не приходится» Александр Кориунов, критик, заместитель художественного руководителя Малого театра Вера Максимова, министр культуры и архивов Иркутской области Виталий Барышников

...У меня перед глазами рецензия В. Максимовой на спектакль этого года «Евгений Онегин» в постановке Туминаса, с многозначным названием «Большой спектакль». Предлагаю несколько строк вниманию читателя.

«Режиссёр, родной язык которого литовский, а не русский, вдумчиво и медленно перечитал нашего национального гения, проникся им, вычитал из пушкинского текста пропущенное или позабытое нами, расточительными и небрежными к «наследию» сегодня, как и всегда. (Весь репетиционный период на рабочем столе Туминаса громоздились горы пушкинской и околопушкинской литературы, вплоть до самых редких изданий.) Очевидно также, что это было чтение без посредников, первочтение наедине с собой, с чистого листа... Но удивишься... тому, — пишет критик, — что при всей своей «иноземности» он [Туминас] обладает даром улавливать смыслы (подробности, черты), особенно дорогие для нас, русских» (Вопросы театра. 2013. № 1–2).

Заставляю себя прервать дальнейшее цитирование, потому что лучше прочитать рецензию полностью (в том числе и как образец отличного разбора серьёзной режиссёрской и актёрской работы), а ещё лучше вначале посмотреть спектакль, буде это доступно хотя бы с диска. Но пока хотелось бы отметить одно: по всему видно, что над «Евгением Онегиным» работал режиссёр-исследователь. Что он шёл не от произвольных придумок, а от глубокого погружения в «пушкинский мир и век», явно не остался глух к словам Белинского, назвавшего роман «Евгений Онегин» «энциклопедией русской жизни», и постарался выразить это в художественных образах.

Поверим критику и порадуемся вместе с ним, но вернёмся к вопросу, который, при наличии отдельных удач, своей остроты не теряет. Итак.

Что может театр сегодня?

Мало чего может, по мнению одних: государство всё больше отворачивается от театра. Вырабатываются документы, в которых ничего не говорится о финансовой поддержке. Перевод театров в автономные учреждения, работа по проектам всех проблем не решает. Но есть и другой взгляд.

На круглом столе под названием «Театр и духовное состояние общества» много внимания было уделено взаимоотношениям театра с государством. Получилась даже небольшая дискуссия.

Ольга Сенаторова выступила в защиту государства, а точнее — «Программы долгосрочного развития театрального дела в Российской Федерации на период до 2020 года», разработанной не так давно, и даже в защиту слова «услуга».

С порога хочу возразить на довод, что *услуга* — не от обслуживания, а от служения, и что не надо пугаться слов... Слишком хорошо все мы помним строчку гения: «Служенье муз не терпит суеты». А вот услуга суеты не просто терпит — суета зачастую услужлива. Чего изволите и всем подряд — это уже не культура, а нечто противоположное. Если слово тянет за собой подмену смысла, оно не может не пугать...

Но продолжим и прислушаемся к Ольге Валентиновне — она говорит об очень важных вещах.

— У нас не такие плохие законы. Только знаем ли мы их? Программа развития театра до 2020 года — хороший и выстраданный документ. Его, по-видимому, плохо читают. Территориям необходимо разработать локальные программы поддержки. Но не все регионы поспешили это сделать. В законодательстве театр обозначен как социально-культурный институт, который занимается созданием и распространением культурных и социально-культурных ценностей и благ. То есть театр должен быть не только носителем ценностей, но и транслятором их в общество. Зритель, воспринимая посыл театра, меняется, в обществе формируется новый духовный запрос, и таким образом уровень потребительского спроса повышается. В этом одна из ипостасей миссионерства. Кстати, понятие «миссия»

впервые вводится в правовой обиход в сфере культуры именно в упомянутом документе. Но не каждый театр готов её сегодня сформулировать.

Социологические опросы показывают: 67 процентов опрошенных считают главным в жизни семью. Но при этом в Москве 60 процентов не имеют и не хотят иметь детей. На вопрос, кто должен заниматься духовным воспитанием, 38 процентов ответили: учителя, 45 — государственная власть, 18 — религиозные институты, 6 — общественные организации, 3 — звёзды искусства. Театра здесь нет.

Чрезвычайно важно ответить на вопросы: знает ли театр своего зрителя? Что он способен ему дать, куда повести? Сформулированная и представленная обществу миссия обозначает место театра в сфере общественных интересов. Такой факт: сочинив свою миссию и громко заявив о ней населению, театр национальных культур «Забайкальские узоры» из Читы отвоевал своё здание. Свой культурный центр отстаивали жители района, которые своевременно осознали, что они и их дети потеряют, если рядом не будет театра.

А. Бураченко:

— Я бы хотел спросить у Алексея Алексеевича: здесь, в Иркутске, общественное мнение изучается?

А. Худяков:

— Да, общественное мнение изучается. Но театр сегодня — автономное учреждение, которое должно зарабатывать деньги. Выпадает из поля зрения целая категория зрителей. Например, героико-романтическая драматургия для молодёжи — где она? Приходится иногда думать, что легче продать.

О. Сенаторова:

— У меня есть знакомый менеджер, который, напротив, говорит, что чем труднее спектакль, тем интереснее работать со зрителем. Важна профессиональная оснащённость административной команды и «национальная идея» каждого театра, то есть его миссионерская цель.

У нас в стране в год сбегает из дома около 50 тысяч детей и подростков. Как театру развернуться к этой аудитории, для которой не авторитет родители и учителя? Не только менеджер, но и актёр, играющий на такой зал, должен осознавать, что он выходит на духовный поединок...

А. Худяков:

— Да, охватывать эту категорию зрителей необходимо. И здесь речь заходит уже о благотворительной деятельности театра. Несмотря на то, что она где-то противоречит задаче зарабатывания денег, и продажа билетов важный пункт, все наши театры ею занимаются.

А. Бураченко:

— Как много проблем! Оказывается, документы и практика расходятся.

Е. Стрельцова:

— Я очень подавлена цифрами. Посыл и миссия — не одно и то же. Достоевский вывел на века: «Если Бога нет, то всё позволено» — сюда, на мой взгляд, укладываются все проблемы. Боюсь, что с документами обычная беда: лебедь, рак и щука. До тех пор пока государство не поймёт, что оно отвечает за всё, ничего не изменится. Театр, конечно, может быть и частным. В Москве есть один пример частного театра, когда хозяин даёт деньги, но не вмешивается в процесс, и хорошо получается. Но это малая доля.

О. Сенаторова:

— У большинства театров сегодня отношения с государством дистанцированы. Чтобы получить госзадание, а под него финансирование, необходимо проявить инициативу и предложить интересный проект. К сожалению, многие театры не владеют в полной мере технологиями проектного менеджмента. Но время и целенаправленные усилия самих коллективов, уверена, сделают своё дело. Понятно одно: театр должен меняться, осваивать новые реалии, сохраняя свою миссионерскую сущность по отношению к человеку.

Для меня театр на сегодня как февраль високосного года: слякоть, снег, ветер. Но впереди — весна.

В конце дискуссии иркутский театровед *В. Нарожный* грустно заметил:

— Какие большие ножницы между бедствиями и маленьким театром! Но ведь всегда считалось: не дело театра решать вопросы, а дело ставить их...

Да, задуматься есть над чем. «Театр должен меняться, должен стать социально-культурным институтом...» Исполнимо ли это?

Театру понадобится дополнительное кадровое обеспечение административной части. Нужны социологи-аналитики для сбора и обработки сведений относительно социальных проблем и нравственного климата по своему региону, театроведы, способные разработать миссию, настроить труппу во главе с режиссёром (который убеждён, что он один имеет право настраивать!), согласовать с бухгалтерией доходы-расходы... Найдутся ли такие силы даже в крупных областных театрах, появятся ли выученные команды повсеместно? А если нет, не дорого ли будет приглашать инструкторов из столиц? И вообще — в чём тогда разница с былыми временами, когда от всех требовалось наличие социалистической идейности и нравственности? Когда государство содержало театры и ставило перед ним прямые задачи: даёшь положительного героя, тему труда и т. д. Хватало перегибов и мук, но что удивительно: советский театр поднялся на недостижимый ныне уровень. Может, вернуться к простоте отношений? Но для этого у государства должна быть выстроенная система ценностей, идеология, о которой пока только заговорили — когда она будет? И какой? Да и возможно ли войти в одну реку дважды?

А может, определиться элементарно — по линии собственности?

Часть театров сделать казёнными учреждениями. Они будут решать государственные задачи. Государство их берёт на полный кошт, оно же им прописывает миссию. (Только не чиновничьей рукой, а привлечёнными для этой цели интеллектуалами-государственниками, театроведами.) К примеру, ставить спектакли о выдающихся деятелях России — Суворове, Столыпине, Королёве. Для трудных подростков и сбившихся с пути граждан — «Педагогическую поэму» Макаренко, «На дне» Горького; учитывать особенности регионов. Возобновить художественные советы, ибо качество для государства — задача первостатейная, и оно может делать всё, чтобы достичь его на своей «деляне».

Театры «автономного плавания» получают деньги частью из бюджета — за проекты, подходящие государству и утверждённые Министерством культуры, частью — зарабатывают сами на свою программу. Работают, примерно, как теперь.

Частные театры, свободные как птицы небесные, делают что хотят (в рамках закона, понятно), но за свой счёт, и денег у государства не просят.

Важно одно: чтобы не было смешения в задачах и системе отчётности.

К сожалению, провозглашённые некогда многоукладная экономика и разнообразие форм собственности в реальности не достигнуты, а больше напоминают многовариантность одного и того же действия по самообогащению «креативных» ловкачей, и мечта власти снять с себя как можно больше гирь оборачивается в таких условиях возвращением этих гирь, но в утяжелённом виде. Надо наконец ответить на вопрос, чего мы хотим. Тогда и театру жить станет легче.

Свет Розова коснулся и нас

В один из дней фестиваля мёрдок от забот о судьбах театра был временно отодвинут. «Свет Розова» — так называется книга, встреча с которой состоялась в пресс-центре ИАДТ им. Н.П. Охлопкова. Большеформатное, иллюстрированное издание выпущено в Москве к 100-летию со дня рождения создателя знаковых для эпохи пьес, с подзаголовком-пояснением на титуле: «Люди театра, родные и близкие, ученики и критики о великом драматурге XX века Викторе Сергеевиче Розове».

Автор книги, драматург и прозаик Владимир Попов, наш земляк родом из Забайкалья, ныне москвич, не только прошёл семинар В. Розова — И. Вишневской в Литинституте, но и дружил со своим учителем все последующие годы.

Привычная презентация обернулась счастливым случаем возвращения в мир прекрасного далёка, каким был отечественный театр второй половины XX века. То были годы, когда вместе с первыми постановками пьес Розова «Её друзья», «Страница жизни», «В поисках радости», «В добрый час!» на сцену вышли будущие знаменитости — «розовские мальчишки» О. Ефремов, Ю. Соломин, О. Табаков, И. Кваша, когда в зените славы находились режиссёры А. Эфрос, Г. Товстоногов, Ю. Завадский, когда поднимался «Современник» и высоко стояли МХАТ, ЦДТ, театр им. Моссовета, БДТ...

Первый среди выступавших, историк литературы, кандидат филологических наук П. Фокин, недавний гость Литературных вечеров «Этим летом в Иркутске» (Москва), сказал о книге В. Попова, что она «не монография, не очерк творчества, не мемуары, не антология критических статей», а сборник документально-публицистических свидетельств, «исполненный любовью к учителю, и это главное содержание». И в самом деле, «простодушный, с открытой душой», как было отмечено, подход автора к своей работе позволил собрать редкие факты и воссоздать живой образ Виктора Розова, а вместе с ним театральный фон времени.

Благодаря фестивалю в Иркутске оказались те, кто хорошо знал Розова при жизни. В. Максимова рассказала о том, как принимала участие в остром обсуждении его пьесы «Кабанчик», о своём восприятии личности драматурга: «большой ум, при этом с хитрецой, умение слышать людей и время, за мягкостью — неколебимость позиции, бесстрашие бывшего фронтовика, участника Великой Отечественной, к тому же ещё и тонкий юмор, и артистизм несостоявшегося актёра, ученика Марии Бабановой».

Е. Стрельцова, как и В. Попов, выпускница Литинститута, с восторгом вспоминала розовский семинар и то, как в конце почти каждой беседы со студентами наставник повторял: «Будьте просто порядочными». И драматург С. Лобозёров тоже учился у Розова и запомнил его человеком очень равнодушным к творчеству начинающих, умеющим слышать каждое слово в пьесе.

Взволнованно прозвучали слова В. Нарожного: «Розов в круге моих интересов с десяти-одиннадцати лет. Мы, театралы, каждый год ждали его новую пьесу. Мы знали, будет что-то очень современное, из нашей жизни. В 90-е годы на какой-то миг показалось, что очень уж всё просто у него для нового времени (попутал же бес!). Но я всегда любил «Традиционный сбор», и сегодня вижу: ведь молодёжь его тоже воспринимает!..»

Кстати, в книге говорится о том, с каким огромным успехом у нынешних старшеклассников идёт пьеса «Её друзья» в МХТ им. М. Горького под руководством Т. Дорониной — с 1996 года!

Не буду останавливаться на том, какие нити связывают имя Виктора Розова с Иркутском, Иркутским драмтеатром и Вампиловым — главы из книги были предложены автором журналу «Сибирь» и опубликованы в 3-м выпуске за 2013 год.

Так Вампиловский фестиваль, а вместе с ним Иркутск отметили 100-летие со дня рождения выдающегося драматурга.

Быть может, отблеск розовского света коснулся нас не напрасно, а чтобы дать подсказку: в смутное время люди, болеющие за искусство, всегда могут следовать одной благородной задаче — противостоять цинизму, низкопробному вкусу и бездарности.

Так будем же терпеливы и неотступны.

ВИТАЛИЙ СИДОРЧЕНКО

О «Сибкорше», ТРАМе и Краснозаводском театре

Утром 27 декабря 1928 года главная губернская газета «Власть труда» сообщила сенсационную новость: «Сегодня ожидается приезд в Иркутск Народного комиссара просвещения А.В. Луначарского.

Товарищ Луначарский прибыл в Сибирь для проведения предвыборной кампании и инструктирования органов народного образования на местах.

В ряде городов Сибири (Омске, Новосибирске, Рубцовске и т. д.) тов. Луначарский выступил с отчетными докладами правительства. В Иркутске тов. Луначарский также сделает доклад о работе правительства на расширенном пленуме горсовета. В связи с пленумом горсовета, назначенные на сегодня отчетные собрания по городу отменяются.

А.В. Луначарский прибыл в Иркутск 27 декабря в 14 часов скорым поездом. На станции его встречали местные руководители: председатель окрисполкома, председатель горсовета, заведующий окроно, представитель Иркутского гарнизона и делегация железнодорожников Свердловского района Иркутска. Прямо с вокзала Луначарский поехал осматривать университет. В университете он обошёл все кабинеты и лаборатории. Особенно долго нарком просвещения задержался в кабинете фармакологии, где профессор Шавров продемонстрировал ему ряд красок, эфирных масел, добытых из местных растений.

Вечером, в 18 часов, в Большом зале клуба Октябрьской революции (КОР) состоялось расширенное заседание городского совета совместно с Окпробюро и Окрисполкома. На этом заседании А.В. Луначарский выступил с отчётным докладом Правительства о внешнем и внутреннем положении СССР.

«...Доклад продолжался около 3-х часов. В прениях выступили 14 человек. После заключительного слова тов. Луначарского собрание было закрыто в 12 часов ночи».

Следующий день 28 декабря у Анатолия Васильевича Луначарского также был крайне насыщенным различными встречами с рабочими коллективами и организациями. В 11 часов он приехал на собрание иннокентьевских и свердловских рабочих в вагонном цехе станции Иркутск. В 13 часов нарком уже выступал в клубе Октябрьской революции перед военными Иркутского гарнизона. В 16 часов он встречался с работниками народного просвещения в здании Городского театра, а вечером здесь же смотрел спектакль «Человек с портфелем» А. Файко. После спектакля Луначарский в небольшом выступлении «сделал

СИДОРЧЕНКО Виталий Петрович (род. в 1938 г. в с. Порог Нижнеудинского р-на Иркутской области). Окончил Иркутское театральное училище, отделение журналистики ИГУ. Актёр Иркутского академического драматического театра им. Н.П. Охлопкова. Заслуженный артист России, член СП России. Автор книг и статей о театре, истории сибирского театра. Живёт в Иркутске.

оценку пьесы и подробно остановился на хорошей игре актёров, поздравив Иркутск с таким сильным составом труппы. Труппа театра и зрители устроили тов. Луначарскому шумную и продолжительную овацию».

28 декабря утром А.В. Луначарский отбыл в Черемхово, откуда затем выехал в Красноярск.

Теперь самое время узнать, какой же актёрский коллектив работал в декабре 1928 года в Иркутском городском театре, получивший столь высокую оценку не только от народного комиссара просвещения, но и от известного профессионального драматурга Анатолия Васильевича Луначарского. Ещё в сезоне 1925/26 годов, когда в Иркутске заканчивал свои спектакли Трудовой коллектив Драмы и Музкомедии под руководством ленинградского режиссера В.Г. Валерианова, дирекция Иркутского городского театра занялась более тщательным поиском драматической труппы, которая отличалась бы не только высоким профессиональным мастерством, но и достойным репертуаром. И такая труппа была найдена, она почти полностью состояла из артистов бывшего Театра Корша в Москве. Артисты этого театра поверили своему руководителю М.М. Шлуглейту, человеку высокой культуры, большому знатоку своего дела, и поехали за ним в далёкую Сибирь, в город Красноярск, строить новый театр. Назвали они его «Сибкорш».

Начало работы театра в Красноярске было очень трудным, но критика, тем не менее, отмечала высокую культуру коллектива, ансамблевость спектаклей, наличие в труппе ярких актёров. Театр делал всё, чтобы установить тесные контакты с новым зрителем. В коллективе создали художественный совет, а при нём репертуарную комиссию, куда входили также представители от партийных, советских и профсоюзных организаций, от заводских предприятий. Театр ввёл абонементы на общедоступные спектакли по сниженным ценам, и в него потянулся массовый зритель. «Сибкорш» стал работать на аншлагах.

Коллектив «Сибкорша» не отказывался от старого традиционного репертуара, но творчески его перерабатывал, чередуя старые спектакли с новыми произведениями, созданными в годы идейно-творческой перестройки в духе новых общественно-политических веяний, с показом новых героев и с освоением нового содержания сценических произведений.

Творческий и материальный успех «Сибкорша» убедил партийно-советских руководителей в необходимости формирования постоянных актёрских трупп, которые могли бы на протяжении двух-трёх сезонов обслуживать несколько городов. Так возникла идея театральных объединений-трестов, куда вошли бы театральные предприятия разных видов искусств: драма, опера, оперетта, балет и которые гастролировали бы по очереди в разных городах. Инициатором этих объединений был Мориц Миронович Шлуглейт — руководитель театра «Сибкорш».

Вскоре первый театральный комбинат был создан. В него вошли Иркутск и Красноярск. Условия организации этого театрального проекта руководители Иркутска и Красноярска признали выгодными, так как особых расходов они за собой не повлекли. Во главе театрального комбината Красноярский горсовет предложил поставить М.М. Шлуглейта. Иркутский горсовет с этим согласился, но настоял на том, чтобы главная резиденция театрального комбината находилась в Иркутске.

Театральный сезон открылся в Иркутске 15 октября 1926 года бессмертной комедией А.С. Грибоедова «Горе от ума», сыгранной коллективом артистов «Сибкорша». Кроме «Горе от ума» на афише были заявлены: «Ревизор» Н.В. Гоголя, «Гроза», «Бесприданница», «Без вины виноватые», «Василиса Мелентьева» А.Н. Островского, «Коварство и любовь» Ф. Шиллера, «Принцесса Турандот» К. Гоцци, «Собор Парижской Богоматери» В. Гюго, «Яд» А.В. Луначарского, «Шоколадный солдатик» Б. Шоу, «Брат Наркома» Н. Лернера, «Чудеса в решете» А. Толстого. Для воплощения этих серьёзных планов в труппу были приглашены как опытные, прошедшие серьёзную провинциальную и столичную школу, так и молодые, подающие надежды актёры.

Система К.С. Станиславского в то время ещё не была оформлена и утверждена. Известно, что в провинции тогда господствовал метод Н.Н. Синельникова, которого называли тогда «Станиславский провинции». Вот и в основном составе труппы М.М. Шлу-

плейта состояли ученики этой школы. А.Л. Павлова, А.Н. Парамонова, И.Я. Орлов, В.Ф. Торский, О.Д. Виндинг — прямые ученики Н.Н. Синельникова. Н.П. Ардалов, В.М. Бурэ, А.М. Скуратова, Е.Н. Корсакова, Е.В. Варенцова, Н.К. Петипа — ученики «синельниковца» А.П. Петровского. В труппе «Сибкорша» была также небольшая группа учеников Московского Малого театра — Н.А. Кудрявцев, Н.Г. Салин, Я.И. Максимова, и только несколько актёров учились у других педагогов, но все они были объединены методом работы Н.Н. Синельникова и А.П. Петровского. Это было главным в достижении актёрского ансамбля, чем славилась труппа театра «Сибкорш».

В премьерном спектакле «Горе от ума» на открытии сезона 15 октября были заняты лучшие силы труппы. Александра Андреевича Чацкого играл молодой талантливый актёр Игорь Орлов — сын знаменитого в театральном мире Я.В. Орлова-Чужбинина. С первого же выхода он произвёл ошеломляющее впечатление на иркутских зрителей, особенно на прекрасную часть их. Вот как писал рецензент местной газеты в отчёте на спектакль сибкоршевцев: «Когда он, стройный, в плотно прилегающих рейтузах, появился первый раз на сцене, кто-то из ложи, заполненной женщинами, не выдержал. Раздался истерический крик: «Ой!» Эта нервная особа была очевидно поражена импозантной фигурой актёра. В актёрском деле выигрышная внешность — отнюдь не последнее качество. Но, разумеется, чтобы быть хорошим актёром, ещё недостаточно иметь только импозантную внешность и звонкий голос (которым Орлов тоже обладает). Нужны ещё кой-какие способности и умение, которое достигается огромной работой. Есть все основания полагать, что всем этим Орлов располагает. Роль свою он провёл хорошо...»

Лучше всех, по мнению критика, провела роль Софьи артистка А.Н. Парамонова. Играла она мастерски, легко, хотя лёгкость эта требует самого большого труда. Было видно, что это незаурядная актриса.

Но для труппы Шлуглейта особое, знаковое значение имела оценка этого спектакля известным сибирским писателем и литературным критиком Марком Азадовским, побывавшим на одном из спектаклей сибкоршевцев. Он выразил благодарность художественному руководству труппы и артистам, которые за короткий срок сыграли уже несколько раз одно из лучших созданий русской сценической литературы, а также за стремление режиссуры обновить традиционное истолкование этой пьесы и показать её в новых тонах и формах, в углублённом понимании современности. Отмечая достоинства и недостатки в игре исполнителей этого знакового во всех отношениях спектакля, профессор Азадовский оценил его как значительное произведение театра, и эту значительность и обаяние спектакля создала артистка А.Н. Парамонова, исполнявшая роль Софьи.

«...Роль Софьи одна из труднейших в русской литературе. По большей части, особенно на провинциальных сценах образ Софьи является неясным и тусклым.

Я должен сознаться, что только в такой проникновенной игре Парамоновой раскрылось мне впервые огромное общественное значение этого образа, впервые мне удалось так отчетливо осознать глубоко скрытую в нём революционную сущность...

И не черты будущей жены Скалозуба уносил я из театра, но в строгих очертаниях созданного артисткой образа передо мной невольно вставало видение будущей жены деkabриста. Оттого-то столь значительным показался мне и весь спектакль.

Проф. М. Азадовский»

После первого спектакля труппы М.М. Шлуглейта критики оптимистично заявили: «На несколько месяцев мы обеспечены, очевидно, настоящим театром». И они оказались правы. Другие спектакли только подтвердили эти выводы.

Надо отдать должное режиссуре театра и прежде всего его художественному руководителю М.М. Шлуглейту за предоставленный в первом сезоне, да и в последующие, репертуар. Большое число классических спектаклей сохранили не только старые театральные ценности, но были во многом злободневны, близки современности, так как изображаемые в них типы были живы, только приняли другую окраску. Всё дело — в режиссёрском и актёрском прочтении пьес, в предании старой, даже затрёпанной теме — новой, актуальной

остроты, в выявлении нужных и знакомых современному зрителю жизненных ситуаций и моментов.

Для театра М.М. Шлуглейта большим плюсом являлось то, что в нём был целый ряд прекрасных старых и молодых актёров, которые образовали живой, крепкий, органический ансамбль. И самое главное, эта труппа давала зрителю то, что могут дать немногие, особенно провинциальные театры, — подлинно художественное актёрское мастерство. Иркутский зритель был ею завоёван. Это была несомненная и трудная победа.

На следующий сезон город вновь пригласил М.М. Шлуглейта. Состав труппы в большинстве своём остался прошлогодним, но было и пополнение в лице заслуженного артиста республики Н.Н. Васильева, артистов Я.И. Максимовой и Н.К. Зиновьева, работавших раньше в Московском Малом театре, артистки бывшего театра Корш А.Ф. Перегонец. И вновь успех.

Бесспорно, отдельно от всех по мастерству перевоплощения стоял Н.Н. Васильев. На открытии театрального сезона он играл главную роль Шейлока в пьесе В. Шекспира «Венецианский купец».

Интересно и ярко исполняла роль Любви Яровой в одноименной пьесе К. Тренёва артистка А.Л. Павлова. В труппе прекрасно работала молодая актриса А.Ф. Перегонец, блистательно исполнявшая роли во всех спектаклях. Выделялась уверенной игрой О.Д. Виндинг. Удивлял ярким актёрским мастерством В.В. Черневский.

На юбилее тридцатилетия открытия каменного здания Иркутского театра в декабре 1927 года труппа «Сибкорш» блеснула настоящим мастерством в бессмертной комедии Н.В. Гоголя «Ревизор».

Можно ещё достаточно много цитировать оценки театральных обозревателей об актёрском мастерстве труппы «Сибкорш». И первый, и второй (1927/28 годы) сезоны по их мнению были успешными.

Третий сезон открыли 16 октября 1928 года спектаклем «Человек с портфелем» по пьесе А. Файко. На его открытии присутствовал сам А.В. Луначарский и дал весьма лестную оценку актёрскому составу труппы М.М. Шлуглейта. По доброжелательным рецензиям газеты «Власть труда» и хорошим отзывам зрителей можно сделать вывод, что и третий сезон труппа театра «Сибкорш» начала весьма успешно. Конечно, были претензии к выбору для постановок некоторых единичных пьес художественным руководством театра, которые брались в работу исключительно для улучшения финансовых сборов. Слишком велики были затраты на постановку новых спектаклей и оплату труда большого коллектива артистов и технических работников. Но подобные постановки довольно сильно вредили театру. Конечно, худруку и директору театра нужно было хорошо подумать, прежде чем принимать подобные решения. Когда тебе предлагают целевую оплату за спектакль, т. е. оплачивают весь зрительный зал, но ты знаешь, что тебе за этот спектакль «влетит» от поклонников Пролеткульта, нужно принять какую-то одну твёрдую позицию. Тут компромисс «А вдруг пронесёт» может и не случиться. Вот как отреагировала газета «Власть труда» на заказной спектакль «Мирра Эфрос» по пьесе известного до революции драматурга Я. Гордина. ...«Мирра Эфрос» является, более или менее, случайной постановкой в репертуаре театра, и потому мы несколько примиряемся с нею. Театру нередко приходится продавать спектакли отдельным организациям, причём в таких случаях не всегда выбор пьесы зависит от постановщиков. Таким именно спектаклем и явилась «Мирра Эфрос».

Данная пьеса, принадлежащая перу когда-то популярного драматурга Якова Гордина, оторвана от действительности и не лишена реакционных настроений. Идеализация ловких коммерческих афёр переплетается в ней с текстами из талмуда, а в героине возводится гордая богачка Мирра, упорно сбивающая состояние в целях материального обеспечения детей».

А следом за «Миррой Эфрос», буквально на другой день, театр давал оперетку Бремэ «Свадьба Марион» — типичную оперетту «венского» жанра, на которую газета «Власть труда» откликнулась таким пассажем: «Ничтожность содержания в ней доведена до предела... Скрасил постановку балет, давший несколько бодрых, динамичных танцев».

И вот эти два, можно сказать, случайных спектакля в хорошем репертуарном списке нынешнего сезона в руках иркутских «прописных пролеткультовцев» вскоре стали «козырной картой» в деле замены талантливой, хорошо организованной труппы на Харьковский Краснозаводской театр.

Сибкоршевы, заканчивая свой второй театральный сезон, собирались остаться здесь и на третий. Но в их судьбу неожиданно вмешались чиновники от культуры и Агитпропа, у которых возникла идея создать в городе ещё один театр с пролетарским уклоном — ТРАМ (Театр рабочей молодёжи).

В Иркутске и в округе в это время, кроме «Сибкорша», работали ещё несколько местных профессиональных театров: Передвижной рабочий театр под руководством П. Шаравина, Драматический коллектив Д.А. Хадкова, в котором долгое время служила будущая народная артистка Г.А. Крамова, Передвижной театр санитарной культуры и несколько самодеятельных драматических коллективов, в том числе драматический коллектив Маратовского рабочего дворца (МРД), которым руководили опытные артисты Гортеатра И. Орлов и В. Бурэ.

Несмотря на такое количество театральных трупп, у местного Агитпропа и руководителей окружной комсомолки, особенно после недавних гастролей столичного театра Пролеткульта, родилась идея создать нечто подобное и в Иркутске.

Вопрос о том, нужен он или не нужен городу, просто не обсуждался. Идеологи Пролеткульта и комсомольское руководство решило, что такой театр должен быть. Обсуждался только вопрос: как его организовать и каким он должен быть. Решили, что цель ТРАМа — это сценическое выступление рабочей молодёжи, и чем шире будет охват работы этого театра, тем будет больше оправдания для его существования. Будущий ТРАМ должен не только играть спектакли, но ещё и вести просветительскую работу среди молодёжи в клубах. Для этого драматические кружки на местах должны выдвинуть своих наиболее художественно одарённых представителей в студию ТРАМа, чтобы эти представители несли бы затем в свои коллективы знания, полученные в этой студии. Кроме того, ТРАМ должен составить список пьес, которые бы несли идеи рабочей молодёжи и были просты в постановке, т. е. как раз то, что делает театр Пролеткульта.

И вот уже 2 апреля 1928 года через газету был объявлен конкурс для желающих работать в ТРАМе «выдвиженцев» из драматических кружков, конкурс должен был состояться в клубе Октябрьской революции (КОР).

Для его проведения была создана специальная комиссия из представителей комсомола и театральных специалистов. По планам уже с середины апреля трамовцы должны были приступить к работе над своими постановками.

В это же время драматический коллектив Маратовского рабочего дворца, состоящий в основном из работающей молодёжи, давно уже показывал свои спектакли не только производственным коллективам кожевенного завода, но и всему рабочему населению Маратовского предместья, удалённых от центральных культурных учреждений города.

Руководители рабочего театра И. Орлов и В. Бурэ к этому времени уже поставили спектакли «Красный пакет», «Федька-есаул», «Овод», которые, по мнению газеты «Власть труда», «отвечают запросам рабочего зрителя и обеспечивают художественную выдержку постановок». А пьеса «Красный пакет» ставилась даже в «показательном порядке» в КОРе, и по отзывам многих (в том числе директора городского театра М.М. Шлуглейта) «прошла с большим подъёмом и одушевлением, нежели в исполнении артистов Гортеатра».

Далее газета отмечала, что в этом драмколлективе четвёртая часть участников — рабочие, которые занимаются здесь уже несколько лет, пользуются авторитетом в кружке и популярностью у публики. Например, рассыльной кожзавода Вассе Климановой руководители клуба прочат «большую будущность». А рабочий Зубакин и предзавкома шубников П. Лавров «ушли с головой в работу кружка и все трое — любимцы маратовцев».

Как мы знаем, в будущем заслуженная артистка РСФСР В.Г. Климанова и П.И. Лавров станут известными артистами Иркутского ТЮЗа.

Если рассуждать логично, то в городе уже имелась достаточно хорошая база для организации театрального дела среди рабочей молодёжи. Однако руководители окружного комсомола и Агитпроп были просто обуреваемы идеей создания, практически на пустом месте, ещё одного рабочего театра — ТРАМа. Эта идея ещё больше утвердилась в их головах после трёхдневных гастролей в Иркутске Московского театра Пролеткульта. Под заголовком «Рабочий зритель о театре «Пролеткульта», или То, что нам нужно» газета «Власть труда» на нескольких страницах поместила хвалебную статью без подписи о замечательной игре и декорациях пролеткультовцев. «...Во всей группе играющих нет приторно нежных и слезливых салонных лиц, а все они дают здоровую игру, которая так нравится рабочим. Нет расписанных комнат, а всё это происходит и передаётся так, как происходит в жизни. Правда, такие постановки обывателю придутся не по вкусу, но нам на это чихать. Наш иркутский рабочий ещё не привык разбираться в качестве театра, как разбираются рабочие центральных районов. На запросы рабочих Москвы и Ленинграда сейчас чуткие режиссёры уже умеют отвечать».

Добавим, что все четыре спектакля Московского Пролеткульта оплатили профсоюзы предприятий.

Однако городские партийные и административные власти никак не реагировали на эти инициативы создания нового театра для рабочей молодёжи.

При наличии нескольких театров в Иркутске и в округе создавать ещё один театр для рабочих (а в Маратовском рабочем дворце трудовая молодёжь продолжала играть свои спектакли), да ещё при хронической нехватке средств для нужд городского хозяйства и для оплаты финансового дефицита действующих театров, пока не входило в планы руководителей города.

Будущие же артисты ТРАМа в это время обучались актёрскому делу в драматических кружках и при клубах предприятий города.

Но инициаторы создания молодёжного театра — председатель правления ТРАМа Хербин, члены правления Тюльпанов, Ковригин и другие — не оставляли в покое лидеров окружного и городского комсомола и их отделы агитации и пропаганды (Агитпропы). Комсомольские же руководители, в свою очередь, обязывали идеологов пролеткультовского движения выступать с пропагандой этой идеи на страницах газеты «Власть труда». Как правило, статьи эти публиковались всегда без подписи. «Мы, иркутяне, не можем рассчитывать иметь свой театр Пролеткульта. Но мы можем и должны добиваться, чтобы у нас были приличные рабочие труппы при клубах. Для этого нам нужно, в конце концов, не так уж много — подготовить пролетарский театральный молодняк. Короче — нам нужен ТРАМ — театр рабочей молодёжи. Театрально-способного молодняка много в наших рабочих клубах. Однако, его способности не реализуются или, что ещё хуже, направляются по халтурной дорожке. ТРАМ дал бы этому молодняку более или менее правильное воспитание. Из части, может быть, вышли бы артисты, часть вернулась бы в теа-кружки наших клубов и оздоровили бы их. Словом — ТРАМ нам необходим.

Хотя, наверное, не все знают, но ТРАМ и у нас в Иркутске был и даже, кажется, формально существует и сейчас. Фактически же он никогда не существовал. Открытый весной идущего года, он не мог работать из-за недостатка средств. Ему нужно было совсем немного денег — 2-3 тысячи рублей. Но их не смогли отыскать ни горсовет, ни окрпрофбюро, ни окротделы отдельных союзов, и ТРАМ зачах...»

Удивительное легкомыслие у этих инициаторов ТРАМа! Если драмколлективом Маратовского рабочего дворца руководили два прекрасных московских актёра и режиссёра и обучали актёрскому мастерству молодых, подающих надежды рабочих Вассу Климанову, Петра Лаврова и других самодеятельных актёров, которые уже играли спектакли на публику, то в ТРАМе, кроме так называемого правления во главе с неким Хербеным, дальше редких заседаний и выпрашивания помещения и денег дело не шло.

В Москве уже в это время идеи театра Пролеткульта потихоньку стали угасать. Посмотрев «мейерхольдовские режиссёрские решения» классических спектаклей «Лес» А.Н. Островского и «Ревизор» Н.В. Гоголя, официальная газетная критика и главные те-

атральные журналы уже хорошо «прошлись» по создателю этих спектаклей и его теории Пролеткульта. Прошёл даже слух о закрытии театра им. В.Э. Мейерхольда в Москве, на что иркутские «записные пролеткультовцы» ответили публикацией письма о защите Мейерхольда. Под заголовком «Театр Мейерхольда должен быть сохранён» в газету «Правда» было послано коллективное письмо редакторов провинциальных газет, в котором они просили сохранить театр и даже датировать его деньгами на уровне МХТа и Малого театра.

Между тем в профсоюзе Рабис начались подготовительные работы по формированию передвижной драматической труппы для гастролей по округу (Усолье, Зима, Тулун и др.). В ноябре 1928 года «Власть труда» напечатала любопытную информацию. Оказывается, театра для себя требует не только ТРАМ, но и школьники. «Вопрос о театре юных зрителей был поставлен вчера на окрдетбюро юных пионеров. В прениях выступили все члены бюро, которые, не обсуждая необходимости такого театра, сразу вносили практические предложения. Кроме демонстрации решено в школах провести агитацию за театр юных зрителей путём помещения статей в школьных стенгазетах.

Вопрос о театре поставить на родительских собраниях при школах. Там, где возможно, организовать ячейки содействия организации театра юного зрителя. Для материальной поддержки театра решено по школам поставить платные вечера. Организовать делегации с наказами о требовании театра юных зрителей в горсовет и окпрофбюро».

За открытие театра для детей высказалось также в своей резолюции собрание представителей школ и техникумов города. Почувствовав соперника в получении будущим детским театром денежных субсидий и здания первым, правление пока несуществующего ТРАМа предприняло ответные решительные шаги и через свои возможности влиять на руководство окружного комсомола убедило бюро ВЛКСМ придать решаемому вопросу политическую окраску и выступить на страницах печати с ультимативным требованием к окружным властям решить наболевшую проблему.

Открытое письмо окружкома ВЛКСМ окпрофсовету, горсовету и окрисполкому

Бюро окружкома ВЛКСМ в течение девяти месяцев не может добиться ответа на вопрос об организации театра рабочей молодёжи.

Литпром окружкома ВКП признал крайне необходимым создание такого театра. Было создано две комиссии, но ни одна из них даже не собралась.

Окружком комсомола считает, что закрытие пивных и кабаков не исчерпывает вопрос о культурной революции. Взамен их нужно создавать такие организации, которые бы отвлекали от пьянства и хулиганства нашу молодёжь, заполнили бы её досуг здоровым отдыхом.

ТРАМ во многих городах СССР, в крупных пролетарских центрах превратился в рупор культурной революции. Мотивировать невозможность открытия ТРАМ отсутствием средств неубедительно.

Окружком комсомола обращается прямо с вопросом к окпрофсовету, горсовету и окрисполкому — хотите ли вы помочь рабочей молодёжи вырваться из плена некультурности, поможете ли вы организовать ТРАМ.

Бюро ОК ВЛКСМ

Вслед за этим письмом состоялся ещё и пленум Ангарского райкома ВЛКСМ, который в своём постановлении присоединился к требованию создать в Иркутске театр рабочей молодёжи. Этими совместными действиями комсомольских руководителей удалось в какой-то мере сдвинуть с места «нерешаемый» вопрос. Членов правления будущего театра пригласили на беседу и попросили обстоятельно разъяснить, каким они себе представляют будущий театр, кто будет художественным руководителем, какие задачи они ставят перед собой, наконец, составлена ли финансовая смета, сколько надо денег и т. д.

Поскольку ни один из членов правления не мог конкретно и вразумительно сформулировать задачи будущего театра, кроме высказанных общих фраз об «отвлечении молодых рабочих от пьянства и хулиганства», а также о постановке спектаклей пролеткультовского

репертуара, руководители округа решили командировать председателя правления Хербина в Ленинград. Там он должен ознакомиться с деятельностью местного образцового ТРАМа, изучить его опыт работы в решении организационных вопросов, подборе репертуара, а также провести предварительные переговоры с режиссёрами, которые могли бы приехать в Иркутск для постановки спектаклей.

В свою очередь, президиум окрпрофсовета постановил на своём заседании оказать помощь в организации нового театра.

В Главискусство была послана телеграмма и дополнительное разъяснительное письмо с просьбой датировать Иркутский ТРАМ в размере 1000 рублей из средств, отпущенных на все ТРАМы.

Правление ТРАМа тут же предложило пригласить из Ленинграда двух режиссёров и художника-декоратора, а всем желающим стать артистами, прошедшим смотр и записавшимся в ТРАМ необходимо будет вновь пройти перерегистрацию.

Но планы планами, а дело никак не сдвигалось с места. Тогда, воспользовавшись пребыванием в Иркутске в конце декабря 1928 года народного комиссара просвещения А.В. Луначарского, несколько местных комсомольских руководителей смогли встретиться с ним и попросили поддержать их просьбу о выделении средств на новый театр. Народный комиссар ответил на это письмом на имя Иркутского городского совета. Поскольку письмо было опубликовано в газете «Власть труда», о нём знали только те, кто мог прочитать эту газету. Со временем это событие как-то забылось, и нынешние театроведы и историки стали писать о том, что Луначарский просил выделить средства на открытие Иркутского ТРАМа.

На самом деле он попросил это сделать, но при определённых условиях.

Иркутскому Горсовету

Ко мне обратилась группа иркутской коммунистической молодежи, являющаяся инициативной группой по организации ТРАМа, с просьбой поддержать их ходатайство об отпуске хотя бы части нужных им для этого средств.

Я не знаю, конечно, имеется ли у этих товарищей необходимый человеческий материал и рационально построенный план. Они должны будут представить вам, также как и Главискусству НКП РСФСР, достаточно подробный материал о важности театра рабочей молодежи и поэтому, если в данном случае будут представлены необходимые гарантии того, что затрата средств приведет к какому-то действительному результату, считал бы ассигнование некоторой суммы целесообразным.

Нарком по просвещению Луначарский

Будучи государственным человеком, А.В. Луначарский не случайно подходил к решению этого вопроса с осторожностью, разрешая выделение средств только при условии, если имеется «необходимый человеческий материал и рационально построенный план и если будут представлены необходимые гарантии, что затрата средств приведёт к какому-то, действительно, результату».

Но было ясно, что кроме желания организовать ТРАМ у начинающих кружковцев никаких других подвижек в этом никак не подготовленном проекте не было. Ни помещения, ни режиссёра, не было даже предполагаемого репертуара, не говоря уже о технической части — декорациях, реквизите и пр. А председатель правления уехал в Ленинград, чтобы там в местном ТРАМе позаимствовать хоть какой-нибудь опыт.

Конечно, Иркутский городской совет никаких средств под эти «прожекты» не выделил.

После возвращения из ленинградской командировки председатель правления создающегося ТРАМа Хердин вместе с комсомольским агитпропом решили пойти по проверенному пути и применить испытанный приём тех лет — политизировать обсуждаемый вопрос. Для этого через печать было объявлено о городском диспуте под красноречивым заголовком «Новые бои на театральном фронте». Диспут правление организовало 3 марта 1929 года в городском клубе пищевиков, куда пригласили не только кружковцев, но и пред-

ставителей городской общественности: писателя И. Гольдберга, художественного руководителя городского театра М.М. Шлуглейта, главного режиссёра театра К.Т. Бережного, комсомольских и профсоюзных руководителей, корреспондентов местной газеты.

Основным докладчиком выступил председатель правления Хердин, который начал свою речь не с проблем создаваемого рабочего молодёжного театра, а с общегосударственных политических задач в области театрального искусства. Он говорил о том, что «сейчас, когда классовые противоречия в нашей стране особенно обострились, надо обратить особое внимание на участок, именуемый театром. Наш классовый враг и через театр пытается протащить свою идеологию.

Ведь не случайным является тот факт, что Московские театры после прекрасных спектаклей к X годовщине Октября возвращаются к «Дням Турбиных», к «Зойкиной квартире» и т. п. или недавнее выступление крупного режиссёра А. Таирова о пересмотре лозунга «Искусство — массам», о том, что пора перенести центр тяжести с содержания репертуара на оформление.

Весьма показательным является то положение, что наши театральные школы и студии зачастую заполняются чуждыми нам слоями молодёжи. Не является в этом отношении исключением и наш городской театр. Он даёт возможность обывателю влиять на репертуар (через кассу) и на всю работу театра. Скачки от «Бронепоезда» к «Баядерке» и от «Рельсы гудят» к «Мирре Эфрос» говорят о недостаточном благополучии в театре».

Когда мы рассказывали о репертуаре театра «Сибкорш» в декабре 1929 года, то отмечали, что такие единичные спектакли в его репертуаре, как «Мирра Эфрос» или безобидная оперетта «Марион», сыгранные только для того, чтобы поправить финансовое положение, обязательно аукнутся Шлуглейту. Мы оказались правы. Вот Хердин и воспользовался этим, когда в своей речи изрёк, что такие постановки «говорят о недостаточном благополучии в театре». Как показали дальнейшие события, Хердин настойчиво внушал комсомольским, да и партийным руководителям мысль о том, что труппа Шлуглейта несёт зрителям «буржуазные пережитки прошлого» и эту труппу может быть и не стоит оставлять на следующий сезон. К тому же ей есть хорошая замена — Харьковский Краснозаводской театр, который гастролирует сейчас в Хабаровском крае и хочет приехать в Иркутск. У него достойный, по теперешнему времени, современный советский репертуар, да к тому же он обещает взять под свою опеку создаваемый Иркутский ТРАМ.

Но вернёмся к речи Хердина на диспуте 3 марта 1929 года. «Сейчас не приходится доказывать целесообразность существования ТРАМа. У нас в Иркутске многие не могут ещё понять, что это за организация, чем она должна быть — школой, кружком или профессиональным театром? Иркутский ТРАМ пока имеет только возможность проводить смотр драмкружков и организацию лекций...»

Как сообщала дальше газета, выступавшие в прениях, в основном, соглашались с тезисами докладчика. Но несмотря на то, что диспут был посвящён проблемам создания в Иркутске театра рабочей молодёжи, некоторые выступающие настойчиво возвращали аудиторию к оценке работы драматического театра. Говорили, что якобы, несмотря на то, что в его труппе есть очень сильные актёры, ансамбля в их игре нет. И это утверждалось после того, когда буквально в каждой рецензии на протяжении всех сезонов отмечалось главное достоинство труппы сибкоршевцев — её ансамблевость.

Другими словами, нынешняя труппа ничего особенного из себя не представляет и её спокойно можно заменить на другую, современную, с чисто советским репертуаром.

А когда писатель И. Гольдберг вдруг высказал «кошунственную мысль», что театр Мейерхольда вошёл в тупик и «Синяя блуза» давно умерла, ему горячо стали возражать ярые сторонники ТРАМа, а некто Прилуцкий громко заявил, что «трудности роста нового театра нельзя смешивать с трудностями упадка, а рост нового театра вряд ли сможет кто-нибудь отрицать».

Кончился этот диспут, как и предполагалось, тем, что за основу его резолюции были приняты тезисы докладчика Хердина, а также утверждены предложения о создании общества друзей театра и о приезде в Иркутск в будущем сезоне Краснозаводского театра.

А буквально через два дня, т. е. 5 марта 1929 года, состоялось заседание Президиума Иркутского городского совета по вопросу будущего театрального сезона. В результате двухчасовых горячих споров было всё-таки решено пригласить в Иркутск Краснозаводской театр, гастролирующий в этом году в Хабаровске. Назначенная Президиумом городского совета специальная комиссия пришла к следующему заключению: «План работы театра будущего сезона должен базироваться исключительно на организованном зрителе. При условии приглашения Краснозаводского театра частично удешевляются стоимость художественного персонала (примерно до 7 тысяч рублей) и организационно-дорожные расходы (до 2278 рублей). Приглашением этого театра в Иркутск достигается следующее: несомненный шаг вперед по приближению рабочего зрителя к театру, строго идеологически выдержанный репертуар и руководство театром рабочей молодёжи (ТРАМом)».

Вот из-за этого последнего пункта, видимо, и была организована Хердиным и комсомольским агитпропом вся эта кампания по дискредитации драматической труппы «Сибкорша» за якобы «идеологически не выдержанный репертуар» и за «недостаточное благополучие в театре».

В результате театральный сезон закончился 12 мая 1929 года спектаклем Б. Лавренёва «Разлом». Однако после его закрытия, по каким-то необъяснимым обстоятельствам, скорее всего по финансовым, в театре было сыграно ещё четыре спектакля. Два спектакля «Обрыв» по И. Гончарову и два спектакля из старого репертуара — «Хамка» Константинова.

Будущий сезон театр «Сибкорш» планировал провести во Владивостоке. А владивостокская оперетта в августе — сентябре должна будет гастролировать в Иркутске.

После всех этих весенних «театральных боёв» директором городского театра вместо М.М. Шлуглейта был назначен Н.И. Балашев, ярый сторонник пролеткультовского направления в театре. Ему же поручили возглавить всю творческую и техническую работу прибывающего осенью в Иркутск Краснозаводского театра.

Ну а ТРАМ объявил о начале работы над пьесой из репертуара ленинградских трамцев «Бузливая когорта» А. Скоринко.

И вот наконец 3 августа 1929 года в газете «Власть труда» появилось объявление о том, что ТРАМ готов показать свой первый спектакль. «...Хочет ли ТРАМ этой постановкой доказать своё художественное совершенство? Нет. Задача этой постановки доказать только факт своего существования. Предстать перед рабочей молодёжью Иркутска со всеми своими техническими и актёрскими несовершенствами, но во всей силе своего задора, своего желания средствами театра отобразить близкие, родные молодёжные темы.

Важно, чтобы о ТРАМе знала рабочая молодёжь и поняли руководящие организации, что трамвцам нужна длительная учёба, что ТРАМ может, при условии соответствующей поддержки, добиться больших результатов.

На коротком жизненном пути ТРАМа (фактической работы 2 — 3 месяца) проделано много. Много сделано и ошибок. ТРАМу сейчас больше всего нужна здоровая товарищеская критика, необходима активность самой рабочей молодёжи Иркутска.

Общественный просмотр первой работы ТРАМа организуется в клубе печатников в субботу 3 августа. От вашего отношения к этому просмотру зависит правильность дальнейшей линии ТРАМа. Все на просмотр!

Правление ТРАМа»

И вот в назначенное время просмотр состоялся. Новый руководитель ТРАМа Брауер выступил перед спектаклем и сказал, что этим первым спектаклем ТРАМ заявил, что он есть, что он существует, что у него есть будущее.

«...ТРАМ — это агитпроп комсомола, говорит руководитель. Он должен агитировать, убеждать, жечь сатирой, звать к труду и веселью...

Трамцев гоняют из клуба в клуб. Трамвцы временами остаются совсем на улице. У них нет денег. И несмотря на это, двадцать восемь рабочих юношей и девушек идут твёрдо вперёд к намеченной цели...»

Газета сообщала, что молодые актёры «дали хорошую продуманную игру» и что «она отличается от постановок обычных драмкружков. Есть декорации, свет, музыка».

10 августа трамовцы сыграли второй спектакль, теперь уже на сцене городского театра. Чтобы закрепить первый успех и продвигать товарищество трамовцев в молодёжные массы, было организовано временное правление Общества содействия рабочему театру. Председателем правления избран Прилуцкий (газета «Власть труда»), заместителем председателя — Балашев (гортеатр), секретарём — Цибизова (ВЛКСМ). Членами правления: Ковригин, Леонов, Тюльпанов и Агапов. Был опубликован также устав общества.

Теперь можно определиться с датой рождения Иркутского театра рабочей молодёжи (ТРАМа). Она обычно устанавливается не со дня первого собрания инициаторов создания нового театра, а со дня постановки первого спектакля уже отобранным молодёжным коллективом, т. е. 3 августа 1929 года. С точки зрения театральной истории это будет справедливой и доказанной датой.

После первых двух спектаклей «Бузливой когорты» правление ТРАМа официально объявило об условиях поступления в молодёжный театр. Поступающие должны были заполнить официальную анкету, предоставить документы о социальном положении, партийности и отзывы от общественной и комсомольской организаций. Анкеты и все справки получали в окружном комитете ВЛКСМ у дежурных членов старостата ТРАМа.

Что касалось взаимоотношений организаторов ТРАМа с городским советом Иркутска, то они, скажем прямо, оставляли желать лучшего. Свои претензии к совету трамовцы изложили в так называемом «Открытом письме к избирателям городского совета», опубликованном в газете «Власть труда». «...Несмотря на пункт наказа, в котором говорится о моральной и материальной поддержке ТРАМа горсоветом, несмотря на постановление окружной партконференции по тому же поводу, горсовет никакой помощи нам не оказал до сих пор (если не считать 500 рублей — 10-я часть сметных предположений). До сих пор мы не имеем помещения для работы.

Масса времени у нас уходит на кочёвки из партклуба в КОР (клуб Октябрьской революции. — В. С.), из КОРа в клуб печатников, из него в гортеатр, оттуда просто во двор и т. д.

Положение с помещением осложняется наступлением зимы. Без помещений мы лишены возможности приступить к учебно-производственному году с 1 октября.

Мы требуем, чтобы горсовет выполнил волю избирателей и поддержал ТРАМ не на словах, а на деле...»

Можно понять городской совет, у которого каждый день хозяйственных работ «полон рот». Кроме «немедленного предоставления помещения самодеятельному театру», городскому совету ещё нужно было ежедневно расселять прибывающих из села на предприятия и стройки города рабочих с семьями, думать об отоплении и освещении города, о транспорте, дорогах и пр. и пр. Ведь у городского совета тысяча всяких забот. А тут с политической фразой к горлу: «Дайте немедленно помещение для театра рабочей молодёжи! Мы не хотим работать в клубах и в «Маратовском рабочем Дворце»! Мы желаем работать только в центре и отдельно от клубов!»

Только в конце октября члены городского совета могли вздохнуть свободно. «Бузливая когорта» Иркутского ТРАМа уехала на октябрьские праздники в части Дальневосточной Особой Армии, чтобы порадовать их своим спектаклем.

В середине сентября 1929 года в Иркутск из Хабаровска прибыла труппа Харьковско-Краснозаводского театра и стала готовиться к предстоящему зимнему сезону, открыть который предполагалось 10 октября. По условиям договора краснозаводцы не должны были ограничиваться только постановкой спектаклей на стационарной сцене, но также выезжать в рабочие районы, организовывать посещение театра массовым профсоюзным зрителем, принимать меры к снижению цен на билеты, оказывать местному ТРАМу всестороннюю помощь, что входило в обязательное условие приезда Краснозаводского театра в Иркутск. Сразу же в городском театре был создан художественно-политический совет, куда вошли: Вольден, Таганский, Лившиц, Прилуцкий, Балашев (директор театра),

Артемов (отдел народного образования), Стрекочинский (Рабис), Громов (главный режиссёр Краснозаводского театра). Идея создания художественно-политического совета из представителей партийных, советских, общественных и профессиональных организаций, а также Красной Армии и прессы принадлежала руководству Краснозаводского театра и уже была опробована ими в работе на Дальнем Востоке.

Этот совет одобрил и утвердил план работы и репертуар на сезон, а также рекомендовал руководителям театра вести всю работу так же, как они её вели ещё в Харькове под руководством агитпропа окружкома и художественно-политического совета.

Немного из истории Краснозаводского театра.

В конце 1922 года в густонаселённом заводском районе города Харькова в помещении заброшенного Народного дома возникает театр, названный Краснозаводским. Оправдывая своё название, театр декларировал свою позицию как позицию театра рабочего зрителя, театра чётко революционного классового репертуара, театра доступного по своей форме неискушенному зрителю. Он одним из первых ввёл у себя льготные билеты, распространяемые через фабзавкомы и месткомы. Постепенно театр подобрал труппу актёров-единомышленников, обзавёлся декорациями. А в феврале 1927 года театр торжественно отметил своё пятилетие.

Актёрский и режиссёрский состав театра за это время частично сменился. Осенью 1927 года театр решил уехать на другой конец страны — к берегам Тихого океана. В первый сезон во Владивостоке театру пришлось частично ориентироваться на приглашение зрителя через кассу, в результате — недобор финансовых средств. И лишь несколько позже администрации театра удалось наладить работу по организации зрителя через постановку плановых спектаклей для профсоюзов.

Открывался театр во Владивостоке «фирменным» спектаклем «Товарищ Семивзводный» по пьесе В. Галичникова. Исполнители чувствовали себя не очень уютно. Зритель был не рабочий и своим приёмом разочаровал артистов. И только когда на следующем спектакле зал наполнился рабочими Дальзавода и других предприятий Владивостока, успех театру был обеспечен. Уже в конце марта 1928 года театр переехал в город Хабаровск. Здесь он попал в «свою стихию» благодаря тому, что краевые профсоюзные организации позаботились о массовом зрителе. Из 60 поставленных спектаклей только 18 пришлось на кассу, 42 были в плановом порядке закреплены за профсоюзами.

Из Хабаровска театр выезжал на два месяца в Благовещенск. Здесь также четыре спектакля в неделю закреплялись за профсоюзами, а два продавались через кассу. А в 1929 году театр заключил договор на сезон только на профсоюзные спектакли.

Интересная была оценка творчества театра газетой «Тихоокеанская звезда» в июне 1928 года. «Краснозаводцы старались работать и над отделкой ролей, но главенствовал у них коллектив. Отдельный актёр у краснозаводцев не имел самостоятельного значения. Он был только голосом в общем хоре труппы. Потому краснозаводцы так часто пользовались массовыми сценами. И поэтому-то центр тяжести режиссёрской работы ложился не на актёров, а на постановку в целом, на отдельные сцены, на общую выразительность действия».

Вот такой театр «сосватал» своему зрителю и городу с почти столетними театральными традициями Иркутский Агитпроп совместно с руководством ТРАМа. Поменяли великолепно сформированную труппу из талантливых актёров «Сибкорша» на театр «массовых действий для рабочих окраин» с агитпроповским репертуаром. И хотя краснозаводцы пытались ставить новинки советских авторов, однако слабая режиссура и весьма средний актёрский состав, да ещё явный недостаток в выборе сценических изобразительных средств, не позволяли театру полноценно реализовывать идеи, заложенные авторами в современных пьесах.

Для режиссёров и актёров этого театра была характерна упрощённость трактовки отрицательных персонажей и декларативность в обрисовке положительных героев, а также неглубокое, прямолинейное толкование внутреннего конфликта в представленных спектаклях. Конечно, по опыту прошлых лет иркутский зритель, избалованный классическими

пьесами, а также прекрасными актёрскими работами сибкоршевцев, на спектакли такого театра особенно не спешил. Поэтому главной задачей руководителей Краснозаводского театра стала задача массового распространения билетов через профсоюзные организации предприятий и учреждений города. Ещё в преддверии нового сезона в конце сентября 1929 года художественно-политический совет городского театра утвердил ориентировочный план репертуара на ближайшие месяцы. Было намечено четырнадцать премьерных спектаклей. В их числе, конечно, «фирменный» спектакль харьковчан «Товарищ Семивзводный» В. Галичникова, «Огненный мост» Б. Ромашова, «Гоп-ля, мы живём» Э. Толлера и др. Устанавливались цены для закрытых профсоюзных спектаклей. Стоимость билетов в первом ряду составляла 85 копеек, а в последнем — 8 копеек. Эти цены по своей доступности были самыми низкими не только в Иркутске, но и в стране.

Каждую неделю предполагалось давать четыре закрытых спектакля. Три спектакля брал культотдел Окпрофбюро, а один предоставлялся для кустарей — профсоюзу и студентам — окпролетстуду. Для неорганизованного населения предполагалось только два спектакля в неделю.

Руководители краснозаводцев главной задачей для себя считали организацию рабочего зрителя через художественно-политический совет, в котором большая часть должна состоять из представителей рабочих. Большие надежды возлагались на создание в Иркутске Общества борьбы за рабочий театр. Правление этого общества настоятельно рекомендовало коллективу краснозаводцев выработать «специальный календарный план увязки своей работы с ТРАМом, иметь план работы в клубах и организовывать курсы руководителей клубных драмкружков».

Сезон, как и предполагалось, Краснозаводской театр открыл 10 октября 1929 года спектаклем «Товарищ Семивзводный», и этот спектакль шёл подряд семь раз. Затем 20 октября театр показал «Ингу» А. Глебова, которая шла также подряд четыре вечера. Иркутская критика очень осторожно оценивала эти первые спектакли. Газета «Власть труда» просто сообщала информацию о спектакле — кто поставил, какие актёры в нём заняты, какой художник изготовил декорации. Вот как комментировала газета постановку пьесы А. Глебова «Инга». «Пьеса эта второй год идёт в московском театре Революции. Автор затрагивает один из острейших бытовых вопросов современности: вопрос о новой женщине, о новых формах семейных отношений. Постановка главного режиссёра И.Г. Громова в новых декорациях художника В.К. Изенберга. Участвуют (по алфавиту): Агаджанова, Боровская, Валерий Бурэ, Виталь, Дорменко, Ефремов, Женина, Зорина, Каплун, Кашинцева, Можаровская, Огонь-Догановская, Северов, Харченко и вспомогательный состав».

Но зато в номере за 25 октября газета довольно подробно описала общественно-политическую деятельность коллектива театра. «...Мобилизованными в ряды Дальневосточной армии объявили себя сотрудники коллектива театра. О своём решении они известили командование армии... Каждый член коллектива театра по решению общего собрания должен вступить в ряды Осоавиахима... В фонд индустриализации страны внесён весь сбор, полученный в день открытия сезона».

Поскольку театр в основу своего творчества взял идеи пролеткульта, он эти идеи и разрабатывал. Пропагандируя новое в театральном искусстве, Краснозаводской театр часто впадал в слепое подражание театру Мейерхольда, но глубоко его творческую систему не понимал, поэтому многие спектакли утверждали самоценность сценического приёма и не более. Упирая в своём деле на количество проведённой общественной работы и на освоение нового репертуара, театр отсекал в своей деятельности индивидуальную актёрскую работу, глубокую проработку характеров персонажей, что является одной из основ реалистического русского театра. Эту мысль подтвердил и рецензент газеты «Власть труда». Оценивая в целом положительно очередную постановку краснозаводцев «Плывутся дни», он отметил: «Мы нарочно не говорим об отдельных исполнителях, чтобы подчеркнуть присущую краснозаводскому театру сплочённость театрального коллектива в целом, отсутствие в нём ненужных и часто вредящих делу пролетарского театра «звёзд» и «премьерш» и всяких там героев...»

Неудивительно, что «левая» критика назвала театр «передовым в Сибири» именно за то, что он откровенно выступал против «реалистической школы» русского театра, которая не может справиться с раскрытием нового содержания современности». Газета «Власть труда» не раз отмечала, что в спектаклях Краснозаводского театра проступает «примитивное толкование современной действительности». Пресса активно поддерживала театр за показ современника. Но вместе с тем обвиняла коллектив в том, что революция на сцене даётся без серьёзной идеологической оценки.

В первые месяцы работы в Иркутске репертуар краснозаводцев состоял из 14–15 спектаклей современных авторов. Причём каждое название играли подряд несколько дней, а затем декорации менялись, и следующий спектакль шёл примерно неделю. Премьерный спектакль «Товарищ Семивзводный» В. Галичникова играли с 10 по 19 октября. Затем на сцене смонтировали декорации «Инги» А. Глебова, и зрители смогли увидеть её с 20 по 25 октября. «Ингу» сменил «Ревизор» Н. Гоголя — единственный классический спектакль в репертуаре Краснозаводского театра, сыгранный за сезон всего три раза.

И вновь за «Ревизором» зрителя приглашали на очередные недельные постановки спектаклей «Плавятся дни» Н. Львова, «Гоп-ля, мы живём» Э. Толлера, «Ненависть» Н. Яльцева, «Жена» К. Тренёва, «Рост» А. Глебова, «Инженер Мерц» Л. Никулина, «Луна слева» В. Билль-Белоцерковского, «Любовь Яровая» К. Тренёва, «Враги» Б. Лавренёва. Видимо, такой «пакетный» показ спектаклей был отработан администрацией Краснозаводского театра ещё во время деятельности на Дальнем Востоке. Это было удобно театру по двум причинам. Не надо было каждый день ставить новые декорации, а значит, освобождаются монтировщики сцены, и, главное, один и тот же спектакль могли смотреть по очереди несколько производственных коллективов города. Затем по этому же кругу запускаются следующие спектакли.

Обычно в газете «Власть труда» публиковалась сводная таблица репертуара и дата посещения того или иного спектакля очередными коллективами. К примеру, в октябре 1929 года на спектакль «Инга» идут:

- 22 октября — «металлисты и коммунальщики»,
- 23 октября — «кожевники и наркопит»,
- 24 октября — «пищевики и швейники»,
- 25 октября — «Ирпромсоюз» и т. д.

Такая же таблица публиковалась и в первые месяцы 1930 года. Кроме специалистов перечисленных выше, по такой же схеме спектакли посещались деревообработчиками и совторгслужащими, медиками и пимокатчиками, деткомиссией и нарсвязью, работниками ВЛКСМ, сельхозработными, Рабисом, работниками универмага и другими организациями.

Постепенно на месте отработанных спектаклей появлялись другие. Репертуар расширялся. И на афишах замелькали новые названия: «Вредный элемент» В. Шкваркина, «Огненный мост» Б. Ромашова, «Чудак» А. Афиногенова, «Ярость» Е. Яновского, «Город ветров» В. Киршона, но ни одного спектакля классических авторов. Газета «Власть труда» время от времени оценивала тот или иной спектакль Краснозаводского театра. Но особых восторженных и ярких впечатлений от репертуара и актёрской игры краснозаводцев у газетных рецензентов не возникало. Вот только несколько отзывов на последние постановки театра.

«...Сатирическая комедия в музыкальном плане является для театральных представлений апельсиновой коркой, встав на которую, можно легко поскользнуться... Комедия Шкваркина «Вредный элемент», поставленная краснозаводцами, не удовлетворяет. Фабула комедии отошла в область пережитого. Типы «огарков» бывшей буржуазии, волей революции вынужденные искать «воду поглубже», в обстановке казино и биржи являются достаточным анахронизмом для настоящего времени. Лишённая злободневности, комедия не может стать бичующей сатирой, на что рассчитывала постановка... Местами неплохо сыгранная, в общем постановка прошла небрежно. Она лишена какой-либо установки».

«...Пьеса «Ярость» — первая попытка художественно отобразить в острой трактовке совершающиеся в деревне процессы классовой борьбы... «Ярость» современна, актуальна, необходимо только устранить излишние длинноты и некоторое пересаливание в части

комической. Краснозаводцам необходимо поставить пьесу в районах сплошной коллективизации нашего округа».

Удивительно, но в немногочисленных рецензиях почти всегда отсутствуют оценки работ режиссёров-постановщиков спектаклей и актёров, воплощающих тот или иной образ. Исключение, пожалуй, составляет только рецензия на знаковый спектакль советской драматургии — «Любови Яровой» К. Тренёва, поставленного краснозаводской труппой к ноябрьским праздникам 1929 года. Но после этой довольно острой, нелицеприятной рецензии на один из главных спектаклей труппы, в которой автор писал, что «...режиссёр не учёл запросов современного зрителя, интересующегося не личной драмой Яровой или её мужа, а всей сценической площадкой, на которую его волей, волей постановщика, выносятся борьба идей, столкновение классов», и что «совершенно беспомощным оказался он в массовых сценах (приход «белых», эвакуация, возвращение «красных» — одни и те же мизансцены сохранены на протяжении нескольких картин, а последняя сцена — занятие города большевиками — обескровлена отсутствием у режиссёра задания — воздействия актёров на массу и поэтому, несмотря на выгодность драматургического финала «под занавес» — зрительный зал остаётся пассивным к совершающимся событиям», а главная героиня театра И.П. Огонь-Догановская не дала положительного типа в изображении Любови Яровой; в её воплощении Яровая — патологическая фигура вне социальных устремлений».

Для иркутских театралов стало ясно, что Краснозаводской театр и его труппа находятся ещё у самых истоков своего творческого развития и не выдерживает никакого сравнения в профессионализме с театром «Сибкорш», работавшим в Иркутске в прошлом сезоне.

Понимая это, краснозаводцы на первый план стали выдвигать и активно пропагандировать общественную и шефскую работу, выезжать в рабочие предместья, встречаться с трудовыми коллективами. Уже с марта Краснозаводской театр запланировал себе выезды в сельские районы. Газета «Власть труда» сообщала об этом 1 марта 1930 года: «...Сегодня поездом № 81 коллектив краснозаводцев, в составе 48 человек, выезжает на неделю в районы сплошной коллективизации для постановки пьесы «Ярость». Первые постановки будут в селах Куйтунского района, а затем уже — в селах Заларинского района.

Краснозаводцы везут с собой декорации и костюмы специального оформления, плакаты, лозунги для оборудования сельских изб-читален и красных уголков.

Из художественного персонала выделена специальная бригада для помощи и инструктирования сельских драмкружков, кружков безбожников, МОПРа и других общественных организаций».

Благополучно отработав неделю в сельских районах, краснозаводцы вернулись в Иркутск и продолжили свои «фирменные» недельные постановки спектаклей «Штиль» В. Билль-Белоцерковского, «Чудак» А. Афиногенова, «Выстрел» А. Безыменского и других ранее уже поставленных авторов. Спектакли эти шли в основном по разряду закрытых, профсоюзных. Билеты на продажу через кассу отдавались только на один-два спектакля в месяц. Основной же зритель был «организованный», как говорится, — целевой, с того или иного производства. Администрация театра, чувствуя, что этот зрительский поток скоро иссякнет, стала подумывать о закрытии театрального сезона. Вскоре такой день был определён.

29 апреля 1930 года спектаклем «Любовь Яровая» К. Тренёва Краснозаводской театр закончил свою не очень успешную работу в Иркутске. А накануне в окружной газете с пространном отчётом-рапортом об этой работе выступил назначенный уже в Иркутске ответственный руководитель и директор театра Н. Балашев. Документ этот, наконец, открыто обозначил все идеологические и административные задачи и установки, которые ставились в начале сезона перед Краснозаводским театром, а также результаты их выполнения. Этим он и любопытен.

«Рапорт рабочему зрителю.

Проведено 133 целевых спектакля.

Ни одной обывательско-мещанской пьесы.

24 выезда на предприятия.

Актёры работали в клубах, частях Красной Армии и ТРАМе.

Закрепить достигнутый успех.

Коллектив театра сумел заинтересовать массы.

Иркутский городской театр в 29–30 году, впервые за 30 лет его существования, почувствовал на своей работе контроль рабочих масс. И началась ломка старых заплесневевших традиций «храма искусств», началась стройка нового подлинно советского театра.

Театр в массы.

Первой очередной задачей, стоящей перед театром, было — вырвать его из мещанского обывательского болота и целиком превратить в театр, как очаг культурного и разумного отдыха для рабочих. Основными мероприятиями для такой перестройки были: снижение цен, тщательный подбор требуемого рабочим и организованным зрителем репертуара, рабочий контроль над работой театра, отчёты о работе театра на конференции зрителей (1 раз), во время обеденных перерывов (24 выезда), стенгазета зрителя (5 номеров), закрытые целевые спектакли.

Художественно-идеологическая линия.

Основным показателем идеологического быта театра является репертуар. В прошедшем сезоне было поставлено идеологически выдержанных и нужных для рабочего зрителя пьес — 22 (1928–1929 гг. — 16 пьес); классиков — 1, обывательно-мещанского репертуара, вроде «Мирра Эфрос» и др. в 1929–30 гг. — нет, в 1928–29 гг. — 27 пьес. Количество целевых спектаклей в 1929–30 гг. — 133, (в 1928–29 гг. — 43), кассовых — 27, (в 1928–29 гг. — 163).

Организованного зрителя через театр прошло 112 тыс. человек.

Массовая работа.

Актёры во всей своей массе осознали необходимость перестройки в своей работе на массовость.

В прошедшем театральном сезоне впервые гортеатр почувствовал, что имеется актёр-общественник, который сумел заняться не только очисткой кулис от вековой плесени, но и сумел пойти в рабочие клубы, на предприятия.

Вот цифры выездов на предприятия с отчётами о работе театра, о репертуаре и т. д.: с концертными отделениями было 24, в клубах весь сезон работало 5 актёров; выезд на 7 дней в деревню; проведена конференция театралов; регулярный выпуск газеты зрителя (сбор актёрами материала непосредственно на предприятиях); участие актёров в концертных отделениях в рабочих клубах, доме крестьянина и др., работа актёров и режиссёров в ТРАМе.

* * *

Сдвиг, который произошёл в работе иркутского театра породил неизбежно ряд больших трудностей и ряд недостатков. Остановимся на главных.

Работа художественно-политического совета.

Художественно-политический совет театра, руководящий всей художественно-политической жизнью театра, работал слабо, собирался за весь сезон всего четыре раза. В своей работе не имел массовости.

Целевые спектакли.

Это одна из наиболее совершеннейших форм привлечения организованного зрителя, имеет ряд громадных преимуществ:

- а) союзы имеют однородную массу зрителя, могут вести свою массово-воспитательную работу;
- б) цены местам от 8 до 85 копеек являются единственными в СССР;
- в) каждый член союза получает билет в рассрочку до зарплаты.

Союзы раскупили у гортеатра все спектакли в сезоне и ряд союзов блестяще справились с работой по организации зрителя. Но в ряде союзов эта работа так и не налажена до конца сезона. Отсюда значительный недобор отдельных союзов на спектаклях.

Но это не единственная причина. Есть ещё не менее важная причина — это недостаточно развёрнутая массовая работа вокруг спектакля. Здесь вина в большей мере падает на театр. Все те попытки организовать зрителя, приблизить его к театру, которые были проделаны краснозаводцами, они новы для Иркутска и должны быть отмечены, но они явно недостаточны.

Живой, постоянной связи театра и зрителя не было. Рабочий видел своих представителей в общей своей массе редко и поэтому должного внимания на театре не сосредоточивал. Наше начинание завести теа-уголки, теа-рабкоров, передвижные плакаты, так и остались благими пожеланиями. Мы с массовой работой вокруг театра много не доделали.

Выводы.

Полные и объективные выводы прошедшему сезону даст конференция теа-зрителя. Нам же хочется указать на один момент — иркутский театр сломал гнилую надстройку, созданную веками, проломал окно, в которое дуло свежим ветром, но ещё осталось сделать главное — разрушить фундамент, разрушить «театральную специфичность», сделать театр подлинно для рабочего, сделать из театра действительно культурный очаг, куда бы рабочий шёл с охотой, с полным сознанием, что идёт отдохнуть в свой театр.

Этой главной работы мы ещё не сделали и это надо сделать в ближайшее время.

Н. Балашев»

Вот такой рапорт о проделанной Краснозаводским театром работе в текущем сезоне смогли прочитать знатоки и любители театрального искусства в газете «Власть труда». Из содержания этого рапорта видно, по каким критериям работали краснозаводцы и почему они заменили на подмостках Иркутского городского театра хорошо организованную, профессионально подготовленную, талантливую труппу «Сибкорша».

Сибкоршевцам не помогло даже то, что в их репертуаре было достаточное количество новых советских пьес, к тому же прекрасно сыгранных и хорошо оцененных прессой. В результате Иркутск получил профессионально слабую, с пролеткультовскими замашками труппу, созданную когда-то в Народном доме Краснозаводского района города Харькова.

Как оказалось, ярым пропагандистом и защитником этого театрального направления являлся и автор процитированного выше рапорта, ответственный руководитель и директор театра Н. Балашев, ранее назначенный на эту должность Иркутским Агитпропом.

К сожалению, известный сибирский драматург П.Г. Маляревский почему-то не захотел признавать никаких особых творческих достижений театра «Сибкорш» и, наоборот, считал, что «краснозаводцы принесли в Иркутск свежее творческое веяние, и что они стояли на реалистических позициях, правдиво отображая явления, глубоко раскрывая мир своих героев» (Маляревский П.Г. Очерк из истории театральной культуры Сибири. Иркутск, 1957. С. 151). Но буквально через абзац известный драматург пишет, что «в советском театре идёт напряжённая борьба между реалистическим направлением и поборниками условного формалистического театра. Апологеты формалистического театра во главе с В.Э. Мейерхольдом утверждали, что пьесы классического репертуара в их каноническом виде не могут заинтересовать современного зрителя. Они переделывали пьесы классиков... осовременивали тексты.

И в столице и на периферии появилось огромное количество спектаклей, копирующих творческие приёмы В.Э. Мейерхольда. Отдал дань этому увлечению и Краснозаводской театр». И тут же, противореча себе, автор раскрывает другое, истинное лицо Краснозаводского театра. «Домысливая и дополняя Гоголя (спектакль «Ревизор», режиссёр В. Татищев), постановщик ввёл ряд дополнительных персонажей: пяткочесалку, перинщиц, подушниц и т. д. И как во многих других формалистических спектаклях, судья в спектакле краснозаводцев вытаскивал из-за пазухи щенят; Пошлёткина, гоняясь за Хлестаковым, выделявала цирковые кульбиты; Хлестаков в гостинной городничего сидел, положив ноги на стол, давил клопов, чмокал жену и дочку городничего и т. д. и т. п.»

Спектакль этот не был принят зрителем и не имел успеха. И это был единственный классический спектакль театра, который за сезон прошёл всего три раза.

Было много «мейерхольдовских находок» и в других спектаклях. Местная критика, разобравшись, какой театр они потеряли, а какой приобрели, стала писать резкие и не очень лицеприятные рецензии. Пресса активно поддерживала театр за показ современника, но вместе с тем обвиняла коллектив в том, что революционные события на сцене (в «Любови Яровой») даются без серьёзной их идеологической оценки. Иногда это приводило к серьёзным идеологическим просчётам. Так, газета писала, что в «Ненависти» Н. Яльцева театр «не сумел вскрыть социальной драмы» и скатился на показ стилизованных переживаний героини, оставив в стороне тему интеллигенции и революции. А по поводу постановки спектакля «Рост» В.А. Глебова рецензент газеты утверждал: «Белыми нитками шиты персонажи вредительствующих специалистов. Постановщик проявил достаточную политическую бестактность и малограмотность, показав специалистов исключительно в роли вредителей на производстве».

Многие спектакли Краснозаводского театра утверждали самоценность сценического приёма как такового. «Левая критика» назвала театр «передовым в Сибири» именно за то, что он откровенно выступал против «реалистической школы» русского театра, которая не может справиться с раскрытием нового содержания современности. Но охватив внешнюю форму спектакля, утрируя её и не пытаясь привести её в соответствие с пьесой, краснозаводские поклонники Мейерхольда впадали в простой, вульгарный формализм.

К сожалению, и П.Г. Маляревский в своей книге, несмотря на вопиющие противоречия во всей творческой деятельности краснозаводцев, вслед за «левой критикой» назвал театр «передовым в Сибири». Конечно, у Краснозаводского театра были и свои заслуги, особенно в организации посещения театра коллективным зрителем, снижении цен на билеты и с оплатой их в рассрочку или «под зарплату», тем самым привлекали в театр массового зрителя. Заслуживала благодарности и постановка театром пьес новых советских драматургов. Кроме того, вызывало уважение и то, что театр выезжал со спектаклем в село и в части Красной Армии. Актёры работали в клубах и вроде бы по договору проводили учёбу в только организованном ТРАМе. Каков результат этой помощи, видно из небольшой заметки в газете под заголовком «Новая постановка в ТРАМе». «Иркутский ТРАМ после шестимесячного молчания снова даёт знать о себе. 4 марта в городском театре ставится вторая работа театра, пьеса Коровина и Ершова «Зову фабком». Эта постановка ценна тем, что оформление и даже музыка составлены самим ТРАМом.

Действие разворачивается на производстве. Тема — молодёжь и антисемитизм.

С момента организации ТРАМ ставит только вторую постановку. Состав его против прошлого года снизился с 35 человек до 29. Вместо роста, вместо большого охвата рабочей молодёжи, ТРАМ замкнулся в узких театральных рамках. Работе ТРАМа мешает двухсменная работа на предприятиях, из-за этого не может закрепиться и его состав, — объясняют в старостате.

Заслуживает ли это объяснение внимания? Конечно, нет. Разве в городе мало производственной молодёжи? Просто налицо неумение работать. Основное — массовая работа на предприятиях. Участие в общественно-политических компаниях ТРАМом не ведётся. Рабочая молодёжь должна потребовать от ТРАМа перестройки своей работы».

Конечно, такой материал в газете — прямой укор шефам ТРАМа — Краснозаводскому театру, который, как мы помним, «пробивая» свой театральный сезон в Иркутске в 1929/30 годах, клятвенно обещал взять шефство над Театром рабочей молодёжи и организовать в нём настоящую профессиональную учёбу и работу. Но сезон подходил к концу.

Ответственный руководитель и временный директор Краснозаводского театра Н. Балашев в своём газетном репортаже громко отчитался о проделанной театром работе и, как сообщала та же газета, был отозван со своего поста в распоряжение крайкома партии. Новым директором театра назначен Пётр Фёдорович Пец, ранее работавший в крайотделе Рабис.

Ещё до приезда в Иркутск Краснозаводской театр раздирали внутренние противоречия, которые уже после иркутского сезона привели к полному распаду коллектива.

Спустя несколько лет в Иркутск вновь придут актёры, служившие когда-то в труппе Краснозаводского театра: Н.И. Харченко, М.Ф. Агаджанова, М.М. Каплун, актёр-администратор М.А. Тальмо и будут работать в областном драматическом театре долгие годы.

ВЛАДИМИР СКИФ

«Пойду я, напевая песни дней...»

Начну с того, что у Михаила Зарубина, человека одарённого, стремящегося проявить себя в жанре поэзии, есть великое преимущество перед всеми нами — закоренелыми слушателями муз — это его молодость. Имея такой великолепный козырь, он может стать хорошим поэтом, а надежд и творческих заявок для такого становления у него предостаточно: это и внутренняя поэтическая культура, и вполне приличный музыкальный слух (у него довольно редки сбои ритма), и начитанность, чего не скажешь о многих начинающих. У меня были случаи, когда я, разговаривая с молодыми виршеслагателями, спрашивал их, кого из поэтов Золотого века они знают и читают. Кроме Пушкина и Лермонтова мне могли назвать два-три имени, допустим, Тютчева, Фета, Некрасова.

И, конечно, при этом — даже речи нет о Евгении Боратынском, Антоне Дельвиге, Вильгельме Кюхельбекере, Денисе Давыдове, Иване Козлове, Николае Языкове, Алексее Кольцове, Александре Бестужеве-Марлинском, Петре Вяземском, Иване Никитине, Петре Ершове, Дмитриии Веневитинове, который, представьте! — впечатался в бессмертие совсем юным мальчиком. Он умер, не дожив до 22-летнего возраста. Восемнадцать стихотворений посвятили ему русские поэты, среди которых Лермонтов, Дельвиг, Хомяков, Одоевский, Кольцов, Некрасов, Ознобишин, Языков, Зинаида Волконская, Ободовский, Дмитриев, Туманский и другие.

Такая же история происходит и с поэтами Серебряного века: мои собеседники повторяют три-четыре имени, которые на слуху: Есенин, Ахматова, Цветаева, ну ещё за редким исключением Блок или Пастернак. А имена Фёдора Сологуба, Константина Бальмонта, Иннокентия Анненского, Владислава Ходасевича, Максимилиана Волошина, Георгия Адамовича, Вячеслава Иванова, Игоря Северянина, Георгия Иванова, Дмитрия Мережковского, Михаила Кузьмина, Зинаиды Гиппиус, Велимира Хлебникова — это за пределами возможного.

Да и современных поэтов так называемые творческие личности не хотят читать и не знают.

Чего, естественно, не скажешь о Михаиле Зарубине. Он много читает, с ним интересно говорить о поэзии классической, зарубежной или современной. Читает он Пушкина и Тютчева, Блока и Есенина, Гумилёва и Мандельштама, хорошо знает наших современников: Рубцова и Прасолова, Юрия Кузнецова и Анатолия Передреева, Арсения Тарковского и Василия Казанцева. Знать великую русскую поэзию — вот одно из составляющих поэтического ремесла.

Хотя искра божия, всё же, — самое главное! Талант, как таковой, дарованный небом, несомненно, стоит во главе поэтического угла. Но талант ведь держать надо, ни в коем случае не усыплять его, а развивать непомерным трудом. Как в своё время очень точно сказал о Валерии Брюсове Максим Горький: «...Он вырыл свой талант тяжёлым заступом работы». И великий Николай Заболоцкий оставил нам свой наказ: «Душа обязана трудиться и день и ночь, и день и ночь!»

Михаил Зарубин умеет трудиться. Я это заметил по исправленным строчкам и строкам тогда, когда мы работали с ним над книгой. К моим замечаниям он чаще прислуши-

вался, чем игнорировал. Хотя мне бы хотелось, чтоб не игнорировал вовсе. Впрочем, Бог с ним! Это его авторская позиция. Я-то знаю, что он не прав и впоследствии всё равно придёт к непреложному пониманию редакторской работы. А пока пусть проявляет самостоятельность, главное только, чтоб это было не во вред себе, не во вред творчеству и будущему росту.

А расти ему ещё придётся очень долго и больно, потому что путь поэта — это путь мытаря. Это не просто стремление к известности и славе, это ещё синяки и шишки, которые достанутся от собратьев по перу: критиков и поэтов, да и просто — рядовых читателей.

Теперь о книге Михаила, о её сути и назначении. Автор включил в неё многие свои стихи, от юношеских до более зрелых, нынешних. И это, наверно, хорошо, потому что будет виден его рост, его шаги по непролазным кущам словотворчества. В первых наивных попытках он видит себя уже сложившимся поэтом и с максималистской заученностью повторяет: «Скоро в Заполярье и по всей стране // На телеэкране скажут обо мне...» Или: «Люби меня, мой добрый город, // За всё люби, моя страна...» И далее: «...Люби за то, что я Отчизне // Немало песен посвятил...» Хотя я думаю, что песню, посвящённую Отчизне, не так-то просто написать. Со всей очевидностью я понимаю, что это метафорический ход автора. И, всё-таки, если и возникнет достоверная песня об Отчизне, ещё неизвестно, будет ли тебя любить Отчизна, как та «равнодушная природа», о которой писал Пушкин:

*Я говорю: прамчатся годы,
И сколько здесь не видно нас,
Мы все сойдём под вечны своды —
И чей-нибудь уж близок час...*

*И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вечною сиять...*

Потому что нынешней Отчизне в звании государства Российского стало наплевать на поэтов и поэзию. Вот народ русский — это всё-таки другое измерение, это ценитель, истинный. И он никогда не останется равнодушным в своей самой непостижимой, корневой глубине, в своём вечном разумении красоты и правды, веры и добра. Он-то, возможно, услышит те самые душевные струны, которые исторгнет поэт своим сердцем, своей любовью к ближнему или пронзительной болью за поруганное Отечество. Я не сомневаюсь в этом. Русский народ всегда поймёт, за что любить или не любить поэта.

Поэт, если он чувствует своё предназначение на земле, наверно, может писать о себе как о памятнике. Но давайте эту роль отдадим Пушкину. Или Есенину, который с полным правом назвал себя Божьей дудкой.

Мне-то больше нравятся из Мишиных юношеских стихов вот эти:

*Посадила мать морковку.
Лили частые дожди.
Покупались мне обновки,
Яркий свет меня будил.*

*Мой отец рыбачил ловко,
Мать кормила поросят.
Быстро выросла морковка,
Вместе с нею вырос я.*

(«Посадила мать морковку...»)

Стихи тёплые, радостные, так и веет от них родным домом, Родиной, милой русскому сердцу деревней. А без неё — мы никто и ничто. К слову сказать, я не очень люблю усечённую рифму «дожди — будил». Такие рифмы чаще всего появляются от недостатка мастерства. Ну, а с другой стороны, есть она — такая рифма! Когда-то в тридцатые годы с пылом и с жаром обсуждали усечённую рифму Николая Тихонова: «долгу» и «гул». А критик Владимир Огнев писал в восхищении: «Как-то в Дагестане, слушая шум реки в ущелье, я вспомнил строки Н. Тихонова: Горных рек нескончаемый гул, пред которым я вечно в долгу. Здесь гул — долгу — рифма чудесная!» (Два соображения о рифме // День поэзии: сборник. М.: Сов. писатель, 1962).

Поэтому большой беды нет в усечённой рифме. И, конечно, можно спокойно принимать и воспринимать её, а рифму Тихонова даже с восторгом, поскольку она, очень яркая, — музыкальная. Там, в ней, так и чудится этот внутренний речной гул, взметённый ввысь близким звучанием «гул — лгу», потому что все буквы счастливо поменялись местами.

Кстати, у Миши немало усечённых рифм: «звездопад — глупа», «сталь — до ста», «чувств — лечу», «вернусь — вину», «ко сну — коснусь», «траве — навек», «суёшь — своё», «спорить — порох», «нужен — душу», «река — засверкал», «кружась — рыжа», «встречались — пролетали», «зима — домах», «поцелуй — золу», «моё — вдвоём», «звёнят — не я», «фонтанов — Лана», «говорит — прыть», «лицо — словом», «помолчу — чуб», «кустах — хвоста». Естественно, что среди многих примеров здесь совершенно никакая рифма «встречались — пролетали» и более точна, красива, привлекательна рифма «кустах — хвоста». Это почти, как у Тихонова «гул — долгу». Ещё, конечно же, хороша по звукописи рифма «ко сну — коснусь», потому что здесь помогает внутренняя инструментовка.

Наверно, нечестно будет, если я не скажу о том, что у нашего автора много других, очень интересных и даже редких рифм, например: «блётки — берёзки», «выстрел — выстриг» — неожиданная, вкусная рифма. Есть хорошие корневые рифмы: «лодки — обломки», «аллеи — заболели», «ставни — оставлю», «балагурит — буре», «песок — иссох», «свитер — увидел». Неплохо встраиваются в текст и читаются составные рифмы: «по окнам — не даёт нам», «не моря — зверья», «от неё — батальон», «опасней — припасть к ним».

Это мы говорили о технической стороне работы в данной книге. Я думаю, что читателям тоже будет интересна наша не простая стихотворная кухня. Как писал Маяковский:

*Поэзия — та же добыча радия.
В грамм добыча, в годы труды.
Изводишь единого слова ради
Тысячи тонн словесной руды.*

Мне кажется, что Миша Зарубин стоит на правильном пути в поэзии. Его многому научила русская классическая поэзия. Да и современные авторы, которых он ценит и любит. А в нашей литературе есть светочи, за которыми стоит следовать, у которых стоит учиться. Стихи последних двух лет у Михаила говорят о его крепнущем таланте. Совершенствуется его образная система. Некоторые образные строки охота повторять и цитировать, они запоминаются навсегда, поскольку так никто ещё не сказал, как, допустим вот эти строки:

*Когда ветер незримо закрутит
Облаков заржавелую сталь*
(«Когда ветер незримо закрутит...»)

*Прозвонит часов прощальный выстрел,
И пойду я, напевая песни дней.
Где холодный дождь ромашки выстриг...*
(«Обойди меня ты, глупое несчастье...»)

Или вдруг ностальгически пахнёт детством, когда представишь родной, теперь уже позабытый двор:

*Идём во двор, почти бесхозный...
Котёнок прячется в кустах.
Снимаю, будто с неба звёзды,
Колючки с чёрного хвоста.*
(«Ты знаешь, милый мой коллега...»)

А какова вот эта неповторимая, говорящая о сердечности поэта, метафора:

Порвался там, где сердце, старый свитер...
(«Надолго ли останусь я таким...»)

Иногда вдруг нахлынет на автора нечто необъяснимое, но явно выстраданное и ставшее сердечной болью, тогда и чувства, и переживания поднимаются на явленную в слове достойную высоту:

*Пусть дождь размочит берега,
И ветер разбросает лодки,
И дом родной снесёт река,
А мне оставит лишь обломки.*

*Пускай в тумане пылких чувств
Любовь моя меня покинет,
И там, где душу я лечу,
Я никогда не буду принят.*

*Пускай со всех сторон гроза,
Пускай я в землю врос ногами,
Не видят многое глаза,
Слова не могут стать стихами.*

*Другие захлестнут дела,
Поэт умрёт во мне для жизни:
Я буду знать, что жизнь прошла,
Но не прошла любовь к Отчизне.*

Что нас держит в этом мире на плаву, на юру, в жизненном пространстве? Конечно же, любовь к Отчизне, пусть горькой и обездоленной, но до боли родной и близкой. Это, конечно же, любовь к близким своим и к малой родине, где чуткая твоя ступня помнит пыльную тропинку детства. Это вера в добро и справедливость на земле, которые когда-нибудь всё равно спасут нас от духовного и физического одичания. А поэты — они нам в этом помогут. Точно так же, как многие русские классические поэты, как великие наши современники и идущие вслед за ними новые, истинные таланты. Как молодой, подающий надежды поэт Михаил Зарубин.

МИХАИЛ ЗАРУБИН

Когда луна бросает свет на город...

* * *

Окно панорамное в белой квартире
Хранит по ту сторону Азию Иши:
Там здания выше, но люди там ниже,
Трава просыпается в синем сапфире.

Лучами размыта толпа Поднебесной,
В толпе человека не зрима походка,
Качается месяца тихая лодка.
Приди же ко мне, словно звук, словно песня!

Я знаю, что ты не оставишь надежду
Найти мой приют на планете свирепой.
Я верю в тебя, даже если нелепо.
Зимою одень потеплее одежду.

И пусть мы с тобою не в том поколенье —
Где мысль с моралью пока не соседи.
Я знаю, ты знаешь, друг друга мы встретим:
Народы сплотить — двум сердцам — назначенье.

Взгляни на минуту за дальние дали,
За город, за мир — в неизвестные неги.
Прости, что в России холодные снега,
Прости, что в Японии снега растаяли.

* * *

Когда луна бросает свет на город,
Я не могу уснуть, охваченный тоской,
Не потому, что нет тебя со мной,
А потому, что миг до встречи долгод.

И комната мне кажется чужою
Без юбочек и туфелек твоих,
Серёжек и колечек дорогих...
Что делать мне, когда ты в Гуанчжоу?

«У нас такая ночь!» — она мне пишет.
«Иркутск прекрасен ночью», — я пишу.
В мечтах,
 Во снах
 Одну тебя ищу...

Моё большое сердце, тише.
Тише!..
Я не один — любовь всегда со мною.
Я столько песен о тебе сложил!

И знаю — знаешь ты — я заслужил
Хранимым быть твоей большой любовью.

Ни в жизнь не опровергнут день и случай
Мою к тебе любовь.
И навсегда
Бессильны между нами города.
Я на планете
 Всех людей
 Везучей.

Но комната мне кажется чужою...
Что делать мне, когда ты в Гуанчжоу?

* * *

Не стала радостью и тёплым ветром,
Несущимся навстречу в трудный час,
И так случилось вдруг, что я погас
С тобою, как фонарь перед рассветом.

Табачным дымом пахнет в спальне мебель,
Пишу опять, и мысль моя верна:
О чём пишу — не в том моя вина,
Лишь в том я виноват, что с Нею не был.

Она пришла на зов — с планеты сердца,
Когда ни мать, ни друг не помогли, —
Когда в кармане кончились рубли,
Когда не жизнь, а — маленькая пьеса...

Когда на мир вокруг ты смотришь мудро,
Уставший, вдаль идёшь, срывая снег,
Когда никто не любит, любишь — всех,
А на душе всегда такое утро...

Прости, что я любил не той любовью,
Прости, что думал строчками о Ней.
Не вздумай никогда винить сильней
Меня,
Чем виноватых
 Кровью.

ВИКТОР ВОРОНОВ

По дорогам и весям Белоруссии

По молодости мы все любили путешествовать и действительно немало ездили по стране и за рубеж. И хотя в последнее время стараешься ограничиваться только самыми необходимыми поездками по делам, всё же тяга к познанию мира сохранилась. Вот и теперь она, эта тяга-страсть, подтолкнула к дальней поездке, да непростой, а на автомашине. Хорошо, что к этому времени спала беспощадная июльская жара и стало более комфортно.

Дождь — хорошая примета, если даже в это и не веришь. И именно в дождь мы отправились в Белоруссию, когда-то бывшую братскую республику большого нашего государства — Союза Советских Социалистических Республик (СССР), а теперь соседнее суверенное государство, находящееся вместе с нами в новом Союзе: «Россия — Беларусь».

Много слышали хорошего о Белоруссии, и, исколесив на машине по дорогам и весям от Москвы до Бреста и обратно по разным маршрутам, с заездом в самую глубинку белорусской земли, около трёх тысяч километров, лишний раз сами убедились, что всё услышанное — правда! Действительно, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.

Автодороги

Страна, не имеющая баснословных нефтегазовых доходов и выгодных «транзитно-экспортных» морских портов, не обладающая залежами дефицитных полезных ископаемых и не позволяющая себе истреблять лесные богатства на экспорт, успешно содержит в почти идеальном состоянии свои автомобильные дороги. И не только основную магистраль М-1, идущую в Европу, а все дороги, вплоть до каждого населённого пункта.

Конечно, можно возразить, что автомашин у них меньше, чем у нас, может быть, на целый порядок, но ведь и ресурсов у них меньше, чем у нас в России на несколько порядков! А дороги прекрасные! Ехать, а вернее, мягко катиться по ним и любоваться окружающими пейзажами — одно удовольствие. Все они ровненькие, по возможности, прямые, а

ВОРОНОВ Виктор Васильевич. Родился в г. Чите. Окончил Иркутский политехнический институт и работал в Шелехове и Иркутске, а затем был переведён в Москву. В настоящее время — директор Международной школы управления «Интенсив» Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, профессор, заслуженный экономист РФ, член Союза писателей России, член Правления и сопредседатель Литературного клуба «Иркутск — Москва» Иркутского землячества «Байкал» (г. Москва), автор ряда книг и множества публикаций. Живёт в Москве.

местами такие гладенькие — как яйцо. Если на них и встречаются асфальтовые заплатки, то они заделаны так вровень с асфальтом, что автомашина и пассажиры этого не ощущают. Везде — чёткая разметка автодорог и большое количество очень необходимых для автопутешественника различных указателей и предупреждающих (даже можно сказать, упреждающих, особенно об опасных поворотах) знаков. Но если впереди ремонт, то об этом предупреждают задолго и с обязательными извинениями за доставляемые неудобства.

Обочины дорог не заросли борщевиком и кустарником, а достаточно просторные, и их откосы и прилегающая местность скошены максимально широко и ровно.

А ещё автодороги, да и не только они, а всё, куда бы ни взглянул, — чистое и прибранное. На ветровом стекле и на самой машине в дождь не набирается той грязи, которая бывает при езде по нашим российским, не очень убраным дорогам, и даже по улицам нашей столицы — Москвы.

Иногда поездка по дорогам Белоруссии напоминала нам наши предыдущие экскурсионные поездки по дорогам разных стран Европы. Оглянешься порою, и переспрашиваешь: а где мы? Неужели это Белоруссия, а не Бельгия или Австрия? Да ещё к тому же ни виз, ни таможи нам не потребовалось — ехали с обыкновенными общероссийскими паспортами.

Чистота и порядок

И вообще, чистота и порядок — характерная черта сегодняшней Белоруссии. Везде — на дорогах, остановках, улицах и в зданиях — стоят контейнеры и урны для мусора (преимущественно даже с крышками-козырьками от осадков), а надписи ещё всех благодарят за соблюдение чистоты. Брошенной бумажки или окурка в общественных местах сыскать практически невозможно!

В Витебске под площадью Перемоги (Победы) переход поражает чистотой, и чувствуется, что его не только подметают, а регулярно моют, что теперь редко можно увидеть даже в нашем Московском метро. А ведь когда-то в советское время эскалаторы и станции метро у нас круглые сутки мылись и убирались!

Особенно впечатляет вид весело покрашенных палисадников и отдельных домиков в сёлах и посёлках Белоруссии. Все они, конечно, разные. Есть более затейливые, с большой фантазией и богатым рисунком, есть менее затейливые, есть совсем незатейливые и даже простенькие палисаднички. По окраске они тоже всякие — яркие, многокрасочные, игривые, забавные, жизнерадостные и просто одноцветные или уже давно покрашенные. И везде в палисадниках и перед ними — клумбы и море цветов. Ясно, что всё это делается по финансовым возможностям и достатку хозяев, но прекрасно то, что всё это, в конечном счёте, делается и кем-то подсказывается, подталкивается, управляется и, наверное, контролируется. А в результате, въезжаешь в село — и душа радуется: такой обустроенный и красивый вид и порядок, что здесь не только хочется остановиться, но даже и пожить, а может быть, и поработать.

Работа, труд и управление

Почему бы и не поработать?! Ведь чувствуется, что всё вокруг «не запущено», а, наоборот, крутится, вертится, одним словом, работает и функционирует.

Все поля в Белоруссии используются и обрабатываются, и, к счастью, не зарастают сорняками и лесом, как у нас в ряде областей России. На них постоянно кипит работа. Вот прямо на дорогу, около Машеровского поля, подвезли обед механизатору, и он, разогретый работой и ещё не очень жарким, близким к полудню солнцем, с удовольствием и улыбкой уплетает из красной миски наваристый борщ.

А здесь к ранее вспаханному и уже немного подзаросшему травой пару припахивают дополнительную площадь — межи и закромки, вплоть до автодороги: ничего не должно пропадать, всё надо использовать!

Видно, что вспаханные поля проборонены до очень небольших комочков (почти как на огородных грядках на дачах) и не лежат на них огромные пласты земли (да ещё густо заросшие сорняками), что чаще встречается в российских хозяйствах.

Как дружно и красиво убирается урожай! Скатанные и обёрнутые плёнкой валки обмолоченной соломы ровными рядами лежат на ослепительно солнечном скошенном жниве таких бесконечных и уходящих вдаль хлебных полей Белоруссии. Невольно проникаешься ещё большим уважением к людям труда, обеспечивающим нас всех необходимыми, да ещё и экологически чистыми и натуральными продуктами питания.

Совершенно непривычен сейчас для нас вид ухоженных животноводческих ферм, зерноскладов, свинарников, а также активно работающей сельскохозяйственной техники. Подъезжая к бывшему контрольно-пропускному пункту на границе (теперь уже просто административной — ведь мы одно союзное государство) около Рудни, видели такие коровники с провалившимися крышами и разваливающимися стенами одного из смоленских совхозов (или колхозов). Этого полно, к сожалению, и в других наших областях и краях. А вот здесь, в Белоруссии, прямо перед нами целых шесть комбайнов убирают рожь. С бункера одного из них она золотым, искрящимся на солнце потоком сыпется в кузов двигающейся рядом с ним автомашины. Правильно — ведь дорога каждая минута хорошей погоды!

Судя по рассказам местных жителей и товарам на прилавках белорусских магазинов, успешно работают, а не стоят также заводы, фабрики и другие предприятия и организации Белоруссии. Уж, по крайней мере, не встретилось нам ни одного рынка или торгового центра в цехах и на площадях какого-либо гиганта или даже небольшого предприятия промышленности типа «Горбушки» в Москве, завода Ухтомского в Люберцах около Москвы, завода имени Куйбышева в Иркутске и т. п. А наоборот, нет такого чрезмерного обилия уличной, плохо организованной торговли, которой переполнена вся Россия. Хотя тоже есть и новые супермаркеты, и новые магазины, и новые торговые центры.

Везде поддерживается общественный порядок. Не встретились нам ни бомжи, ни нищие, ни пьяницы, ни хулиганы, ни стаи бродячих собак. А милиции вообще почти не видно. Хотя аккуратные здания милиции и МЧС (как и других государственных органов) в населённых пунктах имеются. Но, по-видимому, она выполняет свои обязанности незаметно, без мигалок и демонстративного патрулирования (как у нас в Москве), т. е. «без шума и пыли», как и должно быть! Да и местная госавтоинспекция тоже работает незаметно. Соблюдай правила дорожного движения — и тебе вообще не придётся ни с кем из них встретиться лично. Да и зачем? Создаётся ощущение, что, возможно, так же незаметно, но плодотворно работают и другие государственные органы в Белоруссии. И это не показуха, не общеизвестные с екатерининских времён «потёмкинские деревни», не сегодняшние «пиар-кампании» для средств массовой информации и телешоу, а простая будничная работа на благо народа.

Ведь запустить и превратить всё в запустение легко. Разваливай и ничего не делай — это мы видели и ещё продолжаем видеть. А вот поддерживать всё в ухоженном виде и порядке, даже при нехватке финансовых средств или их скромном количестве, непросто. Работать надо! И всем, и напряжённо, и без суеты и ненужной демонстрации видимости активной деятельности.

Нарочь

Дорога к жемчужине Белоруссии, как написано во многих изданиях, озеру Нарочь была освежена тёплым грибным дождём, и его остатки на асфальте играли в вечерних сол-

нечных лучах. Всё благоухало, парило, и даже был лёгкий туман. По скошенному жнивью ходили аисты, а местами они очень шумно, совершенно не боясь ничего, пролетали над дорогой, чуть-чуть не задевая медленно движущиеся по ней редкие автомашины, из окон которых этими символами жизни и благополучия с восторгом любовались проезжающие.

Само озеро, неожиданно показавшееся из-за поворота извилистой вдоль его берега дороги, тоже впечатлило. Оно было огромно. Конечно, это не Байкал, но сравнимо и достойно! А когда поздно вечером, уже непосредственно у кромки берега, приняли просвечивающие через его воду водоросли на дне за тину и ряску на его поверхности, то удивились ещё больше. Сохранить такую кристальную прозрачность и чистоту воды в промышленно развитой стране — огромное достижение и заслуга! И действительно, так же как и на Байкале, глубина озера не чувствуется, дно кажется почти рядом, и лишь по долго сверкающей в воде монетке можно сориентироваться о фактической её толще.

Прекрасно, что здесь развивается курортно-санаторная зона, чему благоприятствует не только само озеро Нарочь, а и великолепные чистые сосновые боры и леса, окружающие его и бережно охраняемые людьми и государством. А ещё к этому следует добавить разбитые во многих местах огромные яблоневые сады и живописные поля и луга.

Беловежская Пуща

Восхищает само отношение к сохранению природы, а особенно лесов. Леса вдоль автомобильных дорог не просто прибраны, а в большинстве своём ухожены почти как парки — ни одного сваленного дерева, ни одного дерева, поражённого вредителями леса. (В Подмоскowie типографом (еловым жуком) изъедено огромное количество елей, стоящих необрубанными и заражающими другие деревья.) Везде по автотрассам имеются оборудованные площадки для отдыха с туалетами и контейнерами для мусора, свежие (а не пробитые дробью горе-охотников) транспаранты, предупреждающие об опасности пожара в лесу и призывающие беречь природу, с указанием ответственных лесничеств.

Конечно, образцом, эталоном и примером всего этого бережного и умного взаимодействия с природой является Беловежская Пуща — бесценное сокровище нетронутой первобытной Природы Земли почти посредине индустриально развитой Европы. Как прекрасно, что всё это сохранено и продолжает сберегаться для всех нас и будущих поколений землян. Это действительно Всемирное наследие. На таком примере, используя опыт этого легендарного заповедника, и нужно организовывать нашу природоохранную деятельность. Конечно, у нас ещё есть наше сокровище — Байкал, Завидово и другие заповедные места. Их переключки и обмен опытом — залог нашего гармоничного сосуществования со всеми обитателями планеты Земля.

А какой изумительный Музей природы создан не так давно в Беловежской Пуще! Впечатляет количество и состав его экспозиций, изображающих в чучелах и макетах почти живые мгновения жизни этого уникального заповедного места с голосами его обитателей. И если кое-что подобное и встречалось мною ранее в аналогичных музеях Иркутска, Ливинки, Австрии, Канады и других мест, то композицию о близких мне по увлечению-занятию предках пчеловодах увидел впервые. Насколько искусно, профессионально и достоверно запечатлены отдельные моменты развития пчеловодства в древние века! Вот, например, мы видим бортничество, широко распространённое на Руси, когда пчеловоды отыскивали диких пчёл в дуплах деревьев, делали в них специальные выемки — создавали борты, а потом с помощью различных приспособлений доставали из этих бортов соты с мёдом. Отстаивали мёд в специальных кадушках и чанах, а затем не только угощали им своих близких, но, наверное, обменивали его на нужные им продукты питания, одежду, обувь и другое. Наглядное подтверждение этому — огромный борт, вырезанный из недавно упавшей в Пуще многовековой сосны. В другом изображаемом эпизоде показана колода пчёл уже около деревенского дома, а не в лесу. Она изготовлена из двух половинок

такого же ствола дерева, как и борты, с большим летком. С ней и с пчёлами уже на земле, а не вверху на стволе дерева работать пчеловоду было гораздо удобнее.

Сделано всё это так натурально, что кажется, стоит сказать как в детской игре слово «отомри» — и всё на этих композициях задвигается, зашевелится, побежит, полетит, поплывёт... Едва удерживаешь себя от невольного желания прикоснуться и потрогать кору берёзы, мох, снег или светлую холщовую, но такую привлекательную одежду бортника-пчеловода.

Всё это вместе с непосредственным общением с представителями животного мира Пущи в огромных и просторных естественных вольерах, прогулками и выходами-остановками во время экскурсии в самой Пуще оставляет неизгладимое впечатление о первозданности Природы и месте в ней Человека.

И если уж мы не дали погибнуть потомку мамонтов — зубру, этому великолепному созданию её Величества Природы, то, значит, имеем надежду на разумное, а не хищническое пользование всеми доставшимися нам от предков в общее наследство земными благами.

Брестская крепость

Заметно уважительное и почтенное отношение во всех городах и сёлах к школам, учебным заведениям, объектам культуры и здравоохранения. В надлежащем порядке содержатся все памятники — не только связанные с Великой Отечественной войной 1941–1945 годов и с Отечественной войной 1812 года, а и другие; а также кладбища.

Самым ярким примером этого трогательного отношения является Брестская крепость. Строгий и в то же время распахнутый в небо, в мир и жизнь облик мемориального комплекса, его прекрасно оформленные и уникально-содержательные музеи никого не могут оставить равнодушными. Это очередное аккуратное прикосновение к судьбам героев, народа и страны заставляет вновь о многом задуматься, и прежде всего о великой цене каждого решения и шага, и недопущении войны как изуверского способа достижения определённых целей. Развалины Брестской крепости — это молчаливый приговор, упрёк и урок всем поколениям на будущие времена.

Язык общения

Как в советское время, так и сейчас общение между людьми происходит в основном на русском языке, который, как и белорусский, является государственным. Что же касается указателей, вывесок и объявлений, то здесь встречаются оба языка. А чего и где больше или какой из них где-то более преимущественен — определить трудно. Вот кажется, что дорожные указатели населённых пунктов все на белорусском языке. Но въезжаем в другой район или область — все или многие уже на русском.

Но в целом всё достаточно понятно и без переводчика. А где непонятно, то можно догадаться.

Это не удивительно — ведь основа наших языков общая. Когда-то, в Российской империи, вообще белорусский язык (так же как и украинский) не признавался как самостоятельный, а считался местным наречием или говором. Помню, что в школе некоторые мои одноклассники писали отдельные слова на уроках русского языка и литературы с ошибками, похожими (как теперь мне видится) не на ошибки, а скорее, на слова из белорусского или украинского языков. Это, по-видимому, было влиянием уклада жизни их семей, среди которых были выходцы из Украины и Белоруссии.

Многие белорусские слова звучат мягче и нежнее аналогичных русских, без некоторых твёрдых знаков в них, заменённых на похожие. Так даже город Витебск — это Витецбск, Белпочта — Белпошта, район — раён, берёза — бяроза и т. д.

Красиво и мелодично звучат «У добрый шлях — В добрый путь», «Щацливой дароги — Счастливой дороги», «Ласкаво просим — Добро пожаловать» и много других выражений и слов.

Также очень созвучны нашим песням и многие душевные белорусские мотивы. Им, как и русским, сродни огромные просторы и бесконечные хлебные нивы, луга и леса.

Встречаются и сложные «заковырки». Так в Минском метро с трудом удалось понять, что станция «Октябрьская» и «Кастрычніцкая» — одно и то же. На разных схемах и даже на противоположных стенах самой станции она указана по-разному, хотя похожесть в названии уловить крайне трудно.

Лучше бы, конечно, как в Японии, всё было на двух языках. У них это — японский и английский, а у нас — белорусский и русский. Но думаю, что на это тратиться нет смысла — отдельные небольшие непонятности можно разрешить и без больших расходов!

Ещё раз об увиденном

Чтобы не казалось, что всё нам виделось в поездке в розовых тонах или под «отпускное настроение», замечу: конечно, живёт Белоруссия по средствам, как раньше говорили, и средствам заработанным, а не упавшими с неба или взятыми под землёй. Пусть без роскоши и излишеств — но зато сытно, с достатком, достойно и душевно. И красивые плакаты «Мы — беларусы!» с девушками в хлебном поле, развешанные на улицах, гораздо оптимистичнее и веселее, а главное — без малейшего оттенка и намёка национализма или шовинизма, нежели им подобные в некоторых других странах. И даже не слишком уж большой заработок этих не очень удобных в обращении и слишком громоздких (в количестве) белорусских денежных знаков не смогут этого общего радостного настроения жизни испортить. Ведь счастье не только в количестве денег, а, скорее, в чём-то другом... Например, в ослепительно-солнечной улыбке этих девушек!

Также хочется отметить, что двадцать лет, прошедшие с трагических для наших народов событий и ошибочных решений, принятых известными (а лучше бы их насовсем забыли) людьми (кстати, в том числе и в заповедном уголке белорусской земли — беловежских Вискулях), не разобщили нас, не разъединили и не сделали недругами. По-прежнему везде в Белоруссии мы встречаем доброе отношение, готовность помочь, и не только в поисках дорожного ориентира, а и в других житейских вопросах. Гостеприимство, характерное для наших обоих народов, к счастью, не утрачено. Продолжается и совместная работа и сотрудничество на благо всех нас и во имя будущих поколений России и Белоруссии.

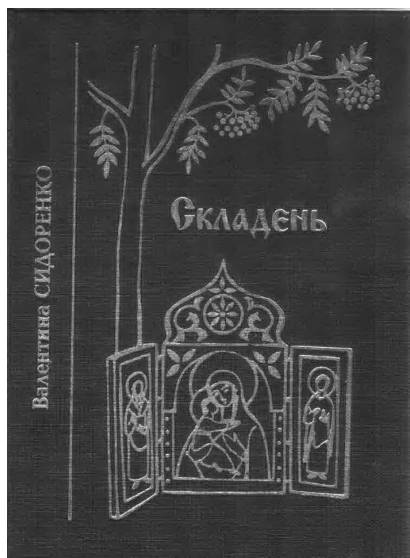
Август 2012 года

*Москва — Поваровка — Рудня — Витебск — Лепель —
Бегомль — Докишцы — Мядель — Нарочь — Молодечно —
Воложин — Лида-Дятлово — Слоним — Пружаны —
Каменюки — Брест — Каменец — Берёза — Ивацевичи —
Барановичи — Минск — Раубичи — Оріша — Поваровка — Москва*

АЛЕКСАНДР ДОНСКИХ

«Пусть другие войдут в наш запущенный сад...»

Читателем попадая в книгу Валентины Сидоренко «Складень» (издательство «Сибирская книга», 2012), попадаешь как в окиян-море: перед тобой раскрываются немереные просторы жизни и судьбы, земли и неба. Однако на этих просторах тебя подстерегают шторма. Ты подчас испытываешь страх не доплыть до берега, повстречаться с неодолимыми, неведомыми силами природы. Но и светлые, чистые дали радуют тебя, маня плыть дальше. И на путях своих ты сможешь пристать к берегу в тихих гаванях островков или целых континентов, где можно передохнуть, подготовиться к новым испытаниям, узнать что-то неизвестное, полезное для тебя; и встречные суда могут поприветствовать тебя, при нужде поделиться пресной водой, припасами, дать совет.

Книга «Складень» всеохватная. И не размером складня, то есть двух- или, в основном, трёхстворчатой иконой, она определяется, а тем, что в иконе,

из каких далей времён она, икона, пришла к нам и кто теперь владелец её, призванный, молясь, считывать, разгадывать духовное послание и богомаза, и предков наших, и, верится, вышних сил. О сиюминутном и вечном, о грехе и святости, о горе и счастье книга сия, да, тематически необъятна, окиянична, что ли. «Складень» скорее всего не только и не столько книга стихов, как примерно обозначено в ремарке, а целый роман. Или даже сага в стихах. Или — хочется быть ещё точнее — плач в стихах; плач — в смысле, исполнен труд в жанре древнерусской литературы. Роман-плач в стихах, пожалуй, так поточнее будет.

Складни средневековой, да и более поздней Руси-России, поясняют нам толковые словари, «могли являться путными, то есть их брали с собой в дорогу (в путь), на богомолье, в поход; некоторые многостворчатые складни так и назывались — походные...» Дорогой, походом, знаете, может быть и целая жизнь. А сама жизнь может стать неустанным духовным поиском. А поиск — это неизменно творчество. Валентина Сидоренко в прошлом много и интересно работала в прозе, создавая не рядового порядка повести, и вот теперь в дороге своей жизни она нашла себя ещё и как поэт. Это интересно; обычно от стихов уходят в прозу. Смеем предположить: если бы Пушкин пожил ещё, да пожил бы много-много, то он опередил бы аж самого Льва Толстого: высококлассные — но уже пушкинские — эпопеи были бы явлены русской литературе и миру раньше на два-три десятилетия, в том числе об эпохе наполеоновских войн или о декабристах с Сибирью и возвращением их. Впрочем, известно, что сослагательного наклонения в истории — и в истории литературы, разумеется, в том числе — нет и быть, слава Богу, не может.

Мы обратились к сослагательному наклонению и предположению только потому, чтобы отчётливее понять и увидеть проблематику отхода интересного, рядом с нами живущего писателя от прозы, которая, по преимуществу, является стихией ума, и перехода его в поэзию, которая, по сути, выражает собою стихию чувств. И это не праздный интерес, если задать вопрос и попытаться на него ответить: почему Валентина Сидоренко не смогла работать в прозе? Не говорим, «не захотела», потому что истинному таланту, как, к примеру, дождю или снегу, не дано хотеть в полной и безоговорочной мере, как, где и когда явить себя. Талант, как дождь или снег, явление природное. И, разумеется, — стихийное, не очень-то подвластное обстоятельствам. Но стихия сама по себе не является: для её зарождения, развития и последующего проявления в мире нужны предпосылки, некое предначалье силы её.

Что явилось предначальем рождения поэта Валентины Сидоренко? Почему она не смогла работать в прозе и на протяжении уже многих лет издаёт поэтические книги?

Наиболее ясный ответ в книге «Складень»: причина — боль.

Боль большая, сложная и, похоже, свичная.

И она, боль её, в книге — стихия, явление природное, кажется, неодолимое уже и самим автором. Нерв боли, следует отметить, отчётлив и в прозе Валентины Сидоренко, но в её нынешнем творчестве, в поэтическом, он уже как раскалённые уголья, на которых стоит голыми ступнями поэт. Стихия чувств захватила и одолела душу! Но «одолела» в значении очаровала, пленила, повлекла за собой. Собственное страдание, возможно, стало культом (что, не будем скрывать, настораживает и печалит).

В «Складне» есть сюжет, вполне романский: в меру сложный, кажется, спиралевидный, в данном случае, с периодическими возвращениями к «болевым точкам» страдания, но уже на новом витке развития и души и мысли. Сюжет с ответвлениями, что можно отнести к канонам классического романа. Современная романистика, к слову, в большинстве своём по сюжету однолинейна, вроде как побаивается шагнуть в сторону, чтобы посмотреть, а что там; боится изгибов, поворотов, вставных новелл или даже повестей: зачем-де осложнять себе жизнь!

Есть в «Складне» главный герой, разумеется, лирический. Но он многоаспектный, даже многоликий, если хотите, поэтому не совсем к нему подходит формула из классического литературоведения «лирический герой», которую обычно применяют к одному конкретному стихотворению или небольшому циклу стихов. «Складень», повторимся, целый роман, состоящий, правда, из отдельных и по преимуществу вполне самостоятельных стихотворений. Герой «Складня» подвержен колебаниям, сомнениям, порывам, унынию, озарению, радости, печали — всему бытийному многообразию явлений жизни с человеческой силой и немочью. Право, не намного преувеличим, если условно назовём его — Поэт!

«Не рыдай мене, Мати», // Не рыдай мене, Мати, // Не рыдай, не рыдай, не рыдай... // В вражьих смертных объятых, // В вражьих смертных объятых // Русской кровью исходит мой край...» Это первые строки «Складня», и вы — уже в действии, в страстях, а то и на угольях вместе с Поэтом, душа которого в плаче. Вместе с Поэтом мы входим в библейские истории и замороженно слышим: *«И падая ниц, и вздымая как прах, // Пласталась блудница в песках, как в снегах, // И тыла в пустыне Мария...»* И — молитвы, молитвы, преисполненные древлерусским плачем. На Байкале оказывается ли Поэт, в одиночестве ли у иконы, с прихожанами ли в храме, на улицах ли селений и во множестве других житейских проявлениях, он помнит и просит: *«...Ты в битвах и войнах на свете возрос, // Ты внуком был Божьим и Спасом планеты, // Мечом в силе Отчей, неистовый росс, // К истокам родимым, молитвой согретым, // Вернись, как литовка на зрелый покос, — // Калёною сталью и песней распетой...»*

В книге четырнадцать глав, и их названия весьма красноречиво отображают путь развития главного героя — Поэта — гражданина современной, ещё говорят, «новой» России, такой разнообразной и нередко удручающе непоследовательной, противоречивой в своих проявлениях и устремлениях, но ежели Родина, она наша, как же нам быть? Каждый, видимо, решает сам. Поэт — решил, определился!

Первая глава «Складень» — как напутствие направляющемуся в дорогу, в дорогу жизни, судьбы, познания. «...Ближих не было... — сетует главный герой, обращаясь к Богу. — Эти ушли // По дороге проторенно-белой, // В глубь мирскую житейской земли. // Уходили они, величась // Алчным знанием, сытью земной... // Я лампадами Иван-чая // Устлала им путь отходной. // Я вернуться их не упростила — // Не услышать им плачей моих, // Но помянников крестная сила // Имена вековечает их!»

Вторая — «Великое стояние» — это не остановка, это преодоление, это поиск источника сил и поэтому неслучаен в самом начале главы несколько бунтарский посыл-выкрик трибуна: «Пока свеча пылает в храме // И не заброшен дом родной — // Не страшен зверь! И пентаграмме // Заслоном — русский наш устой!» Но снова — молитва, молитва, как итожение нового опыта и смысла, как упование: «Матерь-Владычица, свет Богородицы, // Встань над землёю своей, // Злых и мятежных и жертв их усобицы // Кроткой любовью согрей!» Сила — в молитве, но не в крике и кличе. Молитва — сила, а посему Поэту важно сказать нам: «Не будь ты пылью... // Будь ты почвой. // И, не гадая по руке, // Свой русский дом построишь прочно // На камне, а не на песке...» Домостроительство, поиск государствообразующих начал жизни — стержневая тема второй главы. Здесь неустанное и строгое обращение Поэта к истории России, к житиям святых, к Библии, к недавним временам «кровавого распада и разрухи», к идее «русской правды в русской крови». Но боль нарастает, уголья раздувает ветрами судьбы, и Поэт подходит к черте отчаяния: «Погибают глаголы в душе — // Птицы — вестники Божьего света. // Ни вопросов в душе, ни ответов. // Жизнь мертва, как шиши камышей!..»

На том бы и действию романа-плача конец. Но Поэт — герой, а герой, по законам жанра, не может не действовать, и перед нами открываются новые картины бытия, но уже во вставном сюжете-ответвлении — поэме «Егорьевское стояние». «В те уже невозвратные годы, — неторопливо повествует автор «Складня», — // Чтоб совсем уж с ума не сойти, // Надышавшись безумной свободы, // Мы искали возврата пути...» Это, кажется, уже звучит сама Судьба, а судьба — это движение, развитие в какую-то из сторон, минуя распутья, а то и преграды. «В осенцы те случилось заехать // В край, заглохший, как камыши, // И, залатывая огрехи, // Как избушка осевшей души, // Я входила в притихшие сёла, // Я заросшие зрела поля. // Мыслям-думам моим невесёлым // Эхом вторила наша земля...» — в полной неспешности и бессуетности, в традициях добротной русской прозы, ступает Поэт по земле. Встречает старца. Жалуеться ему на жизнь, на «громадный, стальной мегаполис», на порядки «не народов, а инопланет», что «...радость светлая и удачи // Отошли от пределов Руси». Старец рассказывает Поэту о прежней русской жизни, подытоживает: «В старой жизни один был изъян — // Сколь она ни была длинновата — // Вдосталь так и не нажилось...»

«А потом революции, бойни // На Гражданской, нечистой войне, // Комсомольцы на колокольне // Службу правили сатане...» — рассказывает старец и о своей, и страны судьбине. После Великой Отечественной «...подымали хозяйство с детьми... // Нас любили, и мы любили, // Как бывает на свете с людьми // Целомудренными, не лукавыми...» Напоследок Поэт поинтересовался именем старца. «Я Егорий! И в близком соседстве // Было принято называть // Всех Егоров в деревне Егорьево // Иль Егоршами, иль Егорушкой...»

Минули годы «...загнанным табуном, // Душу горечью ископытив, // Проскочили, и пыль за окном // Оседает под эхом событий, // Невысоких и мчавшихся жизни повдоль, // Своей дикостью оскорбивших... // Я одна прошагала земную юдоль, // Полусном-полужизнью забывшись!..» И случилось Поэту снова попасть в то село: «Воробыиный да враний неистовый крик // На колдобины вытолкнул вновь...» Село разорено, «провалы разрушенной церкви», «плетни завалились», единой живой души не видно. Могилы. «Боже, кто тут со смертной косою // Так прошёлся, что воздух здесь меркнет?!..»

«Я кричала: «Ау, отзовитесь! // На погибшем кто есть корабле?» // Вышел лунь, не-реальный, как витязь, // Ноги шаркают по земле. // Встал согбенно, на сук опираясь, // Взгляд пытливый спокоен и смел... // Синих искр голубиная стая // Из очей вылетает в предел. // «Здесь народ жил, — спросила я. — Где он? // Был он духом высок и велик, // Он

веками слагался, и демон // Осквернить не сумел его лик! // Защитив племена и народы, // Он освоил несметную ширь // Здесь, под небом суровой свободы, // Что издревле зовётся Сибирь...»

Старец отвечал «...неторопко и просто, // Прорывая негулку тишь: // «Я хранитель разрух и погостов // И живу здесь неслышно, какмышь. // Не забыла ты первой той встречи, // Её ради вернулась сюда... // Ждал тебя я все зимы и лета, // Не считая ломот и простуд!.. // Тебя привёл Господь недаром — // Душа до раннего утра // Последним вызреет пожаром! // И я к Создателю вернусь. // А ты запомни слогом мерным // И, вызубрив всё наизусть, // По буквам передай неверным: // Свои Устои Мать-земля // Слагала долгими веками, // Так росы в вешние поля, // Чтoб напитать их, истекают. // И без законов не стоит // Земля. И ничего не стоит! // Она уйдёт, как в море кит, // В пучину ада без устоев!..»

Былинный дух, былинный слог заветов и обетов!

И заканчивает старец: «...Теперь прощай, // А я пойду готовить душу // В намоленный свой, бедный рай — // Я клятвы Богу не нарушил. // Я не покинул край отца, // Погост родимых я не бросил, // И милосердием Творца // Была дарована мне осень...»

И необыкновенная, чародейственная картина распахнулась перед нами, гармонируя и с былинами, и с Пушкиным, и с Лермонтовым, и с русскими народными сказками: старец «...уходил в землю главою, // Холмами горбилась спина, // Над его белой головою // Кружился вран как сатана! // Но странный свет, как у святых, // Над ним сливался с осенцами, // И сойки скорыми гонцами // О переходе в мир иных // На редкость праведной души // Леса и сопки огласили, // И столп живой алмазной пыли // Юдоль земную разрешил...»

И тут же из былины, из сказки — в мир реальный: «Теперь хожу за поворот, // Гляжу на рваный купол церкви. // Над ним уже который год // И днём и ночью свет не меркнет!..»

И днём и ночью свет не меркнет!..

И Поэт верит, и автор верит, и мы, читатели, ему поверили, что и днём и ночью свет не меркнет. Как это важно! Через преодоление человек находит источник силы. Поэт тяжело, но отступил от черты отчаяния и позвал нас с собой.

Следующие главы — «Святцы», «Земной поклон», «Думы», «Свете тихие...», «Материнские песни» — пристани радостей и печалей, отдыха и сборов, молитв и — песней, праздников. Сюжет тот же — Поэт в дороге. Но если в дороге, мы уже говорили, значит, в развитии.

Вот Поэт перед нами в отраде мелочей, любований, невинных утех: «Как я люблю предчувствие начал, // Канун волнует более, чем праздник. // Совсем недавно вепрем проскакал, // Сугроб взметая, хиус — злой проказник...»

А вот Поэт в предчувствиях: «Медлит свет. Ржаная ржавь уныло // Оголяет тихие леса, // Дым из труб, как голубь сизокрылый, // В серые взлетает небеса. // И глазами древними крестьянок // Глядя на Саяны и поля, // Слышу я, как с самых спозаранок // Всё быстрее вертится Земля...»

И мы — затаены, и мы — чего-то ждём, всматриваясь, вслушиваясь.

«Счастье, — говорит с нами Поэт, — крошечный тот полустанок, // Сенокосов ромашковый цвет, // Где мы вскакивали спозаранок // Помахать электричке вослед. // И капель земляники, смородины // Красной — заводи на берегах... // Что неизбежно в слове «Родина» // Уложилось и светит в веках!..»

Поэт тих-тих, да вдруг — звонит слогом и восклицом, словно сзывая нас, таких разных, разнопёрых, но побольше, побольше чтоб возле него собралось, хочет: «Разве можно насладиться // Крепким говорком? // Как же так — наговориться // Русским языком!..» И сколько ещё таких же дивных происшествий-открытий приключается с Поэтом, а следом и с нами! Сколько на страницах слов высокой эмоциональной красоты! Но и здесь — плачи: «Мои окна заплачут зарёю... // И прошедшая ночь не обман... // Луч как ястреб мелькнул за горою, // А потом всё туман и туман...»

Однако Поэт уже знает, что «не бывает ни рано, ни поздно, // Сослагательных «бы» не бывает... // Предназначенно вызреют звёзды, // В точный срок ветер листья срывает...»

Поэт мудр; это его думы, а думы свойственны мудрецам. А мудрыми, бывает, можно стать после долгой дороги.

В «Свете тихие...» уютно расположился удивительный стих — главка, вставная, можно сказать (и не ошибёмся!), новелла. Его (или её, новеллу!) невозможно пересказать, переложить на язык прозы, ей-богу! текст сей надо вдохнуть в себя, как аромат:

*Но строк моих никто не сбережёт
И не заплачет над моею болью,
И всё, что жгло и пламенело кровью,
В сырую землю навсегда уйдёт.*

*Но мой потомок, проходя в ночи
По вешним травам легкокрылой тенью,
Воззрит на несказанное свечение
Под кроною и горько помолчит,
Чуть приклонивши резвые колени.*

*Мою любовь прочтёт он по воде,
По млечному сиянию над дорогой,
Над ковылём, ракиетою убогой,
Под кровлей, у колодца — и везде,
Где я просила милости у Бога.*

*И плачи мои, словно бы свои,
Он повторит от слова и до слова,
И затрепещут в песне соловьи,
И всё на свете повторится снова.*

Возможно, это плач плачей, как есть песнь песней. Впрочем, не надо определений и величаний, когда видно — сделано душой для души другого.

В «Материнских песнях» Поэт строг, порой нещаден, если женщина, мать на поруганье, если дитя брошено, без пригляда осталось. Разворачиваются и разветвляются сюжеты судеб: *«И стоят они — матери с жёнами, // Сёстры в духе и сёстры по крови, // По Руси всей свечами зажжёнными, // Преисполнены горькой любовью... // Ой вы женщины русской России, вражью силу сломив на века, // Ни о чём вы Творца не просили, // О спасении лишь мужика, // Своего, безнадёжно-родного, // Запутавшего в дебрях живых, // Полумёртвого-полуживого, // Потерявшего честь, как обнову, // Как ключи на дорогах земных...»*

И «Заговор» драгоценной короной в алмазах слов венчает эту главу: *«...Мой росточек дочь, // Крепкой будь. // Кровью и судьбой // Русской женичины // Пролагает мать // Тебе добрый путь!»*

Последующие главы «Жили-были», «Истоки», «Одинокие окна», «Осенцы», «Старые письма», «Последний разговор» — собрание сюжетов и картин, для которых славно подошло бы название, взятое из «Жили-были», — «Простая повесть». Но простота, бесхитростность, однако, здесь всюду кажущиеся, обманчивые. За этой простотой и скрытно и прямо являющий себя несладкий опыт большой и деятельностной жизни, и он минутах прорывается отчаянием: *«Нам не понять уже друг друга...»*; или вдруг — мазок тёмной итоговой черты: *«Уже любви нет, но осталась нежность // В глубинах отцветающей души. // Она в остатке уходящей жизни // Из глубы вынет писанное кровью, // Как мы любили милую Отчизну, // А в ней друг друга смертной любовью...»* Такая простая непростая повесть...

Здесь тоже всюду плач, но плач тихими слезами, навверное, искушённой смирненности; проблесками — плач слезами счастья или же светлой грусти по давно ушедшему, так и несостоявшемуся счастью: *«И всё пронеслось, пролетело, опало, // Как в грозы осенние листопад. // Всего побывало, казалось — всё мало!.. // А ныне на небо взгляну невпопад, // Увижу, как луч запоздалого солнца // Короной зажжёт на берёзе листву. // И плачу дитём в крестовину оконца, // И большего счастья изведать не рвусь...»* Тональность разлита минорная, осенняя. Но — хорошо, очень хорошо.

Похоже, закончились витки спирали, повороты, а потому Поэт, герой романа-плача, здесь всюду зрелый, чуткий, внимательный, светло-одиноким, никуда не спешит и никого не торопит. Книга в наших руках на предпоследних страницах, и образ Поэта видится логично законченным, даже округлым; а округлость формы лица, к слову, даже подчёркивается в нескольких стихах.

«Ах осень, осень! Горьких лет, // Падений шумных без побед // Ты одинокая подруга. // Как сокол, ввысь летит упряго // И златом блещет пегий лист!...»

MEMENTO MORI

Так называется последняя глава «Складня», — да, помни о смерти.

Сюжеты и сцепки картин о главном для каждого человека, о том, от чего не увернёшься, как ни уворачивайся и ни хитри, от чего не откупишься никакими деньгами и златами.

«И было так странно, так горько и странно // В просторном, как свет, ясновиденье сна, // Ни изморозь слов, ни сказанья тумана, // А то, что тебя провожаю одна. // Одна, наяву над развёрстой могилой, // Как зазимок стылой в предутренней мгле... // Душа лишь мелькнула птенцом // сизокрылым, // Оставив единой меня на земле!.. // И, глядя сквозь чёрную брешь краснотала, // В предзимнике грозном, седом, как зола, // И просто и ясно я вновь увидала, // Что это не он, это я умерла!» Вся глава — плач души, но души просветлённой, ждущей встречи с Богом.

Плач без слёз.

Со слезами было бы излишне и навязчиво поэтично, то есть тривиально, нехорошо. Здесь нужна проза, и она появилась. Как часом случается с нашим братом-литератором? Написал просто, а утром перечитал и сказал себе: «Нужно, дружище, ещё проще!» Например, вот так: *«Пусть другие войдут в наш запущенный сад, // Распахнётся калитка витая. // Не зови ты меня ни в какое «назад», // Я в небесный свой край, // сквозь златой листопад, // Где высокая жизнь, неземная...»*

Или так, чтоб ещё лучше было: *«Водка гордого съела соседа. // Ну а тот, // С кем любима беседа, // Он ушёл. Просто так. Не со зла. // Он ушёл, чтобы я умерла...»*

Книга закрыта.

Мы молчим.

За окном — январь;

Ещё один год позади.

Думаем и грустим.

АНДРЕЙ МИРОШНИКОВ

ЧЛЕН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ, ПОЭТ

Параллельные миры творчества

Творчество — это таинство. Оно не подчиняется тщеславным желаниям — славе, деньгам, почёту и т. д., и не признаёт рациональных обоснований. В отличие от поточного кича и детективно-бульварного ремесла, оно изначально иррационально. Спорить с этим не стоит, достаточно прочесть биографии великих мастеров, особенно фатальные финалы. Можно просто попробовать что-либо сделать самому. Нарисовать, слепить, сочинить. Да так, чтобы не «сдуться», а закончить начатое, да при этом чтобы сотворённое было ещё и интересно тем, кому адресовано, и несло то самое доброе, разумное, вечное.

Но живя жизнью обывателя, в замкнутом круге материальных дел и забот, с телевизором и вечной погоней за уровнем жизни, гламуром и прочим, невозможно услышать голоса муз. Для этого надо сойти с орбиты суетности и отбросить общепринятые понятия о нормальном и правильном, выйти из общего строя участников, став Наблюдателем.

Но прежде надо принять в дар изменчивую и непостоянную Искру Божью, а к ней — тяжёлую и негабаритную глыбу Сизифа — судьбу Мастера. И придётся прожить множе-

ство разных жизней своих героев, вставив в одну свою, чтобы понять: всё в мире не так однозначно, как когда-то схематично и статично рисовали старшие — довольно мудрые, авторитетные люди. Пережить череду чёрных и белых полос, чтобы увидеть в чёрно-белом тысячи оттенков серого. Прочувствовать множество болей и разочарований, чтобы стать милосерднее и мягче, добрее к окружающим и полюбить этот мир с его извечными язвами, как мать любит своё увечное дитя.

Никто и никогда не просчитает, сколько причин — видимых и невидимых — должны прийти в движение, чтобы перо побежало по бумаге, оставляя на ней слова, из которых потом получилась бы книга. Сколько надо исписать бумаги в поиске точных фраз и ярких образов, чтобы уловить закон гармонии и начать видеть скрытое, читать тайный смысл событий и понимать не следствия, но причины. И творить — до отчаяния, до истощения, ибо творчество не любит сытых и беззаботных самозванцев. На этом пути трудно сказать что-то новое, ибо всё уже сказано. Трудно, но не невозможно. Этот путь не осыпан розами, а венцу лавровому зачастую предтечей венец терновый.

Творчество — прожорливый идол, который постоянно требует, словно крови, бессонных ночей, сгорающих в поиске новых строк, писании картин, ваянии статуй. И ничего не дающий взамен, кроме постоянной борьбы тела и духа, да возможности недужить завидной кому-то непосвящённому «высокой болезнью». Некоторым потом, после смерти, ставят красивые, аллегорические памятники, открывают именные музеи, пишут запоздалые посмертные гимны таланту и пр. А большинство просто забывают. Кому и что предстоит принять, вынести, выдержать — жребий непредсказуем.

Пиши, если взялся за перо, там видно будет.

Настоящий писатель — это проводник, сталкер. Во времени, в пространстве, в вихрях бесчисленных идей он ищет брод, отделяет зёрна от плевел и осмысливает вехи развития человечества. Он делает то, чего не могут остальные, покуда заняты самым важным своим делом — собой. Живя рядом, в соседнем доме, подъезде, комнате, он живёт параллельно с этим миром, временем, но не в нём. Писатель — не участник действия. Он тот самый Наблюдатель. Оракул, провидец, мировой судья, суфлёр; человеческому обществу нужен кто-то со стороны, кто расскажет и покажет протекающие в нём процессы. Проведёт диагностику. И выпишет рецепт исцеления. Как доктор.

Его жизнь непонятна, труд невидим, а плоды его доступны или необходимы немногим. Это же не хлеб, говорят рационалисты, голодного романами не накормишь. Но если представить себе изобилие гастрономическое при полном отсутствии бесчисленного множества предметов культуры, созданных человечеством, то станет зябко от ужаса перед всеобщей деградацией и торжеством инстинктов и рефлексов. Что мы и наблюдаем в новых поколениях, выросших на руинах советской империи за полтора десятка лет бескультурия и бездуховности... Может быть, и создал когда-то человек красоту, заключив её в самые малофункциональные вещи — произведения прикладного искусства, да в мифы и сказания, из которых и родилась литература, как подсознательный гарантированный оберег от деградации. Передавая бесценное богатство потомкам, человечество сохраняет духовность, веру, совесть, красоту, заложенные в культурном наследии. И именно эта способность, мне кажется, определяет человека как вид — человека разумного.

Не каждому пишущему дано стать великим писателем, даже просто писателем. Многие остаются авторами текстов с той или иной степенью общественной или литературной значимости. Эффект от многих произведений подобен быстро исчезающим кругам на воде. Но те, кто рискнул заявить о себе, знают, чего стоит каждое слово, положенное на бумагу. И что такое этот параллельный мир — мир слова, с которого, если верить одной из самых популярных и ветхих книг, начался этот мир.

Главное для всех пишущих — помнить об этом. И спрашивать себя: как слово наше отзовётся?

Добро пожаловать в параллельный мир творчества. Пусть написанное отзовётся в вас тепло и по-доброму. Почувствуйте ещё раз: мы такие разные, такие противоречивые, такие непостоянные, но мы — люди. Объединяет, спасает и очищает нас слово, помноженное на творчество. И пусть лучшим подарком по-прежнему остаётся книга.

СТАНИСЛАВ ВТОРУШИН

В его стихах звучала музыка

Алтайское лето Николая Рубцова

Чем дальше отодвигает время события того короткого лета, тем больше саднит в душе боль невысказанного и недоговорённого. Она усиливается от горького осознания, что счастливые минуты общения не могут повториться и поэтому продолжить незаконченный разговор уже не удастся никогда. Но тем отчетливее прорезаются в памяти те, как мне казалось тогда, обыденные события.

1966 год для всей литературной Сибири был особенным. В середине мая в Кемерово прошло Всесоюзное совещание молодых писателей. Его руководителем был председатель Союза писателей России Леонид Сергеевич Соболев — эlegantный человек с аристократической внешностью, безукоризненными манерами и высочайшим авторитетом в писательской среде. Вместе с ним на совещание прилетели Ярослав Смеляков, Василий Фёдоров, Сергей Антонов, Михаил Львов и многие другие не менее известные писатели. Одно перечисление этих имён в то время вызывало трепет в душе. А когда на заключительном

ВТОРУШИН Станислав Васильевич, родился в 1938 г. в г. Новосибирске. Вырос на Алтае. Окончил Змеиногорскую среднюю школу № 1, Алтайский политехнический институт и отделение журналистики ВПШ при ЦК КПСС. Работал на Алтайском заводе агрегатов, в газетах «Алтайская правда», «Красное знамя» (Томск), двадцать лет был собственным корреспондентом «Правды» в Тюмени, Новосибирске, Праге. Лауреат Международной премии имени Алексея Толстого и Демидовской премии. За литературную деятельность награжден медалью М. Шолохова. Член Союза писателей России. Живёт в Барнауле.

заседании в областном театре драмы Ярослав Смеляков вышел на сцену и глуховатым голосом начал читать своё знаменитое стихотворение «Если я заболею, к врачам обращаться не стану...», у многих в зале по телу побежали мурашки. Это стихотворение уже давно жило отдельно от самого Смелякова, его переложили на музыку, оно было своеобразным гимном поколения, и никто никогда не спрашивал об имени его автора.

Мне посчастливилось быть участником того совещания, в Барнаул я вернулся с него перегруженный впечатлениями. Рукопись стихов, которую я привёз в Кемерово для обсуждения, изрядно поругали, но рекомендовали к изданию.

Не помню точную дату, но вскоре после совещания я случайно встретил на центральной улице Барнаула своего приятеля, стихами которого в то время зачитывался весь Алтай, Леонида Мерзликина. Он шёл с каким-то худым парнем, на котором, словно на вешалке, болтался длинный коричневый пиджак и серый шарф, несколько раз обмотанный вокруг тонкой шеи. С Мерзликиным мы не виделись несколько недель, он кинулся ко мне, чтобы обняться, потом, кивнув на своего приятеля, сказал:

— Знакомся, Коля Рубцов.

Широкой публике стихи Рубцова были тогда мало известны, но в поэтических кругах о нём ходили легенды. Его строчки: *«Стукну по карману — не звенит. /Стукну по другому — не слышать. /В коммунизм, в безоблачный зенит /Полетели мысли отдыхать»* передавались из уст в уста. Впервые мы услышали их от Мерзликина. Читал он и его знаменитое заявление ректору, когда Рубцова пытались исключить из Литинститута: *«Быть может, я для вас в гробу мерцаю, /Но должен заявить, в конце концов: /Я, Николай Михайлович Рубцов, /Возможность трезвой жизни отрицаю»*. Рубцов казался нам легендой, бросившей дерзкий вызов всему, что мешало жить и развиваться русской поэзии. Представившись и пожав руку, я внимательно смотрел на него.

Рубцов был среднего роста, болезненно худым, с узким лицом и глубоко спрятанными карими глазами. У него был высокий лоб и редкие каштановые, почти под цвет пиджака, волосы, зачёсанные на бок. Оказалось, что он уже несколько дней жил в Барнауле, куда ему посоветовал приехать другой барнаульский поэт — Василий Нечунаев, с которым они вместе учились в Литературном институте, правда, на разных курсах. Рубцов обрадовался возможности побывать на Алтае потому, что он мог увидеться здесь с Мерзликиным, которого считал своим другом. Они вместе поступали в Литинститут, но Мерзликин уже закончил его, а Николай всё мыкался в студентах, переходя с очного обучения на заочное. Ночевал Рубцов у старшей сестры Нечунаева Матрёны Марковны, жившей с двумя детьми, но имевшей крохотную свободную комнатку.

Мы оказались недалеко от мастерской художника Николая Иванова, писавшего великолепные сюжетные полотна о жизни Горного Алтая. К нему в любое время мог прийти кто угодно, а уж поэты — тем более. Над городом висели лохматые серые тучи, обещающие вот-вот разразиться дождём, и мы, не долго думая, направились к живописцу. По дороге, конечно же, купили водки.

Николай Иванов был крупным человеком с большими руками тракториста или лесоруба и громогласным басом. Увидев водку, он воскликнул шаляпинским голосом:

Рыбацкая компания у с. Соусканиха на берегу Бии.

Справа налево: второй (в шляпе) — Г. Володин, третий (в берете) — Н. Рубцов

— О! А у меня есть редиска и непревзойденные солёные огурчики.

Тут же организовал стол, разлил водку и после того, как мы выпили по первой стопке, пробасил, уставившись на Рубцова:

— Ну, читай! Своих-то я слышал уже не раз.

Рубцов сидел с краю стола, тихий, ушедший в себя и, казалось, не замечал того, что было вокруг. Он вообще походил на человека не из мира сего. Эта картина до сих пор стоит у меня перед глазами, и могу сказать, что за всю свою жизнь я не встречал ни одного человека, на лице которого была бы запечатлена такая отрешённость. По всей видимости, его одолевали тяжёлые думы, но он никогда не рассказывал о них другим людям. Как я узнал намного позже, ему не с кем было поделиться ни радостью, ни горем, он всё переносил в себе, а это в несколько раз тяжелее. Рубцов долго молчал, опустив голову, затем поднял руку, неторопливо размотал шарф, оставив его на плечах, чуть качнулся и начал негромко читать, словно продолжая свои потаённые раздумья:

*Тихая моя родина!
Ивы, река, соловьи...
Мать моя здесь похоронена
В светлые годы свои.*

*Тина теперь и болотина
Там, где купаться любил...
Тихая моя родина,
Я ничего не забыл.*

*— Где же погост? Вы не видели?
Сам я найти не могу.
Тихо ответили жители:
— Это на том берегу.*

*Новый забор перед школою,
Тот же зелёный простор.
Словно ворона весёлая,
Сяду опять на забор!*

*Тихо ответили жители,
Тихо проехал обоз.
Купол церковной обители
Яркою травой зарос.*

*Школа моя деревянная!..
Время придет уезжать —
Речка за мною туманная
Будет бежать и бежать.*

*Там, где я плавал за рыбами,
Сено гребут в сеновал:
Между речными изгибами
Вырыли люди канал.*

*С каждой избою и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь.*

Мне показалось, что Иванов перестал дышать. Некоторое время он, застыв, смотрел на Рубцова, словно пытался запечатлеть его портрет, чтобы потом перенести на своё полотно, потом, моргнув, спросил:

— А ещё что-нибудь можешь прочесть?

Стихотворение потрясло его. Я много раз потом встречал это стихотворение в различных сборниках, и во всех них последняя строка первого четверостишья выглядела по-другому. Вместо: «В светлые годы свои» там стояло «В детские годы мои». Но могу спорить на что угодно, что в тот день я услышал это стихотворение так, как привёл его здесь... А Иванов всё смотрел на Рубцова, словно не веря, что сидящий перед ним худой парень в большом не по размеру пиджаке и сером, уже довольно поношенном шарфе, смог написать такие стихи. Но Рубцов, снова качнувшись и уронив на колени сцепленные в ладонях руки, продолжил:

*Звезда полей во мгле заледенелой,
Остановившись, смотрит в полыню.
Уж на часах двенадцать прозвенело,
И сон окутал родину мою...*

*Звезда полей горит, не угасая,
Для всех тревожных жителей земли,
Своим лучом приветливым касаясь
Всех городов, поднявшихся вдали.*

*Звезда полей! В минуты потрясений
Я вспоминал, как тихо за холмом
Она горит над золотом осенним,
Она горит над зимним серебром.*

*Но только здесь, во мгле заледенелой,
Она восходит ярче и полней.
И счастлив я, пока на свете белом
Горит, горит звезда моих полей...*

Иванов молча налил водки в рюмки и, чокнувшись с Рубцовым, сказал:

— За тебя!

Коля растаял. Он словно сбросил давящую на него тяжесть и начал говорить о том, что в журнале «Юность» скоро должна появиться большая подборка его стихов, и он, уезжая на Алтай, просил, чтобы гонорар за неё ему перевели сюда. Он сообщал это таким тоном, словно должен был получить целое состояние.

Я только потом понял, что даже гонорар за подборку стихов для него действительно был равен состоянию.

— А ещё, — просветлев лицом, сказал Коля, — в следующем году в «Советском писателе» обещают издать мою книжку. Я её так и назвал: «Звезда полей». Хотите, прочитаю из неё? — неуверенно спросил Рубцов и обвёл нас детским, беззащитным взглядом.

— А для чего мы здесь сидим? — пробасил Иванов. — Читай, конечно.

Сейчас уже не помню всех стихов, которые читал в тот вечер Николай Рубцов. Но одно из них врезалось в память до конца жизни. Когда он начал читать «Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны, // Неведомый сын удивительных вольных племён!», мы словно оцепенели. В Кемерово мне довелось слышать много великолепных стихотворений, но то, что читал Рубцов, было особенным. Его стихи шли из самой души, они были глубоко личными и в то же время всеобъемлющими по своим чувствам. Каждое слово в них было выстрадано, выверено по мысли, ложилось в строку, словно венец к венцу при строительстве крепкого крестьянского дома. В его стихах звучала музыка, которую, смеясь и плача, играла вся Россия.

Мы засиделись у Иванова до позднего вечера, выпили всю водку, которую Рубцов почему-то называл вином, а когда уходили, художник обнял нас своими огромными ручищами всех троих сразу.

— Завтра уезжаю в Горный Алтай, — сказал, прощаясь с ним, Коля, и мне показалось, что если бы не уже назначенный отъезд, он с удовольствием остался и в этой мастерской, и в нашей компании ещё на долгое время. Ему, как никому другому, остро не хватало человеческого тепла, и любое дружеское общение, любое внимание к себе он воспринимал с особым, обострённым чувством. Он был бесконечно одинок, и это сразу бросалось в глаза.

Дождь так и не начался, тучи сползли за город, центральная улица Барнаула была залита огнями загоревшихся фонарей. Навстречу нам попалась стайка девчат, которые, непрерывно щебеча, то и дело над чем-то смеялись. Мы окликнули их, но они, стрельнув по нам озорными глазами, прошли мимо.

— Хорошо у вас, — удовлетворённо вздохнул Коля. Помолчал немного и добавил: — Может, и в Горном будет не хуже.

Слева направо: Н. Рубцов, Л. Мерзликин, Г. Володин у здания редакции районной газеты «Восход» в с. Красногорском Алтайского края

Вместе с Мерзликиным они проводили меня до моего дома, а на следующий день Рубцов уехал в село Красногорское, расположенное в предгорьях Алтая. В красногорской районной газете ответственным секретарем работал друг Мерзликина Геннадий Володин, тоже, кстати сказать, поэт. У него и остановился Рубцов.

Само село не очень привлекательное, но

окрестности его удивительно красивые, недалеко от райцентра протекает река Бия, берущая начало из Телецкого озера. Её берега обрамляет тёмно-хвойная тайга, а вода в реке настолько прозрачная, что даже на двухметровой глубине видны лежащие на дне камни. Короче говоря, настоящая сибирская глубинка. Там и провёл почти всё лето Николай Рубцов. В Барнаул он вернулся в начале августа. Был он в том же пиджаке, в котором я увидел его в мае, но без шарфа. Лицо его потемнело от загара, и весь он выглядел окрепшим и посвежевшим. На этот раз Рубцова сопровождал его сокурсник по Литинституту Василий Нечунаев. Рубцов обрадовался мне как старому знакомому.

Мы сели на скамейку в сквере на центральной улице Барнаула. Я спросил Рубцова, понравилось ли ему на Алтае, удалось ли поработать в эти летние месяцы.

— Кое-что написал, — как-то вяло, без особого энтузиазма ответил Рубцов.

И я понял, что он или не очень доволен тем, что ему удалось сделать за это время, или у него просто нет настроения. А когда я попросил его что-нибудь почитать, он отмахнулся:

— Ну что мы будем сидеть на скамейке и читать друг другу стихи?

Рубцов не хотел уезжать в Москву, на Алтае он провёл ещё месяц. Его очень тепло встречали здесь. Он общался со многими нашими писателями, художниками, актёрами. Точно так же тепло относились к нему и в Горно-Алтайске, куда он за время своего пребывания у нас ездил дважды. Уже после смерти Рубцова я услышал о том, что, напившись, он часто бывал просто нетерпим. Может быть, его доводили до этого? В Барнауле мне не раз приходилось видеть его крепко выпившим, наши поэты, общавшиеся с ним, пили ничуть не меньше, но единственное, что он делал, подвыпив, — брал в руки гитару и начинал не читать, а напевать речитативом свои стихи. И очень жалел, что ни у кого из нас не было гармошки.

В середине сентября, вернувшись из Горного Алтая, он сразу пришёл ко мне и спросил:

— Скажи, Слава, я не могу получить гонорар за стихи, которые ты отдавал в «Алтайскую правду»? Собираюсь ехать в Москву, а денег на дорогу нет.

Рубцов был очень стеснительным человеком. Находясь несколько месяцев на Алтае и остро нуждаясь в деньгах, он так и не смог насмелиться прийти в краевую газету и предложить свои стихи. Во время нашей встречи в августе я попросил его дать мне несколько стихотворений и сказал, что сам предложу их нашему литературному отделу. А те, что не возьмут, передам в газету «Молодёжь Алтая», которая находится на одном этаже с «Алтайской правдой» и в которой у меня много друзей. Стихи напечатали в обеих газетах. Но время выдачи гонорара ещё не пришло, а деньги Рубцову нужны были немедленно. Я пообещал завтра же выяснить всё и сообщить об этом. Просить за Рубцова пришлось у редактора, всегда сочувственно относившегося к молодым писателям и журналистам, поэтому он сразу же распорядился выдать причитающийся поэту гонорар. На него и купил Николай билет до Москвы.

Провожать Рубцова на вокзал пришли мы с Мерзликиным. На прощание, конечно, выпили. Коля помахал нам с подножки тронувшегося вагона рукой, и мы простились. А на следующий день жена, возвращаясь с работы и открыв дверь, смущённо сказала:

— Впереди меня по лестнице поднимался какой-то парень. Он прошёл на верхний этаж. Мне показалось, что это Рубцов.

Я засмеялся, сказав:

— Откуда ему взяться? Мы вчера проводили его с Мерзликиным. Он сейчас уже в Омске или ещё дальше.

И в это время в дверь робко постучали. Жена растерянно посмотрела на меня, я открыл дверь и обомлел. На пороге стоял Рубцов. Он смотрел таким виноватым взглядом, что я, не задав ему ни одного вопроса, сказал:

— Проходи.

Оказалось, что Рубцов смог доехать только до Новоалтайска — первой станции, находящейся в двадцати минутах езды от Барнаула. Устроившись на своём месте в вагоне, ему захотелось пива. Когда поезд остановился, он вышел из вагона, прошёл в станционный буфет и взял кружку. Пока он пил пиво — поезд ушёл. Как он добирался до Барнаула, где

был почти сутки, я не спрашивал. Виноватый, по-детски беззащитный взгляд Коли выдавал его непередаваемую растерянность.

— Иди умойся, — сказал я ему, кивнув на дверь ванной.

Пока он умывался, жена накрыла на стол.

— Ты понимаешь, прослушал объявление о том, что поезд отправляется из Новоалтайска, — попытался оправдаться Коля, садясь за стол. — Если бы знал, что так будет, никогда бы не стал пить это пиво. Кстати, оно было совсем невкусное.

Мы с женой не стали спрашивать о том, что с ним было дальше, всё было ясно и без этого. Я стал лихорадочно соображать, где взять деньги на новый билет Рубцову. Ведь пришёл он ко мне именно за этим. Но ничего путного в голову не приходило. Поэтому перестал мучиться сомнениями, а после того как поужинали, попросил его почитать стихи. Настроение Рубцова улучшилось, он почувствовал себя снова среди друзей, и долго уговаривать его не пришлось. Поэзия была его жизнью, она единственная ни разу не изменила ему, отвечая и верностью, и бесконечной любовью. Он знал ей цену лучше многих других.

Он читал много, как будто знал, что больше уже никогда не вернётся на Алтай. На следующий день я вывернул все свои карманы и кое-как наскрёб двадцать пять рублей. За пятнадцать из них мы с Колей купили ему билет в общий вагон, десять осталось на дорогу. Как он прожил на них, я не знаю, ведь до Москвы было три дня пути.

— Как только приеду домой, сразу же вышлю тебе мой долг, — крикнул с подножки вагона Рубцов.

Поезд уже набирал ход, я помахал ему рукой, он ответил мне тем же. Больше мы с ним не встретились.

...Три года назад на Шукшинские чтения, ежегодно проходящие на Алтае, приехала большая делегация кемеровских поэтов во главе с моим давним знакомым и другом Борисом Бурмистровым. После выступления в библиотеке родного села Василия Макаровича Шукшина у нас осталось полдня свободного времени, и я предложил поэтам съездить в те места, где провёл всё лето 1966 года Николай Рубцов. Они, конечно же, с радостью согласились...

Мы побывали в селе Красногорском, постояли около двухэтажного дома из красного кирпича, на первом этаже которого жил Рубцов. Нам даже показали окно его бывшей комнаты. Потом съездили к реке Бии, посидели на берегу, где он когда-то таскал на удочку пескарей, повспоминали его стихи. Я смотрел на бегущую у наших ног прозрачную воду, слушал её недовольное бурчание, когда она натывалась на камни, и вспоминал прощальный взгляд Рубцова, стоящего на подножке уходящего поезда. Он, наверное, знал, что уезжает от нас навсегда. В тот последний вечер он прочитал нам с женой своё стихотворение «Журавли». Столько лет прошло, а когда по радио или с телеэкрана зазвучит его первая строчка: «Меж болотных стволов красовался восток огнеликий...» у жены сразу влажнеют глаза, а мне начинает казаться, что Рубцов до сих пор машет рукой с подножки вагона...

НИКОЛАЙ РУБЦОВ

Старая дорога

Стихотворения, написанные в Алтайском крае летом 1966 года

В Сибирской деревне

То жёлтый куст,
То лодка кверху днищем,
То колесо тележное
В грязи...
Меж лопухов —
Его, наверно, ищут —
Сидит малыш,
Щенок скулит вблизи.

Скулит щенок
И всё ползёт к ребёнку,
А тот забыл,
Наверное, о нём, —
К ромашке тянет
Слабую ручонку
И говорит...
Бог ведаёт, о чём!..

Какой покой!
Здесь разве только осень
Над ледоносной
Мечется рекой,

Но крепче сон,
Когда в ночи глухой
Со всех сторон
Шумят вершины сосен.

Когда привычно
Слышатся в лесу
Осин тоскливых
Стоны и молитвы, —
В такую глушь
Вернувшись после битвы,
Какой солдат
Не уронил слезу?

Случайный гость,
Я здесь ищу жилище
И вот пою
Про уголок Руси,
Где жёлтый куст,
И лодка кверху днищем,
И колесо,
Забывшее в грязи...

* * *

Сибирь, как будто не Сибирь!
Давно знакомый мир лучистый —
Воздушный, солнечный, цветистый,
Как мыльный радужный пузырь.

А вдруг он лопнет, этот мир?
Вот-вот рукою кто-то хлопнет —
И он пропал... Но бригадир
Сказал уверенно: «Не лопнет!»

Как набежавшей тучки тень,
Тотчас прошла моя тревога, —
На бригадира, как на Бога,
Смотрел я после целый день...

Тележный скрип, грузовики,
Река, цветы и запах скотский,
Ещё бы церковь у реки, —
И было б всё по-вологодски.

Весна на берегу Бии

Сколько сору прибило к берёзам
Разыгравшейся полрой водой!
Трактора, волокуши с навозом,
Жеребята с проезжим обозом,
Гуси, лошади, шар золотой —
Яркий шар восходящего солнца,
Куры, свиньи, коровы, грачи,
Горький пьяница с новым червонцем
У прилавка
И куст под оконцем —
Всё купается, тонет, смеётся,
Пробираясь в воде и грязи!

Вдоль по берегу бешеной Бии
Гонят стадо быков верховые,
И, нагнувши могучие выи,
Грозный рёв поднимают быки.
Говорю вам: — Услышат глухие!
А какие в окрестностях Бии —
Поглядеть — небеса голубые!
Говорю вам: — Прозреют слепые,
И дороги их будут легки...

Говорю я и девушке милой:
— Не гляди на меня так уныло!
Мрак, метелица — всё это было
И прошло, — улыбнись же скорей!
Улыбнись! — повторяю я милой. —
Чтобы нас половодьем не смыло,
Чтоб не зря с неизбывною силой
Солнце било фонтаном лучей!

В горной долине

Над горной долиной — мерцанье.
Над горной долиной — светло.
Как всяких забот отрицанье,
В долине почилó село.

Тюльпаны, тюльпаны, тюльпаны...
Не здесь ли разбойник морской
Мечтал залечить свои раны,
Измученный парусом рваным,
Разбоем своим и тоской?

Я видел суровые страны,
Я видел крушенье и смерть,
Слагал я стихи и романы, —
Не знал я, где эти тюльпаны,
Давно бы решил посмотреть!

И только когда вспоминаю
Тот край, где родился и рос,
Желаю я этому краю,
Чтоб было побольше берёз...

Шумит Катунь

Виктору Астафьеву

...Как я подолгу слушал этот шум,
Когда во мгле горел закатный пламень!
Лицом к реке садился я на камень
И всё глядел, задумчив и угрюм.

Как мимо башен, идиолов, гробниц
Катунь неслась широкою лавиной,
И кто-то древней клинописью птиц
Записывал напев её былинный...

Катунь, Катунь — свирепая река!
Поёт она таинственные мифы
О том, как шли воинственные скифы, —
Они топтали эти берега!

И Чингисхана сумрачная тень
Над целым миром солнце затмевала,
И чёрный дым летел за перевалы
К стоянкам светлых русских деревень...

Всё поглотил столетний тёмный зев!
И всё в просторе сказочно-огнистом
Бежит Катунь с рыданием и свистом —
Она не может успокоить гнев!

В горах погаснет солнечный июнь,
Заснут во мгле печальные айлы,
Молчат цветы, безмолвствуют могилы,
И только слышно, как шумит Катунь...

Старая дорога

Всё облака над ней,
всё облака...
В пыли веков мгновенны и незримы,
Идут по ней, как прежде, пилигримы,
И машет им прощальная рука.
Навстречу им июльские деньки
Идут в нетленной синенькой рубашке,
По сторонам — качаются ромашки,
И зной звенит во все свои звонки,
И в тень зовут росистые леса...
Как царь любил богатые чертоги,
Так полюбил я древние дороги
И голубые
вечности глаза!
То полусгнивший встретится овин,
То хуторок с позеленевшей крышей,
Где дремлет пыль и обитают мыши

Да нелюдимый филин-властелин.
То по холмам, как три богатыря,
Ещё порой проскачут верховые,
И снова — тишь, забывчивость, заря,
Всё пыль, всё пыль да знаки верстовые...
Здесь каждый славен — мёртвый и живой!
И оттого, в любви своей не каюсь,
Душа, как лист, звенит, переключаясь
Со всей звенящей солнечной листвою,
Переключаясь с теми, кто прошёл,
Переключаясь с теми, кто проходит...
Здесь русский дух в веках произошёл,
И ничего на ней не происходит.
Но этот дух пойдёт через века!
И пусть травой покроется дорога,
И пусть над ней, печальные немного,
Плывут, плывут, как мысли, облака...

«Жюль Верн. 2000 лье до Иркутска» выставка в Музее истории города Иркутска

Личные вещи французского фантаста, герои его произведений и удивительные исторические факты — предстали перед иркутской публикой 25 октября 2013 г. на открытии выставки «Жюль Верн. 2000 лье до Иркутска» в Музее истории города. Почти два года работы ушло на подготовку этого события. И приурочили его к 185-летию фантаста, которое отмечал весь мир. Иркутск не смог

остаться в стороне не только потому, что здесь любят и зачитываются произведениями Жюль Верна, но в первую очередь потому, что один из его многочисленных романов посвящен нашему городу. Речь идет о романе «Михаил Строгов. Путешествие из Москвы в Иркутск». Этот роман, очень популярный в Европе, особенно во Франции, оказался малоизвестным в России и, в частности, в Иркутске.

Организаторы проекта — Городской благотворительный фонд «Наследие иркутских меценатов» и Музей истории города Иркутска — задались целью рассказать об этом историческом факте как можно большему числу иркутян. «Все это началось с мечты, — сказала на открытии выставки Марина Кондрашова, председатель Совета учредителей Фонда, — с желания рассказать как можно большему количеству иркутян о замечательном романе «Михаил Строгов» и удивительном историческом факте, о том, что Жюль Верн писал об Иркутске. До того момента, когда я сама познакомилась с романом, для меня было загадкой, почему французы, при упоминании Иркутска, всегда восклицали: «О, Байкал! Михаил Строгов!» В итоге, около двух лет назад мы начали переговоры и консультации по этому проекту. Изначально не имея возможности прорисовать его себе в окончательной форме, мы очень ясно понимали — это должно быть что-то очень доброе, красивое и патриотичное. И я благодарна всем, кто нас поддержал и помог организовать такой удивительный подарок для всех иркутян».

Само открытие выставки оказалось очень необычным — перед гостями предстали герои романа «Михаил Строгов» и сам Жюль Верн. К слову сказать, в Иркутске, в Сибири писатель никогда не был, но он знал об Иркутске, подробно изучал его описания и географические особенности Сибири. Иркутские исто-

Первое издание романа Жюль Верна
«Михаил Строгов» на французском языке
(Париж, издательство Этьенн, 1877)
Иллюстрация Жюль-Давид де Виль, ст. коллекция Ж. Гюссю

рики вообще ставят вопрос ребром: «А почему Жюль Верн должен был не знать об Иркутске?!»

Еще одна идея выставки — представить Иркутск глазами французов. Множество афиш и иллюстраций к книгам «Михаил Строгов», фильмы разных лет, снятые по этому роману, — представляют образ русского народа и суровой сибирской природы. Кроме того, часть экспозиции — это планшеты, подробно повествующие об истории создания романа, и о том, почему в свое время он не получил широкого распространения в России.

«Есть что-то очень схожее между нами — сибиряками и французами, — говорит заместитель председателя Общественной палаты города Иркутска, почетный гражданин города Галина Зюбр. — Я была свидетелем, как французы, посетившие наш город, рассказывают о нас: какой мы народ — сибиряки. Эта выставка, конечно, еще одна ниточка между нашими странами. И такие проекты лучше всего влияют на продвижение города, на формирование его образа. Очень хотелось бы, чтобы ее посетило как можно больше детей, особенно мальчишек. Думаю, такие проекты могут составить конкуренцию популярности Интернета и компьютерных игр среди молодёжи»

На выставку из музея Жюль Верна в г. Нанте привезли 4 экспоната: глобус, готовальню с измерительными и чертежными инструментами, орден Почетного легиона и уникальное первое издание романа писателя «Михаил Строгов», выпущенное в Париже в 1876 году. Эти предметы впервые привезены в Россию. Из всего перечня предложенных французскими коллегами вещей, иркутские музейщики остановились именно на этих: «Потому что они, кажется, особенно подходят к жанру нашей выставки, — поясняет директор Музея истории города Иркутска Ирина Терновая. — Коллеги предложили нам в том числе большой перечень книг. Мы подумали, что, безусловно, иркутяне должны увидеть первое издание романа, где упоминается наш город, и что, может быть, книги мы найдем в иркутских фондах. И ведь действительно, одно старинное издание нашлось в фонде нашего музея! А глобус, готовальня и орден Почетного Легиона, нам показалось, обязательно должны быть на нашей выставке. Это действительно уникальные экспонаты».

Уникальность выставки, самой ее идеи и воплощения отметили многие ее первые посетители: «Принципиально подчеркнуть уникальность выставки — крайне редко в Иркутске бывают экспозиции такого уровня, такой удаленности и такого формата, — отметил посетитель выставки Владимир Демчиков. — Я вообще не помню, чтобы у нас когда-то выставка посвящалась роману. Еще один принципиальный момент, который я бы отметил — это то, что из Франции к нам привезли всего четыре предмета, но зато какие! Готовальня и глобус, принадлежавшие Жюлю Верну, производят огромное впечатление, я даже после выставки принялся перечитывать его тексты. Приятно, что уровень нашего музея позволил органично дополнить экспозицию. Хотя событие со стороны может показаться несколько скромным и камерным, я уверен, что для понимающих людей эта выставка станет большим культурным событием в масштабах не только города, но и всей области».

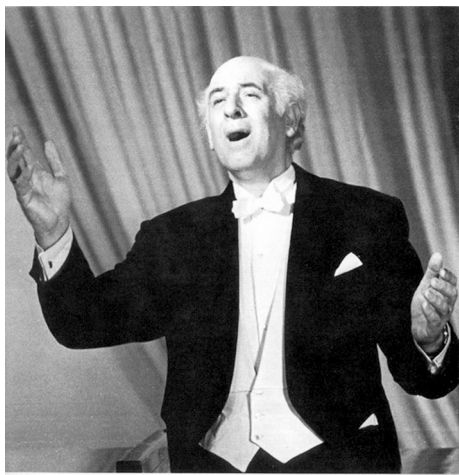

Пресс-служба фонда «Наследие иркутских меценатов»
Фото: caim irksib.ru

ИГОРЬ ТОПОРОВ

внук Адриана Топорова

«Мозаика» Адриана Топорова

Книга «Мозаика» — плод увлечённости известного советского писателя и просветителя, моего деда А.М. Топорова (1891–1984). «Многие коллекционеры, — говорил он о будущей своей книге, — собирают картины, редкие книги, открытки, почтовые марки, металлические и бумажные деньги, трубки, портсигары, птичьи яйца, спичечные коробки, конфетные и мыльные обертки и другие предметы, а я попытался собрать любопытные факты и эпизоды из жизни ученых, писателей, художников, композиторов, артистов театра, кино, цирка, словом, замечательных людей, создававших общечеловеческую культуру».

И ещё: «Я пытался представить героев эпизодов как живых людей в быту со всеми их личными особенностями, иногда странными, чудаческими. В моих миниатюрах нет ничего вымышленного. Все они извлечены из литературных источников и лишь сжато изложены мною».

Около десяти лет мой дед усердно разыскивал в старинной и новейшей литературе эти эпизоды. Вместе взятые, они представляют крупницы энциклопедических знаний, преподанных в занимательной форме. А. Топоров был уверен, что собранное им малоизвестно или вовсе неизвестно большинству читателей, особенно молодёжи, и страстно хотел бы увидеть свою книгу изданной. Но не суждено было: книга в сильно усечённом варианте и сравнительно небольшим тиражом увидела свет лишь год спустя после смерти автора — в 1985 году. И сразу же стала библиографической редкостью.

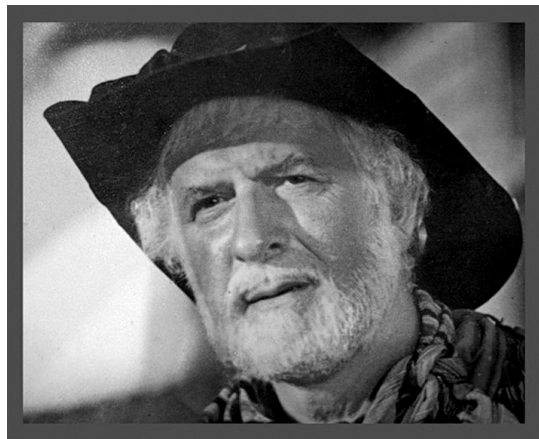
Вниманию читателя предлагается миниатюра из жизни Ивана Ивановича Петрова (Краузе), 10-я годовщина смерти которого приходится на 27 декабря 2013 года.

Как известно, великий российский оперный певец родился в Иркутске 29 февраля 1920 года в семье обрусевшего немца. Он обладал необычайно сильным голосом красивого, бархатного тембра. На сцене Большого театра в Москве, где служил с 1943 по 1970 год, Иван Петров исполнил басовые роли классического репертуара: Сусанин, Кончак, Дон Базилио, Руслан, Борис Годунов, Царь Салтан, Греммин, Мефистофель и др. Народный артист СССР, дважды лауреат Сталинской премии (1950, 1951).

В 1954 году из российских певцов первым после Федора Шаляпина он был приглашён выступить на сцене парижской Гранд-Опера и удостоен звания её Почетного члена. Талант Ивана Петрова не ограничивался только музыкой, он был великолепным педагогом, прекрасным драматическим артистом: исполнил роль Зеба Стампа в знаменитом отечественном фильме «Всадник без головы». До последних дней жизни работал консультантом по вокалу в оперной труппе Большого театра в Москве. Похоронен на Кунцевском кладбище столицы.

АДРИАН ТОПОРОВ

Драгоценный подарок

Это было во время гастролей артистов Большого театра СССР в именитом «Ла Скала». Иван Иванович Петров (р. 1920) пел партию Бориса в опере Мусоргского «Борис Годунов».

Однажды в номер гостиницы Ивана Ивановича позвонила Валли Тосканини, дочь знаменитого дирижера, и сказала, что его желает видеть одна дама.

Вечером Петров был в директорской ложе.

Через несколько минут там появилась высокая, худощавая, уже немолодая женщина с черными, слегка седыми волосами.

— Я слышала вас в «Борисе Годунове». Вы произвели на меня неизгладимое впечатление... И я решила сделать вам маленький подарок. Надеюсь, он вам будет приятен, — и, немного смущаясь, продолжала: — Я решила преподнести вам перстень моего отца. Федор Иванович надевал его в последние годы, когда пел Бориса...

Марина Федоровна протянула певцу массивный сверкающий перстень Шаляпина. Придя в себя, Петров взволнованно сказал:

— У меня нет слов, какими я мог бы поблагодарить вас!.. Этот перстень я буду хранить до конца жизни, как самую дорогую реликвию...

Президент В.В. Путин поручил создать Фонд поддержки литературы

В январе 2014 года Президент России В.В. Путин подписал несколько поручений по предложениям, озвученным в ноябре 2013 года на Литературном собрании. В перечне — организация Года литературы и Фонда поддержки литературы, гранты и другие виды финансирования отрасли. По итогам первого Российского литературного собрания, которое прошло 21 ноября прошлого года, Владимир Путин утвердил ряд поручений. Перечень задач был подписан 14 января 2014 года и опубликован на официальном сайте российского президента. Поручения адресованы Правительству страны, Администрации президента, а также МИДу России. До 15 марта Администрация президента в сотрудничестве со специалистами отрасли и российским правительством должна разработать и представить на обсуждение варианты организации федерального Фонда поддержки отечественной литературы.

Российское правительство должно до первого марта доложить о проработке вопроса об учреждении президентских грантов, которые будут выдаваться с целью поддержать некоммерческие организации, деятельность которых связана с продвижением на отечественном рынке литературы и с популяризацией чтения. Также правительство должно разработать другие механизмы оказания финансовой помощи компаниям, которые продвигают в стране литературу и развивают интерес к чтению. Кроме того руководству страны нужно будет до 1 апреля изучить, насколько велика необходимость вносить в законодательство изменения, регулирующие отношения с работодателями и пенсионное обеспечение литературных работников. Займется правительство и высшим образованием в сфере литературы: рассмотрит возможность расширения перечня специальностей и направлений подготовки литработников. На обсуждение вынесут названия профессий и должностей работников различных сфер искусства, а также сотрудников СМИ, которые нужно включить в Общероссийский классификатор занятий и перечень профессий. Должны быть разработаны меры государственной поддержки вузов, которые готовят литературных переводчиков, специализирующихся на работе с произведениями на языках народов РФ, СНГ, Прибалтики, Грузии. Господдержку окажут и организациям, осуществляющим издательскую деятельность и специализирующимся на издании и распространении таких произведений.

Доклад о проделанной по последним трём пунктам работе должен быть сделан 1 июня нынешнего года, а ответственным за выполнение поручений по вузам и издательствам назначен Дмитрий Медведев. До 15 апреля 2014 года Правительство РФ совместно с органами исполнительной власти страны должно разработать и представить предложения о проведении в 2015 году в Российской Федерации Года литературы. Причем это поручение Путина предусматривает не только озвучивание концепции мероприятия, но и готовый план его финансового обеспечения. Министерство иностранных дел России до 1 июня 2014 года должно провести мониторинг и анализ эффективности существующих форм продвижения и популяризации русского языка, русской литературы и литературы народов Российской Федерации за рубежом. За это поручение отвечает Сергей Лавров.

Напомним, что во время Литературного собрания, прошедшего в Москве 21 ноября 2013 года, работала объединяющая профессионалов книжного рынка секция «Проблемы книгоиздания, книготорговли, библиотек как инструмента доставки книги читателю». По итогам обсуждения самых актуальных проблем отрасли участниками секции была подготовлена резолюция с предложениями, которые смогут сделать более эффективным издательский бизнес, повысить интерес потребителей к чтению и увеличить популярность русской литературы в стране и за её пределами.

Отдел критики и публицистики

ГЕННАДИЙ ГАПОНЕНКО

ЧЛЕН СОЮЗА ЖУРНАЛИСТОВ РОССИИ

Надсада души

У каждого бывает свой звёздный час, когда завершается большое и, может быть, самое важное в жизни дело. Для тулунчанина Николая Зарубина этот час наступил нынче в январе, когда из Москвы поступило известие, что его роман «Надсада» опубликован в известном столичном издательстве «Вече» в серии «Сибириада». А в одном из иркутских издательств — повесть, рассказы, очерк и первые главы упомянутого романа под общим названием «Крестный ход».

Безусловно, это успех для писателя, живущего в провинции, по московским меркам, в самой что ни на есть глухомани... Причём книги эти не из разряда какого-нибудь сугубо криминального чтива, а добротная литература, написанная человеком, хорошо знающим современную жизнь. Тем более романов о сегодняшнем дне — раз, два и обчелся. Вот на историческую тему — сколько угодно, потому как там все проблемы давно решены, исход известен, что ж не писать?.. Про криминальную и говорить не стоит: их целые завалы. А рассказать о сегодняшнем дне не каждому дано. Здесь все горячо, бурлит и кипит, того и гляди, что кто-нибудь узрит в литературном персонаже самого себя и придёт к автору разбираться. А как разбираются в Тулуне — давно известно, исчезновение журналиста Жмурова в перестроечные годы тому пример. Дело, конечно, не столько в этом, сам по себе процесс кипящего переустройства жизни сложен, не всегда логичен, а значит, и не всегда понятен.

В восьмидесятые и девяностые годы Николай работал в районной газете. Часто приходилось бывать в леспромхозовских посёлках. В глаза бросалась какая-то неухоженность, недолговечность и построенного из бруса жилья, которое дюжит от силы лет тридцать — сорок, и, главное, человеческих отношений. И обустройство быта, поведение людей иное, наплевательское отношение к природе. А всё почему? Люди здесь изначально чувствовали себя временщиками. Закончится деловой лес в округе, и посёлок начинает хиреть, распадаться, а на его месте — запустение, заросли крапивы и опутанная паутиной черёмуха в едва угадываемых прямоугольниках палисадников.

Нечто подобное сегодня переживают бывшие колхозные поселения, коих числом значительно больше, а значит, картина ещё более удручающая. На всю улицу один-два добротных дома. Как правило, здесь живут либо торговцы спиртным, либо занятые рубкой леса поселяне. И можно с одного взгляда предсказать будущее любой конкретной деревни. Складывается впечатление, что деревня обречена, внутренне сломлена и готовится доживать свой век.

Автор названных выше книг говорит, что ему хотелось показать, как жили наши не столь далекие предки, — в ладу и гармонии с окружающей природой. Лично он природу воспринимает как живой полноценный организм, где всё взаимосвязано. Нельзя уничтожить только одну её цепочку без последствий для всего организма природы. Рано или поздно это обернётся бедой. И уже обернулось: если посмотреть хронику чрезвычайных, связанных со стихией по всему миру происшествий, то остаётся только печалиться по поводу нашей же, мягко говоря, недалёковидности, а точнее — скудоумию. «Я никогда не поверю, что леса могут восгораться сами по себе, потому что родился и вырос я среди лесов, и в пятидесятые, шестидесятые годы леса не горели, тем более в таких масштабах, — сказал в беседе со мной Николай Зарубин. — Это исключительно дела рук человеческих, и меры наказания за подобные деяния должны быть предельно жёсткими...»

В фокусе изображения героев романа — судьбы двух семей братьев Беловых, настоящих героев войны. Степан воевал на фронте Великой Отечественной, и в одном из боёв бутылками с зажигательной смесью поразил восемь танков врага, раздавивших артиллерийскую батарею. За этот подвиг он получил звание Героя Советского Союза. Но в обычной жизни человек он скромный, простой, никогда не козырял своей Звездой, работал себе потихоньку в кузнице, избегал всяческих торжественных собраний-заседаний.

Его брат Данила — иного замеса. С войны вернулся полным кавалером ордена Славы, характер имел решительный, и далеко не каждый отважился бы встать у него на пути. Но Данилу не тянуло к людям. Он, как штатный охотник, больше времени проводил в тайге. Был у него на участке заветный уголок — старый кедровник, где он никогда не бил шишку, не собирал ягоду, оставляя эти богатства на прокорм зверью лесному и птице. Потому как кедр — это основа существования таёжных обитателей сибирских просторов. Данила, кстати, единственный из Беловых, кто знал тайну золотого ручья, из-за которого случилась та давняя трагедия со смертоубийством беловских предков. Но золото не трогал, ибо понимал, что счастья оно не принесёт.

В постперестроечные годы сын героя войны Владимир возглавил частное лесозаготовительное предприятие, для которого один бог — прибыль. И началась в тайге вакханалия. Рубили всё подряд, не прибирая за собой, оставляя, по сути, лишь пустую землю, заваленную вершинником и сучьями. Фронтвики пришли к Степану с жалобой на его сына: дескать, образумь Володьку, нельзя же так относиться к лесу-кормильцу.

Разговор такой состоялся, хотя и без пользы. Но точки над «и» расставил. «Цель оправдывает средства», — заявил сын. «Какая цель, во имя чего, и всякая ли цель оправдывает средства?» — «Во имя власти и денег». Вот так, ни больше ни меньше!

Последней каплей, переполнившей душу Степана, стало известие, что лесозаготовители подобрались к его исконному участку, где он испокон веку орех кедровый заготавливал. Зимовьё лесорубы распилили на дрова, тракторами измеси́ли весь кедровый подрост. На изгаженной земле валялись бочки с горючим, тросы, вёдра. Пять трелёвочных тракторов сгрудились поблизости. Мужики, видимо, уехали в деревню. Степан наполнил солёной пустые бутылки. Сел на землю, вороша в памяти прошлые картины того боя, когда кидался он на вражьи танки. Первыми в памяти встали лица погибших однополчан... «Ну, погодите, гады!..» — выдохнул он, как когда-то в том памятном бою.

Трактора горели, как танки. Степан Афанасьевич едва добрался до дома и впал в забы́тье. А через несколько дней его не стало...

Обращает на себя внимание несколько необычный заголовок романа — «Надсада». Но и этому есть объяснение. Надсада, как толкуют словари, — это чрезмерное напряжение сил, натуга. Надсадились поколения наших дедов и отцов от непосильного труда — до войны и после неё. Земля надсадилась, тайга, общество. Мы то строим, то сдуру, не подумавши, перестраиваем. То с алкоголизмом боремся как с врагом народа, то открываем все шлюзы, и зелье льётся днём и ночью. Но главное — надсадилась душа у русского человека от такой жизни. Устала.

В повести «Мокрый луг» поднята крестьянская тема, и действие начинается с покупки семьёй Зарубиных коровы — взамен той, что сломала ногу и её забили, а мясо продали. Через эту корову Майку и всё дальнейшее повествование, где главным героем, безусловно, выступает бабушка Настасья Степановна. Она бабушка самого автора — Николая Зарубина. Давно подмечено, что счастлив тот писатель, у которого в детстве была бабушка, потому что бабушка — это подлинно кладёзь народной мудрости, исторических знаний, причём очень конкретных, это своеобразный язык, это, наконец, огромная любовь к своим внукам. И повесть — своеобразная дань Николаю дорогому, давно ушедшему из жизни человеку, который в детстве заменил ему мать и отца, потому что родители после войны в основном заняты были на производственной работе и не могли уделять столько внимания своим детям, сколько бабушка. А через Настасью Степановну, через корову Майку — обо всём остальном: о родителях, о деде Семёне Петровиче, о времени, о крестьянской доле.

В беседе с Николаем Зарубиным мы коснулись крестьянской темы, и оценку сложившейся в селе ситуации он поясняет так: «Давайте взглянем пошире. Валентин Григорьевич Распутин говорит, что Россия — не просто одна из стран, в которой хозяйствуют, как и везде. Россия — другая страна, другая цивилизация. И сравнивать её нельзя ни с Америкой, ни с Европой, ни с Китаем, ни с любой другой страной. Потому что в России всегда была крестьянская цивилизация, и пока в ней будет оставаться крестьянская цивилизация, будет она иметь право называться Россией. Как только не станет крестьянской цивилизации, это будет уже не Россия, и тогда можно будет легко прибрать её к рукам... Уже целое столетие мы обездоливаем Россию, не давая работать крестьянину на земле. Но он всё равно работает, порой в нечеловеческих условиях. Взять не так давно ушедшего из жизни тулунчанина Героя Социалистического Труда Николая Тимофеевича Романкевича. Уж как его ни пытались «затолкнуть» в привычные для местной власти рамки эдакого середнячка, которому просто везёт и который сполна пользовался своей Звездой Героя, выбивая для своего хозяйства какие-то льготы, но — не получалось! Он как стоял среди всех глыбой, таким и остался до самого последнего дня. Бывать у него в хозяйстве Парижской коммуны в период полевых работ было чрезвычайно интересно, ибо всякий раз ты узнавал что-то новое, всякий раз было чему подивиться, что отметить для себя...

Вперёд выходят и молодые, чьи корни в Тулунском районе глубоко крестьянские, и таких примеров предостаточно. Я могу назвать фамилии предпринимателей Юрия Тюкова, Владимира Магонова, Николая Столярова и других. Но люди всё равно покидают деревню, и это для России страшно. Вернуть человека к земле очень трудно. Есть такой закон: если человек не работает на земле два-три года, он к ней уже не возвращается. И земля всё меньше и меньше остаётся крестьянской. Фермеры не спасут наше сельское хозяйство. Они будут работать, будут давать хлеб, молоко, иную сельскую продукцию, но это уже не крестьяне. Я помню, как у нас, мальчишек, болела душа, если год выдавался засушливым или наоборот — дождливым. Мы переживали за судьбу хлеба вместе со взрослыми, и это было у нас в крови. Сейчас ни у кого душа не болит, потому что нас всех убедили в том, что хлеб нам всё равно привезут из-за границы хоть за ту же нефть. Мы теряем своё лицо — лицо пахаря, труженика поля. Ведь сколько у нас было людей, которые жили не домом своим, а полем, и поле для них было главное всего, важнее всего. С детства я видел, что мои родители жили производством — мастерскими, где работал мой отец, полем, где трудилась моя мать. И мы привыкли воспринимать их дело как заглавное в жизни.

Вот и работа писателя гораздо лучше складывается у того, кто родился на земле, кто с малых лет познал крестьянский труд, вырос среди совершенно иных взаимоотношений между людьми, нежели в городе. Ведь сельский житель от природы своей, сути своей крестьянской, необычайно добр и отзывчив, и любого чужого ребёнка он воспринимает как своего. Село, деревня — это иной язык, иные жизнь, быт, традиции. Здесь всё помогает человеку стать и быть человеком. Здесь всё кричит о том, что землю, Родину надо любить как самое дорогое, что только может быть на свете. Отсюда и слово писателя, родившегося и выросшего в деревне, — проникновенное, сочное, точное, идущее от всего сердца. Я не буду называть имена — они на слуху. Писатель, который родился и вырос на земле, и к труду своему литературному относится с большой ответственностью, ибо за каждым словом, строчкой, произведением стоит Россия...»

Книга прозы «Крестный ход», которая вышла в Иркутске, прекрасно иллюстрирована художницей Еленой Павловой, свою благодарность писатель выражает и Сергею Переносенко — он, не будучи литератором, фактически редактировал книгу, выступив к тому же и корректором. Роман «Надсада» увидел свет в одном из популярных московских издательств «Вече», как считает автор, благодаря хлопотам известного русского поэта Владимира Скифа, за что ему также низкий поклон от автора. Но и произведение того достойно, сегодня роман поступил в торговую сеть многих регионов России.

«Чудо-женщина в доме тепло сберегла...»

ВЕЧЕР-ПОРТРЕТ К 120-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

ВЕРЫ СТЕПАНОВНЫ ПОЛЕВОЙ

13 НОЯБРЯ 2013 ГОДА

Гордостью Гуманитарного центра-библиотеки имени семьи Полевых являются книжные собрания из домашних библиотек первого всенародно избранного губернатора Иркутской области Ю. Ножикова, учёного-байкаловеда К. Вотинцева, историка-педагога Л. Ермолинского, писателя В. Распутина.

Открыт Гуманитарный центр в 1997 году в Иркутске благодаря тому, что свою семейную библиотеку городу передал живущий в США Леонид Полевой. Он родился на чужбине, но на характер, привычки, жизненные ценности этого человека, в том числе любовь к России, к русской литературе, безусловно, повлияли родители — ученый-востоковед с мировым именем Сергей Полевой и его супруга Вера Степановна. 120-летию со дня её рождения был посвящён вечер-портрет «Чудо-женщина в доме тепло сберегла...», который прошёл в конце ноября в музее книжных коллекций Гуманитарного центра.

Чем бы с самого детства ни занималась Вера Степановна Полевая (Кочо), дочь бессарабского помещика, закончившая впоследствии гимназию и учившаяся на Высших Бестужевских курсах, она всё делала с удовольствием — будь то чтение книг, шитьё, скульптура, музицирование, живопись, кулинария или помощь младшим с уроками.

Эти факты известны из переписки Л. Полевого с младшим братом Веры Полевой — Антоном Степановичем. Их письма сохранились и вместе со всем семейным архивом переданы Гуманитарному центру. Два года длилась скрупулёзная работа по расшифровке писем Антона Кочо. Только тогда сотрудники Центра получили представление о семье, в которой выросла будущая спутница жизни С. Полевого, о том, как выглядела усадьба, где жили пятеро детей — Степанида, Раиса, Вера, Миля и Антон, рано потерявшие мать. И какой была любимая сестра Вера, обладавшая музыкальными способностями, вкусом и наблюдательностью. По воспоминаниям младшего брата, Вера Степановна была весёлой, остроумной зачинщицей всяких «штучек».

В Санкт-Петербурге, работая секретарём на главпочтамте, Вера познакомилась с военным цензором Сергеем Полевым. Они поженились в 1917 году. Молодой учёный, знавший более 20 иностранных языков, после защиты кандидатской диссертации получил правительственную субсидию и с женой поехал работать в Китай. Там он преподавал русский язык и литературу в Пекинском национальном университете. Среди его студентов встречались неоднозначные личности. Один из них, например, отличался особым честолюбием и отсутствием прилежания к учёбе. Впоследствии он стал известным на весь мир политиком Мао Цзедуну.

В 1919 году у Полевых родился сын Леонид, а в 1921-м — дочь Тамара. Поскольку преподавательское жалование было невелико, Вера, в семье которой жила старшая сестра

Раиса с детьми, открыла ателье по пошиву дамских платьев. Она помогала мужу вести дела книжной лавки (Сергей стал представителем «Международной книги» и распространял книги и периодическую печать из СССР). Дома они открыли русскую школу, и Вера Степановна преподавала ученикам начальный курс русского языка. В те годы Сергей Полевой приобрел авторитет среди коллег-востоковедов во всём мире как автор русско-китайского словаря, а также словаря новых советских терминов на китайском языке.

Когда японские войска заняли Пекин, университет был закрыт, работа магазина и школы Полевых тоже была прекращена. В 1937 году С. Полевой был арестован по подозрению в шпионаже, и Вера добровольно отправилась с ним в тюрьму. Но в заключении супругов разлучили. Спустя полгода Веру освободили, и она начала хлопоты по вызволению мужа. Друзья не оставили их в беде. Когда Полевой оказался на свободе, всей семье пришлось покинуть Китай. По приглашению учёного-японоведа С. Елисеева, товарища по Санкт-Петербургскому университету, Сергей Полевой приехал работать в Гарвард, где занялся составлением Большого китайско-английского словаря.

Первые годы жизни в США Вере Степановне пришлось налаживать быт семьи в новых условиях, прилагать усилия к тому, чтобы сын и дочь могли адаптироваться, получить хорошее образование, и ей это удалось. Впоследствии Тамара закончила колледж, Леонид — Гарвардский университет. Когда началась Вторая мировая война, Леонид был призван в ВВС, его часть дислоцировалась в Африке. Каждый день родители писали ему трогательные, полные любви письма, которые сын сохранил в семейном архиве.

В 1956 году Сергей Полевой вышел на пенсию, супруги купили дом во Флориде. К тому времени и у Леонида, и у Тамары уже были свои семьи, Полевые-старшие встречались с детьми и внуками. Но тяжёлая неизлечимая болезнь в считанные месяцы унесла жизнь В.С. Полевой. 14 ноября 1959 года на следующий день после своего дня рождения Вера Степановна умерла. Вместе Вера и Сергей прожили 42 года.

Прах В.С. Полевой три десятилетия хранили в семье, а в 1998 году развеяли во Владивостоке и в городе Леово на территории нынешней Молдовы, где родилась Вера Степановна.

Судьба Веры Полевой — отражение судеб не только российских женщин, но и женщин той эпохи. Вера была прекрасной матерью: чуткой, заботливой, любящей. Она старалась детям дать хорошее образование, научить их всему тому, что умела сама, а главное, что она умела, — любить, беззаветно и преданно. Именно Вера привила своим детям любовь и уважение к отцу. Она учила дочь и сына не бояться жизненных трудностей и идти по жизни с гордо поднятой головой, несмотря ни на что — быть честными и порядочными во всём, любить жизнь и доверять людям.

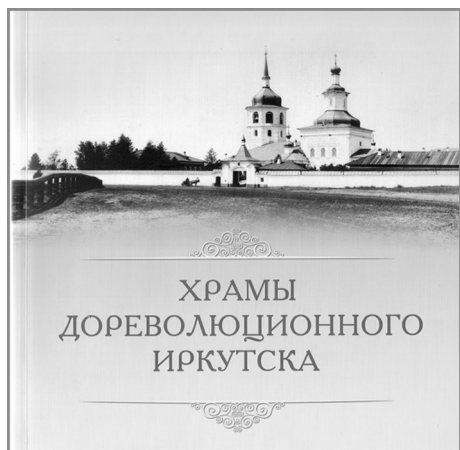
И когда на вечере прозвучало одно из любимых стихотворений Леонида Полевого «Уходят матери» Е. Евтушенко, на глазах многих сидевших в зале выступили слёзы.

В память о Вере Степановне играли аудиозаписи её любимых произведений — Первого концерта С. Рахманинова в исполнении Д. Мацуева, Второго концерта Шопена в исполнении Н. Луганского.

Пресс-служба Гуманитарного центра-библиотеки имени семьи Полевых

Храмы дореволюционного Иркутска

Презентация книги 5 декабря 2013 года

«Когда есть информация и материал, которыми хочется поделиться с людьми, получается книга» — так начала разговор с читателями Гуманитарного центра-библиотеки имени семьи Полевых архитектор Ирина Калинина. Над книгой «Храмы дореволюционного Иркутска» она работала вместе с известным сибирским исследователем, филокартистом Сергеем Медведевым. Труд издан при содействии благотворительного фонда «Наследие Иркутских меценатов» в рамках проекта «Дорога к храму».

Иркутяне уже знакомы с объёмным иллюстрированным изданием «Православные храмы Иркутской епархии», вышедшим в

свет около полутора десятилетий назад из-под пера тех же авторов. «Та книга — более справочная. Теперь мы рассказываем только о храмах Иркутска, более полно, подробно, не повторяя то, что уже было опубликовано», — рассказала И. Калинина.

С интересом собравшиеся внимали рассказу историка-архитектора, знакомящего аудиторию с обликом Иркутска начала прошлого века, где с православными церквями соседствовали храмы и иных конфессий. Им на страницах книги также отводится место. «И обратите внимание, как вопреки традиционному укладу в нашем сибирском городе и православный, и католический храм располагались рядом», — отметила автор книги, рассказывая о Спасской церкви, Соборе Богоявления и Польском костёле.

Многие из пришедших на встречу отметили, что, будучи детьми, они ещё застали в Иркутске и церковь в Кузьмихе, и Лютеранскую церковь на углу улиц Ленина и К. Маркса, и Александрийскую церковь на пересечении улиц Трилиссера и Партизанской. Каждое из этих уникальных сооружений, ныне утраченных, имело собственную историю, романтическую и почти всегда — печальную. Ведь часто храм считали своим долгом строить люди, пережившие утрату. Так, в начале 20-х годов XIX века сосланный в Иркутск помещик Ярославской губернии, отставной корнет А. Шубин встретил в Кузьмихе деревенскую девушку, они поженились, но вскоре молодая супруга скончалась. На месте встречи безутешный вдовец возвёл Никольскую церковь.

Одна из щедрых благотворительниц города XIX века, почётная гражданка Иркутска, дочь купца Трапезникова, Александра Портнова, рано потерявшая всех семерых детей, мужа, родителей, сестру, брата, все свои средства отдала на благотворительные цели, в том числе на строительство православной церкви.

Очень много храмов в городе на Ангаре было при больницах, учебных заведениях, исправительных учреждениях, воинских частях, а также домовых храмах. Немногие сохранились. По словам И. Калининой, «повезло» церквям, помещения которых в течение десятилетий после закрытия «помогали» решать какие-то государственные задачи: церковь Владимирской иконы Божьей матери долгие десятилетия была занята подразделениями аэрогеодезического предприятия; в Харлампиевской церкви находилось студенческое общежитие госуниверситета; рядом с предприятием «Кедр» — Покровская церковь, там

располагались авторемонтные мастерские; архив и книгохранилище — в Спасо-Преображенском храме; планетарий — в Троицкой церкви.

Слушателей интересовало, возможно ли в наши дни воссоздать какую-либо утраченную церковь в Иркутске? На этот счет нет единого мнения. И. Калинина, например, считает, что за прошедшее время изменялся характер архитектурной застройки города — на месте снесённых культовых

сооружений появились новые здания, по соседству возведены 16-этажные дома, застройки носят точечный, а не замкнутый характер — все эти факторы не позволяют создать единый ансамбль, в который гармонично вписался бы храм, ведь согласно религиозному укладу храм нельзя ставить на месте погибшего сооружения.

Завершив работу над книгой «Храмы дореволюционного Иркутска», И. Калинина в соавторстве с Н. Красной посвятила новую книгу деревянному кружеву Иркутска — «Город и дерево. Архитектура и ремесло».

Пресс-служба Гуманитарного центра-библиотеки имени семьи Полевых

«Отказываясь от творчества, можно лишить себя продвижения»

ТВОРЧЕСКАЯ ВСТРЕЧА С ВЛАДИСЛАВОМ ОГАРКОВЫМ
12 НОЯБРЯ 2013 ГОДА

«Морские охотники и авантюристы были моими любимыми книжными героями», — рассказывал о своём детстве на встрече с учащимися 6-х классов иркутской школы № 35 в детской литературной гостиной «Сибирские огоньки» Гуманитарного центра-библиотеки имени семьи Полевых известный писатель, журналист, путешественник, мастер работы по бересте Владислав Огарков.

Владислав Борисович родился после Великой Отечественной

войны в семье военного лётчика. В годы его детства и юности семья часто переезжала. Жили в Таджикистане, в Дагестане, в Московской области, на Сахалине, в Прибалтике. В конце 60-х годов по комсомольской путёвке он приехал на строительство Усть-Илимской ГЭС, так и остался в Сибири. Работал конструктором, журналистом, закончил филологический факультет Иркутского госуниверситета. Его первые литературные опыты получили одобрительный отзыв В. Г. Распутина. Это был 1978 год. Огарков стал лауреатом конференции «Молодость. Творчество. Современность». Публиковался в сборниках «Байкальский меридиан», «Твоя земля», «Байкальская сторона».

Страсть к путешествиям, на которую ещё в детстве вдохновили герои Джека Лондона, не покидала Владислава, когда он оказался в Иркутской области. Бесстрашно сплавлялся на байдарке по ангарским порогам, одним из первых стал преодолевать реки на катамаране. Его туристические маршруты пролегали от Закарпатья до Камчатки, от тундры до границы Таджикистана с Афганистаном. И то, в какие ситуации попадали герои его рассказов, в реальности пережито и самим писателем, и его попутчиками. С будущей женой Екатериной Александровной писатель познакомился именно в походе.

Владислав Огарков — автор трёх книг: в 2010 году вышел в свет сборник рассказов о природе «Лесной аквариум», в 2012-м — книга рассказов и повестей о путешествиях «Бадарма», и нынешнем — повесть «Кузькина страна».

На встрече с шестиклассниками разговор шёл в основном об этой книге. Автор словно пригласил ребят в страну своего детства: игры, фантазии, шалости детворы послевоенного поколения. Забавные и немного грустные истории, рассказанные в книге, словно стёрли временные границы между ребятами 40-х годов прошлого века, к которым принадлежит писатель, и детворой двухтысячных — школьниками, пришедшими на встречу в Гуманитарный центр. Многие ребята уже прочли «Кузькину страну» и задавали автору вопросы.

«Никогда не говорил: «мне скучно, нечем заняться!» Знаете, я всё умею, всему научился — и шить, и уху варить, и с берестой работать — всё это есть творчество — вся наша жизнь, — сказал Владислав Огарков, — а к жизни нужно относиться творчески. Понял на собственном опыте. Отказываясь от творчества, можно лишить себя продвижения».

Пресс-служба Гуманитарного центра-библиотеки имени семьи Полевых